

ТОМАС ГОДСКИЙ

СОЧИНЕНИЯ

ОТДА СОЮЗГИБ-ГИБ

АКАДЕМИЯ НАУК СОЮЗА ССР - ИНСТИТУТ ЭКОНОМИКИ

33

1959 ТОМАС ГОДСКИН

СОЧИНЕНИЯ

1957

I

ЗАЩИТА ТРУДА ПРОТИВ ПРИТЯЗАНИЙ КАПИТАЛА

*

II

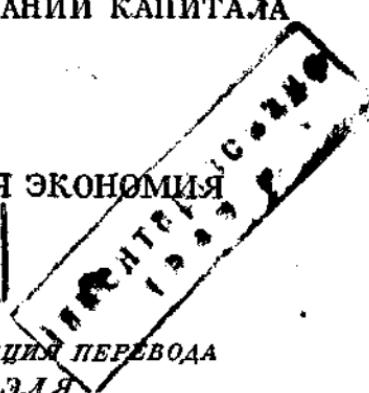
ПОПУЛЯРНАЯ ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭКОНОМИЯ

ПЕРВЫЙ ГОД

ПОДГОТОВКА К ПЕЧАТИ И РЕДАКЦИЯ ПЕРЕВОДА
ПРОФЕССОРА А. Л. РЕУЭЛЯ

ВСТУПИТЕЛЬНАЯ СТАТЬЯ

ДОКТОРА ЭКОНОМИЧЕСКИХ НАУК Д. И. РОЗЕНБЕРГА

ГОСУДАРСТВЕННОЕ
СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ
ИЗДАТЕЛЬСТВО

МОСКВА-1938

Редактор А. Регаль

Техредактор Л. Кончутина

Корректоры: А. Наградова и О. Гревцова

Сдано в набор 10/VI 1937 г. Подписано в печать 28/I 1938 г. Формат 80 × 92^{1/16}. Чет. л. 15²/4. Уч.-лит. л. 18,155. Тираж 10.000. Серия: классики Христианства № Б-30335. ОГИЗ № 1952. Заказ № 2826. Цена книги 4 р. 50 к. Цена переплета 1 р. 25 к.

Сан-Офис «Советский типографии» Освязи РСФСР треста «Полиграфиздата». Москва, Валовая, 28.

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ВОЗЗРЕНИЯ ГОДСКИНА

I

Работы Томаса Годскина на русском языке появляются впервые. На английском языке они были опубликованы в середине 20-х годов прошлого века и заняли одно из первых мест среди той антикапиталистической английской литературы, которая, по определению Энгельса, «...покорила теорию стоимости и прибавочной стоимости Рикардо в интересах пролетариата против капиталистического производства, побивала буржуазию ее собственным оружием»¹.

Творцами этой антикапиталистической литературы были ранние английские социалисты или социалисты-рикардианцы, к блестящей плеяде которых принадлежал и Годскин. Опираясь на теорию стоимости и прибавочной стоимости Рикардо, они, в отличие от последнего, делали из его теории социалистические выводы, применяя ее как «орудие нападения на буржуазное хозяйство»².

По Рикардо, стоимость товаров определяется рабочим временем. Последовательно проводя этот принцип, Рикардо установил, что прибыль не есть излишек над стоимостью товаров, а является частью этой стоимости и противоположна заработной плате. Чем выше заработка плата, тем ниже прибыль, и обратно, чем ниже заработка плата, тем выше прибыль. Это составляет крупнейшую заслугу Рикардо, как добросовестного ученого; в отличие от своих вульгарных последователей Джемса Милля, Мак-Куллоха и др. Рикардо старался вскрыть «физиологию» буржуазного общества.

Рикардо и не помышлял о каких-либо социалистических выводах из своей теории стоимости. «...Рикардо, — пишет Маркс, — сознательно берет исходным пунктом своего исследования противоположность классовых интересов, заработной платы и прибыли, прибыли и земельной ренты, наивно рассматривая эту противоположность как естественный закон общественной жизни»³.

Но, будучи ограничен буржуазным кругозором, Рикардо считал эту противоположность неизбежной и естественной, так же как считал естественным весь капиталистический строй, рассматривая его как абсолютную, конечную форму общественного производства.

Совсем другие выводы из теории стоимости Рикардо делали рабочие английские социалисты. Если стоимость определяется ра-

¹ Маркс, Капитал, т. II, изд. 8-е, 1936 г., предисловие, стр. 14.

² Там же, т. I, 1936 г., стр. XVII.

³ Там же, стр. XVI.

бочим временем, а прибыль есть не что иное, как часть этой стоимости, то буржуазное общество,— заявляли они,— держится на эксплуатации трудящихся нетрудящимися. Знаменитый тезис Адама Смита, что труд есть источник богатства народа, в освещении ранних английских социалистов получил совсем иной смысл. У них этот тезис гласил: источником богатства буржуазного общества является эксплуатация труда. И если Рикардо показал, как на основе закона стоимости происходит распределение богатства между разными классами общества, как достается заработная плата рабочим, прибыль капиталистам и рента землевладельцам, — то социалистические писатели, возражая ему, доказывали, что распределение богатства в буржуазном обществе противоречит рикардовой теории стоимости. Согласно этой теории, весь продукт труда должен принадлежать рабочим, так как ими создана вся стоимость этого продукта, а получают они в виде заработной платы лишь часть ее.

Ход мыслей Рикардо таков: 1) стоимость определяется трудом, 2) прибыль и заработная плата — две части одной и той же стоимости, 3) с развитием общества растет стоимость сельскохозяйственных продуктов, так как с развитием общества приходится пустить под обработку худшие участки земли, 4) следовательно, с развитием общества заработная плата растет (номинально), а прибыль падает. Согласно его концепции, норма прибыли падает вследствие повышения заработной платы в результате повышения стоимости сельскохозяйственных продуктов.

Иной ход мыслей у социалистов-рикардианцев: 1) стоимость определяется трудом, 2) прибыль, как часть стоимости, также является продуктом труда, 3) по продуктом чужого неоплаченного труда, 4) следовательно, прибыль, как и все богатство буржуазного общества, — результат эксплуатации одного класса другим. Иная, как видим, акцентировка, иная направленность мысли. Правда, не объясняя, как на основе закона стоимости получается прибавочная стоимость, и не объясняя, как прибавочная стоимость превращается в прибыль, а последняя — в среднюю прибыль, ранние английские социалисты теоретически не пошли дальше Рикардо. Одни — классические буржуазные экономисты, — пишет Энгельс, — самое большое исследовали количественное отношение, в котором продукт труда распределяется между рабочим и владельцем средств производства. Другие — социалисты — находили это распределение несправедливым и выискивали утопические средства для устранения несправедливости. И те и другие оставались в плену экономических категорий, найденных ими у своих предшественников¹.

Рикардо своей теорией вооружил буржуазию в ее борьбе против лендлордов. Он сигнализировал опасность, которую представляют рост земельной ренты, искусственно поддерживаемый «хлебными законами»². Ранние английские социалисты направили теорию Рикардо против самой буржуазии. Они не ограничивались

1) *Большая книга*, т. II, 1936 г., предисловие, стр. 16—17.

2) «*Хлебные законы* имели своей задачей регулирование извоза хлеба из и в пользу лендлордов; цена хлеба допускалась лишь при условии *единичных цен* на внутреннем рынке выше предельной цены.

требованием уничтожения «хлебных законов», их не удовлетворяло и более радикальное требование, выдвинутое за два десятилетия раньше Томасом Спенсом, агитировавшим за ликвидацию земельной собственности. Боевым кличом ранних английских социалистов и Годскина было: *право рабочего на полный продукт труда*. А это уже направлено было против устоев всего буржуазного общества. Если рабочий получит полностью продукт своего труда, то тем самым уничтожена будет не только земельная рента, но и прибыль, и процент, и вообще все нетрудовые доходы.

Впоследствии эта теория воспроизведена была Лассалем и вошла в «железный инвентарь» лассальянства. В «Готской программе» право на полный продукт труда красуется как одно из важнейших прав рабочего класса. Эту теорию, унаследованную Лассалем от социалистов-рикардианцев, Маркс подверг уничтожающей критике.

Требование права на полный продукт труда всегда было не чем иным, как утопией; однако значение этого требования в эпоху раннего английского социализма и в эпоху появления «Готской программы» (1875 г.) различное. Критикуя «Готскую программу», Маркс указывает, что он «...остановился более обстоятельно на «неурезанном доходе труда»¹ ... для того, чтобы показать, какой большой промах совершают люди, желая, с одной стороны, вновь навязать нашей партии в качестве догм те представления, которые в свое время имели некоторый смысл, но теперь превратились вустаревший словесный хлам, а с другой стороны, желая извратить реалистическое понимание, с таким трудом усвоенное нашей партией, но теперь уже пустившее в ней корни, извратить его идеологическим, правовым и прочим вздором, столь любезным сердцу демократов и французских социалистов»².

Требование ранними английскими социалистами права на полный продукт труда имело «некоторый смысл», так как пролетариат еще не был вооружен своей теорией — марксистской теорией; указанное требование было протестом против оправдания буржуазными экономистами нетрудовых доходов. Именно из теории стоимости Рикардо вытекало, что прибыль, процент, рента являются вычетами из продуктов рабочего. Следовательно, «право» капиталистов на прибыль и процент, а землевладельцев — на ренту покоятся на нарушении права рабочего на полный продукт труда.

Что такой вывод вытекает из рикардовой теории, вынуждены были признать сами буржуазные экономисты. Одни из них — ученики Рикардо — стали вульгаризировать теорию учителя. Ими был выдвинут тезис о производительности капитала. Против этой теории талантливо и успешно борется Годскин, озаглавивший одну из своих работ «Защита труда против притязаний капитала».

Английские социалисты первые попытались использовать политическую экономию буржуазных классиков в интересах пролетариата. Уже одно это даст им право на внимание со стороны совет-

¹ В «Готской программе» право на полный продукт труда фигурирует под названием «несурезанного дохода труда».

² Маркс и Энгельс, Соч., т. XV, стр. 275—276 (курсив мой. — Д. Р.).

ского читателя — гражданина страны победившего социализма. В нашей стране уничтожены все виды и формы эксплуатации человека человеком, и мы не можем не относиться с глубоким вниманием и симпатией к тем, кто еще на заре рабочего движения пытался теоретически вооружить пролетариат в его борьбе за освобождение от ига капитала.

II

Ранние английские социалисты, в том числе и Годскин, вступают на общественную арену, когда длительный процесс превращения пролетариата из «класса в себе» в «класс для себя» еще далеко не завершен. В ту эпоху даже английский рабочий класс, шедший тогда впереди рабочих других стран, еще не имел не только своей политической партии, но и прочных профсоюзных объединений.

«История рабочего класса в Англии, — пишет Энгельс, — начинается во второй половине XVIII столетия с изобретения паровой машины и машин для обработки хлопка. Эти изобретения дали, как известно, толчок промышленной революции, — революции, которая произвела полный переворот в буржуазном обществе...»¹.

Напомним важнейшие моменты этой истории.

Промышленный переворот вызвал большие изменения в составе английского рабочего класса. В сравнительно короткий срок выросли фабричные города и поселки. Рост городского населения за счет сельского в первую очередь означал рост рабочего класса. В 1811 г. городское население составляло 65%, а в 1841 г. 74% всего населения Англии. Почти весь прирост населения приходится на рабочий класс.

В пролетарские ряды влились большие массы разорившихся, благодаря введению машин, ремесленников, кустарей. Промышленный переворот сопровождался революцией и в земледелии, выразившейся главным образом в насильственном обезземелении сельскохозяйственного населения.

Мелкое крестьянство, так называемые имены, разоренное конкуренцией крупных земледельческих хозяйств, вынуждено было оставлять свои хозяйства; ряды пролетариата заполнялись новыми пришельцами из разорившихся деревень. С начала XIX в. до 1845 г. было огорожено и захвачено крестьянских земель больше, чем в течение всего XVIII в. Так, если в период с 1725 по 1801 г. было огорожено 826 700 акров крестьянской земли, то лишь немногим меньше (739 700 акров) огораживается за одно первое пятидесятилетие XIX в. В период же с 1816 по 1845 г. огораживается 199 300 акров земли.

Старые рабочие, прошедшие длительную школу мануфактуры, попали в общей массе пролетариата, отличавшейся большой пестротой, — обстоятельство, которое на первых порах не могло не мешать рабочим консолидироваться в единый класс. Да и сами мануфактурные рабочие застигнуты были врасплох грандиозным размахом переворота. Им еще предстояло перевариться в фабричном кotle, освободиться от мелкобуржуазных иллюзий. Еще свежо было пре-

¹ Маркс и Энгельс, Соч., т. III, стр. 301.

дание о цеховом устройстве ремесла, об институте ученичества, о привилегиях мастеров и т. д. Нужно было овладеть новой техникой и приобрести навыки фабричного труда.

Значительно понизился уровень жизни рабочих. Заработная плата名义上 повысилась, но реально снизилась. Цены на предметы широкого потребления поднимались быстрее, чем росла заработка плата. За время с 1760 до 1812 г. заработка плата повысилась на 100%, а цены на съестные припасы — на 134%.

О низком уровне заработной платы свидетельствует и тот факт, что рабочие, — не только безработные, но и занятые в производстве, — вынуждены были прибегать к помощи приходов. Существовавший тогда налог в пользу бедных был скорее налогом в пользу предпринимателей, который освобождал их от необходимости платить рабочим заработную плату в таком размере, чтобы ее хватало для воспроизводства рабочей силы.

Быстрый рост фабричного населения, вызвав большую скученность его, создал для рабочего невероятно тяжелые жилищные условия. В «Положении рабочего класса в Англии», одном из лучших произведений в мировой социалистической литературе¹, Энгельс дает ряд ужасающих картин домашнего быта рабочих столицы Великобритании — Лондона.

Особенно ухудшилось положение английского пролетариата по окончании войны с Францией. Во время войны, длившейся с небольшими перерывами 25 лет, промышленность отчасти работала на военные нужды, отчасти накопляла запасы в расчете на то, что по окончании войны и блокады (последняя снята была еще до окончания войны) вернутся прежние рынки и откроются новые. На деле же получилось другое: военных заказов промышленность лишилась, но долгожданных иностранных покупателей не приобрела — континентальные страны были слишком разорены и не могли служить рынками для «фабрики мира». Производство пришлося значительно сократить, вместо ожидавшегося оживления разразился кризис, и безработица достигла огромнейших размеров.

III

«Возмущение рабочих против буржуазии началось вслед за развитием промышленности и прошло через различные фазы»².

С появлением машин непосредственным объектом ненависти и борьбы рабочих является сама машина. Ломались машины и разрушались фабрики.

Рабочие не понимали тогда, что дело не в машинах, а в их капиталистическом применении.

Движение против машин известно под именем луддизма. Оно приняло особенно широкие размеры в 10-х годах XIX в.

Первый закон против разрушения машин появляется в 1769 г. Закон квалифицировал попытки к разрушению машин как тягчайшее преступление и виновных в этом обрекал на смертную казнь.

¹ Ленин, Соч., т. XVII, стр. 31.

² Маркс и Энгельс, Соч., т. III, стр. 496.

Спустя десятилетие (1779 г.) состоялся съезд судей Ланкашира для выработки общих репрессивных мер против луддизма.

Репрессии не приостановили движения; последнее в начале XIX в. принимает гораздо более крупные размеры. В 1812 г. английский парламент принял общий билль против луддитов, который проводился в жизнь со всей строгостью. Немало рабочих-луддитов мужественно сложили свои головы на эшафоте.

Луддизм ликвидировался лишь по мере того, как с дальнейшим развитием капитализма рабочие осознавали нецелесообразность борьбы против технического прогресса, против введения новых машин и переходили к борьбе с капиталом. «Требуется, — пишет Маркс, — известное время и опыт для того, чтобы рабочий научился отличать машину от ее капиталистического применения и вместе с тем переносить свои нападения с материальных средств производства на общественную форму их эксплоатации»¹. Луддизм закалил и выдвинул ряд стойких и мужественных борцов. Он наводил страх на классовых врагов пролетариата и заставлял их считаться со своим сильным противником, который вначале третировался как чернь.

Довольно рано начало развиваться стачечное движение. Вначале оно преследовало ту же цель, что и луддитское движение: стачками реагировали рабочие на введение машин. Но далее тенденция стачечного движения была уже иная. Оно выливалось в форму отставания повседневных интересов рабочего класса и стало могучим оружием в его политической борьбе.

Стачки принимали большие для того времени размеры. В забастовке ткачей 1812 г. участвовало 40 тыс. рабочих.

Стачки сопровождались внушительными демонстрациями, которые разгонялись при помощи войск. Манчестерская стачка 1819 г. сопровождалась грандиозной демонстрацией в центре города.

Стали возникать и профессиональные объединения — тред-юнионы. Чаще всего они возникали либо для организации стачек, либо в ходе самой забастовки. До 1824 г., т. е. до издания парламентом закона, разрешавшего коалиции, союзы рабочих рассматривались как преступные заговорнические сообщества. «Коалиции [объединения] рабочих рассматривались как тяжкое преступление, начиная с XIV века и вплоть до 1825 г., когда были отменены законы против коалиций»².

Однако, несмотря на запрещения, тред-юнионы развивались и пользовались среди рабочих большим влиянием. Стачка ткачей в Глазго (1812 г.) организована была тайным союзом. А подпольная ассоциация шотландских рудокопов достигла в 1818 г. такой силы, что ей удалось организовать всеобщую стачку.

После билля о коалициях в 1824 г. тред-юнионистские организации значительно продвинулись вперед в своем развитии. Почти во всех отраслях производства были организованы тред-юнионы. В 1834 г. количество членов тред-юнионов достигало 1 млн. Вместе с ростом численности рабочего класса росла также и его сила.

¹ Маркс, Капитал, т. I, 1936 г., стр. 352.
Там же, стр. 634—635.

Борьба за свободу коалиций перенесена была и на теоретический фронт. Противники коалиций мотивировали запрещение их необходимостью охранять экономическую свободу, в особенности... свободу рабочих распоряжаться своим трудом: «незаконные сборища» и «зачинщики» забастовок покушаются, мол, на эти свободы. Правящие классы давно уже научились защищать наемное рабство под флагом защиты свободы. Рабочие питали большую ненависть к штрайкбрехерам (они называли их «паршивыми овцами» и объявляли изменниками). Буржуазный индивидуализм и буржуазная «гуманность» не могли мириться с таким поведением рабочих. Годскин и другие ранние английские социалисты безоговорочно стали на сторону рабочего класса и теоретически обосновали законность и необходимость рабочих коалиций как организаций, защищающих труд от эксплоатации со стороны капитала.

Политической организацией было «Лондонское корреспондентское общество» (London Corresponding Society), возникшее весною 1792 года. Организатором этого общества был сапожник-подмастерье (родом из Шотландии) Томас Гарди.

О реформистском характере общества можно судить по его первому манифесту, в котором мы читаем:

«Свобода — прирожденное право человека; мы считаем своим долгом охранять его в неприкосновенности для блага наших сограждан и нашего потомства. Участие в управлении есть право гражданина; без этого права ни один человек не может называть себя свободным. Народ Великобритании большей частью не представлен в парламенте и устранен от участия в управлении. Результатом ограниченного, неравного и потому недостаточного представительства, равно как и избирательной коррупции являются тяжелые налоги, несправедливые законы, ограничение свободы и расточительное расходование государственных средств. Единственное лекарство против этих зол — прямое, всеобщее и справедливое представительство народа в парламенте. L. C. S. (инициалы общества. — Д. Р.) проникнуто решимостью энергично работать для достижения этой цели, но оно осуждает всякие насильственные акты и всякую анархию; его единственное оружие — доводы разума, твердость и единение»¹.

Формально общество прекратило свое существование в 1797 г. (Гарди был арестован еще в 1794 г.), но члены его, рассеявшись по всей стране, еще долго продолжали агитацию и пропаганду своих идей и активно работали среди масс трудящихся.

Борьба за демократические требования не ослабела, а наоборот, усилилась. Ее не ослабили ни реакция внутри Англии, ни общая реакция, наступившая после победы над Наполеоном. Движение выдвинуло ряд замечательных публицистов и вождей, среди которых были и выходцы из рабочего класса.

На основе этого движения возник и ранний английский социализм, незрелость которого тесно связана с незрелостью рабочего движения той эпохи.

¹ См. Д. Розенберг, История политической экономии, ч. 2, стр. 487.

«Напложение рабочего класса, — пишет Энгельс, — есть действительная основа и исходный пункт всех социальных движений современности, будучи высшим и наиболее общаженным проявлением наших современных социальных бедствий... С одной стороны, чтобы обосновать социалистические теории, с другой — чтобы дать твердую почву суждениям о праве этих теорий на существование и чтобы положить конец всем мечтаниям и фантазиям pro и contra (за и против. — Д. Р.), изучение положения пролетариата является неизбежной необходимостью»¹.

IV

Каковы же идеинные истоки раннего английского социализма? Выше мы говорили о теории Рикардо, под решающим влиянием которой находились ранние английские социалисты, в том числе и Годскин. Большое влияние на английских социалистов оказали также и другие крупные мыслители той эпохи.

На первое место следует поставить Вильяма Годвина (1756—1836) — крупного социально-политического мыслителя конца XVIII и начала XIX в., одного из основоположников «мирного анархизма». Годвин имел огромное влияние на развитие социалистической мысли того времени; под его влиянием находился особенно Годскин.

Годвин был рационалистом. Он принадлежал к тем мыслителям XVIII в., о которых Энгельс писал: «Никаких внешних авторитетов они не признавали. Религия, взгляды на природу, общество, государство, — все подвергалось их беспощадной критике, все призывалось пред судилище разума и осуждалось на исчезновение, если не могло доказать своей разумности. Разум стал единственной меркой, под которую все подводилось»². Годвин нашел, что перед судом разума буржуазный строй оправдать свое существование не может. Исходя из «единственной мерки» всего существующего, он требовал уничтожения частной собственности и установления принципа распределения по потребностям.

Основным произведением Годвина является его «Исследование о политической справедливости», появившееся в 1793 г. В этой книге он наиболее полно излагает свои экономические и политические взгляды.

Монархию и аристократию Годвин считает неестественными институтами, а королей — врагами человечества. «Королевское звание, — восклицает он, — есть могила человеческой добродетели, памятник безумия, трусости и несчастья человечества». Однако еще большее зло, по Годвину, причинило частное владение. Последнее вызвало неравенство и связанные с ним преступления и пороки, — оно приносило еще больше несчастий, чем «монархия и двор, бесчестное духовенство и несправедливые законы».

Влиятельным предшественником ранних английских социалистов был также Томас Спенс (1750—1814), требовавший уничтожения частной собственности на землю.

¹ Маркс и Энгельс, Соч., т. III, стр. 298.

Там же, т. XIV, стр. 17 (курсив мой. — Д. Р.).

С проектами аграрной реформы выступал ряд выдающихся лиц, но наиболее смелым среди них, создавшим целое движение, был Спенс — сын ремесленника (его отец был сапожником и мастером по изготовлению рыболовных сетей).

Спенс впервые изложил свои идеи в 1775 г. в докладе философскому обществу Ньюкастеля. Требования Спенса сводились к следующему: собственность на землю должна быть уничтожена; земля должна быть передана общинам, которые предоставляют землю в пользование отдельным гражданам за небольшую ренту. Последняя идет на покрытие расходов общины.

Спенс издавал революционный журнал «Свиной корм» (*Pigs' Meat*), призывающий к истреблению «чудовищ-землевладельцев».

Идеи Спенса влияли не только на развитие социально-экономической мысли, но и пустили корни в массы. Спенсу удалось организовать союз спенсианцев, развивших большую революционную деятельность уже после его смерти.

Из буржуазных философов того времени большое влияние на ранних английских социалистов оказывал английский философ-моралист Иеремия Бентам (1748—1832). Его философия утилитаризма была евангелием английского либерализма. Этому евангелию отдавали дань и ранние английские социалисты, в частности Годскин, много лет вращавшийся в кругу последователей и друзей Бентама.

Основной принцип утилитаризма Бентам формулирует так: «Природа подчинила человека власти удовольствия и страдания. Им мы обязаны всеми нашими идеями, ими обусловлены все наши суждения, все наши решения в жизни».

Уже Адам Смит утверждал, что в хозяйственной деятельности люди руководствуются личным интересом, личной выгодой. Бентам пошел дальше. По его учению личный интерес, или, как обычно он выражается, польза, является руководящим началом во всех сферах, в том числе и в идеологической. Личным интересом продиктованы все идеи и весь моральный кодекс.

За этим следуют другие принципы утилитаризма, а именно: 1) общество состоит из отдельных индивидов, образуя лишь сумму последних; 2) польза и интерес отдельных индивидов совпадают с пользой и интересом всего общества.

Утилитаризм привлекал тем, что на место религии, мистики и всякой иной чертовщины он ставил нечто реальное. В этой философии также видели обоснование прав личности и орудие борьбы против всего отжившего, феодального, за что так цеплялись и цепляются все реакционные силы. Но современники Бентама из социалистического лагеря не заметили другой стороны медали: остался незамеченный плоский, вульгарный характер утилитаризма, идеализирующего буржуазные отношения, воспроизводящих их в том виде, в котором они выступают в сфере обращения, т. е. в превращенном виде.

Характеризуя сферу обращения, Маркс писал: «Здесь господствуют только свобода, равенство, собственность и Бентам... Бентам! Ибо каждый заботится лишь о себе самом. Единственная сила, связывающая их вместе, это стремление каждого к своей собствен-

ной выгоде, своекорыстие, личный интерес. Но именно потому, что каждый заботится только о себе и никто не заботится о другом, все они в силу предустановленной гармонии венцей или под руководством всехитетрэйшего провидения осуществляют лишь свою взаимную выгоду, свою общую пользу, свой общий интерес¹.

* * *

Родоначальником раннего английского социализма был великий социалист-утопист Роберт Оуэн (1771—1858). Правда, не все социалисты той эпохи были оуэнитами; не принадлежал к ним и Годскин. Однако движение, вызванное агитацией и деятельностью Оуэна, создало ту идеиную и социальную атмосферу, в которой возник и развивался ранний английский социализм во всех его разновидностях. Течения, связанные с именами предшественников великого социалиста-утописта, были предисторией раннего английского социализма. С оуэнизма начинается его история.

Энгельс пишет: «Весь овеновский коммунизм, поскольку он вступает в экономическую полемику, опирается на Рикардо»².

По этому пути пошли, как мы видели, все ранние английские социалисты.

Оуэн провозглашает: «Физический труд, надлежащим образом направляемый, является источником всякого богатства и национального преуспеяния». Отсюда он и делает вывод, что труд должен быть мерилом стоимости. Среднюю физическую силу людей, — заявляет он, — можно измерить; следовательно, средний человеческий труд может быть установлен, и, поскольку он лежит в основе всякого богатства, то стоимость его в каждом отдельном продукте тоже может быть установлена. Соответственно этому, — указывает Оуэн, — может быть определена меновая стоимость по отношению ко всем другим стоимостям; эти нормы должны оставаться неизменными для данного периода.

Адам Смит, как известно, утверждает, что стоимость продукта определяется трудом при первобытном состоянии общества, с накоплением же капитала и частной собственности на землю продукт труда стал распределяться между тремя классами общества, стоимость же определяется доходами. Оуэн и протестует против такого распределения, видя в неправильном распределении доходов причину всех бедствий современного ему общества, в том числе и кризисов. Он хочет восстановить труд в его, так сказать, правах: труд должен оставаться мерилом стоимости.

Оуэн выступает со своими коммунистическими теориями и планами реорганизации всего общества. Одним из переходных мероприятий к коммунистическому строю Оуэн считал организованный им «Великий национальный консолидированный союз производств» и «Базар справедливого обмена труда». «Союз» должен был объединить «производительные и полезные классы» в производительные кооперативы, а «Базар» должен был обменивать их продукцию при помощи

¹ Маркс, Капитал, т. I, 1936 г., стр. 126—127 (курсив мой. — Д. Р.).

² Там же, т. II, 1936 г., предисловие, стр. 14.

бумажных денег, единицей которых служил час рабочего времени.

В октябре 1832 г. в Лондоне начал функционировать оуэновский «Национальный базар справедливого обмена труда», а в 1833 г. в Бирмингеме открыто было отделение «Базара».

Просуществовав около двух лет, «Базар» потерпел крушение. Потерпело крушение и другое детище Оуэна — «Великий национальный союз производств», который вместе с «Базаром справедливого обмена» должен был составлять одно целое.

Крушение начинаний Оуэна было крушением его дела, а не дела рабочего класса.

«В чем состоит фантастичность планов старых кооператоров, начиная с Роберта Оуэна? — пишет Ленин. — В том, что они мечтали о мирном преобразовании социализмом современного общества без учета такого основного вопроса, как вопрос о классовой борьбе, о завоевании политической власти рабочим классом, о свержении господства класса эксплуататоров¹. Рабочий класс воочию убедился в утопичности оуэнизма, ратовавшего за мирный переход к социализму. К социализму ведет один единственный путь — революционное свержение власти капитала и диктатура пролетариата. Этим путем к социализму уже пришли рабочие и крестьяне в нашей стране под руководством партии Ленина—Сталина; этим же путем к социализму придут пролетариат и трудящиеся других стран под руководством своей коммунистической партии.

V

Томас Годскин (1787—1869) — не только крупный экономист, но и талантливый публицист, блестящий полемист и pamphletist. Своим острым пером он причинил немало неприятностей защитникам «святой святых» буржуазного общества.

Годскин родился в семье, близко стоявшей к военному флоту (его отец служил в морском интендантстве). Будущий критик буржуазного общества провел свои юношеские годы во флоте, служившем оплотом английской буржуазии. С 12 лет он поступил в военно-морскую школу.

Режим и дисциплина во флоте были не по душе Годскину. У него бывали столкновения с начальством, за что он подвергался реинсессиям и, наконец, был уволен со службы. Этот период его жизни дал ему обильный материал для первой литературной работы, которая посыпана английской нации и в которой он доказывает, что порядки во флоте пагубно действуют не только на матросов, но и на офицеров.

Этой работой Годскин обратил на себя внимание английских радикалов, группировавшихся вокруг Бентама и Джемса Милля.

В кружке радикалов он стал своим человеком и особенно сблизился с Плесом².

¹ Ленин, Соч., т. XXVII, стр. 396.

² Плес (1770—1854) — сын булочника, а сам — портной. Еще будучи подмастерьем, он руководил стачкой портных в 1795 г., за что попал в «черный список» и долго не мог найти работу. Плес обладал большим орга-

В 1815 г. Годскин предпринял путешествие по Европе, длившееся целую трех лет. Особенно долго он задержался в Ганновере, где, по заданию Бентама, изучал экономику, политику, культурное состояние и быт этой части Германии. Собранный материал он использовал и для самостоятельной работы, появившейся в 1820 г. в двух томах под названием «Путешествие по северной Германии».

Произведения, предлагаемые вниманию советского читателя, — «Задита труда против притязаний капитала» и «Популярная политическая экономия» (*«Labour defended against the claims of capital»* и *«Popular political economy»*) — выдвигают Годсина на первое место среди английских социалистов того времени. Об этих работах Годсина Маркс писал, что «...они причисляются к значительным произведениям английской политической экономии»¹. «...Эти произведения, особенно первое, произвели значительную сенсацию»...»².

На борьбу рабочих против капиталистов, в частности — на борьбу за свободу коалиций, Годскин отозвался первой из названных работ, которая вышла анонимно в виде памфлета за подпись «Рабочий».

Памфлет появился в 1825 г., когда со стороны предпринимателей была поднята ожесточеннейшая кампания в прессе и парламенте против биллья 1824 г., установившего свободу коалиций; Годскин безоговорочно стал на сторону рабочего класса и теоретически обосновал законность и необходимость рабочих коалиций. Предприниматели угрожали, что если билль не будет отменен, капитал будет эмигрировать в другие страны. Билль не был отменен, но в него внесены были поправки, значительно ухудшившие его.

Памфлет «Задита труда» имел большой успех и заставил противников мобилизовать свои силы. По свидетельству многих исследователей, ни одна работа, написанная в защиту труда, не вызывала столько «опровержений» и критики, как работа Годсина, целевая установка которой уже формулирована, как видно, в ее боевом заголовке.

Свободу коалиций защищали и многие из буржуазных радикалов, но у Годсина аргументация совсем иная. Большинство защитников из буржуазных радикалов исходило из того, что нелегальные трединионы гораздо более вредны, чем легальные, а потому их надо легализовать. Годскин поднял вопрос на принципиальную высоту и по-новому для его времени рассматривал роль труда и капитала. Он с большой силой и талантом polemizирует против теоретиков «производительности» капитала. Позиция Годсина была неприемлема не только для предпринимателей и их оголтелых сторонников, но и для друзей Годсина из кружка Бентама и Джемса Милля (последний сам является одним из авторов теории «производительности» капитала).

низаторским талантам, много работал над своим образованием, в 1794 г.ступил членом в «Лондонское корреспондентское общество». Илес сыграл большую роль в агитации о пропедении парламентского билля о коалициях в 1825 г.

¹ Маркс, Теория прибавочной стоимости, т. III, 1936 г., стр. 203.

² Там же.

Вторая книга — «Популярная политическая экономия» — также связана с практической борьбой Годскипа за дело рабочих. Она составлена из тех лекций, которые Годскип читал рабочим, желая освободить их от влияния буржуазных теорий.

Экономическая и политическая борьба вызвала у рабочих большую тягу к образованию, общему и специальному, но больше всего они интересовались социально-политическими и экономическими проблемами. Во многих местах стали возникать рабочие школы (*mechanic's institutions*). Школы эти явились ареной борьбы между буржуазными «просветителями», ставившими своей задачей обработку рабочих мозгов на буржуазный лад, и теми, кто хотел дать рабочим образование, отвечающее интересам рабочих. Победа часто оставалась за буржуазными «просветителями», так как на их стороне был опыт, а главное — финансы. Годскип вместе со своим другом, шотландцем Робертстоном¹, задумал организовать в Лондоне рабочую школу *на средства самих рабочих*, но не довел дела до конца. Не понимая значения классовой борьбы (и не признавая ее), он дал уговорить себя, что задуманный им план неосуществим. Школа была открыта Плесом при помощи его богатых друзей, а Годскип был назначен... почетным секретарем, но без всякого влияния на школу. Он успел прочесть лишь ряд лекций, из которых состоит второе из издаваемых произведений, выпущенных им в 1827 г. отдельной книгой под названием «Популярная политическая экономия».

Конец дружбе Годскина с кружком Бентама и Джемса Милля положила его книга, вышедшая в 1832 г. под заглавием «Естественные и искусственные права собственности» (*Natural and artificial rights of property*)². Книга составлена из восьми писем, адресованных английскому лорду-канцлеру Бруму, деятелю партии вигов, принимавшему активное участие в проведении парламентской реформы 1832 г. Одной из важнейших особенностей этой реформы был высокий имущественный ценз для пассивного и активного избирательного права, лишавший рабочих возможности участия в выборах парламента. Реформа отдавала всю власть собственникам. Свои письма Годскип начал писать задолго до этой реформы (в 1828—1829 гг.); все же появление их встречено было как вызов «реформаторам».

Правда, реформой остались недовольны и многие из радикалов (буржуазных), и они требовали расширения избирательных прав. Но аргументация Годскина против реформы для них оказалась еще менее приемлемой, чем его аргументация в защиту тредиционов. Джемс Милль в письме к тому же лорду Бруму горько жалуется на «нашего приятеля Годскина, который тупое безумие обнародовал в качестве системы».

Впрочем, Годскип неставил себе задачу добиваться расширения избирательных прав. Он не придавал значения форме и организации государственной власти. Во власти он видел лишь орудие порабощения. Он нападал на принцип деления граждан на имущих

¹ Робертсон (1788—1852) был журналистом и принимал активное участие в организации рабочих школ.

² Эта работа вышла анонимно. Она была подписана: автор «Задачи труда».

и исчумших. И «безумие» его заключалось в том, что он предпринял генеральную атаку против буржуазной собственности. В «Защите труда» он развенчал капитал, объявив его непроизводительным; теперь он нападает на систему собственности в целом. Но Годскин был противником революционных методов борьбы и, как только рабочее движение приняло более четкие классовые очертания и встало под знамя чартизма, Годскин отошел от него.

Со второй половины 30-х годов Годскин как деятель рабочего движения сходит со сцены. Он сотрудничает в либеральных газетах, оставаясь верным своим «мирным» анархистским идеям, наиболее полно выраженным им в вышеназванной его книге «Естественные и искусственные права собственности». Отрицательное отношение Годсина к государству сблизило его с фритредерами, требовавшими невмешательства государства в экономическую жизнь. Правда, Годскин, как увидим дальше, в своей трактовке роли государства был гораздо радикальнее Фритредеров; однако точка соприкосновения у него с ними была, что делало возможным для него сотрудничать в их печати. Основной темой его статей становится уже защита «манчестерства», т. е. защита свободной от вмешательства государства торговли, чем он снискал похвалу со стороны главы «Лиги против хлебных законов» Кобдена (1804—1865).

VI

В своей книге «Защита труда» Годскин от имени рабочих выступает «против притязаний капитала». Годскин даже выбрал, как сказано, псевдоним «Рабочий». Наиболее ценным в этой работе является его острые и талантливая критика буржуазной теории «производительности» капитала. Ученики Рикардо — Джемс Милль и Мак-Куллох — решили исправить теорию прибыли своего учителя. Прибыль, по Рикардо, есть часть стоимости, созданной трудом. Бульваризаторы Рикардо внесли такую «поправку»: стоимость создается не только живым трудом, но и накопленным трудом, каковым, по их уверениям, является капитал. Так была сочинена апологетическая «теория»: одна часть стоимости товара, в виде заработной платы, создается живым трудом рабочего, а другая часть, в виде прибыли, — накопленным трудом, т. е. капиталом.

Против этой теории «производительности» капитала и выступает Годскин. Прежде всего он доказывает, что оборотный капитал, под которым он понимает средства существования рабочего, вообще не является накопленным трудом.

Буржуазные экономисты вслед за Адамом Смитом повторяют, что эти средства существования составляют часть запасов, которую сохраняют и накапливают капиталисты и которую они авансируют рабочим. Отсюда ими делается тот вывод, что труд без капитала (иначе речь идет лишь об оборотном капитале) невозможен, что рабочие не могли бы приступить к работе, если бы капиталисты не доставляли хлеб, одежду и т. д.

Годскин против этого вывода выдвигает следующую аргументацию: «Имеют ли в данный момент все капиталисты Европы на

недельный запас средств существования и одежды для всех тех рабочих, которые у них заняты?

Исследуем этот вопрос сначала относительно пищи. Часть пищи народа представляет хлеб, который всегда печется только за несколько часов до того, как его едят... Продукт некоторых рабочих, в частности, пекаря, не может сохраняться долго. Ни в коем случае сырой материал хлеба, — безразлично, в виде ли зерна или в виде муки, — не может сохраняться без постоянного труда... Уверенность рабочего в том, что он получит хлеб, когда он ему понадобится, и уверенность его хозяина в том, что деньги, которые он ему платит, дадут ему возможность купить хлеб, основаны просто на том факте, что хлеб можно было всегда достать, когда в нем нуждались»¹.

Это же самое Годскин доказывает и насчет других предметов питания, например молока и т. д. И он приходит к другому выводу, а именно: то, что называется оборотным капиталом, есть не что иное, как сосуществование различных видов общественного труда, т. е. сосуществующий труд (*co-existing labour*). Сапожник, например, может работать потому, что одновременно с ним работают мельник, пекарь, портной и т. д. и т. д.

Годскин по-повору трактует разделение труда. Он на первый план выдвигает роль живого труда, в сравнении с которым значение овеществленного труда настолько незначительно, что его можно даже в счет не брать. Разделение труда, по Годскину, есть одновременно происходящие процессы труда, поддерживающие и питающие друг друга.

Автор «Защиты труда» неправильно определяет оборотный капитал, сводя его только к средствам существования рабочего, фактически — к переменному капиталу. Отсюда и недооценка значения овеществленного труда. Годскин упускает из виду, что разделение труда происходит не только в пространстве, но и во времени, что продукт труда одних производителей (например сырье, полуфабрикаты) является предметом труда для других. Но важно другое: в капиталистическом хозяйстве продукт труда имеет форму товара и капитала, — точнее, форму товарного капитала. Следовательно, игнорирование овеществленного труда является в то же время игнорированием специфики той формы, которую овеществленный труд в виде сырья и т. д. принимает при капиталистическом способе производства.

Однако, сводя оборотный капитал к сосуществующему труду, Годскин с особой силой подчеркивает, что средства существования производятся самими рабочими. Это подчеркивание, несомненно,ично. Оно направлено против того положения Милля, которое разделялось всеми буржуазными экономистами: «Вместо того чтобы дожидаться, пока продукты закончены и стоимость их реализована, наилучшим для рабочих выплатить им вперед их часть». По Миллю выходит, что рабочие кредитуются у капиталистов следовательно, капиталист должен получить вознаграждение за пользованную им рабочим ссуду.

¹ «Защита труда против притязаний капитала», стр. 8—9.

Теперь рассмотрим, как Годскин опровергает «производительность» основного капитала.

Основной капитал свести к существующему труду никак нельзя. Годскин соглашается с буржуазными экономистами, что основной капитал является накопленным трудом. Однако и здесь решающая роль принадлежит живому труду, а не овеществленному. Он пишет: «Все те, кто наиболее ревностно оспаривает притязания капитала, признают, что все орудия и машины являются продуктом труда... Пока они ничего не представляют собой, кроме результата прошлого труда, и не применяются целесообразно рабочими, они не покрывают расходов, которые потребовались для их создания»¹. Отсюда его вывод: «Основной капитал является полезным не благодаря прошлому, а благодаря текущему труду, и он доставляет своему владельцу прибыль не потому, что он сохранен, а потому, что он является средством приобретения власти над трудом»². И дальше: «После того как те или иные орудия произведены, в чем может проявиться их эффективность? Ни в чем. Наоборот, они начинают ржаветь или гнить, если они не применяются трудом». Поэтому «следует ли рассматривать орудие как производительный капитал или не следует, это всецело зависит от того, потребляется ли оно каким-нибудь производительным рабочим»³.

В критике теорий производительности капитала Годскин отрицал значение прошедшего, реализованного в продуктах труда как необходимого условия нового труда — живого процесса производства. Но Годскин доказывал, что машина в руках рабочего есть средство повышения производительности труда, а в руках капиталистов — средство получения прибыли, которая, по Годскину, является нарушением права рабочих на полный продукт их труда.

«Так как, — пишет Маркс, — экономисты отождествляют прошедший труд с капиталом — прошедший труд здесь как в смысле конкретного труда, реализованного в продуктах, так и в смысле общественного труда, материализированного рабочего времени, — то понятно, что они как Пандары капитала выдвигают вперед вещественные элементы производства и переоценивают их значение по сравнению с субъективным элементом, живым, непосредственным трудом. Труд является для них адекватным, лишь когда он становится капиталом, противостоит самому себе, пассивный элемент труда — активному. Поэтому продукт властвует над производителями, предмет над субъектом, реализованный труд над реализующимся и т. д.»⁴.

И далее Маркс подчеркивает, что для Годскина «...имеет значение, в противоположность грубому представлению экономистов, сделать ударение на субъекте, так сказать на субъективном в субъекте, в противоположность вещи...»⁵.

Общий вывод, к которому Годскин приходит, следующий:

¹ «Защита труда против притязаний капитала», стр. 14.

² Там же.

³ Там же, стр. 15.

⁴ Маркс, Теории прибавочной стоимости, т. III, 1936 г., стр. 243—244.

⁵ Там же, стр. 228.

1) Оборотный капитал никакого накопления труда не представляет; 2) основной капитал, хотя и является накопленным трудом, все же производительной силы не имеет, так как вещи, в которых труд накоплен, ничего сами производить не могут; 3) следовательно, присвоение прибавочного продукта при помощи капитала есть насилие, т. е. голое командование или право распоряжаться чужим трудом.

Буржуазной теории производительности капитала Годскин противопоставляет свою теорию непроизводительности капитала. Однако правильного определения капитала Годскин не дает. Он соглашается, что капитал — это накопленный труд, но отрицает, что этот накопленный труд обладает производительной силой. А потому присвоение прибавочного продукта капитала прибавочного труда и получение капиталистами прибыли Годскин объявляет результатом обмана и насилия.

Критикуя буржуазную теорию «производительности» капитала, Годскин хочет этот обман разоблачить и представить капиталистическую эксплоатацию как голое насилие. «Можно подумать, — говорит Годскин, — что капитал, это — своего рода каббалистическое слово, как церковь, или государство, или какое-либо другое из тех общих выражений, изобретенных теми, кто стригет остальное человечество с целью спрятать руку, которая держит ножницы»¹.

Критикуя Годснина, Маркс писал: «Капиталист как капиталист является только олицетворением капитала, т. е. создания труда, которое одарено собственной волей, и как олицетворенное существо противостоят труду. Годскин рассматривает это как чисто субъективный обман, за которым скрываются обман и интересы эксплуатирующих классов. Он не видит, как этот способ мышления сам обусловлен реальным отношением, как последнее служит не выражением первого, а наоборот. В таком же смысле говорят английские социалисты: „Нам нужен капитал, не капиталисты“. Но если они устраниют капиталистов, они лишают средства производства свойства быть капиталом»².

Объявляя капиталистическую эксплоатацию насилием, Годскин видит в буржуазном государстве аппарат для поддержания этого насилия. Но отсюда Годскин не делает единственно правильного вывода, что пролетариат должен захватить государственную власть в свои руки и уничтожить насилие эксплоататоров. Годскин делает иной вывод: он объявляет себя противником всякой государственной власти и политической борьбы. Английские рабочие ценили Годснина как талантливого критика капитализма, но отвернулись от его мирного анархизма. Они встали под знамя боевого чартизма, а Годскин отстранился от активной работы в рабочем движении.

VII

«Популярная политическая экономия» написана в более умеренных тонах, чем «Защита труда». О причине этой умеренности мы

¹ «Защита труда против притязаний капитала», стр. 16.

² Маркс, Теория прибавочной стоимости, т. III, 1936 г., стр. 230.

уже говорили. На это недвусмысленно намекает сам Годскин, делая следующее заявление:

«Так как я не склонен рассматривать существующее право собственности с такой почтительностью, как те, кто подстrekает человечество к необходимости сохранения ее неприкосновенности, то при обсуждении этого вопроса я *натолкнулся бы* на многие трудности и навлек бы на себя некоторые упреки»¹.

Читая лекции в школе, находившейся под руководством Плеса и К°, Годскин не хотел «навлечь на себя некоторые упреки» и лишиться возможности общения со своей аудиторией. Позиция же его осталась та же; все сказанное им в «Защите труда» он повторяет и в «Популярной политической экономии». В последней главе читаем:

«Власть присваивать продукцию рабочих, которой теперь обладают многие праздные люди, является, по-моему, главной причиной чванливой и пагубной скуки этих людей, которые, благодаря удовлетворению своих естественных потребностей, неизбежно живут, не ставя перед собой полезных целей и задач. Власть присваивать продукцию рабочих является также причиной нищеты и бедствий рабочих, которые, будучи вынужденными содержать гораздо большее число людей, чем число членов их собственных семей, должны все время думать только о том, как бы добыть средства для сохранения своего существования, до такой степени обремененного утомительным трудом и заботами, что возникает сомнение, стоит ли жить»².

Взгляд на нетрудовые доходы как на вычет из продукта рабочего высказан был еще Смитом, а также вытекает из тезиса Рикардо о противоположности прибыли и заработной платы. В рабочих социалистических кругах такой взгляд уже считался общепризнанной истиной, о чем свидетельствует рабочая и социалистическая печать той эпохи. Но Годскин эту проблему освещает по-новому, увязывая ее со своей критикой теории «производительности» капитала, а также со своей концепцией естественного и искусственного.

На последней следует остановиться особо, так как она является той основой, на которой построена «Популярная политическая экономия» Годскина.

Наиболее полно эта концепция развита Годскиным в его книге «Естественные и искусственные права собственности», появившейся позже. При чтении лекций, из которых составлена «Популярная политическая экономия», Годскин исходил из названной концепции: она витала в его представлении как предпосылка. Рассматривая разные экономические явления — разделение труда, обмен, торговлю, деньги,— Годскин приемлет лишь то, что считает естественным. Все, что им подводится под рубрику неестественного, он отвергает и осуждает.

Противопоставление естественного искусственному в то время не было новым и оригинальным. Напротив, в известной мере оно уже представляло пройденную ступень, являясь наследием XVIII в. Но в то время как буржуазные мыслители искусственным считали

¹ «Популярная политическая экономия», стр. 186 (курсив мой. — Д. Р.).
² Там же, стр. 187.

феодальный порядок, а естественным — буржуазный, Годскин отвергает и последний как искусственный. Естественным он считает лишь тот порядок, при котором господствуют труд и базирующаяся на нем собственность. Отсюда у него и два вида собственности: естественная и искусственная. Первая — продукт собственного труда, вторая — продукт эксплоатации чужого труда.

Как же люди лишились естественной собственности? Благодаря насилию — таков ответ Годскина. Вначале насилием установлено было рабство, затем феодальная повинность и крепостничество, наконец — наемный труд. Но в переходе от рабства к феодализму, а от последнего к наемному труду Годскин видит прогрессивное движение — движение в сторону победы естественной собственности над искусственной. Это движение должно завершиться победой первой над второй, и тогда рабочие получат полностью продукт своего труда.

Теория насилия раскритикована Энгельсом в «Анти-Дюрилье», эта теория является одним из пороков концепции Годскина. Чуждый материалистического понимания истории, он видит движущую силу общества в насилии, которое на протяжении веков меняло свои формы.

Но в учении о смене форм насилия есть и ценное зерно — понимание буржуазных отношений как преходящих.

Положительной стороной Годскила следует признать то, что он рассматривает насилие в его исторически преходящих формах. Однако, оставаясь верным своей идеалистической и метафизической позиции, Годскин не понимает сути преходящего характера буржуазных отношений. По Годскину, естественное право собственности нарушается, но не изменяется и не развивается. Меняется лишь форма искусственной собственности. Вся история человечества есть не что иное, как история борьбы естественной собственности против искусственной. Личность и ее выражение в собственности (естественной) для него является той же «шеводвижной точкой», какой у Бентами и его сторонников являются индивидуум и его польза.

Годскина нельзя обвинять в игнорировании классовой борьбы. В своей критике капитализма он откровенно выступает на стороне пролетариата, противопоставляя его интересы интересам капиталистов и других получателей нетрудового дохода. Он разоблачает классовую природу государства, подчеркивая, что среди законодателей и правителей нет рабочих, что законы всегда издаются в интересах капиталистов, землевладельцев, попов и им подобных. А в своей работе «Естественные и искусственные права собственности» он уделяет много внимания положению классов в античном мире, в средние века и в буржуазном обществе, останавливаясь и на процессе возникновения одних классов и вытеснения ими других. Но, во-первых, классовая борьба не является для него решающим фактором развития общества; во-вторых, в борьбе классов и победе одних над другими он видит лишь борьбу и победу принципов, идей — прежде всего борьбу и победу естественного начала над искусственным.

О рабовладельцах и феодалах Годскин говорит, что «их занятием

были войны, любовь и законодательство». Капиталистов же он считает выходцами из трудовых и порабощенных классов, а в самом факте их появления видит торжество естественного права собственности над искусственным. Но потом и капиталисты идут по пути насилия; зато грядущая победа рабочего класса уже будет не чем иным, как окончательной победой естественного права собственности над искусственным.

Позиция Годскина в вопросе о собственности сводится к защите мелкобуржуазной собственности, которую он считает естественной, против капиталистической собственности, названной им искусственной. Но, в отличие от Сисмонди, он не хочет вернуться к старым патриархальным и полупатриархальным формам организации труда. Живя в Англии при более развитом рабочем движении, Годскин не разделял «экономический романтизм» Сисмонди. Он — сторонник полной экономической свободы, и полагает, что именно последняя приведет к торжеству естественного права собственности.

Общее же у Годскина и Сисмонди то, что он, как и Сисмонди, защищал «дело рабочих с мелкобуржуазной точки зрения». Маркс и Энгельс в «Коммунистическом манифесте» пишут: «В таких странах, как Франция, где крестьянство составляет гораздо более половины всего населения, естественно, что писатели, выступившие в защиту пролетариата против буржуазии, прикладывали к буржуазному режиму мелкобуржуазную и мелкокрестьянскую мерку и защищали дело рабочих с мелкобуржуазной точки зрения. Так возник мелкобуржуазный социализм. Сисмонди стоит во главе этого рода литературы не только во Франции, но также и в Англии»¹.

* * *

Противопоставление естественного искусственноому приводит Годскина к выводам, неожиданным и противоречащим другим его взглядам. Глава о торговле в «Популярной политической экономии» является по существу апологией торгового капитала и торговой прибыли. Восхваляя разделение труда как явление естественное, Годскин объявляет естественным обмен, который в свою очередь развивается опять-таки естественно в розничной и оптовой торговле. В торговле он также видит естественную и наиболее целесообразную форму распределения продуктов.

Делая выпад против Оуэна, Годскин не без иронии заявляет:

«Даже в организациях г. Оуэна, в которых розничные торговцы рассматриваются как зло и отвергаются как лица, причиняющие вред, должны быть известные лица, заботящиеся о пище и одежде и распределяющие их среди жителей его параллэограмм или среди членов его кооперативных общин. Розничные торговцы выполняют поэтому такие же обязанности по отношению ко всему обществу, какие капитармы выполняют в отношении солдат и судовые коми-сары в отношении матросов и какие должны неизвестными людьми выполняться в отношении воспитанников

¹ *Маркс и Энгельс, Соч., т. V, стр. 202 (курсив мой. — Д. Р.).*

г. Оуэна. Они никем не назначаются на эту должность, кроме как самими законами природы, по они безусловно столь же полезны, как если бы они действовали под управлением г. Оуэна по уполномочию короля»¹.

И дальше: «Розничные торговцы не получают жалованья за свои услуги. Их оплата состоит в том, что они получают прибыль на товарах, которые они продают, и это им обычно ставится в вину. Порой их характеризуют как людей, высасывающих мозг из костей неимущих рабочих. Но если бы они оплачивались жалованьем или заработной платой, то в чем заключалась бы их заинтересованность заботиться об общем имуществе? В настоящее же время, когда они могут получить прибыль только путем величайшей экономии в распределении товаров, они должны в своих собственных целях покупать по возможности дешевле. Но если они небрежны или расточительны, то никакая добавочная цена, которую они могут запросить, не вознаградит их. Они теперь прямо заинтересованы в хорошем выполнении своих обязанностей, и им присущи могущественные стимулы к той рачительности, которая благотворительна для всего общества»².

Автор «Задачи труда против притязаний капитала» очутился перед лицом непримиримого противоречия: противник промышленного капитала, он в то же время защищает торговый капитал. Его аргументация, что торговец возник естественно и что торговая прибыль есть вознаграждение за труд торговца, с таким же успехом может быть использована и защитниками промышленного капитала.

Годскин дает энергичный отпор «притязаниям капитала». Но не понимая классовой природы капитала и сводя его к голому насилию, Годскин не видит этого насилия в сфере обращения, в той сфере, где «господствуют только свобода, равенство, собственность и Бентам». В торговле он видит лишь естественно развившийся аппарат по распределению продуктов, а в торговцах он видит агентов, выполняющих свою роль лучше, чем «каптенармусы... в отношении солдат и судовые комиссары в отношении матросов,— лучше даже, чем назначенные для этой цели служащие — в отношении воспитанников г. Оуэна». У последних, по Годскину, нет заинтересованности в лучшем распределении общественного продукта, а у торговцев она имеется, так как их прибыль зависит, мол, от лучшего обслуживания потребителей.

Здесь особенно сказывается влияние Бентама и его философии утилитаризма. И в других местах своей работы Годскин подчеркивает роль пользы, — личного интереса, — как фактора естественного развития общества. Он, так же как и другие сторонники Бентама, видел в утилитаризме философское обоснование экономической свободы, а господство этой свободы он, как и последние, видел в сфере обращения.

Буржуазные сторонники этого лозунга требовали прекращения

¹ «Популярная политическая экономия», стр. 131.

² Там же. (В дальнейшем Годскин по аналогичным соображениям защищает и прибыль оптовых торговцев.)

зимпательства государственной власти в экономическую жизнь, оставляя за государством чисто полицейские функции: охрану безопасности, собственности и т. п. Годскин — за полное упразднение государственной власти, так как последняя всегда защищала и защищает интересы господствующих классов. Более того, он считает, что государственная власть возникла лишь как орган защиты искусственного права собственности, т. е. собственности, образовавшейся в результате насилия. Полное осуществление экономической свободы, по Годскину, означает и полное уничтожение государства, а с ликвидацией органа, охраняющего искусственную собственность, ликвидируется и последний.

Против насилия Годскин предлагает бороться при помощи пропаганды. Без него рабочим не удастся ни завоевать на свою сторону общественное мнение, ни правильно осуществить распределение продукта труда. Говоря о борьбе между рабочими и их хозяевами, Годскин заявляет: «Это — борьба, где существует не только физическая выносливость или выдержка обеих сторон, но также борьба аргументов и доводов. Возможно, что рабочие заставят своих хозяев пойти на уступки, но они должны убедить общество в справедливости своих требований»¹. Годскин подчеркивает необходимость для рабочих освободиться от целого ряда предрассудков, мешающих установлению правильного взгляда на разные виды труда, что в свою очередь мешает правильному распределению продукта труда между всеми участниками производства.

Через экономическую свободу и просвещение к осуществлению права на полный продукт труда — вот программа Годскина.

Годскин выступает горячим защитником пролетариата, разоблачает апологетический характер буржуазных теорий капитала, но ему не удается вскрыть сущность капитала как классового отношения.

Ленин учит: «...было бы величайшей глупостью и самым вздорным утопизмом полагать, что без принуждения и без диктатуры возможен переход от капитализма к социализму. Теория Маркса против этого мелкобуржуазно-демократического и апархического вздора выступала очень давно и с полнейшей определенностью»².

Значение и место Годскина в истории политической экономии определяется его талантливой и острой критикой капитализма, а также его борьбой против апологетов буржуазии. По его позитивной программе является «вздорным утопизмом». В этой вздорности пролетариат уже давно убедился.

Пролетариат пошел и идет за Марксом, Энгельсом, Лениным, Сталиным.

Д. Розенберг.

¹ «Защита труда», стр. 1.
Чапин, Соч., т. XXII, стр. 458.

**ЗАЩИТА ТРУДА
ПРОТИВ ПРИТЯЗАНИЙ
КАПИТАЛА**

или

**НЕПРОИЗВОДИТЕЛЬНОСТЬ
КАПИТАЛА,
ДОКАЗАННАЯ СОВРЕМЕННЫМИ
ОБЪЕДИНЕНИЯМИ**

**ТОМАС ГОДСКИН
1825**

ПРИМЕЧАНИЕ

Во всех прениях, имевших место в процессе прохождения на последней парламентской сессии законопроекта о рабочих союзах, большое внимание уделялось необходимости защиты капитала.

Роль капитала является поэтому вопросом серьезного значения, рассмотрением которого автор вынужден был в силу этого заняться.

В результате этого анализа автор пришел к выводу, что вся полезность, приписываемая капиталу, порождена сосуществующим и искусственным трудом. Автор поэтому считает себя обязаным отказать капиталу в законности его притязаний на крупную долю национального продукта, которая ему уделяется в настоящее время.

Эта значительная доля является, как автор пытался показать, причиной бедности рабочего, и он решается утверждать, что условия существования рабочего не смогут достичь крупного улучшения до тех пор, пока рабочий не сможет опровергнуть теорию и не восстанет против практики, предоставляющей почти весь продукт капиталу.

ЗАЩИТА ТРУДА ПРОТИВ ПРИТЯЗАНИЙ КАПИТАЛА

В настоящее время во всей нашей стране происходит жестокая борьба между капиталом и трудом. Рабочие почти всех отраслей труда объединились в целях повышения заработной платы, а их работодатели обратились за защитой к законодательной власти. Это — борьба, где существует не только физическая выносливость или выдержка обеих сторон, но также борьба аргументов и доводов. Возможно, что рабочие заставят своих хозяев пойти на уступки, но они должны убедить общество в справедливости своих требований. Современная печать оказывает большое влияние на общественную жизнь, но наибольшая часть этой печати и наиболее влиятельная ее часть находится на службе у капиталиста. Однако через печать и общественное мнение рабочие должны найти защиту у законодательной власти. Возможно, что они смогут терроризировать своих хозяев, но, лишь апеллируя к разуму, они добьются поддержки каких-нибудь влиятельных лиц. Основная причина, побудившая меня опубликовать настоящий памфlet, это обоснование нескольких аргументов в защиту труда и направленных против капитала.

Как мне представляется, рабочие весьма несчастны потому, что они окружены народами, которые живут в худших политических условиях, чем мы, причем у некоторых из этих народов труд оплачивается еще хуже, чем у нас. Рабочие еще более несчастны потому, что они происходят от крепостных и рабов. Некогда Британия знала личное рабство или крепостное состоянне, и все современные рабочие все еще страдают от закрепощения своих предков. Вследствие этого наши требования никогда не рассматриваются с точки зрения принципов справедливости. Законодатель и капиталист всегда сравнивают нашу заработную плату с заработной платой других рабочих. И не считаясь с тем, что мы производим, что казалось должно быть единственным критерием оплаты труда, нас всегда обзывают паглецами и неблагодарными, если мы требуем больше того, чем довольствовался раб прежних времен, или больше того, чем в настоящее время довольствуется полуголодный раб в других странах.

В силу роста нашего умения и наших знаний труд в настоящее время, вероятно, в десять раз более производителен, чем двести лет тому назад, и мы, тем не менее, должны довольствоваться таким же вознаграждением, какое в свое время получал крепостной. Все выгоды нашего развития идут в пользу капиталиста и лендлорда. И когда, единичные какой бы то ни было доли возросшего продукта нашей страны, мы объединяемся, чтобы добиться известной его доли, нам немедленно угрожают наказаниями. Обнародуются новые законы

против нас, и если действие этих законов оказывается недостаточным, то нам угрожают еще более суровым законодательством.

Объединение само по себе не является преступлением. На-против, это — принцип, на основе которого образуются общества. Когда правительство считает, что его существование находится под угрозой или что страна в опасности, оно призывает всех нас объединиться в целях ее защиты. Однако устами г. Гескиссона оно говорит, что «объединения рабочих должны быть уничтожены». Правительство часто вступает в союзы с правительствами других государств или образует коалиции в целях ведения войны и в целях кровопролития. Часто оно призывает весь народ к объединению, когда речь идет о том, чтобы грабить и убивать безобидных подданных какого-нибудь соседнего государства, и часто подобного рода объединения наделяются всеми элитами из лексикона славы. За исключением наших коалиций, добивающихся приличного вознаграждения за наш труд, всякие иного рода объединения не являются с точки зрения правительства несправедливыми или злонамеренными. Когда мы пытаемся какими-либо средствами добиться увеличения для нас самих и для более спосного существования членов наших семейств части нашего собственного продукта по сравнению с той частью, какую нашим хозяевам удобно нам предоставить, то в глазах законодательной власти, состоящей исключительно из капиталистов и лендлордов, представляющей исключительно их интересы, это является ужасным преступлением. Ввиду того, что мы настаиваем на своих требованиях, наши министры предсказывают появление всех бедствий нравственного характера, какие когда-либо поражали общество. Чтобы уничтожить рабочие коалиции, они отказываются от принципов, считавшихся у них священными в течение выше двухсот лет. Они издали даже закон, согласно которому судебная власть приравнивает нас к бродягам и ворам, и мы можем быть осуждены даже без допроса и без соблюдения привилегий и формальностей гласного судебного разбирательства.

Все то, из-за чего нас заставляют страдать, все то, из-за чего мы сами себя наказали, — все это делается в пользу капитала. «Капитал, — говорит г. Гескиссон, — будучи терроризован, уйдет из страны, и рабочие, введенные в заблуждение, если им заглагоремно не противодействовать, погибнут как самих себя, так и нас». «Капитал, — говорит маркиз Ленедаун, — должен быть охраняем. Если не предоставить капиталу свободу действий, если он будет контролироваться рабочими корпорациями, то он перейдет из нашей страны в какую-нибудь более благоприятную для него страну». Капитал, если верить этим политикам, улучшил положение Англии, и причина бедности и страданий Ирландии — это недостаток в капиталах. С точки зрения подобного рода идей, ни один закон в защиту капитала не должен казаться слишком строгим, и мало кто считает или почти никто, за исключением рабочих, не считает модную пропинку презирать требования рабочих и осмеивать их бедствия несправедливой или несправедливой.

В действительности, законодательная власть, широкая публика и в особенности наши работодатели судят о наших требованиях исключительно с точки зрения положения рабочего в прошлом или его положения в других странах. Нам говорят, что мы должны быть довольны, потому что нам совсем не так плохо приходится, как покрытым лохмотьями ирландским крестьянам, у которых еще более жестокая система угнетения, чем даже та, от которой страдаем мы. Из-за них мы также осуждены на мучения, ибо они ввозятся сюда толпами и снижают оплату нашего труда. Мы поэтому не можем питать никакой надежды на то, что нам удастся убедить общественное мнение или вызвать краску стыда на лицах тех людей, которые обогащаются нашим тяжелым трудом. Ссылаясь на обычай какой-либо другой страны в прошлом или в настоящем, они издаются над бедностью и страданиями, причиной которых они сами являются. Чтобы добиться лучшего положения, рабочие должны апеллировать не к практике, а к принципам. Мы должны оставить вопрос о том, каким образом труд оплачивался в прошлые времена и как он оплачивается теперь в других странах, а должны показать, как он должен оплачиваться. Я допускаю, что это трудная задача, однако, мы должны попытаться разрешить ее, виду того что положение рабочего в нашей стране в прошлом и положение рабочего в настоящее время в других странах не дает нам никакого критерия, которым мы можем или должны были бы руководствоваться.

Я знаю, что требования капитала санкционируются обычаем, который пользуется почти всеобщим признанием, и, до тех пор, пока сам рабочий не почувствовал тяжести этих притязаний, бесполезно было против них возражать. Но теперь, когда положение вещей вызывает сопротивление, мы обязаны, если это возможно, опровергнуть теорию, на которой зиждется современная практика и которой она оправдывается. В соответствии с этим мои доводы будут направлены против этой теории. Впрочем, разрешив вопрос о требованиях капитала или труда, мы сделаем только первый шаг в направлении исследования вопроса об оплате труда. Другие части исследования будут, как я надеюсь, разработаны некоторыми из моих товарищей рабочих, а я ограничусь в настоящее время рассмотрением притязаний капиталистов, поскольку они поддерживаются теоретическими положениями политической экономии.

Я допускаю, что этот вопрос несколько неясный; однако рабочие должны постигнуть общепринятые положения о природе и пользе капитала и должны уметь их опровергать. Заработная плата изменяется в противоположном направлении по отношению к прибыли, т. е. заработка плата растет, когда прибыль падает, а прибыль растет, когда заработка плата падает. Поэтому именно прибыль, или доля капиталиста в национальном продукте, противопоставляется заработной плате или доле рабочего. Теория, на основании которой предъявляется притязание на прибыль и в качестве основной движущей силы человеческого прогресса выдвигающая перед нашим правительством капитал и его накопление, — это и есть та теория, которую, как я утверждаю, рабочие должны постигнуть в своих

собственных интересах и должны уметь опровергать прежде, чем они обретут какую-либо надежду на прочное улучшение своего положения. Рабочие, действительно, так уверены в том, что их усилиями производится все богатство общества, что в их сознании никогда не возникает сомнения по этому поводу. Однако в ином свете вопрос представляется другим. Каждый раз, когда рабочие требуют повышения заработной платы или когда они объединяются, чтобы самим добиться справедливости, они мало слышат или почти ничего не слышат ни со стороны законодательной власти, ни со стороны прессы о необходимости вознаграждать за труд, но им много говорят о необходимости защиты капитала. Поэтому рабочие должны уметь показывать всю пустоту той теории, на базе которой основываются притязания капитала и на базе которой издаются все притеснительные законы в его защиту. Я надеюсь, что это побудят их постараться постигнуть последующие рассуждения, а для меня послужит оправданием, что я направляю внимание рабочих не столько на то, чем должен был бы владеть труд, сколько на то, чем не должен был бы владеть капитал.

«Продукт земли, — говорит Рикардо, — все то, что получается с ее поверхности соединенным приложением труда, машин и капитала, разделяется между тремя классами общества, а именно между землевладельцем, собственником имущества или капитала, необходимого для ее обработки, и рабочими, трудом которых она обрабатывается».

«Само собою разумеется, — говорит г. Мак-Куллох, — что только три класса — рабочие, собственники капитала и землевладельцы — всегда непосредственно участвуют в производстве товаров. Поэтому к ним должно поступить в первую очередь все, что получается с поверхности земли или из ее недр соединенным приложением непосредственного труда и капитала или накопленного труда. Другие классы общества не имеют иного дохода за исключением того дохода, который эти три класса предоставляют им добровольно или в принудительном порядке».

Считают, что весь продукт разделяется между этими тремя классами в следующих пропорциях: «земля обладает различной степенью плодородия». «Когда с прогрессом общества начинает обрабатываться земля худшего качества (или менее плодородная в сравнении с землей, обрабатывавшейся до тех пор), то земля лучшего качества начинает немедленно приносить ренту, и сумма этой ренты зависит от различия в плодородии этих двух участков земли»¹. Следовательно, на любой стадии общественного развития рента, или то количество всего продукта страны, которое достается лендлордам, представляет собой ту часть продукта, которую приносит любой участок земли, принадлежащий политически организованному народу, и превышающую часть продукта, получаемую с наименее плодородного участка земли, обрабатывающего этим народом или принадлежащего ему. Она представляет

¹ «Principles of Political Economy», Preface, p. 4, 2nd. ed.

собой избыточный продукт на всех участках земли, которые более плодородны по сравнению с наименее плодородным обрабатываемым участком. Рабочие не надрываются, производя этот избыток, и они не должны огорчаться, отдавая его. Таким образом, доля лендлорда не превращает рабочего в бедняка.

Согласно этой теории, доля рабочего в продукте страны составляют «предметы необходимости и удобства, потребные для поддержания существования рабочего и его семьи, или эта доля равна тому количеству продуктов, которое в среднем необходимо в целях предоставления рабочим возможности существования и продолжения своего рода, не увеличивая и не уменьшая его». Независимо от того, правильна ли эта теория в других отношениях, нет сомнения, что в этом специальном вопросе она правильна. Рабочие получают и всегда получали лишь столько, сколько необходимо для поддержания их существования, лендлорды получают добавочное количество продукта с более плодородной почвы, а вся остальная часть всего продукта труда в нашей стране и во всякой стране поступает к капиталисту под названием прибыли за использованный капитал.

Капитал, который присваивает себе, таким образом, всю продукцию страны за исключением того, что требуется для минимума средств существования рабочих и избыточного продукта плодородной земли, представляет собой «продукт труда», «он представляет собой товары», «пищу, которую рабочий ест, и машины, которыми он пользуется». Таким образом, всю ту огромную часть всего продукта страны, которая остается после того, как нас снабдили средствами существования и была уплачена рента лендлорду, мы вынуждены отдавать за одно только право есть пищу, которую мы сами произвели, и за применение наших способностей к производству добавочного продукта. Читатель может предположить, что капитал должен обладать удивительнейшими свойствами, если рабочие платят так непомерно дорого за него. Действительно, притязания капитала основаны на его удивительных свойствах. Я намерен поэтому обратить особенное внимание читателя на эти свойства капитала.

Некоторые опытные и великие люди, которых мы все должны уважать и ценить, наблюдая, как капитал получает ту большую долю продукта, на которую я указывал, и стремясь, повидимому, больше к защите и объяснению существующего общественного строя, чем к исследованию того, может ли он быть улучшен, пытались показать, каким образом капитал помогает производству. Я приведу из их произведений несколько отрывков, посвященных роли капитала. Я должен, однако, просить не понимать меня так, что будто я делаю это со злым умыслом. Единственный мотив, которым я руководствуюсь при выборе этих авторов в качестве представителей политики-экономов, это то обстоятельство, что они являются наиболее глубокими и красноречивыми защитниками доктрины, с которой я не согласен.

Г-н Мак-Куллох говорит: «Накопление и применение как основного, так и оборотного капитала безусловно необходимо для того, чтобы поднять каждый народ по лестнице цивилизации. И лишь

при их совокупном и мощном взаимодействии может быть осуществлено производство богатства в широких размерах и повсеместное его распространение»¹.

«Поэтому,— говорит он дальше,— не только возрастает промышленность каждой страны с ростом имущества или капитала, который приводит ее в движение, но в результате этого увеличения расширяется разделение труда, изобретаются новые и более мощные орудия производства и машины, и, таким образом, то же количество труда способно производить бесконечно большее количество товаров».

«Помимо его способности содействовать разделению труда, капитал способствует облегчению труда и производству богатства следующими тремя путями:

Во-первых, он дает нам возможность выполнить работу, которая не могла бы быть выполнена, или производить товары, которые не могли бы быть произведены без его помощи.

Во-вторых, он сберегает труд при производстве товаров почти всех видов.

В-третьих, он дает нам возможность работать лучше, а также значительно быстрее».

Перечисление свойств капитала, встречающееся у Милля; хотя и не так полно, но еще более поразительно. «Рабочий,— говорит он,— никогда не имеет ни сырых материалов, ни орудий труда. Это доставляет ему капиталист. Естественно, что *за это снабжение капиталист надеется на вознаграждение*. Соответственно этому утверждению капиталист снабжает рабочего, и только в силу этого он ждет прибыли. По Миллю, как это видно из других мест его книги, не капиталист снабжает рабочего, а капитал, который сам производит. Он говорит о капитале как об орудии производства, вступающем в сотрудничество с трудом, как об активном агенте, сочетающемся с трудом для производства товаров; вследствие этого он сам убежден и старается доказать читателю, что капитал имеет право на всю ту большую часть продукта, которую он в самом деле получает. Милль приписывает также самому капиталу способность к накоплению. Эта способность или тенденция к накоплению, прибавляет он, не так велика, как тенденция населения к росту, и на различии между этими двумя тенденциями он и другие авторы построили теорию общества, которая в пеблагоприятном свете выставляет несчастную мать-природу.

Я воздержусь от дальнейшего цитирования этих авторов, а также от изложения взглядов других авторов, и перейду к *рассмотрению роли капитала*. Начну с оборотного капитала. Г-н Мал-Куллох говорит: «Без оборотного капитала,—под которым он подразумевает пищу, потребляемую рабочим, и платье, которое он носит,—ни на одно предприятие, которое почти не приносит непосредственного дохода, рабочий никогда не был бы нанят». Затем он говорит, что «разделение труда есть следствие предварительного

¹ Article «Political Economy» in Supplement to Encyclopedia Britannica.

накопления капитала», и приводит следующую цитату из д-ра Смита как точное выражение его собственных воззрений: «Прежде чем разделение труда окажется возможным, где-то должна быть накоплен запас разного рода благ, достаточный для того, чтобы поддержать существование рабочего и снабжать его орудиями для выполнения его работы. Например, ткач не мог бы посытить себя всецело своему специальному делу, если бы предварительно не был накоплен где-то запас, находящийся в его личном владении или во владении какого-нибудь другого лица, — запас, достаточный для того, чтобы он мог существовать, и достаточный для снабжения его материалами и орудиями, необходимыми для выполнения его работы, пока он не только соткет, но и продаст свою ткань. Это накопление должно, очевидно, предшествовать возможности в течение долгого времени заниматься специальным делом».

Оборотный капитал приносит лишь ту пользу, что при его помощи рабочий, будучи обеспечен имеющимися налицо средствами существования, оказывается в состоянии применять *свои* силы с наибольшей выгодой. Он имеет время для изучения ремесла, и *его* труд становится более производительным, если он умело направлен. Будучи *обеспечен* с самого начала средствами существования, исходя из своих специальных знаний и навыков и учитывая потребности общества, он может установить наилучший способ применения своего труда и соответствующим образом работать. Если бы не было этого *обеспечения*, то не было бы ни непрерывной работы мысли, ни изобретений, ни знаний, а существовало бы лишь то, что необходимо для удовлетворения наших непосредственно животных потребностей. Я полагаю, что ткач не завершил бы работы над своей тканью, а кораблестроитель не начал бы строить корабль, если бы они не знали, что, пока они будут заняты этой работой, у них будет возможность получать пищу. Конечно, купец не отправился бы в Южную Америку или в Ост-Индию, если бы у него не было *уверенности*, что в течение всего периода его отсутствия он и его семья будут снабжены средствами существования и что он будет в состоянии, закончив свое путешествие, оплатить все произведенные им расходы. Это *обеспечение*, это *знание*, эта *вера* в возможность получения средств существования и вознаграждения поощряют людей к длительным и сложным предприятиям, и вопрос только в том, получают ли люди эту уверенность от уже наличного запаса благ (сбереженного от продукта прежнего труда) и уже готового для их оплаты, или же из какого-либо другого источника? Я постараюсь показать, что эта уверенность *проистекает из общего принципа, свойственного человеческой природе, и что свойства, присываемые запасу товаров под названием оборотного капитала, — результат существующего труда.*

Рабочему, действительному производителю всякого товара, эта уверенность присуща потому, что он знает, что лицо, которое дает ему работу, заплатит ему и что на эти деньги он будет в состоянии купить все то, в чем он нуждается. Он не является владельцем какого бы то ни было товарного запаса. Имеется ли товарный

занес у лица, которое панимает его и платит ему? Ясно, что нет. Жизнь весьма немногие капиталисты обладают некоторым запасом тех товаров, которые занятые у них рабочие потребляют. Фермеры могут иметь запас зерна, а купцы и судовладельцы могут иметь запас продовольствия для своих моряков на несколько недель или месяцев, соответственно продолжительности путешествия, которое они предпринимают, но за исключением таких случаев ни один капиталист не владеет имеющимися наготове товарами, которые потребляют его рабочие. Он является владельцем денег, он пользуется кредитом у других капиталистов, он имеет санкционированную законом власть над трудом рабочего, происходящего от рабов, но он не имеет ни пищи, ни платья. Капиталист платит рабочему его денежную заработную плату, другие же рабочие в ожидании получения части этой заработной платы или заработной платы других рабочих вынуждены тем временем производить платье и пищу, в которых они постоянно нуждаются. Не желая, однако, иметь дела с общими понятиями и абстракциями, которые, повидимому, ввели многих писателей в заблуждение, перейдем к конкретным примерам.

Предположим, например, что крупный хлопчатобумажный фабрикант — какой-нибудь сэр Роберт Пиль или кто-либо из тех левиафанов, которые так озабочены сохранением своей власти над рабочими в качестве законодателей либо лично, либо через своих сыновей, — издает законы, клевещущие на нас и притесняющие нас. Предположим, что он панимает тысячу человек, которых еженедельно оплачивает. Имеет ли он уже в готовом виде пищу и платье, которые эти лица ежедневно покупают и потребляют? Знает ли он хотя бы, приготовлены ли, а также произведены ли средства существования и платье, в которых эти лица нуждаются? Приготовлены ли уже действительно заранее пища и платье, которые его рабочие будут употреблять, или же другие рабочие усердно заняты заготовкой пищи и шитьем платья в то время, когда его рабочие производят хлопчатобумажную пряжу? Имеют ли в данный момент все капиталисты Европы недельный запас средств существования и одеяния для всех тех рабочих, которые у них заняты?

Исследуем этот вопрос сначала относительно пищи. Часть пищи населения составляет хлеб, который всегда печется только за несколько часов до того, как его едят. Зерно, из которого изготавливается хлеб, должно быть, конечно, выращено, и, таким образом, одна часть всего процесса производства хлеба и наиболее длительная часть, которая заключена между посевом семян и сбором созревшего зерна и необходима для завершения приготовления пищи, должна быть выполнена предварительно. Но зерно должно быть после этого обмолочено, посажено в землю, просеяно, доставлено на рыжок и переработано в хлеб. Ибо для того, чтобы придильтчик хлопка был в состоянии отаться исключительно своему специальному роду труда, необходимо, чтобы другие люди были постоянно заняты выполнением сложного процесса, каждая часть которого является столь же необходимою, как часть, выполняемая земледельцем. Продукт некоторых рабочих, в част-

ности шекаря, не может сохраняться долго. Ни в коем случае сырой материал хлеба, безразлично, в виде ли зерна или в виде муки, не может сохраняться без постоянного труда. Наниматель рабочих-прядильщиков не может иметь в запасе хлеб, так как он еще не приготовлен; сам рабочий-прядильщик ничего не знает о каком-либо наличном запасе зерна, из которого может быть приготовлен для него хлеб. Он знает, что всегда в состоянии добыть хлеб, когда у него имеются средства на его покупку, и больше он ничего не знает. Но если бы он даже и знал о наличии такого запаса, он все же, может быть, отказался бы от прядения хлопка и принял бы за приготовление пищи, если бы он не знал также, что в то время, когда он изготавливает бумажную пряжу, другие рабочие будут возделывать землю и приготовлять для него пищу, которую он будет в состоянии приобрести благодаря производству бумажной ткани. Уверенность рабочего ткача в том, что он получит хлеб, когда он ему понадобится, и уверенность его хозяина в том, что деньги, которые он ему платит, дадут ему возможность купить хлеб, основаны просто на том факте, что хлеб всегда можно было достать, когда в нем нуждались.

Другой предмет питания рабочего — это молоко, а молоко производится, чтобы не выразиться непочтительно о действиях сил природы, два раза в день. Когда говорят, что скот, который его дает, уже имеется, то нужно отметить, что он требует постоянных забот и труда и что его корм в течение большей части года ежедневно возрастает. Луга, на которых он пасется, требуют рабочих рук. И хотя у некоторых стад в результате дрессировки вырабатывается привычка к послушанию, более совершенная и безусловно более приятная на вид, чем повиновение солдат, все же даже такие стада нуждаются в постоянном уходе, ибо они должны доставлять молоко два раза в день. Так же обстоит дело с мясом. Оно не может сохраняться долго, ибо, как только его выносят на рынок, оно начинает портиться. Скот, который идет на убой, требует такой же заботы и внимания, как и коровы. Прядильщик хлопка не мог бы добыть ни одного кусочка мяса, если бы непрерывно не работали фермер, прасол и скотопромышленник, заготовляющие мясо в то время, когда он изготавливает пряжу. Но и после того, как мясо доставлено на рынок, оно все еще не готово для потребления. Мы не людоеды, и наши жены или какой-нибудь рабочий, которые специально занимаются приготовлением пищи, заканчивают приготовление мяса только за несколько часов или даже за несколько минут до его потребления. Питье рабочего, доставляемое природой, никогда не иссякает. Его пиво, до того как его пьют, приготавливается лишь за столько времени, сколько необходимо, чтобы сделать его доброкачественным, и, в то время как целичный запас пива потребляется, пивовар прилежно приготавливает свежий запас. Возможно, что чай ввозится в таких количествах, что его хватает на несколько месяцев, и, в то время как этот запас потребляется, непрерывно прибывают суда с новыми запасами чая.

Теперь перейдем к одежде. Некоторые рабочие покупают готовое платье, другие же его заказывают. Можно признать, что всегда имеется небольшой запас одежды. Но ввиду того, что моль разрушает материал, из которого одежда изготавливается, то заготавливается небольшой запас одежды в сравнении с общей в ней потребностью. Материалы, из которых шьются дамские платья, могут быть заготовлены за несколько недель до того, как платья готовы, но платья редко шьются задолго до того, как их одевают.

Подобные примеры можно было бы привести из каждой отрасли промышленности, если бы была необходимость рассматривать каждую из них подробно, так как в этом отношении каждый рабочий находится в одинаковом положении. Фермер знает, что сможет приобрести платье, когда он в нем будет нуждаться, и портной знает, что он сможет добить пищу, но первый ничего не знает о каком-либо запасе платья, а последний — о каком-либо запасе продовольствия. Рабочий знает, что когда он в состоянии платить за хлеб, за мясо и за напитки, то он может их приобрести, но кроме этого он ничего не знает. И я показал, что предметы питания не производятся до тех пор, пока рабочий в них не нуждается. Совершенно очевидно, что, поскольку речь идет о пище, напитках и одежде, ни один рабочий какой бы то ни было отрасли промышленности не зависит от предварительно заготовленного запаса, потому что в действительности такого запаса не существует, но снабжение каждого рабочего постоянно и всегда зависит от существующего труда некоторых других рабочих.

Чтобы хозяину, фабриканту или рабочему предоставить возможность посвятить себя какому-либо специальному занятию, отнюдь не является необходимым, чтобы они, как говорят политики-экономы, владели запасом товаров или оборотным капиталом; рабочий должен обладать уверенностью, что, в то время как он занят своей специальной профессией, ему будут доставлены товары, которые он сам не производит, и что он будет в состоянии приобретать их с помощью продукта своего труда и платить за них этим продуктом. Первоначально эта уверенность возникает по привычке без участия какого бы то ни было размышления. Подобно тому, как мы надеемся, что солнце взойдет утром, мы надеемся также, что и вперед люди будут руководствоваться теми же самыми мотивами, как и в прошлом. Если бы мы продолжили наши исследования еще дальше, то узнали бы лишь то, что существуют другие люди, изготавливающие товары, в которых мы нуждаемся, в то время как мы изготавливаем товары, в которых они нуждаются. Возможно, что эта уверенность в конце концов основывается на имеющихся у нас сведениях о наличии *других людей*, которые живут и трудятся, но отнюдь не на каком-либо убеждении или знании, что имеется накопленный запас товаров. Все вещи, в которых определяется нужда, производятся трудом, и единственная вещь,

которой можно сказать, что она накапливается или предварительно заготавливается, — это *искусство рабочего*. Если бы искусство пекаря, мясника, пивовара, портного, ткача не было предварительно изучено и накоплено, то нельзя было бы приобрести товары,

которые каждый из них производит. Но ввиду наличия этих видов искусного труда эти товары всегда могут быть доставлены, когда в них имеется нужда.

Предположим, что производственный процесс прядения хлопка закончен и что продукция доставлена на рынок, где она может быть обменена или продана в течение года, но имеются многие виды производства, которые не заканчиваются в течение этого периода. И если правильно то, как я это старался показать, что не существует заранее приготовленного запаса пищи и одежды, предназначенного даже для тех рабочих, которые завершают процесс производства в течение периода между двумя последовательно наступающими урожаями, то насколько более очевидна должна быть эта истина применительно к тем процессам производства, которые не могут быть завершены в течение года? Все рабочие, выполняющие эти производственные процессы, рассчитывают на хлебопека, мельника, мясника и др., выполняющих свою долю социальных обязанностей. Они должны также рассчитывать на фермера, что он будет возделывать свою землю, сеять и собирать урожай последующего года. Мильль справедливо говорит, что то, «что *ежегодно* производится, то *ежегодно* и потребляется», так что в действительности не может быть накоплен такой запас товаров, чтобы люди получили возможность совершать те операции, которые тянутся больше года. Те, кто приступает к таким операциям, не должны поэтому надеяться на уже произведенные товары; они должны рассчитывать на то, что другие люди производят и доставляют то, в чем они нуждаются, пока их собственные продукты будут готовы. Следовательно, если рабочий рассчитывает на то, что известное накопление оборотного капитала требуется для операций, которые совершаются в течение года, а я показал, как ограничены рамки этого допущения, если оно вообще мыслимо, то все же ясно, что при *всех* операциях, которые продолжаются больше года, рабочий не должен и не может рассчитывать на *накопленный* капитал.

Процессы производства, не завершающиеся в течение одного года, ни малочисленны, ни маловажны. Время, необходимое для приобретения познаний в какой-нибудь области искусного труда, а также применения его с успехом, — сюда относятся почти все занятия, независимо от того, создают ли они богатство или служат только для развлечения, — время, необходимое для совершения всех дальних путешествий и постройки большинства каналов, дорог, гаваней, доков, больших паровых машин и кораблей, которые все должны потом стать мощными орудиями в руках рабочего, значительно превышает период одного года, а во многих случаях — нескольких лет. У всех приступающих к такого рода занятиям существует базирующаяся на опыте уверенность, хотя о ней редко говорят, что, в то время когда они обучают подрастающее поколение искусному труду и просвещают своих детей в полезных ремеслах, в то время когда они строят каналы, дороги, доки, корабли, паровые машины и т. д., — в это время фермер будет не переставая выращивать зерно, а мельник его размалывать; пекарь будет из него делать

хлеб, ирасол будет откармливать свой скот, а мясник будет его убивать, когда в этом будет надобность; производящие бумажную материю и шерстяные изделия фабриканты будут заготовлять ткань, а портной всегда готов спить из нее одежду, когда бы они ни получили заказ. Кроме этой уверенности они ничем не обладают. Ни они сами не имеют запаса оборотного капитала, ни те лица, которые затем снабжают их продовольствием и одеждой в течение всего времени, пока эти предприятия находятся в процессе производства и обладают таким запасом в тот момент, когда рабочие начинают работать.

Из всех значительных операций, для завершения которых требуется больше года, — что они все значительны постольку, поскольку это касается производства богатства, это не требует доказательства, — наиболее важной является воспитание юношества и обучение его искусному труду или некоторым ремеслам, создающим богатство. Я особенно желаю направить внимание читателя на эту производительную операцию, потому что если сделанные мною замечания правильны, то все действия, которые обычно приписываются накоплению оборотного капитала, обусловлены *накоплением и сохранением искусного труда*, и это чрезвычайно важное явление происходит, поскольку имеется в виду большая масса рабочих, без какого бы то ни было оборотного капитала. Посредством труда родителей, который оплачивается в виде *заработной платы*, производятся и покупаются все предметы питания и вся одежда для подрастающего поколения рабочих, в то время как последние изучают те ремесла, при посредстве которых они затем будут производить все богатство общества. Для воспитания и обучения всех будущих рабочих (я, конечно, не имею в виду *книжного обучения*, которое представляет собою наименее полезную часть всего того, что рабочие должны изучать) их родители не обладают никаким накопленным запасом за исключением своего собственного практического опыта. Под сильным влиянием чувства естественной привязанности и родительской любви они непрерывно, изо дня в день и из года в год в течение всего долгого периода младенчества и отрочества, подготавливают своим трудом тех будущих рабочих, которые будут их преемниками по труду и по тяжелой доле, но которые унаследуют также и их производительную способность и станут тем, чем являются сейчас их родители, — главной опорой общественного здания.

Если мы правильно учтем число и значение тех создающих богатство операций, которые не заканчиваются в течение года, и, с другой стороны, бесчисленные продукты ежедневного труда, которые требуются для содержания человека и так же быстро потребляются, как и производятся, тогда мы поймем, что результат и производительная сила различных видов труда всегда больше зависит от одновременно существующих различных видов производительного труда других людей, чем от какого-либо накопления оборотного капитала. Не обладая никаким запасом товаров, рабочий берется воспитывать своих детей и обучать их полезному ремеслу, полагаясь иногда на свой собственный труд. Разные классы людей

ставят себе задачи, выполнение которых не требует длительного времени, полагаясь на труд других лиц, которые доставят им в течение этого времени все необходимые средства существования. Все классы общества ежедневно трудятся в полной уверенности, что в то время, когда каждый занят своим специальным делом, другие будут заготовлять все то, в чем он нуждается как для своего непосредственного, так и для будущего потребления и пользования. Я уже разъяснил, что эта уверенность связана с тем свойством нашей природы, в силу которого мы уверенно ждем восход солнца завтра и уверены, что наши сограждане будут работать завтра и в течение ближайшего года так же, как они работали в прошлом году и вчера. Я надеюсь также, что я убедил читателя, что ничего не известно о наличии какого-либо продукта предшествующего труда, накопленного для потребления, что результаты, которые обычно приписываются запасу товаров, порождены сосуществующим трудом и что своей власти над *трудом известного количества людей*, а не своему обладанию запасом товаров, капиталист обязан тем, что он может содержать других рабочих и потому дать им работу.

Перехожу теперь, во-вторых, к рассмотрению *природы и роли основного капитала*. Основной капитал состоит из орудий и инструментов, с которыми работает рабочий, из машин, которые он создает и которыми он управляет, из строений, которыми он пользуется или для облегчения своего труда, или для хранения своей продукции. Бессспорно, что благодаря применению этих приспособлений человек в поразительной степени увеличивает свои силы. Без помощи ручной пилы, представляющей собой часть основного капитала, человек не мог бы разрезать дерево на доски. Благодаря наличию этого инструмента, он мог бы это сделать, хотя это отняло бы у него несколько часов или несколько дней; на лесопильном заводе эта работа может быть выполнена в течение нескольких минут. Каждый должен признать, что благодаря орудиям и машинам рабочий может выполнять работу, которую никогда не выполнял бы без их помощи, что он может за определенное время выполнить большее количество работы и что он может выполнить эту работу с большей точностью и аккуратностью, по сравнению с тем, как если бы работал без орудий и машин. Однако тогда возникает вопрос: что заставляет производить орудия и машины, в какой мере они делают производство независимым от рабочего и почему собственники этих орудий и машин имеют право на наибольшую часть всего продукта страны? Являются или не являются орудия и машины продуктом труда? Представляют ли они или не представляют собой обособленное от труда, единственное средство производства? Являются ли они или не являются инертной, разрушающейся, мертвой материей, не обладающей никакой полезностью, никакой производительной силой до тех пор, пока они не направляются, не управляются и не применяются искусными руками? Читатель сможет немедленно ответить на все эти вопросы, а я только присоединю свой собственный ответ потому, что последний приведет к некоторым выводам, отличным от общепринятых.

Все те, кто наиболее ревностно оспаривает притязания капитала, признают, что все орудия и машины являются продуктом труда. Они, впрочем, прибавляют, что орудия и машины являются продуктом прошлого труда и предоставляют право на прибыль, так как порождены сбережением или накоплением. Но производство инструментов и орудий происходит так же непрерывно, как и производство пищи и одежды. Они не потребляются или не используются полностью в течение одного года, но ими начинают пользоваться по возможности тотчас же, как только они произведены. Никто из тех, кто производит орудия и машины, не накапливает их; никто не производит их для этой цели. Пока они ничего не представляют собой кроме результата прошлого труда и не применяются целесообразно рабочими, они не покрывают расходов, которые потребовались для их создания. Только тогда, когда орудия и машины применяются, они приносят прибыль. Они произведены только для употребления их рабочими, и как только машины и орудия попадают в руки рабочего, они немедленно возвращают или возмещают капиталисту сумму, которую они ему стоят, а помимо, и сверх этой суммы, рабочий должен приносить капиталисту добавочную сумму соответственно уровню прибыли в стране. Ясно, что право на прибыль, которое эти вещи доставляют, не есть следствие того, что они были созданы в прошлом, так как стоимость многих инструментов и орудий снижается, если они не применяются. Каждый должен платить также проценты за пользование орудием в соответствии с трудом, затраченным на его производство, безразлично, будут ли это швейные иглы, из которых многие потребляются и производятся в течение одной недели, или это будет корабль или паровая машина, потребление и пользование которыми длится в течение многих лет. Основной капитал является полезным не благодаря прошлому, а благодаря текущему труду, и он доставляет своему владельцу прибыль не потому, что он сохранен, а потому, что он является средством приобретения власти над трудом.

Производство основного капитала не может быть приписано оборотному капиталу в обычном смысле этого слова. Но, конечно, те, кто производят орудия, должны быть уверены, что они будут в состоянии приобрести средства питания, в противном случае они никогда и думать не станут о производстве орудий. Кузнец, в то время как он *изготавливает* или исправляет союзник фермера, надеется на то, что последний принимает участие в деле производства заработка пищи. Фермер, в то время как он обрабатывает свои поля, надеется на кузнеца, что тот изготовит для него необходимые орудия. Эти орудия не являются продуктом оборотного капитала и труда, но продуктом одного лишь труда, притом существующего труда двух или более человек. Весь основной капитал не только на ранней стадии развития общества, как обычно думают, но и в любой стадии развития общества, в любом периоде истории человечества представляет собой продукт труда и способностей, конечно, различного рода труда и способностей, но ничего больше, кроме как труда и способностей. После того как те или иные орудия произведены, в чем

может проявиться их эффективность? Ни в чем. Наоборот, они начинают ржаветь или гнить, если они не применяются трудом. Самое совершенное орудие, которое когда-либо было создано искусственной человеческой рукой, представляет собой неодушевленный предмет, и оно постоянно нуждается в направляющей руке своего творца или какого-нибудь другого рабочего. Искусный ремесленник может сделать автомат, который будет двигаться, или часы, которые не остаются в течение некоторого времени без дальнейшего приложения труда, но способность к движению, которую он придает этим предметам, представляет собой в данном случае конечную цель и задачу труда; эти же орудия не называются основным капиталом, потому что они не применяются для дальнейшего производства. Собственник автомата может выставить его напоказ за вознаграждение, и если часы применяются для определения географической долготы на корабле, то они могут быть частью основного капитала, полезного в том производстве, которое связано с торговлей. Но, впрочем, и в этом случае требуется наблюдатель, и местонахождение корабля устанавливается только благодаря труду и умелости последнего, применяющего эти часы. Следует ли рассматривать орудие как производительный капитал или не следует, это всецело зависит от того, потребляется ли оно каким-нибудь производительным рабочим.

Чтобы стать производительными, самые совершенные инструменты, когда-либо созданные трудом, как это видно на примере с часами, нуждаются в сочетании со специальными знаниями. Несомненно, например, что корабль является великолепным орудием, самой замечательной и полезной частью основного капитала, которую когда-либо создавала человеческая рука или которую когда-либо применяли в сочетании с умелостью человека. При посредстве кораблей богатство Великобритании возрастало и будет возрастать. Однако, если бы не заботились об его сохранности, наш флот бездействовал бы и ржавел, и если бы суда не управлялись моряками, то, предоставленные воле ветра, благодаря волнам, ветрам и скалам, они бы разбивались. Корабль строится при помощи знаний, приобретаемых долголетним опытом, и путем затраты большого количества труда, руководимого этим знанием. Мне было бы затруднительно перечислить различные виды труда, которые необходимы для постройки корабля, пригодного для плавания. Сюда входят: умение и труд чертежника, работа корабельного плотника, мачтового мастера, парусника, бочара, литейщика, кузнеца, медника, производителя компаса и т. д. и т. д., и ничего иного не требуется, кроме умения и труда этих различных лиц. После того как корабль готов, представители этих же самых профессий заботятся о его сохранности, устанавливают первые признаки разрушения, исправляют малейшее повреждение, появившееся случайно или под действием времени. Впрочем, при отсутствии моряков, которые управляли бы им, он бесполезен. Чтобы благополучно направлять его из порта в порт, из одного полушириния в другое, необходимо обладать обширными познаниями в направлениях ветров и течений, в области небесных явлений и законов,

которые господствуют над поверхностью земли. И только тогда, когда это знание в соединении с большим умением применяется трудом, корабль может благополучно избежнуть множества опасностей, которые рассеяны на его пути. Чтобы иметь этот основной капитал и пользоваться им, необходимы знание, труд и умение. При отсутствии всего этого корабль не был бы построен и он был бы еще менее производителен, чем бревна, которые служат ему в качестве сырого материала или обрабатываются человеческой рукой.

Дорога прокладывается с помощью известного количества труда и называется поэтому основным капиталом. Однако она нуждается в постоянном ремонте, который непрерывно производится, и расходы, вызываемые этим ремонтом, называются оборотным капиталом. Однако ни основной капитал, ни оборотный не приносили бы строителям дороги никакой прибыли, если бы не было лиц, которые ездили бы по этой дороге, или если бы эти лица иным образом использовали бы их труд. Дорога облегчает проезжающим движение, и труд, затраченный на ее содержание, оказывается тем производительнее и полезнее, чем больше людей ею пользуются. Легко понять, почему оба эти вида труда должны оплачиваться, почему строитель дороги должен что-нибудь получить из дохода, который извлекает из нее только тот, кто ею пользуется. Но я не понимаю, почему под наименованием прибыли на их капитал должен быть получен и присвоен весь доход с дороги рядом лиц, которые не прокладывают дорогу и не пользуются ею.

Можно подумать, что капитал — это своего рода каббалистическое слово, как церковь, или государство, или какое-либо другое из тех общих выражений, изобретенных теми, кто стригет остальное человечество с целью спрятать руку, которая держит жизнцы. Это своего рода кумир, и людям предлагают поклоняться этому кумиру, тогда как хитрый жрец с высоты алтаря протягивает руку для получения и присвоения тех даров, которых он требует во имя религии, оскверняя бога, которому он якобы служит, и осмеивая искры чувства преданности и благодарности или ужасные чувства страха и вражды, столь присущие всему человеческому роду, все равно, будут ли это люди мудрые и просвещенные или невежественные и низкие.

Паровая машина тоже представляет собой весьма сложное орудие, но, увы, в угоду капиталиста, она сама по себе не двигается. Требуются специальные познания, чтобы сделать ее, пустить в ход, и специальные познания и труд должны затем направлять и регулировать ее движения. Что производила бы эта машина без механика? Нестороннему человеку, который не обладает познаниями механика, она представлялась бы лишь носительницей пищеты, смерти и разрушения. Громадная польза паровых машин зависит не от накопления железа и дерева, а от практического и живого знания сил природы, которое одним людям дает возможность строить машины, и другим управлять ими.

Если мы перейдем к более мелким орудиям и будем рассматривать то из них, которые приводятся в движение рукой, то еще более

очевидными станут необходимость умения и труда и крайняя бесполезность капитала самого по себе. Задавали вопрос, что может сделать плотник без своего топора и своей пилы? Я выдвигаю противоположный вопрос и спрашиваю, что создавали бы топоры и пилы без плотника? Ржавчину и гниль, таков должен быть ответ. Плуг и коса могут быть сделаны наиболее искусным образом, но чтобы пользоваться ими обоими, человек должен обладать ловкими руками или же особого рода способностями. Сапожник, который умеет с особым проворством и аккуратностью протыкать шилом кожу, никак не сумеет воспользоваться орудиями часовщика; и наиболее искусному и проворному мастеру, изготавливающему рубанки, пилы и долота, будет затруднительно изготовить с их помощью один из тех видов мебели, которые с такой быстротой и с таким прекрасным результатом производятся краснодеревщиком. Часто, впрочем, после того, как работник набил себе руку в известной отрасли, и после того, как он часто наблюдал за трудом других работников, он может гораздо легче научиться другому ремеслу, чем то лицо, которое никогда не упражнялось в каком-нибудь виде ручного труда или никогда не наблюдало, как он происходит. Однако если искусный рабочий не может так же успешно управлять каким-нибудь орудием, как человек, который привык постоянно им пользоваться, то очевидно, что вся производительная сила подобного рода орудий всецело зависит от специальных знаний мастера и механика, которые обучались различным ремеслам. Основной капитал, какого бы рода он ни был, представляет собой, следовательно, ценный продукт, производство и сохранение которого обходятся дорого, без помощи того специального рода умения и труда, которые направляют каждое орудие и которые, как я уже показал, содержатся, направляются и сохраняются одной лишь заработной платой. Полезность орудий, которые применяются рабочим, циконим образом не может быть отделена от его умения. Кто бы ни был собственником основного капитала, а на современной стадии общества таковым является не тот, кто его создает, но тот, кто его применяет, основной капитал представляет собою руки и познания рабочего,— который создает его, предохраняет от разрушения и применяет его для какой-нибудь полезной цели.

Следовательно, для того чтобы какой-нибудь народ имел основной капитал и успешно применял его, требуются, как мне кажется, три вещи, и только лишь три вещи. Во-первых, знание и выдумка для изобретения машин. Ни один рабочий,—я в этом убежден,—не станет отрицать, что это должно быть оплачено. Однако ни одна жалоба не является столь всеобщей и справедливой, как жалоба на то, что изобретатель какой бы то ни было машины не пользуется плодами своего изобретения. Я полагаю, что среди громадного числа лиц, которые приобрели большие состояния в результате новейших усовершенствований паровых машин и хлопчатобумажных фабрик, только двое — г. Уатт и г. Аркрайт — выделялись своими изобретениями. Но при этом и они, скорее всего как капиталисты, чем как изобретатели, приобрели состояния. Г-н Уатт нашел капиталиста,

который оценил его гений, а г. Аркрайт откладывал и занимал деньги для прибыльного применения своих собственных изобретений. Тысячи капиталистов обогащались изобретениями и открытиями, творцами которых они не были, и капитал, грабя у изобретателя его справедливое вознаграждение, повинен в удушении гения. Вторым требованием, для того чтобы владеть основным капиталом, является физическая ловкость и проворство для осуществления этих изобретений. Третьим требованием являются умение и труд для применения этих орудий, после того как они изобретены. Без знания они не были бы изобретены, без физического проворства и ловкости они не были бы сделаны, и без умения и труда они не были бы производительно использованы. Только на основе знания, умения и труда капиталист может предъявить притязание на какую-нибудь долю продукта.

Человек по своей природе и взятый изолированно представляет собой наиболее слабое и немощное существо. Однако его разум возмещает его сравнительную физическую слабость. После того как люди унаследовали опыт нескольких поколений и после того как они стали объединяться в большие группы, они оказались способными благодаря своим умственным способностям довершать, так сказать, творчество природы и сочетать свой разум с физической силой низших животных. Человек передвигается по воде, носится по воздуху, проникает в недра земли, подчиняет себе все то, что имеется на ее поверхности. Если он сначала находился под угрозой, что ветры сбрасывают его с поверхности земли в воду, то теперь эти ветры размывают его зерно и доставляют ему известную долю сокровищ всего мира. Он по собственному своему желанию вызывает разрушительную стихию огня, приостанавливает ее действие, так что огонь разрушает только то, чего он не желает сохранить. Он направляет течение рек и ставит преграды океану, — словом, он заставляет служить себе все стихии и превращает самую природу в орудие своей воли. Орудия, которыми он пользуется для всего этого, которые были изобретены его разумом, чтобы помочь его слабым силам, и применяемые им благодаря наличию умения и рук, были названы основным капиталом. И, оставив вле поля зрения самого человека, в целях оправдания существующего общественного строя, базирующегося на собственности или на владении, и в целях оправдания существующего угнетения рабочего, который, к несчастью, составляет часть этой собственности, — все эти великолепные результаты в силу извращения мысли, вероятно, более исключительного по сравнению с тем, что встречается в какой-нибудь другой области знания, приписываются основному и оборотному капиталу. Умение и искусство рабочего были оставлены без внимания. К нему относились с презрением в то время, как произведение его рук сделалось предметом поклонения¹.

¹ Во всех заблуждениях, пользующихся всеобщим признанием, содержатся некоторые доли истины. В данном случае эта доля истины следующая: в истории общества был известный период, когда капитал и капиталисты опиравши на общество в высшей степени существенную услугу. В эпоху

Я показал читателю, что та роль, которая приписывается оборотному капиталу, является результатом существующего труда и обычной для каждого рабочего уверенности в том, что он в состоянии будет приобрести все, в чем он нуждается, или уверенности, что одновременно с ним работают другие люди. Я показал также, что основной капитал производится искусственным трудом рабочего. Оборотный капитал, состоящий из пищи и одежды, создается только для потребления, между тем как основной капитал, состоящий из инструментов и орудий, создан не для потребления, а для того, чтобы он служил рабочим в производстве тех вещей, которые потребляются. Между этими двумя видами товаров нет никакого сходства за исключением того, что оба они представляют собой продукт труда и что оба они приносят своим владельцам прибыль.

Между ними имеется, впрочем, существенная разница, которую стоит отметить. Обычно утверждают, что «производительная деятельность каждой страны находится в соответствии с ее капиталом: она возрастает, когда капитал увеличивается, и падает, когда капитал уменьшается». Это положение верно только по отношению к оборотному капиталу, но не по отношению к основному капиталу. Число производительных рабочих, конечно, зависит от количества пищи, одежды и т. д., произведенного и предназначенного для потребления рабочих. Поэтому не от количества основного капитала, но от его качества зависит производительная деятельность страны. Говоря неудачным языком политической экономии, производительность орудий не находится в пропорциональном соотношении с ростом их количества, а в пропорциональном соотношении с их эффективностью. Возможно, что, с тех пор, как г. Уатт усовершенствовал паровую машину, один человек может при посредстве этих орудий выполнить такую же работу, какую раньше выполняли десять человек. Поскольку эффективность основного капитала возрастает благодаря людям, обладающим большими знаниями и большим умением, то вполне возможно, и в действительности так и бывает, что большее количество товаров, или большее количество средств питания и средств существования людей, добывается с меньшим капиталом.

основания городов и введения в них мануфактур они предоставляли убежища для всех угнетенных и порабощенных крестьян, которым удавалось бежать от своих феодальных тиранов. Капиталисты и фабриканты, жившие в этих городах, были также обученными рабочими и действительно давали занятие и защиту крестьянству. Они обучали этих крестьян полезным ремеслам и считались благодетелями как по отношению к бедным, так и по отношению к государству. Они были бесконечно лучше, чем феодальные бароны, с которыми их сравнивали, и сохраняют теперь ту оценку, которую они заслуживали тогда. Почтение, которое люди оказывают капиталу и капиталистам, основано на своего рода предрассудке и на традиционном мнении об их полезности в прошлые времена. Но они уже давно низвели прежних тиранов земли до сравнительно незначительной величины и унаследовали власть последних над всем рабочим классом. Поэтому уже давно наступило время, чтобы все те упреки, которые так долго бросались феодальной аристократии, были направлены против капитала и капиталистов или против той еще более угнетающей аристократии, которая основана на богатстве и питается прибылью.

Поэтому, хотя количество рабочих должно всегда зависеть от величины оборотного капитала или, я бы сказал, от количества производств существующего труда, которое рабочие могут потребить, качество производимых ими товаров зависит от эффективности их основного капитала. Оборотный капитал по мере возрастания своей величины доставляет людям средства питания и средства существования. Основной капитал как средство питания и содержания людей и своей эффективности зависит всецело от искусства труда рабочего, и, следовательно, производительная деятельность страны в той мере, в какой это относится к основному капиталу, находится в соответствии со знанием и искусством всего населения.

Самые восторженные поклонники оборотного капитала не станут утверждать, что он увеличивает производительную способность рабочего в такой же мере, как и основной капитал. Самый мечтательный писатель не может предположить, что оборотный капитал сколько-нибудь увеличивает производительную способность. Степень и природа полезности этих обоих видов капитала совершенно несходны и различны. Рабочий поддерживает свое существование с помощью так называемого оборотного капитала, работает же он при посредстве основного капитала. Но равные величины или равновеликие стоимости этих обоих видов капитала доставляют своим владельцам одинаковую сумму прибыли. На основе этого простого обстоятельства мы вполне уверены, что доля продукта, на которую претендует капиталист за применение основного капитала, обусловлена не тем, что орудия увеличивают эффективность труда, а полезностью этих орудий. Прибыль, получаемая в обоих случаях, является результатом власти капиталиста над рабочим, который потребляет оборотный капитал и применяет основной капитал. Таким образом капиталист приобретает эту власть, я не подвергаю здесь исследованию, отмечу лишь, что она обязана своим происхождением тому обстоятельству, что вся поверхность земли была в свое время монополизирована некоторыми лицами, что породило рабство, которому некогда был подвержен как рабочий нашей страны, так и рабочие во всей Европе. Так как прибыль капиталиста на основной капитал не обусловлена полезностью этих орудий, то бесполезно исследовать, какая доля прибыли должна принадлежать собственнику дерева, железа и какая ее часть должна принадлежать лицу, применяющему все это. Тот, кто производит орудия, с точки зрения справедливости и в соответствии с затраченным трудом, имеет право на такое же вознаграждение, как и тот, кто применяет их, но он не имеет права на большее вознаграждение; а тот, кто не производит и не пользуется ими, не вправе предъявлять претензии ни на какую бы то ни было часть продукта.

Между производителем пищи и производителем платья, между производителем орудий и тем лицом, которое их применяет, встает капиталист, который не производит машин и орудий, а присваивает продукцию и тех и других. Скаредной рукой, как только можно, он отмеривает каждому рабочему часть продукта, оставляя себе наибольшую долю. Он постепенно и послед-

довательно втирается между ними, расширяясь в объеме, так как он пытается их увеличивающимся производительным трудом; при этом так далеко заходит отделение их друг от друга, что никто не может понять, откуда берутся те припасы, которые каждый получает через посредство капиталиста. В то время как капиталист обирает их обоих, он с таким совершенством исключает одного из поля зрения другого, что оба верят, что своими средствами существования они обязаны ему. Капиталист является *посредником* между всеми рабочими, и когда мы сравним продукцию искусственного труда в Англии с продукцией необученного труда ирландского крестьянства, то английские посредники не окажутся менее жадными, чем ирландские. Однако английским посредникам более повезло, и в то время, как ирландских посредников клеймят как угнетателей, английских почитают как благодетелей. Они не только присваивают себе продукт рабочего, но им удается убедить его, что они являются его благодетелями и работодателями. По крайней мере, таковы доктрины политической экономии, и капиталисты могут быть очень довольны наукой, которая одновременно и оправдывает их притязания и объясняет их достойным нашего удивления великим орудием цивилизации и прогресса.

Чтобы показать рабочему, какое влияние на его бедность или достаток оказывает получение такого чрезмерного вознаграждения за предполагаемую производительную силу пищи, одежды и орудий, я должен заметить, что все политико-экономы сходятся на том, что все сбережения в обществе обычно производятся капиталистами. Рабочий не может сберегать, лендлорд не расположен сберегать. Все то, что сберегается благодаря прибыли, становится собственностью капиталиста. Теперь, если мы допустим, что капиталист имеет при 10% прибыли в год 100 квартеров пшеницы и 100 паровых машин, то он должен быть вознагражден в конце года за предоставление рабочему возможности пытаться пшеницей и применять эти паровые машины 110 квартерами пшеницы и 110 паровыми машинами в таком же превосходном состоянии, в каком 100 паровых машин были с самого начала. Это — общепринятый принцип, что, после того как часть основного капитала произведена, она должна быть оплачена по норме, достаточной для того, чтобы оплатить обычную норму процента и возместить расходы по починке или переделке орудия. Предположим, что 5 квартеров пшеницы и 5 паровых машин или стоимость их достаточны для потребления собственника, и так как остальные пять из его прибыли присоединены к его капиталу, то он будет иметь в следующем году 105 квартеров пшеницы и 105 паровых машин, которые он предоставит рабочим для еды и для того, чтобы их использовать. В ответ на это рабочий должен произвести для него в последующем году, исходя из неизменной нормы прибыли, сумму, достаточную для того, чтобы возместить весь капитал с процентами, или 115 квартеров 4 бушеля пшеницы и $115\frac{1}{2}$ паровых машин. Исходя из того, что стоимость 5 квартеров пшеницы и 5 паровых машин достаточна для потребления капиталиста, последний будет иметь в следующем году 110 квартеров 4 бушеля пшеницы

и $110\frac{1}{2}$ паровых машин, потребление и применение которых должны оплачиваться по той же норме; или рабочий должен произвести и дать капиталисту на третьем году $121\frac{1}{2}$ квартера пшеницы и $121\frac{1}{2}$ паровой машины. Нет нужды вычислять все эти доли или приводить дальнейшие их ряды. Достаточно заметить, что каждый атом дохода капиталиста, которым он не пользуется или, как говорят, который он сберегает, каждый атом дохода, который капиталист отдает или ссужает рабочим, возрастает по сложным процентам. Д-р Прайс вычислил, что один пенни, отданный в рост по сложным процентам со времени рождества Христова, достиг бы в 1791 г. суммы, которая по величине была бы больше количества золота, которое могло бы заключаться в трехстах миллионах шаров, подобных нашей земле.

Может быть я сумею показать более отчетливо пагубную роль капитала на другом примере. *Реальной ценой* платья, пары сапог или каравая хлеба, реальной ценой каждого из этих весьма полезных товаров, обладать которыми человек стремится в силу законов природы, является известное количество труда. Как велико это количество, почти невозможно сказать, так как в производстве платья, пары сапог или каравая хлеба участвует много лиц. Однако, для того чтобы рабочий обладал каждым из этих товаров, он должен затратить, кроме и сверх того количества труда, которое требуется от него по законам природы, еще гораздо большее количество труда в пользу капиталиста. Прежде чем приобрести верхнее платье, он должен платить проценты за использованных овец фермера, проценты на шерсть, после того как она попала в руки торговца шерстью, проценты на ту же самую шерсть в качестве сырого материала, после того как она перешла в руки фабриканта, проценты на все строения и на орудия, применяемые последним, и проценты на всю заработную плату, которую фабрикант платит своим рабочим. Больше того, он должен платить проценты или выплачивать прибыль на весь капитал портного как на основную, так и на оборотную его часть, причем эта норма процента несколько повышается во всех тех случаях, когда приходится платить ренту этим различным капиталистам. Подобным же образом, прежде чем приобрести каравай хлеба, рабочий должен затратить количество труда, превосходящее стоимость этого хлеба на все то количество труда, которое необходимо для оплаты прибыли фермера, торговца зерном, мельника, хлебопека, а также прибыли на все строения, которыми они пользуются. Помимо того, он должен оплачивать продуктом своего труда ренту лендуорда. Я не могу сказать, насколько рабочий, чтобы иметь каравай хлеба, должен затратить больше труда, чем этот каравай стоит. И, вероятно, преумножил бы это количество, если бы заявил, что в шесть раз, или если бы я сказал, что реальная цена этого хлеба, за который рабочий должен платить шесть пенсов, равна тому пенни. Во всяком случае, я вполне уверен, что хлебные деньги, как ни отвратительны они в принципе и как ни вредны они в перво общество, не облагают рабочего таким тяжелым налогом, как проценты. Действительно, какой бы вред они ни приносили

капиталисту, сомнительно, приносят ли они вред рабочему. Они снижают норму прибыли, но они не могут уменьшить заработную плату за труд. Существуют ли хлебные законы или они отсутствуют все равно капиталист должен предоставлять рабочему средства существования, и пока его притязания признаются «дозволенными» и осуществляются, он никогда не предоставит ему больше. Другими словами, рабочий должен всегда отдавать приблизительно одинаковое количество труда за каравай хлеба, буде ли этот каравай продуктом труда одного часа или одного дня. Зная, какую огромную роль играют капиталисты в обществе, никакие не удивительны ни те проклятия, которые недавно посыпались на хлебные законы, ни то молчание, которое сохранялось в отношении более внушительных и для рабочего более вредных требований капиталистов.

То, что капиталист действительно отдает под проценты, это не золото и не деньги, но пища, одежда и орудия. И он всегда требует, чтобы производилось больше пищи, одежды и орудий, чем он предоставил. Никакая производительная сила не может удовлетворить этому требованию, и как капиталисты, так и политики-экономы возводят хулу на мудрость природы, потому что она отказывается служить корыстолюбию первых и не может в точности сообразовать свои процессы с желаниями последних.

Действительно, крайний предел, к которому ведут сложные процессы, никогда не может быть достигнут. Их нарастание малопомалу постоянно задерживается, и они оказываются весьма далеки от желанной цели. Соответственно этому в большинстве книг по политической экономии указывается на ту или другую из двух причин, которые с прогрессом общества приводят к постоянному понижению прибыли. Политики-экономы вместе с Адамом Смитом говорят, что *накопление капитала* приводит к понижению прибыли, или вместе с Рикардо, что прибыль попирается вследствие *увеличения трудностей в добывании средств существования*. Никто из них не указал на настоящую причину, почему рабочий не может удовлетворить требований капиталиста. Простое мимолетное указание должно убедить каждого, что с прогрессом общества *простая прибыль* отнюдь не уменьшается, а увеличивается, т. е. количество труда, которое производило в какой-либо предшествующий период 100 квартеров пшеницы и 100 паровых машин, будет теперь производить несколько больше или несколько большую стоимость, что одно и то же. В противном случае, в чем же польза всех наших улучшений, которыми мы хвастаемся. Действительно, мы находим, что в данной стране теперь благодаря прибыли гораздо большее количество людей, чем прежде, живет в достатке.

Однако ясно, что никакой труд, никакая производительная сила, никакой изобретательный ум, никакое искусство не в состоянии когда-нибудь удовлетворить неодолимые, тягостные требования сложных процентов. Но все сбережения делаются из дохода капиталиста, так что в действительности эти требования непрерывно повышаются, между тем как производительная сила труда также непрерывно отказывается их удовлетворять. Поэтому всегда уста-

ставляется известного рода равновесие. Капиталисты позволяют рабочим иметь средства существования, ибо они ничего не могут делать без их труда, весьма великодушно довольствуясь тем, что они присваивают каждую частицу продукта, которая не является необходимой для этой цели. Этот тягостный характер требований капитала, санкционированных законами общества, санкционированными обычаями людей, усиленных законодательной властью и взятых под горячую защиту политico-экономов, держит, всегда держал и всегда будет держать рабочего в состоянии бедности и невзгод до тех пор, пока рабочие будут допускать это и будут с этим мириться. Этот обременительный характер притязаний сложных процентов и их тенденция ко все большему возрастанию придают, как я уже об этом говорил, теории и определениям г. Рикардо, хотя этот принцип нигде в его книге достаточно ясно не излагается, математическую точность и правильность. Я ссылаюсь на них не столько из побуждения проиллюстрировать тонкость этого остроумного и глубокомысленного писателя, сколько потому, что его теория подтверждает замечания, которые мною уже были сделаны, а именно, что требования капиталиста являются причиной бедности рабочего. Общепризнанным является принцип, что ни в одной стране невозможно наличие двух норм прибыли и что поэтому капитал того лица, которое обрабатывает лучший участок земли в стране, не приносит своему владельцу больше дохода, чем капитал того лица, которое обрабатывает худший участок. Поэтому избыточный продукт, получаемый на лучшем участке земли, не является прибылью, и, г. Рикардо называет его рентой. Она представляет собой часть продукта, которая является надбавкой к средней норме прибыли, и, по г. Рикардо, ее получает лендлорд. Рабочий должен, однако, жить, хотя чрезмерные притязания капитала оставляют ему лишь голый минимум средств существования. Г-н Рикардо знал также и об этом, и он поэтому правильно определил цену труда как такое количество товаров, которое необходимо рабочим, чтобы существовать и продолжать свой род без увеличения или сокращения их числа. Это все, что прибыль или проценты на капитал могут, силу природы своей, допустить, чтобы рабочие получали, и таково было всегда их вознаграждение. Капиталист должен выдавать рабочим эту сумму, ибо это является условием, которое он должен выполнить, для того чтобы использовать рабочих, это тот предел, который науки природы выдвигают против его притязаний. Но он никогда не станет давать и никогда не давал больше. По теории Рикардо, капиталисты позволяют лендлордам получать ровно только, сколько необходимо для того, чтобы все капиталисты были оставлены в одинаковые условия; рабочим же, согласно этой же самой теории, они предоставляют один лишь голый минимум средств существования. Таким образом, Рикардо должен был бы допустить, что причиной бедности рабочего является природа сложных процентов, стремящихся всем овладеть: это делает рабочего бедным и не позволяет ему выполнять веления своего создателя, т. е. плодотворно и развиваться.

Хотя можно считать, что в настоящее время удовлетворительным образом доказана несостоятельность притязаний капитала, этим, однако, ни в коем случае не решается вопрос о заработной плате за труд. В самом деле, политики-экономы, которые очень решительно настаивают на необходимости охранять собственность и ловко доказывают, каким образом охрана собственности приводит к всеобщему счастью, не решаются не согласиться со мной, если я скажу, что все то, что рабочий производит, должно принадлежать ему. Они всегда соглашались с принципом, что каждому должно быть дозволено «пожинать то, что он посеял»; они также утверждали, что труд человека и работа его рук должны рассматриваться исключительно как его собственность. Я поэтому считаю доказанным, что они всегда будут поддерживать то, что весь продукт труда должен принадлежать рабочему. Но хотя это, как общее положение, совершенно верно и очевидно, однако, имеются затруднения в практическом его применении, которые никто не может преодолеть. Насколько мне известно, не существует никакого принципа или правила, согласно которому продукт совокупного труда делится между различными лицами, которые участвовали в его производстве, кроме суждения самих этих лиц. Это суждение, которое зависит от того значения, какое люди придают различным видам труда, никогда не может быть установлено, и не существует никакого правила для применения этого суждения кем бы то ни было. Таким же образом никто не может сказать, что должны люди ненавидеть и что они должны любить.

Повсюду, где существует разделение труда, и чем больше оно развивается, тем очевиднее становится истина, что едва ли какое-либо отдельно взятое лицо могло бы само произвести какой-нибудь предмет. Почти каждый продукт искусства и ловкости является результатом общего и комбинированного труда. Люди в такой степени зависят друг от друга, с прогрессом общества эта зависимость в такой степени возрастает, что труд отдельного индивидуума едва ли имеет какую-нибудь ценность, если он не составляет части большого общественного труда. В производстве куска ткани прядильщик, ткач, белильщик и красильщик — все они разные лица. Все они, за исключением первого, зависят в снабжении сырьими материалами от прядильщика. И какую пользу могут, однако, принести его нитки, если остальные лица не возьмут их у него и если каждый не выполнит той части работы, которая необходима для производства ткани? Где бы прядильщик ни купил хлопок или шерсть, оплатой его труда будет та цена, по которой он сможет продать свои нитки, сверх того что он заплатил за сырой материал. Но совершенно ясно, что та сумма денег, которую ткач склонен будет предложить за нитки, будет зависеть от его взгляда на полезность этих ниток. Поэтому, где имеется разделение труда, там предполагается участие других людей, прежде чем рабочий сможет реализовать результат своего труда. Здесь уже нет ничего, что можно было бы назвать естественным вознаграждением индивидуального труда. Каждый рабочий производит лишь часть целого, и так как каждая часть сама по себе

не представляет никакой ценности или полезности, то здесь нет ничего такого, что рабочий мог бы взять себе и сказать: «Это мой продукт, это я удержу для себя». Между началом совместного действия различных рабочих, например, для производства сукна, и распределением этого продукта между участвующими лицами, совместным трудом которых он создал, предполагается неоднократное участие многих людей, и возникает вопрос, сколько из этого общего продукта приходится каждому из индивидуумов, соединенный труд которых создал его?

Я не знаю иного способа решить этот вопрос, как передать его на свободное обсуждение самих рабочих. Если бы все виды труда были совершенно свободными, если бы беспочвенные предрассудки не окружили известную часть работы в пользу общества большим почетом, тогда как другие виды работ подобного рода весьма ошибочно клеймятся позором, то в решении этого вопроса не было бы никаких затруднений и заработная плата за индивидуальный труд была бы как раз и установлена, говоря словами д-ра Смита, «рыночным торгом». К несчастью, труд в общем не свободен и, к несчастью, существует множество предрассудков, благодаря которым устанавливается совершенно различное вознаграждение различных видов труда в сравнении с тем, что каждый из них заслуживает.

К несчастью, существует также, как мне кажется, в общем склонность ограничивать понятие труда одним только ручным трудом. Если скажут, однако, что умение опытного рабочего носит чисто механический характер, то никто не станет отрицать, что приобрел он это умение посредством умственного труда. Осуществление этого умения, которое, как мне кажется, нуждается в постоянной предусмотрительности, зависит в значительно большей мере от умственных, чем от физических способностей. Простая способность к мускульному напряжению у индейского племени, по всей вероятности, так же велика или даже еще больше, чем у наиболее производительных европейцев; более высокая производительная способность европейцев и одной нации по сравнению с другой зависит от различного характера их основного капитала. Но я уже показал, что более высокая эффективность основного капитала зависит от умения рабочего, и, таким образом, мы приходим к заключению, что не просто труд, но что умственные способности или способ, каким этот труд направляется, определяет его производительную силу. Я хотел бы поэтому предостеречь моих товарищей рабочих против ограничения понятия труда одним лишь ручным трудом.

Прежде чем многие из наших наиболее полезных машин и орудий могли быть изобретены, необходимо было наличие большого количества знаний, накопленного многими поколениями в результате мирового прогресса. Производству наших многих наиболее мощных машин и их применению должно в настоящее время предшествовать объединение и сотрудничество большого количества лиц, обладающих этого рода знанием и умением, хотя эти лица никогда не заключали между собой по этому поводу какого-либо определенного соглашения. В постройки корабли труд чертежника в такой же мере необхо-

дим, как и труд человека, который скрепляет обшивные доски. Труд инженера, который «своим умственным взором» предвидит действие каждого механизма и который пригоняет одну часть сложной машины к другой, в такой же мере необходим для завершения производства этой машины, как труд человека, отливающего в форму или прилаживающего какую-либо часть машины, не сознавая цели, которой должна служить вся машина в целом. Таким же точно образом должны быть объединены труд и знание многих различных лиц, прежде чем почти любой продукт, предназначенный для потребления, может быть доставлен на рынок. Знание и искусность хозяина-фабриканта или того человека, который затевает производительное предприятие и распоряжается им, который должен знать состояние рынков и качество различных сырых материалов и обладать известной сметливостью в покупке и продаже, так же необходимы для полного успеха какого-нибудь сложного производственного процесса, как и умение рабочих, своими руками действительно изменяющих форму и вид этих сырых материалов. Поэтому рабочий физического труда, требуя вознаграждения за свои собственные производительные способности, должен быть далек от отрицания необходимости достаточного вознаграждения производительных способностей всякого иного вида труда, будет ли это умственный или физический труд. Труд и искусство изобретателя или человека, который распоряжается и прилаживает части целого, так же необходимы, как труд и умение рабочего, выполняющего частичную работу. И тот и другой должны соответствующим образом оплачиваться.

Я, впрочем, должен прибавить, что вряд ли один вид труда является более ценным, чем другой; несомненно один не менее необходим, чем другой. Но, ввиду того что хозяева, организаторы, изобретатели и т. д. были в общем также и капиталистами и командовали над ручным трудом, их труд оплачивался в такой же степени высоко, в какой обычный труд оплачивался низко. Хозяин, работодатель или изобретатель, заработная плата которых смешивается с прибылью капиталистов, по всей вероятности, однако, склонны предъявлять притязание на всю прибыль как на единственно надлежащее вознаграждение за свой труд. С другой стороны, рабочие физического труда, угнетаемые капиталистом, никогда не оплачивались достаточно высоко, и даже теперь они склонны оценивать свои собственные усилия скорее тем, что они до сих пор получали, чем тем, что они производят. Этот вид предрассудка затрудняет и еще долго будет затруднять даже самим рабочим определение с точки зрения справедливости социального вознаграждения или заработной платы каждого индивидуального рабочего. Ни один государственный деятель не может это осуществить, но рабочие не должны допускать, чтобы какой-либо государственный деятель вмешивался в это дело. Труд затрачен ими, продукт должен им принадлежать и лишь они должны решить, какова доля каждого в общей продукции. Требуя своего собственного вознаграждения, пусть каждый рабочий охотно признает справедливые требования других рабочих, но он никогда

не должен соглашаться с той странной доктриной, что пища, которую он ест, и сделанные его руками орудия, которые он применяет, наделяются вследствие одной лишь перемены владельца производительной силой большей, чем наделен рабочий, и что владелец пищи и орудий имеет право на большее вознаграждение, чем труд, умение и знание, которые их произвели и применяют.

Предприниматели, очевидно, являются рабочими точно так же, как и их поденщики. В этом отношении их интересы в точности совпадают с интересами их рабочих. Но они в то же время капиталисты или агенты капиталиста, и в этом отношении их интересы прямо противоположны интересам их рабочих. В качестве изобретателей и предприимчивых предпринимателей новых работ они могут быть названы как работодателями, так и рабочими, и поэтому они заслуживают уважение рабочего. Как капиталисты и агенты капиталиста они лишь посредники, притесняющие рабочих, и как таковые они не заслуживают уважения рабочего. Рабочий должен знать и запомнить это. Другие должны это также запомнить, ибо для правильного понимания вопроса необходимо различать эту двойственность природы всех хозяев. Если бы в результате объединения рабочие удалили из страны хозяев, которые являются полезным классом рабочих, если бы они принудили удалиться в чужие края умение и изобретательность, отделяя их от ручного труда, то они нанесли бы себе самим и оставшимся жителям значительный вред. Напротив, объединившись, рабочие только лишат хозяев возможности получения какой-либо прибыли на свой капитал и помешают выполнить обязательства, которые последние взяли на себя по отношению к другим капиталистам; этим рабочие окажут себе самим и всей стране неоценимую услугу. Они могут уменьшить или даже совсем упразднить прибыль праздного капиталиста. Капиталисты не могут претендовать на благодарность со стороны рабочих при том их отношении к рабочим, которое еще на нашей памяти, но они увеличат заработную плату и вознаграждение за усердие и предоставят одаренности и умению причитающуюся им долю национального продукта. Увеличив число искусственных рабочих, они также чрезвычайно увеличат производительные силы страны. Наиболее успешные и возможные всеобъемлющие объединения рабочих в целях повышения заработной платы привели бы лишь к тому справедливому результату, что сократились бы доходы тех, кто живет на прибыли и процентах и кто лишь на основе обычая предъявляет притязание на такую бы то ни было долю национального продукта.

Действительно, некоторые мудрые законодатели как члены палаты лордов, так и члены палаты общин, утверждали, что наемные рабочие несут себе исчислимый вред, если капитал будет изгнан из страны и одним из доводов, которые приводились в защиту нового закона, был тот, что он предохраняет паемных рабочих от возможности причинить самим себе вред. Когда дьявол хочет причинить зло, то он облекается в личину сущности, и когда известный класс людей примеряется соперничать более гнусное, чем это обычно встречается, инверсиюю справедливости, то это всегда преподносится под именем №

человеколюбия. Если рабочие склонны слепо причинять самим себе вред, то я не вижу никаких оснований для того, чтобы законодательная власть вмешивалась в целях их защиты, если не считаться с теми соображениями, которые заставляют фермера следить за здоровьем скота или вест-индского плантатора заботиться о неграх, так как и скот и негры являются его собственностью и приносят ему большую прибыль. Однако рабочие знают свои собственные интересы лучше, чем законодатели, и все они были бы богатыми людьми, если бы в стране не было праздных капиталистов. Я не хочу заниматься здесь исследованием происхождения того мнения, что рабочие нанесли бы самим себе вред, если бы капитал был изгнан из страны; но не трудно было бы показать, что источник этого мнения — ложная теория, которую я опроверг, и что оно базируется на ограниченном опыте. Так как можно привести несколько примеров политических и религиозных преследований, приведших в различных странах к изгнанию как хозяев, так и рабочих или значительного количества национального запаса искусственного труда, то я допускаю, что этот действительно большой вред, который был причинен остальным жителям, допустившим и осуществившим эти преследования, приписывался не изгнанию людей, а изгнанию капитала. И поэтому, приходя теперь к заключению, что образ действия рабочих приведет к подобному же изгнанию капитала из нашей страны, утверждают, что рабочие нанесут себе такой же вред, как и остальным жителям. Но рабочие не занимаются ни политическими, ни религиозными преследованиями, и та группа политиков поступает в известной степени неразумно, которая, быть может, для того, чтобы затушевать свои собственные преступления, приписывает рабочим то, что является следствием некоторых бессмысленных и жестоких поступков их собственного класса. Если рабочие не прогонят искусственных изобретателей и хозяев, — а где эта искусность может быть применена с большей пользой, как не там, где имеется обилие искусственных рук, — и если даже искусственные изобретатели и хозяева и ушли бы из страны, то широкое распространение образования среди механиков и мастеровых вскоре восместит эту потерю, тем самым ни одна полезная часть населения не будет изгнана из страны. Всякий новичок в политической экономии знает, что капиталист не может с выгодой для себя экспортствовать из нашей страны какое бы то ни было количество пищи, одежды, машин, ни даже золота и серебра, являющихся ходячей monetой королевства, иначе, как при условии обратного ввоза потребляемого в стране эквивалента, приносящего капиталисту прибыль, или капиталист должен с помощью ввезенного эквивалента использовать тех искусственных рабочих, которые до сих пор, потребляя пищу капиталиста и используя его орудия и машины, создавали для него прибыль. Дело вовсе не в том, что на одной стороне существует политическая несправедливость, а на другой стороне — хозяева и рабочие, а в том, что на одной стороне — рабочий, а на другой — капиталист, и каких бы успехов ни достигли рабочие, — капиталисты, несомненно, не преминут присвоить малейшую частицу продукта, какую только они сумеют выжать. Объединение рабо-

чих не приведет к исчезновению их собственного умения, а также к забвению того, чему они уже научились. Их руки не лишатся ловкости, когда продукты этих рук не попадут уже больше в карман капиталиста. Капиталисты, которые могут обогащаться лишь при наличии угнетенной массы рабочих, сумеют, может быть, вывезти известное количество своего сукна, своего зерна и своих машин в какую-нибудь страну, подобно Пруссии, где бедное население может изучать только то, что угодно королю и его школьным учителям, или подобно Франции, где бдительная полиция не разрешает никому выражать никаких мыслей кроме тех, которые соответствуют взглядам правительства и духовенства, заботящихся о восстановлении деспотизма и суеверия. Но капиталисты не смогут, если рабочие этого не позволят, вывозить с собою рты, которые потребляют, или руки, благодаря которым их капитал полезен. Ибо только там, где налицо эти руки, существует производительная способность. Наши рабочие, владеющие высшей степенью умения в выполнении работ, быстро овладевают искусством изобретения. Угроза, что объединения искусственных рабочих в целях получения более высокого вознаграждения сравнительно с тем, которое они теперь получают, приводят к удалению искусного труда из страны, является самой вздорной, которая когда-либо была высказана.

Этот анализ роли капитала дает нам также возможность одновременно смело объявить простой бессмыслицей все те схемы преуспеяния стран путем ввоза в них капитала, о которых мы так много слышали в последнее время. Какую пользу, например, приносили бы в Ирландии масло, соленое мясо, свинина и зерно, которые теперь экспортируются из Ирландии, если бы все это было там оставлено или если бы оно туда ввозилось? Все эти предметы составляют наиболее ценные части оборотного капитала и постоянно вывозятся в больших количествах из Ирландии, так как в Ирландии в них никакого недостатка не ощущается. Ясно поэтому, что в Ирландии не существует никакой потребности в оборотном капитале, даже если бы капиталисты разрешили несчастному производителю этого капитала потреблять его. Какую пользу приносили бы одному в лохмотья крестьянству Ирландии паровые машины, или ткацкие станки, или машинки для вязания чулок, или рудное оборудование? Ни малейшей. В самом деле, если бы туда были направлены хозяева и рабочие со своими инструментами и орудиями, то они могли бы использовать их, и, потребляя в то же самое время оборотный капитал, который теперь экспортируется из Ирландии, они доставили бы собственникам капитала большую прибыль и могли бы научить невежественных и беспомощных местных жителей использовать разные инструменты, о которых я говорю. Те, кто говорит о развитии Ирландии или какой-либо другой страны при помощи капитала, вкладывают в свои слова двоякий смысл. Они знают про власть капиталиста над рабочим и что, куда бы ходили ни пошел или ни отправлялся, туда должен ити и раб-рабочий. Но ни законодатель, ни капиталист не обладают никакой поддействующей силой, чтобы увеличить количество караваев хлеба

или количество рыбы или, подобно прежним чародеям, приказывать кочерге выполнять работу людей. Они должны иметь рабочих, искусственных рабочих, и без них бессмысленно говорить об улучшении положения страны и народа посредством зерна, тканей, тоцоров и пал.

Широкое распространение образования среди рабочих-механиков нашей страны уменьшает с каждым днем стоимость труда и искусства почти всех хозяев и работодателей, увеличивая количество лиц, которые обладают их специальными знаниями. В то же самое время хозяева и работодатели не могут рассчитывать, что рабочие, которые не являются капиталистами, останутся еще долго в неведении о том способе, при посредстве которого хозяева, являющиеся одновременно рабочими и капиталистами, осуществляют намерения капиталистов, не являющихся рабочими. Они приобретают ежедневно это знание, и поэтому хозяева не могут разумно рассчитывать на окончание настоящей борьбы. Напротив, борьба должна продолжаться. Если даже она остановится, она снова и снова начнется. Невозможно, чтобы какая-либо значительная группа людей, которая осознает уже свои права, могла бы молчаливо соглашаться на бесправие и оскорблении. Прибыль хозяев в качестве капиталистов должна уменьшиться или вследствие того, что рабочие добываются более высокой заработной платы, или вследствие того, что объединение рабочих будет продолжаться или время от времени возобновляться. В первом случае хозяева как искусные рабочие будут участвовать в возрастшем вознаграждении труда, в последних двух случаях не только исчезнет их прибыль, но и их заработка плата уменьшится или же совсем исчезнет. Без рабочих бесполезно их собственное искусство и труд, но без капиталиста они могут жить в достатке и богатстве. Хозяева и работодатели поступят поэтому хорошо, если они вспомнят, что, поддерживая притязания капитала, они снижают свою собственную заработную плату и удлиняют борьбу, которая независимо от раздражения и ненависти, которые она вызывает и увековечивает, наносит также им вред как предпринимателям, изобретателям и искусственным рабочим и которая должна в конце концов кончиться им в ущерб.

Повышение образования рабочего класса должно иметь большое значение в отношении этого вопроса, с которым должны сильно считаться также и государственные деятели и все общество в целом. Школы, которые всюду организованы или организуются для обучения рабочих, не позволяют даже самому пылкому мечтателю предполагать, что можно еще больше держать какой бы то ни было класс людей в неведении относительно *принципов*, на основе которых общества образуются и управляются. Институты механиков будут обучать людей как моральным, так и естественным наукам. Они пробудят склонность исследовать все до основания и доставят средства, чтобы производить исследование в любой области знания. Тот совершенно слепой государственный деятель, кто в этом не видит признаков наиболее глубоких изменений в устройстве общества по сравнению с теми, какие до сих пор когда-либо происходили. Эта

перемена не будет происходить насильственным путем и не может быть приостановлена силой. Никакой священный союз не сумеет подавить то спокойное возмущение, при посредстве которого знание писправергнет все то, что не основано на правде и справедливости. Интересы различных групп рабочих, среди которых подобно другим классам распределяются произведения земли и которые только теперь начинают рассуждать и действовать как организация в противоположность другим классам, которые только теперь впервые начинают приобретать такие же широкие знания о принципах управления, какие имеют те, кто управляет, — слишком глубоко переплетены с этими принципами, чтобы можно было допустить, что рабочие станут вступить перед исследовательской деятельностью. Они, может быть, не будут интересоваться любопытными исследованиями геологов или разработкой классификации ботаников, но они несомненно выяснят, почему только они одни из всех классов общества были всегда погружены в нищету и бедствия. Они не остановятся перед самой смелой истиной; они слишком мало пользовались привилегиями этого общества, чтобы чувствовать себя удовлетворенными современным порядком вещей. Ум скорее укрепляется, чем ослабляется работой рук. И они будут продолжать дальше свои исследования, которые ничто не приостановит — ни кропотливость изучения, ни брезгливость вкуса. Рабочие, отбрасывая в сторону предрассудки, сковывающие умы тех, кто извлекает пользу из их вырождения, могут уповать на все. С другой стороны, рабочие страдают от этих предрассудков и имеют все основания ужасаться, что они не искореняются. При отсутствии каких бы то ни было причин, в силу которых рабочий мог бы любить те учреждения, которые, чтобы он ни производил, ограничивают вознаграждение за труд до одного голого минимума существования, он не будет щадить их, когда увидит безосновательность предъявляемых по отношению к нему притязаний. Когда рабочие приобретут знания, то фундаменты общественного здания будут вырыты из тех глубоких пластов, в которых они были заложены в прошлые времена, к ним строго отнесутся, они будут тщательно рассмотрены и не будут восстановлены, если не будут заложены в справедливости и если справедливость не будет следить за их сохранением.

Не повторяя банальных упреков против процентов и расточительства, которые, впрочем, подтверждают мой взгляд на капитал, я показал, что у него нет никаких оснований на справедливое притязание на какую-либо часть продукции и что именно то, что капитал получает известную часть продукции рабочего, является причиной бедности рабочего. Невозможно, чтобы рабочий оставался долго в неведении об этих фактах или чтобы он покорно мирился с таким положением вещей.

В самом деле, как бы это ни скрывалось, объединения рабочих целых поколения заработка платы, вызывающие теперь такое общее и такое большое недовольство, означают нападения практического характера на притязания капитала. Тяжесть его цепей

чувствуется, хотя, быть может, руки, которая налагает эти цели, еще ясно не видно. Постепенно, однако, по мере того как будет возрастать сопротивление, как увеличатся законы в защиту капитала, по мере того как требования более высокой заработной платы станут подавляться более ревностным и насильственным образом, причина его притеснения станет более отчетливо видима. Теперь кажется, что борьба происходит только между хозяевами и наемными рабочими или между одним видом труда и другим, но скоро борьба эта выступит в своем настоящем свете. И это будет, по общему признанию, война честного трудолюбия против праздного распутства, так долго управлявшего с непрекаемым авторитетом делами политического мира, в целях своей собственной безопасности предоставлявшего богатству почет и политическую власть и покрывавшего презрением и позором бедность, которую оно взваливало на рабочего. На стороне рабочих физическая сила, так как они более многочисленны, чем их противники. Они почти уже теряют то благоговение перед своими противниками, которое было и является источником силы последних, и приобретают с каждым днем моральную силу, вытекающую из общности интересов и тесного и задушевного объединения.

Капиталисты и рабочие образуют большую часть нации, так что нет третьей силы, которая могла бы выступить в роли посредника между ними. Они должны решать и будут сами решать споры между собой. Конечный успех, я уверен, будет на стороне справедливости. Я, впрочем, уверен, что, до тех пор, пока торжество труда не будет полным, пока богатство не будет доставаться одному лишь производительному труду и одна лишь праздность будет бедна, пока прочно не утвердится великолепный принцип «тот, кто сеет, должен пожинать», пока право собственности не будет базироваться на принципах справедливости, а не на принципах рабства, пока человек не будет в большем почете, чем земля, которую он попирает ногами, или машины, которыми он управляет, — не может и не должно быть никакого мира на земле и согласия между людьми.

Те, кто в последнее время показал себя готовым давать отпор справедливым требованиям труда; те, кто под влиянием интереса и страстей поспешил на арену со своими уголовными законами, размахивая пергamentными уставами, как будто бы эти жалкие творения могут принуждать людей к терпению и подчинению, в то время как орудия их, уголовные законы и пергаментные уставы получают всю свою силу к добру или ко злу от той санкции, которую людям угодно на них наложить; те, кто как будто бы не знает, что если мы не согласимся подчиняться им или почитать их, то они так же бессильны, как человек, занимающий самое последнее место в обществе, которого они собираются наказать, — эти люди должны будут пепять на самих себя, если их поспешность и насилие вызовут соответствующую поспешность и насилие у других. И если рабочие, проявлявшие до сих пор доверчивость и покорность, избавятся от благоговения, при посредстве которого законы только и при-

обретают силу и которому правительство обязано своим существованием, то они направят свое внимание от объединения для достижения более высокой заработной платы к изменению всего общественного строя и ниспровержению той системы, которая,— они могут в этом теперь убедиться,— направлена только на поддержание всех притеснительных требований капитала. Министры теперь без сомнения очень популярны. Но не требуется особенной проницательности, чтобы понять, что правительство скомпрометировало себя во время последней сессии парламента, когда широкие массы общества были в состоянии внимательно следить как за побудительными причинами их поведения, так и за последствиями этого поведения правительства. Продолжая поддерживать сторону праздности против трудолюбия, слабости против монополий, угнетения против справедливости, министры готовят себе такие неприятности в будущем, какие ни одно министерство не испытывало в нашей стране. Они исповедуют либеральные принципы, а издают законы, чтобы держать рабочих в рабстве. Своими нововведениями они поощряют исследования и доказывают нам, что система ни перешагнула, ни способна к улучшениям. Они фактически показали рабочему, что нет ничего заслуживающего его благоговения и возбудили его вражду как оскорблениеми, так и притеснениями.

Я не собираюсь в данном случае перечислять все те последствия, которые вытекают из этого взгляда на капитал, но одно из этих последствий является до того важным с теоретической точки зрения и оно столь хорошо пригодно для того, чтобы снять с мудрой системы вселенной тот позор, который был приписан ей в последнее время, что я не могу этого обойти полным молчанием. Была построена знаменитая теория для того, чтобы показать, что существует *естественная* тенденция, в силу которой *увеличение народонаселения* происходит быстрее, чем *увеличение капитала* или средства для *применения труда*. В «*Элементах политической экономии*» г. Милля,— произведении, отличающемся своей краткостью,— некоторые отделы и страницы посвящены исключительно провозглашению этой истины. Если мой взгляд на капитал правителен, то эта теория отпадает сразу как вздорная. Что капиталист может контролировать условия существования и численность рабочих, что все количества населения всецело зависят от него, этого я не буду отрицать. Однако оставим в стороне капиталиста, этого обременительного посредника, который потребляет продукт труда и мешает рабочему понять, от каких *естественных* законов зависит его существование и счастье; отвлечемся от того социального порядка, по которому те, кто все производит, должны обладать весьма малой или вовсе никакой собственностью, и тогда станет ясно, что *капитал или возможность применения труда и существующий труд представляют собой одно и то же*. *И производительный капитал и искусственный труд это также одно и то же*. Следовательно, капитал и рабочее население представляют собой сопернико однозначающие понятия.

В системе природы рты объединяются с руками и умом; они, а не капитал, являются агентами производства, и соответственно пра-

вилу природы,— как бы это ни противоречило претенциозной премудрости законодателей,— там, где есть человек, там есть также средства для создания или производства для него средств существования. Если, как я говорю, оборотный капитал есть только сосуществующий труд, а основной капитал только искусственный труд, то должно быть ясно, что все те многочисленные преимущества, все те благодеяния цивилизации, все те громадные улучшения в условиях существования человеческого рода, которые в общем приписывались капиталу, в действительности созданы трудом, знанием и искусством, обучающим и направляющим труд. Если, вероятно, возразят, что, не будь прибыли и процентов на капитал, не было бы и побуждения для накопления и улучшения, то я отвечу, что это ложная точка зрения и что она вытекает из того, что капиталу и сбережению приписываются те результаты, которые порождаются трудом, и что лучшее средство для того, чтобы обеспечить прогрессивное развитие как отдельных лиц, так и народов, это творить справедливость и допустить, чтобы труд владел и пользовался всем своим продуктом.

ПОПУЛЯРНАЯ ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭКОНОМИЯ

ЧЕТЫРЕ ЛЕКЦИИ,
ПРОЧИТАННЫЕ
в Лондонском институте механики

ТОМАС ГОДСКИН
бывш. почетный секретарь института

«Законы, определяющие благосостояние народов, не являются созданием человека; они проистекают из самой природы вещей. Мы не устанавливаем их; мы их открываем».

СЭЙ.

Лондон, 1827.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Настоящая книга не является точной копией лекций, прочитанных автором в Лондонском институте механики в 1826 г., поэтому автор полагает нужным указать, в каких отношениях она сходна или отличается от них. Первая лекция «Влияние знания» состоит из второй и части третьей главы настоящей книги с одной или двумя выдержками из «Вступления». Вторая лекция «Разделение труда» превращена здесь в четвертую, пятую и шестую главы. Седьмая глава «Торговля» составляет третью лекцию, а главы «Деньги» и «Цены» составляют сущность четвертой лекции.

Большая часть «Вступления» и третьей главы, а также первая и десятая главы не входили в состав лекций. Отдельные места книги, имеющие отношения к событиям, связанным с институтом, были исключены автором с некоторым сожалением, так как сохранение их являлось бы уместным лишь для лиц, могущих судить об их правильности. Также многие места были добавлены даже в тех главах, которые являются почти буквальными копиями лекций. Для тех, кто их не прослушал, взгляด, изложенный здесь на производство, покажется несколько новым, если же те, кто присутствовал на лекциях, заглянут в книгу в надежде найти в ней несколько больше того, нежели они слышали, они не будут разочарованы. Некоторые из добавленных отрывков могут показаться неподходящими для смешанной общедоступной аудитории, которой читались эти лекции; поэтому лица, которые взяли на себя опеку над просвещением народа, тщательно охраняя его от заразы философии и приучая его к рабскому послушанию созданным людьми установлениям, единственным, по их мнению, пригодным для поклонения и почитания объектам, — лица эти склонны будут осудить руководство института за допущение лекций. Автор, будучи готов принять на себя все обвинения, которые могут относиться к упомянутым добавлениям, и стремясь охранить институт от возможности искаженного их понимания, чрезвычайно сожалеет о том, что он не в состоянии их указать: настолько они слились при пересмотре с первичным материалом. Он считал бы своей обязанностью в отношении этих господ отметить путем ссылок в нижеследующих страницах места, опущенные при чтении лекций.

Обозначение «популярная» в заголовке книги употреблено потому, что трудные для понимания рассуждения полити-

ческой экономии сделаны занимательными или что ее отвлеченные положения сведены к легкому чтению, но в силу того соображения, что изложенные здесь принципы в большей степени соответствуют народным предрассудкам, нежели те, которые, оставаясь все же непопулярными, стали преобладать благодаря писаниям г. Мальтуса. Его теория враждебна нашим чувствам. Не претендуя оспаривать ее, автор пытался показать, что истинные принципы производства благ оправдывают предрассудки рода человеческого и укрепляют ту веру, с которой наиболее просвещенные из наших собратьев до злополучной славы, приобретенной «Опытом закона о народонаселении», относились к мудрости и благости силы, поддерживающей, просвещдающей и регулирующей моральный мир наравне с материальным.

Будучи популярной в этом смысле слова, книга не претендует быть тем, что называется практическим руководством. Автор опасается даже, что его принципы могут рассматриваться как более отвлеченные от дел житейских, нежели большинство работ по политической экономии.

Он не ставит на обсуждение ни одного из положений, по поводу которых народ обычно обращается в парламент. Поскольку же речь идет о законодательстве, книга не содержит никаких бы то ни было указаний к практическому его применению. Но если приводимый здесь взгляд на науку является правильным, то уже существует «кодекс» естественных законов, которые определяют и регулируют производство благ. Хотя законы эти оказывают влияние на поведение отдельных личностей, с государственной точки зрения они доступны для познания. Познать их — значит применять их. Хотя законы эти не диктуют немедленных и действенных предписаний, они могут тем не менее оказаться столь же достойными внимания рода человеческого, как пустые, порожденные невежеством проекты людских законов.

Более того, при ближайшем рассмотрении оказывается, что законы лишь пытаются оказать влияние на производство благ путем изменения способов их распределения. Например, причиной, выставленной в пользу наших хлебных законов, является поощрение земледелия и увеличение производства зерна, но они способствуют этому путем подъема цен для потребителя, вынуждая его отдавать производителям хлеба большую долю своей собственной продукции, чем при других условиях. Аналогичным образом премии, монополия, торговые запрещения, колебания цен и, коротко, множество всех тех социальных мероприятий, которые влияют на производство (способствуют ли они его развитию или, наоборот, тормозят его), действуют прежде всего путем изменения системы распределения.

Вместе с тем все законодательные мероприятия, относящиеся к производству благ, все истиции различных классов общества, подобно петициям землевладельцев в пользу продления хлебных законов или ходатайствам промышленников об упразднении таковых, по преследуют иной непосредственной цели, как взять у

одного класса и дать другому, или, иными словами, изменить систему распределения благ.

Коль скоро настоящий труд строго ограничен рассмотрением развития тех естественных законов, которые регулируют лишь производство, и автор умышленно избегает обсуждения законодательных мероприятий, читатель убедится, что он не касается вопросов, относящихся к практическому применению науки. Он намерен, однако, если его усилия встретят какую-либо поддержку, рассмотреть в последующем томе естественные законы, управляющие распределением благ. Но если даже он успешно раскроет эти законы, он все же сможет подвергнуться упреку в том, что является не практическим человеком. Ибо в полном согласии с его взглядами на социальные явления ему подобает не предписывать или советовать какие-либо законодательные мероприятия, но оставить человечество на свободе, чтобы оно, не стесненное какими-либо определенными установлениями, свободное от искаженных этими установлениями взглядов, могло открыть предписанные природой законы и следовать им.

В намерение автора входило также отметить некоторые заблуждения великих деятелей науки. Это позволило бы ему — так как моральное сознание и научная истина должны всегда гармонично сочетаться — открыть источник отвращения, проявляющегося в настоящее время к некоторым учениям политической экономии.

Люди отворачиваются с разочарованием не от истины, но от заблуждений, догматически им навязанных. Будучи вынужден, однако, в интересах издания произвести выбор между показом ошибок и изложением истины, автор избрал последнее, удовольствовавшись в целях опровержения других взглядов, изложением того, что, по его мнению, являлось правильным взглядом на производство.

В этой отрасли знаний сочинения последователей доктора Смита являются в основном ошибочными, они заблуждаются главным образом в вопросе о распределении.

Этот великий человек бережно отличал естественное распределение богатств от распределения, вытекающего из искусственно созданного права собственности.

Последователи его, наоборот, не делали такого различия, и в их сочинениях последствия, вытекающие из этого права, рассматриваются в качестве законов природы.

Ложность их учений относилась главным образом к распределению. Поэтому автор имел еще меньше причин сожалеть о том, что он вынужден был изменить свой первоначально задуманный план. Если бы его книга встретила лишь малую долю той благосклонности, которая была проявлена в отношении его лекций, он мог бы иметь в будущем возможность объяснить причины всеобщего отвращения к этой весьма важной и не столь уже непривлекательной науке.

Знание естественных законов, которые управляют производством благ, а следовательно и прогрессом цивилизации, в равной степени, если не больше, необходимо для процветания человека

как познание любой другой частицы мироздания. Все прочие науки и любые искусства являются лишь вспомогательными частями того громадного целого, основные принципы которого, являясь предметом политической экономии, должны быть ею найдены и описаны.

Повсеместно принято, что наука эта не завершена и находится еще в младенческом возрасте, так как те, кто занимается ею, расходятся между собой в определении начальных ее принципов.

Предполагая, что это имеет большое значение для нашего благосостояния, автор заключает, что выпуск в свет любой работы, которая помогает усвоить имеющиеся уже познания или хотя бы незначительно увеличивает их, не нуждается в апологии. Его книга может не достичь ни одной из этих целей, но, поскольку им преследовались обе, он передает свой труд на суждение читателя, не оправдываясь в том, что прибавляет еще одну книгу к ряду уже опубликованных трудов на тему, которую обычно считают слишком трудной.

ВВЕДЕНИЕ

Предмет и задачи политической экономии

Разнообразие взглядов о пользе этой науки. — Обоснование ее определения. — Определение г. Мак-Куллоха. — Потребление исключается из политической экономии. — Д-р Смит ограничил эту науку производством и распределением. — Явления, рассматриваемые этой наукой, иллюстрируются ссылками на Соединенные Штаты Америки, Новую Голландию, европейский континент и древние империи Азии, а также сведениями о производительной способности дикарей и цивилизованного человека. — Земля и все другие физические условия, не присущие самому человеку, исключаются из этой науки. — Эта наука ограничивается рассмотрением труда, который производит все богатство; она охватывает все естественные и общественные условия, которые влияют на производство и распределение богатства, открывая первые и исследуя последние. — Д-р Смит только исследует, но не предписывает социальных установлений.

В обществе господствуют два совершенно различных взгляда на политическую экономию. С одной стороны, она рассматривается как самая важная из всех наук и как наука, необходимая для благосостояния общества. Говорят, что она разъясняет законы, которые управляют условиями нашего существования, и показывает нам пути его улучшения. «Ее предмет, — говорят нам, — это указать средства, с помощью которых труд человека может стать в высшей степени производительным в отношении предметов необходимости, комфорта и наслаждения». «Немного имеется таких отраслей человеческого знания, — говорит г. Мальтус, — в которых ложные взгляды могут принести больше вреда, а правильные взгляды — больше добра». Лица, которые придерживаются этих взглядов, хотели бы, чтобы принципы политической экономии усиленно изучались в школах наряду с самыми обычными предметами обучения и чтобы они стали основой всякого законодательства. Свое благоговение перед ее доктринаами они доводят до того, что хотели бы на их основе управлять общением полов и всеми отношениями общественной жизни.

С другой стороны, имеется обширная группа людей, которые никогда не говорят о политической экономии без презирательной усмешки. Они отрицают, что подобная наука существует или может существовать, и высмеивают тех, кто пытается ее проповедывать. «Некоторые из доктрин политической экономии, — утверждает г-жа Марсэ, являющаяся наиболее заметным украшением этой группы людей, — несовместимы с движениями человеческого серд-

ца и с чувствами неподдельного милосердия». И вся эта группа истых сентименталистов не может равнодушно переносить упоминания об ее доктринах. Они говорят, что политическая экономия низводит рабочего до роли машины и подсчитывает цену его костей и мышц, как будто бы это части паровой машины; что она не считается с человеком, «менее всего с головой, сердцем и языком», что человек принимается во внимание лишь как часть или «доля» капитала и что все его благородные дарования учитываются в этой науке лишь постольку, поскольку они превращают человека в более могущественное орудие для производства богатства. С презрением они отворачиваются от политической экономии, потому что она делает людей себялюбивыми и развращает наши государственные учреждения. Всякое бедствие, которое постигает страну, всякое изменение в ходе торговли, любая борьба рабочих за повышение заработной платы, любое проявление неудовольствия, любая беда, угнетающая фабриканта, всякие несчастья, выпадающие на долю крестьянства, — все это приписывается или приписывалось влиянию политической экономии на воззрения законодательной власти.

Примирять эти противоположные точки зрения невозможно. Но так как оба эти взгляда являются господствующими, ибо они неоднократно встречаются в общезвестных журналах и постоянно высказываются как в парламенте, так и среди всех классов населения, то представляется желательным основательно познакомить читателя с предметом и задачами той *естественной* науки, которую ошибочно назвали *политической* экономией, показать возможность ее существования, описать в ходе изложения ее границы в настоящем и коротко, но отчетливо показать, каким образом были сужены ее законные границы или как она отклонилась от своей специальной задачи. С одной стороны, если существует естественная наука о народном богатстве, то презирать эту науку столь же бессмысленно, как презирать естественную науку астрономии или ботаники; с другой стороны, если она неполна и недостаточно изучена, то нам понятны как негодование, так и презрение, возбуждаемые самонадеянностью тех, кто принял управление общественной жизнью на основе своих воззрений. Независимо от того, удастся ли мне или не удастся обезоружить насмешки и разоблачить самонадеянность, я, по крайней мере, надеюсь предостеречь читателя от превеликого представления о том, что эта наука может осуществить или побудить читателя преодолеть свои предубеждения и добиваться более обширных сведений в более совершенных произведениях.

По определению г. Мак-Куллоха, «политическая экономия — это наука о ценах, управляющих производством, распределением и потреблением тех товаров или продуктов, которые обладают машинной стоимостью и либо необходимы, полезны, либо приятны человеку¹. Многие весьма полезные предметы, такие, как воздух,

¹ «Principles of Political Economy», р. 1. Это определение, кажется, в одних отношениях не соответствует общему духу и содержанию произведений Мак-Куллоха. Во многих своих произведениях он тщательно разли-

свет и вода, при известных обстоятельствах не обладают меновой стоимостью, и к ним применяем термин богатство. Всякий раз, когда затрачивается труд для производства товара, этот товар приобретает свойство меновой стоимости; большинство товаров, произведенных трудом, обладает свойством меновой стоимости, и к ним применим термин богатства; товары, не произведенные трудом и приобретение которых не требует труда, не обладают меновой стоимостью. Согласно этой доктрине, земля является достопримечательным исключением. Труд улучшает и делает ее плодородной. Однако земля обладает чаще всего меновой стоимостью независимо от вложенного в нее труда и всегда меновой стоимостью большей по сравнению с той, которая измеряется этим трудом. Почему земля является таким исключением, это будет объяснено в дальнейшем, так как из этого произведения преднамеренно исключены какие бы то ни было рассуждения о земле с ее различием по плодородию. Ввиду того что меновая стоимость во всех прочих случаях создается трудом, наука, которую я собираюсь рассматривать, строго и исключительно ограничивается трудом и его продуктами.

По словам того же автора, распределение богатства, изучаемое политико-экономами, это те «соотношения, в которых различные продукты труда распределяются среди различных классов общества», или распределение богатства — это присвоение продуктов труда, и оно совершенно отлично от действительного распределения товаров, производимого торговлей. Те, кто паделяется большим количеством продуктов, или те, кто обладает властью присваивать их себе в значительных размерах, — все они будут потреблять или пользоваться многими продуктами, или они будут в состоянии передавать продукты для потребления другим лицам то с целью получения в будущем прибыли, то из-за удовольствия, получаемого от дарения. Своеобразный способ их распоряжения тем, что они получают, может в конце концов влиять на производство, но их потребление или пользование находится в соответствии с тем, что они получают. Лендлорды и богатые капиталисты будут сами изо дня в день роскошно жить; чтобы удовлетворить свою потребность в роскоши, они будут содержать множество слуг или они заставят рабочих работать в целях получения прибыли в результате труда рабочих. Напротив, те, кто мало получает или немногим владеет, не могут много потреблять. Того, что достается рабочим, хватает лишь на то, чтобы просуществовать. Способ, каким распределяется богатство, оказывает большое влияние на дальнейшее производство, но с точки зрения всякого рода практических и научных задач распределение и потребление целиком совпадают. Целью потребления бо-

---

чает между естественными законами и социальным регулированием. Но это определение он смешивает в одном понятии закона, как те вечные и неизменные законы, про которые он где-то говорит, что они одинаковы в республике и в монархии, так и те изменчивые законы, которые запрещают во время известной сессии парламента то, что предписывается в последующих сессиях парламента.

гатства является поддержание существования или наслаждение жизнью, и наиболее приятные способы потребления зависят от вкуса каждого отдельного человека. Если способы потребления могут в каком-нибудь смысле быть предметом научного изучения, то это не специальность экономиста, а специальность повара, врача или философа-моралиста. Поэтому потребление может быть исключено из политической экономии, и мы приходим, таким образом, к более простому и столь же понятному ее определению. Политическая экономия — это наука обо всех обстоятельствах или законах, которые влияют на производительную силу труда и которые регулируют и определяют распределение всех продуктов труда.

Это ограничительное определение совпадает с воззрениями д-ра Смита. Он никогда не дает точного определения или описания науки, которая теперь называется политической экономией, но общепризнало, что вся научная часть его великого труда «Богатства народов» содержится в первой книге, посвященной исключительно «производительной силе труда» и «тому порядку, в соответствии с которым продукт труда естественным путем распределяется между различными классами народа». В заглавии к этой книге нет ни одного слова о потреблении, и ни одна глава «Богатства народов» не посвящена этому вопросу. Поэтому напрасно потребление было включено в эту науку комментаторами и учениками д-ра Смита. Исключив из нее потребление, мы возвращаемся к более простому, а также более содержательному определению д-ра Смита.

Возможно, что читатель сумеет составить себе более ясное представление об интересном виде явлений, которому посвящена политическая экономия, если сначала в кратких чертах остановиться на некоторых исторических событиях, что, разумеется, никаким образом не отразится на оценке читателем важности этой науки. Я имею в виду в особенности прогресс в области народонаселения и богатства, происходивший почти на наших глазах в Северной Америке и Новой Голландии, почти неподвижное состояние одних народов и вырождение и гибель других народов.

Америка была открыта более чем три столетия тому назад, однако только в начале XVII в. первая английская колония прочно обосновалась в северной части этого континента, население которого до этого периода состояло исключительно из немногих индейских племен, кочевавших по всей стране и добывавших скучные средства существования охотой и рыболовством. С тех пор их потомки продолжали кочевой образ жизни, и когда потомки первых колонистов стали ограничивать места их охоты, то их численность, повидимому, уменьшилась. Напротив, численность европейцев, после того как они преодолели бесконечные трудности, связанные с переселением в чужую, незнакомую страну, быстро возросла. Они заняли и использовали всю землю, расположенную в непосредственной близости к их первым поселениям, и затем постепенно расселялись по обширной части этого континента. Современные владения Соединенных Штатов и постоку от Миссисипи занимают около 900 тысяч миль, и правительство претендует на еще большую территорию

к западу от этой реки. Впрочем, несмотря на эти притязания, оно не занимает всей этой территории. До того как колонии отделились от метрополии, они имели около 2 млн. душ¹. По цензу 1820 г. население Соединенных Штатов достигало почти 10 млн., а теперь, в 1827 г., оно, пожалуй, превышает 12 млн. Таким образом, лишь небольшая часть этого необозримого материка, который прежде спабжал, и притом скромно спабжал, предметами первой необходимости незначительное количество кочующих индейцев, теперь содержит в условиях всеобщего богатства, в прошлом беспримерных, такое огромное население. Во всемирной истории не встречается столь достоверного примера возникновения в течение такого короткого срока могущественного народа без участия завоевания или захвата. Он не подчинил и не включил в себя боровшиеся с ним многолюдные племена и народы; современное его могущество возникло естественным путем. Под благотворным влиянием знания и ремесел европейцев население страны так быстро увеличивалось и двигалось вперед такими гигантскими шагами по пути национального могущества и процветания, что обанкротились те старые, а теперь, слава богу, уже почти отжившие схемы, согласно которым народное процветание может быть достигнуто путем обмана и насилия, а также опозорились более современные, но, может быть, не менее абсурдные планы достижения той же цели путем многочисленных ограничительных постановлений.

К концу последнего столетия из Великобритании в Новый Южный Уэльс были впервые сосланы осужденные преступники, а в начале текущего столетия впервые пришли в эту колонию в значительном количестве свободные переселенцы. Между тем уже было построено два или три цветущих города. Этот остров так велик, что он был прозван некоторыми географами пятой частью земного шара, и когда он был впервые открыт европейцами, то он доставлял средства существования только немногим отсталым дикарям. Эти дикари находились на самой низкой ступени вырождения и пищеты и влачили жалкое существование, подвергались многочисленным лишениям и с трудом смогли сохранить свою расу. Теперь узкая полоса этого острова доставляет средства питания многим тысячам лиц и в состоянии предоставить средства существования многим миллионам. Единственная нужда, которая существует здесь, это нужда в человеческих существах, которые сумели бы использовать богатые дары природы.

Богатство большинства континентальных народов Европы растет весьма медленно, и в отношении достатка и населения они находятся почти в неподвижном состоянии. За исключением окрестностей их столиц, а также немногих мест во Франции, вряд ли существует на континенте Европы страна, где встречаются новые постройки. Ввиду того что доходы монарха, который забирает себе все продукты, принадлежащие его подданным, затрачиваются на

¹ Warden, United States of America.

украшение его собственной резиденции, они создают возрастающий спрос на жилища в непосредственном соседстве с монархом; но в общем,— и этот факт до того хорошо известен, что он не нуждается в доказательстве,— рост богатства и населения большинства континентальных народов происходит весьма медленно.

Во всей Европе, по предположению автора статьи о Европе в приложении к Британской Энциклопедии, население удваивается приблизительно в 90 лет, а по мнению д-ра Смита, в течение 500 лет, тогда как в Соединенных Штатах население удваивается каждые 25 лет. По мнению автора той же статьи, в Британии, России, Силезии и в некоторых других странах рост населения происходил быстрее, чем в остальной Европе. Напомним читателю, что увеличение населения, как бы медленно оно ни происходило, не имеет, как это обычно предполагают, ни малейшего отношения ни к размерам страны, ни к плодородию почвы, потому что в Англии, где каждую квадратную милю населяет 158 человек, рост населения происходит гораздо быстрее по сравнению с Польшей, где количество человек на каждую квадратную милю составляет только 59,— если в действительности население этой страны вообще увеличилось, что представляется сомнительным. Увеличение населения в Англии в целом происходило, вероятно, так же быстро, как в России, где количество лиц на каждую квадратную милю составляет только 21.

В то время как некоторые народы приобретали и приобретают богатство и могущество, в то время как некоторые народы находятся почти в неподвижном состоянии, другие народы, которые получили в наследство лучшие части земного шара, лишаются богатства и роскоши, быстро впадают или впалят в бедность, дряхлость и увядание. Никто из моих читателей не нуждается в том, чтобы ему напомнили о древних империях Ассирии, Персии и Египта, о древней Греции и Риме или об Италии и Турции. Встречающиеся в большом количестве даже в наши дни развалины многих крупных городов, блестящие памятники древнего искусства и разрушающиеся остатки гигантских сооружений, которые не решились бы воздвигнуть даже наиболее могущественные из современных народов, свидетельствуют о том, что когда-то эти части земного шара были многолюдны и находились в цветущем состоянии. Человек этой эпохи, очевидно, проявил свои чудесные плодотворные и творческие силы только для того, чтобы доказать последующей эпохе, что этим силам была присуща в равной степени способность к разрушению. Рука человека этой эпохи оплодотворяет и украшает поверхность земли, которую он же превращает в печальные развалины. В восточной части света и с древних времен наиболее известной мы встречаем беспрецедентные доказательства способности труда содействовать преуспению и способности честолюбия к разрушению. Если бы мы не отдалиали себе отчista, и притом удовлетворительного отчета, в том, что это чередование процветания и нищеты происходит благодаря господству одного явного заблуждения, а именно благоговению человека перед пыльной властью, которая приводит его к гибели, то мы могли бы впасть в искушение признать, что не существует

постоянного стремления к вере, что в сердце человека вообще не существует постоянного стремления к счастью или что мир не приспособлен к способностям человека. Но правительства султана на Востоке и папы на Западе, которые почитаются их подданными даже больше самого божества, превратили некогда цветущие части Азии и Италии в необитаемые пустыни. Рим, по предположению Гибона, имел раньше не меньше 1 200 тыс. жителей, но в настоящее время его население едва ли превышает одну десятую часть этой цифры. «В древних реестрах налогов, — рассказывает Вольней, — в округе Алеппо насчитывалось 3 200 деревень, в настоящее же время сборщик может с трудом найти там 400». История убеждает нас в том, что опустошения от войн, последствия эпидемий, наводнений и всяких естественных бедствий быстро возмещаются деятельностью человека, если только человек не грубо невежествен и если правительство не выступает в роли свирепого угнетателя. Доморощенное угнетение является более верным источником гибели народа, чем чужеземное завоевание. Не смена тиранов, но постоянная, хотя даже и законная тирания — вот что истощает народ. Султан с его пашами, муфтиями, кади и янычарами являются единственными орудиями, которые способны путем присвоения продукта рабочего и путем разрушения надежды на жизнь, доставляющую удовольствия, положить конец производству и задушить или истребить своих подданных. Если, таким образом, существуют, как свидетельствуют Америка и Новая Голландия, *естественные* источники народного величия, то, как доказывают весь восточный мир и большая часть западного мира, существуют также социальные причины обездвижения и народного увядания.

Народы не только при известных обстоятельствах быстро увеличивают свое население, тогда как при других обстоятельствах они погибают, но они весьма различаются и в том смысле, в какой мере отдельные лица, входящие в их состав, пользуются комфортом и богатством. Например, точно установлено, что большинство населения Соединенных Штатов Америки в изобилии снабжается средствами существования, оно хорошо питается, со вкусом одевается, деятельно, предприимчиво, рассудительно и нравственно, тогда как в указанных восточных странах большая масса населения пользуется лишь скучными и жалкими средствами существования — оно является жертвой периодически возобновляющихся эпидемий и нужды, оно невежественно, лениво, мстительно, кровожадно и дико. Увеличение народонаселения предполагает, что люди в состоянии довольно легко приобретать средства к существованию, и, таким образом, существует строгое совпадение между естественным ростом народного величия, о чем свидетельствует Америка, и широким распространением индивидуального комфорта и нравственности. С другой стороны, когда рост народонаселения прекращается, когда народы начинают вырождаться, мы можем быть вполне уверены, что сила естественного принципа населения столь велика, что массе населения этих народов будет затруднительно добывать средства существования. Нищета отдельных лиц, редкость

населения, его медленный рост или вырождение народа также сопутствуют друг другу.

Легко можно предвидеть, что уровень производительных способностей будет различен в случае роста населения или его неподвижного состояния. «У диких народов, охотников и рыболовов», какими были единственные обитатели Америки и Новой Голландии до прихода в эти страны европейцев, «каждый человек, — говорит д-р Смит, — способный к труду, более или менее занят полезным трудом и старается по мере сил добывать все необходимое для жизни для самого себя или для тех лиц из своего семейства и племени, которые по своей старости, молодости или слабости не могут заниматься охотой и рыбной ловлей. Такие народы, однако, бывают так ужасно бедны, что нужда подчас вынуждает их, — или, по крайней мере, они думают, что она вынуждает их, — прямо убивать своих детей, старииков и страдающих хроническими болезнями или же покидая их обрекать на голодную смерть и на съедение диким зверям. Напротив, у народов цивилизованных и процветающих, — хотя у них большее число людей совсем не работает, причем многие неработающие потребляют продукты в десять, а часто и во сто раз большего труда, чем большинство работающих, — продукт всего труда общества в целом так велик, что часто все бывают в изобилии снабжены им, так что работник даже низшего и беднейшего разряда, если он бережлив и трудолюбив, может пользоваться большим количеством предметов необходимости и удобств жизни, чем какой бы то ни было дикарь»¹.

Если в качестве примера и иллюстрации взять нашу собственную страну, то увидим, что только часть женищ, детей и юношей, хотя эта часть слишком велика, работает на общество. Кроме того, все правительственные должностные лица, все лица, связанные с управлением правосудия, армия и флот, духовенство, ленд-лорды со всеми теми, которые живут на их счет, вместе с длинным списком лиц разных профессий — все они не принимают никакого непосредственного участия в производстве предметов существования, одежды или предметов комфорта для общества.

Из отчетов о населении за 1820 г. видно, что количество семейств, занятых в земледелии Великобритании, составляло 798 656, занятых в торговле и ремеслах — 1 350 239, а количество семейств, не занятых ни в одной из этих отраслей, составляло 612 488. Я полагаю, что этот подсчет не включает армию и флот и обширный разряд лиц разных профессий, которые не ведут собственного хозяйства. На основании этого исчисления г. Рикмен, между тем, утверждает, что из каждой тысячи семейств 333 заняты в производстве предметов существования для всего общества². Трудно определить, какая часть общества действительно доставляет всю ту пищу, которую мы потребляем, и одежду, которой мы пользуемся, ибо много семейств, которые зарегистрированы как занимающиеся ремеслами, заняты

¹ «Wealth of Nations», book I, chap. I.

² Introduction to Population Returns. Vide Parl. Papers.

льшь производством предметов роскоши для немногих. Это трудно определить также и потому, что нет возможности установить, какое количество лиц в каждой семье на самом деле работает. В некоторых отраслях, как, например, в бумагопрядении, постоянно заняты как родители, так и кое-кто из детей, тогда как в других отраслях, где применяется труд плотника и кузнеца, работает лишь глава семьи. Имеется также большое количество лиц, которые не работают в силу старости или по слабости здоровья. Чтобы определить, какое количество лиц в целом действительно заботится об удобствах существования всего общества, мы должны прибавить к семьям, занятым в земледелии, те семьи, которые заняты в торговле и ремеслах, и вычесть как слишком молодых, так и слишком старых членов семьи, больных и слабоумных, словом, всех тех, кто или не способен работать, или по обычаям общества освобожден от работы. Если мы предположим, что в каждой семье два человека не работают, что является преумножением, то мы придем к заключению, что меньше одной шестой части населения занято земледелием и что не более одной четвертой части всего нашего населения создает все то, что всеми нами потребляется. Среди дикарей все мужчины и женщины работают, их труд едва доставляет им предметы необходимости, а рост населения происходит весьма медленно, если их численность вообще увеличивается, тогда как в цивилизованном обществе труд только небольшой части населения доставляет многочисленные предметы удобства и роскоши, и происходит рост народонаселения и могущества общества.

Я надеюсь, что эти иллюстрации отчетливо показали читателю наличие двух достопримечательных контрастирующих состояний общества, у каждого из которых комфорт и богатство отдельных лиц тесно связаны с ростом народного могущества. При *тех же самых* условиях климата, почвы и местоположения мы, с одной стороны, видим, что у одних народов происходит быстрый рост богатства и могущества, и у них народная масса сравнительно богата, с другой же стороны, у других народов не происходит роста населения, у них население в действительности вырождается и живет сравнительно бедно. Эти два вида состояния общества чрезвычайно различны по производительной способности отдельных лиц; в одном случае труд каждого человека доставляет средства существования большому количеству лиц, в другом случае — едва обеспечивает пищей его самого. Теперь мы должны познакомиться со всеми обстоятельствами, которые влияют на производительную силу труда, на процветание или упадок народов и вообще на богатство или бедность людей. Установление всех этих обстоятельств — важная задача политической экономии.

Однако не менее замечательно то, что мы можем сразу исключить из нашего исследования все физические условия и все материальные вещи, не относящиеся к самому человеку, не созданные его трудом, которым обычно приписывается весьма сильное влияние на процветание человеческого рода. Климат и местоположение,

как бы их роль ни казалась влиятельной, в действительности играют столь незначительную роль, и те следствия, которые они порождают, зависят от причин столь мало нам известных, что в настоящее время эти результаты не могут быть учтены. Мы имеем все основания предполагать, что три или четыре тысячелетия тому назад они были *такими же* на востоке, как и в настоящее время, и, конечно, они были одинаковыми как для американских индейцев и дикарей Новой Голландии, так и для европейцев; что они одинаковы как для современной, так и для древней Италии, с тем разве исключением, — и это, повидимому, достаточно доказано, — что климат всех стран улучшается в результате увеличения населения и ухудшается от уменьшения и вырождения народонаселения.

Земля является предметом изучения науки не в большей мере, чем море и воздух. Территория Америки была так же обширна для индейцев, как и для европейцев, и размеры Азии не уменьшились по сравнению с периодом ее цветущего состояния. Нет никаких оснований для предположения, что она теперь менее плодородна, чем тогда, когда она прокармливала жителей огромных вышепазванных империй. При всей недостаточности продуктов, которые американский материк доставлял дикарю, это немногое он доставлял лишь на основе его труда, и если оставить вне поля зрения различия в роде и характере труда, применяемого обеими этими расами, то этот материк доставляет теперь дикарю столько же продуктов, сколько цивилизованному европейцу. В самом деле, продукты, возникающие самопроизвольно в наиболее плодородных округах, не составляют и одной десятитысячной части того, что почва может принести цивилизованному человеку. Культурный, надлежащим образом направленный труд превращает бесплодную скалу в плодородное поле, и не будет преувеличением, если сказать, что труд собирает хлеб из морской волны.

В целях более определенного разъяснения неэффективности плодородия почвы и огромного значения труда я позволю себе напомнить читателю о богатстве и комфорте, которыми пользовались ранние жители болот в Голландии, и о бедности и лишениях, которые испытывало население южной Европы вообще, население же Италии и Испании в частности. Почва, суда, дома, виллы, сады и мольницы трудолюбивого и некогда могущественного населения Голландии — все это, можно сказать, было завоевано из недр океана, тогда как обладание огромным пространством плодороднейшей земли в Европе не является источником комфорта, могущества или роскоши Италии и Испании. Владения султана равняются нескольким Англиям; по ним протекают прекраснейшие реки древнего мира, они располагают многими замечательными пунктами для торговли, им удобно вступать в сношения с Европой и Индией, они расположены в умеренном климате, — и если однажды плодородие приносило бы богатство, то все их жители были бы исключительно богатыми. Однако большая масса их бедна и несчастна, и народ немощен и деградирует.

Но, может быть, самой лучшей иллюстрацией совершенной

недостаточности беспредельной территории и неисчерпаемого плодородия почвы для обогащения отдельных лиц и для могущества народов является различие в прогрессивном развитии Соединенных Штатов Америки и испанских колоний в южной части этого материка. Испанские колонии были основаны в Америке почти на столетие раньше британских, которые обосновались на севере этого континента; испанцы нашли там два больших и многочисленных народа, которых они покорили и применяли в качестве рабов для увеличения своего собственного богатства. Эта страна столь плодородна, что, как нам рассказывает Гумбольдт¹, «небольшое пространство земли в Новой Испании, засаженное бананами, достаточно для прокормления более пятидесяти человек, тогда как такой же участок в Европе, засеянный пшеницей, не мог бы прокормить больше двух человек». «Двухдневный труд в течение недели (и притом грубый, необученный труд) одного человека там достаточен для того, чтобы содержать многочисленную семью. В Мексике манс доставляет в среднем урожай сам-сто пятьдесят, тогда как в Европе фермер считает свой урожай блестящим, если он получает восемь бушелей пшеницы на один засеянный бушель». Но хорошо известно, что при таком благоприятном местоположении богатство, мощь и население испанских колоний не настолько возросли, как в английских колониях, представляющих собой теперь Соединенные Штаты. Я уже упомянул о численности населения, но чтобы предоставить читателю возможность более точного сравнения, я добавлю, что когда Гумбольдт писал, он исчислял живущее там белое население в количестве 8 575 тыс. человек, тогда как общее количество белых во всей испанской Америке составляло только 3 276 тыс.². Все предполагаемые преимущества, проискающие от плодородия почвы и открытой территории, находились на стороне испанцев, по *трудолюбие* англо-американцев, сопряженное с просвещением, с избытком возместило эти преимущества и привело к более быстрому увеличению их населения, чем у испанцев.

Наличие огромного плодородия не спасает население Мексики от голода. «На улицах столицы, — говорит Гумбольдт, — собираются толпами 20—30 тыс. несчастных существ, которые ночью не имеют никакого приюта, а днем шатаются совершенно голые или прикрыты лишь одеялом. Они никогда не просят милости ни, и когда они работают один или два дня в неделю, они зарабатывают столько, сколько нужно, чтобы купить кукурузу или несколько уток, которыми изобилуют озера Мексики и которых жарят в их собственном жиру». «Голодовки, — добавляет он, — весьма обычны почти во всех этих областях и происходят всегда тогда, когда большая засуха или какая-либо другая причина местного характера наносит ущерб урожаю кукурузы». На почта безграничных простран-

¹ Humboldt's Travels in Equinoctial America.

² Эти выдержки из Гумбольдта читатель может видеть в Malthus, «Principles of Political Economy», стр. 382 и след. или в произведении самого Гумбольдта «Essai Politique sur la Nouvelle Espagne».

ствах хорошей плодородной земли народ может страдать от голода, который никогда не встречается в странах, где эти природные условия менее благоприятны. Земля поэтому, как бы она ни была плодородна, создает богатство не в большей мере, чем солнечный свет и дождь; и подобно последним, земля как в отношении размеров, так и в отношении плодородия, без опасения ошибиться, может совершенно не приниматься во внимание.

Я прошу читателя вспомнить, что я вовсе не утверждаю, будто бы то, что мы называем плодородием почвы, которое, впрочем, во всех случаях при данном состоянии наших знаний является понятием относительным, — я вовсе не утверждаю, что оно не оказывает никакого влияния на количество труда, необходимого для добывания средств существования; но это влияние столь незначительно в сравнении с результатами труда, руководимого со знанием дела, что им можно пренебречь. Таким образом, отбрасывая местоположение, землю и плодородие — наиболее важные природные условия, которым приписывается влияние на процветание человеческого рода, — мы можем исключить из науки все другие природные условия за исключением сил и способностей человека и всего того, что он создает.

Следует всегда помнить, хотя, повидимому, едва ли необходимо об этом заявлять, что всякое богатство *создается* трудом и нет такого богатства, которое не было бы продуктом труда. «Ежегодный труд каждого народа, — говорит д-р Смит, — составляет тот фонд, который первоначально и всегда снабжает его всеми предметами необходимости и удобства». «То, что покупается на деньги или приобретается в обмен на другие предметы, приобретается трудом (т. е. трудом, необходимым для приобретения денег и для производства товаров) в такой же мере, как и предметы, приобретаемые нашим собственным трудом». «Труд был первоначальной ценой, первоначальной покупной суммой, которая была уплачена за все предметы. Не за золото или серебро, а только за труд первоначально были приобретены все богатства мира»¹. Эти положения представляются резко отличными от общепринятого мнения, что земля — важный источник всякого богатства, которое приводит к тому, что в нашей стране земля ошибочно рассматривается преимущественно достойной названия собственности. Но читатель может положиться на авторитет д-ра Смита, точно так же как и на мои доказательства, что земля подобно атмосферному воздуху и солнечному свету является только одним из материальных элементов, необходимых для производства пищи. Вместе с этими материальными элементами она дает нам пищу, поскольку труд управляет оплодотворяющей силой, представляющей собой результат их объединенного действия. Дикие и самопроизрастающие произведения, одно наличие которых придает земле характер богатства, должны быть собраны и привезены *трудом*. «Поместите нас, — говорит МакКуллох, — у берега реки или в плодовом саду, и мы непременно

¹ «Wealth of Nations», book I.

погибнем от жажды или от голода, если мы не затратим труда, чтобы нащиться воды или не сорвем плода с прародительницы дерева»¹.

Каким бы общеизвестным и правильным ни казался принцип, что все богатство — продукт труда, однако только что рассмотренное воззрение, что земля — источник богатства, воззрение, которое является основой многих несправедливостей по отношению к людям, основой жестокой национальной вражды, причиной многих войн и оправданием для многих насилий, — показывает, что этот принцип не является общепризнанным. Однако, ввиду того что труд является единственным надежным основанием, на котором законодатель может базировать право собственности, — если он вообще призван устанавливать то, что существует в силу естественных законов; ввиду того что труд не только источник всякого богатства, но и руководящий принцип справедливого распределения, служащий во все времена для того, чтобы исправлять сознание отдельных лиц, когда оно, подверженное эгоизму, сбивается с пути, и для того, чтобы исправлять политику законодателей, когда она извращается ложными взглядами на целесообразность, — ввиду всего этого читатель не посетует, если я приведу следующую безошибочную и яркую иллюстрацию, посвященную труду.

«Если путем рассуждений, — говорит г. Канар, — я отвлечусь от всего труда, который последовательно был приложен к моим часам, то от них ничего не останется кроме нескольких кручинок минерала, находившихся в глубине земли, откуда они были извлечены и где они не обладали никакой стоимостью. Если я подобным образом буду разлагать хлеб, который я ем, и буду последовательно отделять от него весь труд, который был в нем вложен, то останется лишь несколько стеблей злаковых растений, рассеянных в девственной степи и лишенных всякой стоимости»².

Может быть, замечательной иллюстрацией является то, что происходит сейчас на моих глазах. Напротив меня находится несколько каменщиков и плотников, строящих дом, и главный материал, который они употребляют, — это кирпичи, известняк и дерево. Инструменты, орудия и гвозди, которыми они пользуются, сделаны, главным образом, из железа и могут быть сведены, подобно материалам часов г. Канара, к их первозданному состоянию в недрах земли. Кирпичи делаются из остатков золы, которая до ее употребления для этой цели была тяжелым бременем, и из глины, которую убрали для того, чтобы провести дорогу и которая подобным же образом до своего превращения в кирпичи являлась помехой для производства других работ и ничего не стоила. Топливо, употребляемое для обжигания кирпичей, первоначально находилось на глубине нескольких шести футовых саженей от поверхности земли, и даже для того, чтобы раздобыть его, требуется много труда. Цемент составляется из песка, который выкопали для того, чтобы сделать

¹ Article «Political Economy», Supplemen to the Encyclopaedia Britannica.

² «Principes d'Economie Politique», p. 6.

фундамент для домов, и который следовало бы убрать независимо от того, будет ли он использован для этой цели или нет; цемент составляется также из известняка, которая до превращения рукой рабочего в это вещество представляла собой скучный, бесплодный кусок мела, предмет проклятий фермера. Несколько месяцев тому назад почва Норвегии или Америки была покрыта лесом, и это считалось, вероятно, столь неудобным, что население было весьма благодарно всякому, кто его вырубал. До тех пор пока земля не была очищена от деревьев, она не приносila людям никакой пользы. Но из всех этих не имеющих никакой стоимости и бесполезных материалов комбинированный труд кирпичника, каменщика, пильщика, плотника, рабочих, производящих орудия, и т. д. и т. д. создает имеющие ценность жилища, которые защищают своих владельцев от всех невзгод времен года или увеличивают их годовой доход, когда этими жилищами пользуются другие лица. Поэтому та громадная масса богатства, которая окружает площадь св. Павла и образует великую и блестящую столицу, создана трудом, и не чем иным, как трудом, из обыкновенной глины, из бесплодного мела и из деревьев, которые люди должны были выкорчевывать, прежде чем они смогли получить из почвы кочан капусты или колос хлеба. Деревья, как они ни прекрасны, все же обременяют землю, которую землемеделец должен обрабатывать.

Г-н Мак-Куллох, из произведений которого я извлек вышеупомянутую цитату, может поэтому с полным основанием сказать, что «труд есть тот талисман, который вывел человека из дикого состояния, который превращает пустыню и лес в обработанные поля, покрывает землю городами и океан кораблями, который вместо нужды, нищеты и варварства дарит нас изобилием, комфортом и роскошью».

Мне всегда приятно наблюдать, когда язык науки подкрепляется авторитетом поэтов, которые в силу популярности, приобретенной ими лишь благодаря описанию общечеловеческих чувств и ощущений или обращению к ним, могут рассматриваться как подлиннейшие представители человечества. Как бы подтверждая только что изложенную точку зрения науки, Томсон говорит:

«Все является даром трудолюбия. Один лишь труд возвышает, украинает и делает жизнь прекрасной».

Из установленного, таким образом, принципа, что всякое богатство создается трудом, следует, что все различие между производительной способностью клемени дикарей и цивилизованного общества, между обществом, в котором все индивидуумы богаты, и обществом, в котором все находятся в состоянии нужды, между народом, могуществом которого растет, и народом, находящимся в неподвижном состоянии или опускающимся до состояния вырождения, — все эти различия должны быть отнесены к различию в способах применения труда и распределении продукта труда. И, таким образом, вся наука политической экономии, как уже установлено, заключается в изучении условий, влияющих на производительную силу труда и определяющих распределение продуктов труда.

Все эти условия могут быть подразделены на два разряда: *во-первых*, *естественные условия*, или законы, не зависящие от правительства или не исходящие от него, как, например, страсти и способности человека, законы его животного существования и отношения между человеком и внешним миром; и, *во-вторых*, социальные установления, зависящие от правительства или исходящие от них, начиная с тех незыблемых законов, в силу которых присваивается земля страны или которые жалуют страну государственным устройством, устанавливающим разницу положений среди ее обитателей, и кончая законами о регулировании торговли и административными актами, причем многие из них задаются явной целью увеличить богатство общества или направлять его распределение.

Совсем недавно философы, как и широкая публика, имели привычку приписывать народное процветание и богатство отдельных лиц исключительно влиянию форм правления и способов управления. Предполагали, что каждое общественное благодеяние происходит благодаря хорошему управлению на основе мудрых законов.

«Селять изобилие по улыбающейся стране и читать ее историю в глазах народа», — так льстиво характеризовали государственных деятелей; и в общем все на свете верили, что государственные деятели в состоянии не только обеспечить изобилие, но и поощрять добродетель и обеспечить счастливую жизнь. Но когда колонии Северной Америки, состоявшие из людей, распахивавших землю, и из обитателей лесной глупи, с презрением относились ко всем постановлениям, за исключением тех, которые были созданы самим народом; когда колонии эти, пользуясь полной индивидуальной свободой и сохранив лишь немногие из оков правления, носившего патриархальный или политико-экономический характер или совсем отказываясь от этих оков, превратились в могущественный народ Соединенных Штатов, процветание и мощь которых еще большие возрастили, но мере того как они освобождались от ига европейского правительства, то людям стало ясно, что предполагаемая мудрость законодательной власти не оказывает никакого влияния на народное процветание, хотя она может оказать влияние на вырождение народа, и они были вынуждены искать причины общего благополучия в благодатных дарах природы. В этот же самый период во Франции появилась секта философов, прозванная экономистами, которые, как говорит г. Дугальд Стюарт, «исходили из предположения, что *общественный порядок* в своих наиболее существенных чертах является результатом мудрости природы, а не человеческого изобретения». Д-р Адам Смит, повидимому, разделял то же самое мнение. Рассмотрев многочисленные социальные установления и в частности законы, управлявшие торговлей, которую вела Британия со своими колониями, и находя, что эти законы оказались вредными для их обоюдного процветания, он вынужден был для объяснения роста богатства, которого нельзя было отрицать, искать иные причины, нежели мудрость правительства, и он нашел их в интересах, страстиах, инстинктах и склонностях человечества. Он

учил, что *разделение труда* среди отдельных лиц и удивительная кооперация различных групп рабочих при производстве совокупного продукта, кооперация, при которой производительная способность всех рабочих изумительно возрастает, — что все это не является результатом человеческой или законодательной мудрости, обладающей даром предвидения и стремящейся к возвышенным целям, и — что для нас важнее всего — не является результатом всеобщего богатства, по что все это происходит благодаря инстинкту человека, в силу которого он занят своим специальным делом, точно так же как утка стремится к воде или лисица в свою нору. С этими-то естественными интересами, страстями, инстинктами и склонностями и с порождаемыми ими последствиями, — а они не приостанавливаются ни на один миг и продолжают действовать с одинаковой силой как на самой развитой стадии общественного развития, так и на первобытной его стадии, — с ними-то преимущественно и имеет дело политическая экономия. Ими-то почти исключительно ограничивается эта книга, на них и на их постижение, как и на постоянстве тех законов, согласно которым материальный мир всегда и повсюду возбуждает у нас одинаковые ощущения, зиждется естественная наука о народном богатстве. На каждой последующей странице они займут значительное место. Поэтому в настоящее время я ограничусь тем, что предложу читателю один или два примера этих условий, отмечая принцип, который делает их основой науки.

Основой всякого народного величия является рост населения; но если бы человеческому роду не были присущи всегда и повсюду естественная и почти неукротимая тенденция к размножению и естественная способность к удовлетворению своих потребностей, то как люди могли бы расселиться по такой обширной части земного шара, основывая в прошлые времена те могущественные империи, о которых мы уже говорили, причем эти империи, хотя и могли расширяться в результате завоеваний, должны были найти человеческие существа в целях их подчинения, а также обрести в целях присвоения землю и должны были сдерживать человеческие существа в роли агентов присвоения и завоевания? Или как могли бы быть расчищены леса Германии, и как могли бы быть осушены болота Британии, если бы рост населения не обогнал увеличения самопроизрастающих средств существования, которые украшали землю, искрились на изгородях или писпадали с величавого дерева? Как могли бы всего этого достигнуть эти «жалкие варвары, скитаясь вместе с хищными зверями или борясь с клыками свирепого кабана за еду из эколудей»? Или как могли бы теперь расчищаться леса в Америке и как могли бы европейские права и европейская цивилизация распространиться от Атлантического до Тихого океана, если бы Европа не выбрасывала прозорильный избыток своего населения в Америку и если бы рост наличного трудолюбивого населения Америки не прошел бы столь быстро, что отечественная земля не снабжает их ужеющим образом средствами существования? Если бы в человеческом сердце не было естественной любви к жизни и инстинктивной

любви к потомству, которые не могут быть подавлены никакими лишениями и никакими невзгодами, если бы результаты индивидуального трудолюбия — единственного источника народного богатства — в общем не превышали то, что присваивается в результате социального угнетения и не были бы во все времена больше того, что необходимо для удовлетворения индивидуальных нужд, то как могла бы какая-либо раса размножаться и усовершенствоваться в то время, как мы видим, что ни в одной стране — даже в Соединенных Штатах Америки, а еще меньше в Новой Голландии — рабочие никогда не пользовались всем принадлежащим им продуктом или им не разрешалось его потреблять? Всегда и повсюду рабочие должны были содержать большее количество людей по сравнению с числом самих рабочих и членами их семей. Таким образом, человек от рождения наделен производительной способностью в соответствии с его потребностями, и эта способность дает людям возможность воспитывать детей и содержать в праздности и богатстве большее количество лиц по сравнению с числом самих рабочих. Эта естественная производительная способность — дар не правительства, а нашего создателя — великий источник индивидуального богатства и народного величия.

Но эта способность должна проявляться. Существуют ли естественные мотивы независимо от стимулов, создаваемых правительствами для такого проявления? Существуют. Человек осужден есть хлеб в поте лица своего, и естественно, что те, кто не работает, не могут обладать предметами питания. Если мы не работаем, то мы не можем обладать предметами питания и неизбежно должны погибнуть. Это так же верно, как любая аксиома математики, и вытекающий из этого и охватывающий все наше существование стимул к труду — это величайший стимул, который можно только себе представить. «Трудолюбие, — говорит г. Мак-Куллох, — не нуждается в стимулировании внешними выгодами» и, прибавлю я, не нуждается ни в наказаниях, ни в уголовных карах. Необходимость человеку работать, существующая и действующая как среди самых примитивных, так и среди наиболее цивилизованных народов в Европе и Америке, как в прошлом, так и в настоящем, словом, во всех странах, во всех эпохах и среди всех племен и рас, — необходимость эта представляет собой универсальный закон, подобный принципу тяготения. Поведение всех людей подвержено постоянному и непрерывному воздействию и регулированию этого закона, подобно тому как действию силы тяжести подвержены все тела, даже такие, которые, подобно воде фонтана, кажутся в течение известного времени не подверженными ее силе.

Но разве нет закона, который управляет бы внешним миром соответственно этой необходимости? Возложила ли на нас природа эту необходимость, не заставляя, вместе с тем, материальный мир ити навстречу труду нашему, подгоняемому голодом? Как раз наоборот. Если то, что мы должны есть хлеб в поте лица нашего, является законом нашего бытия, то существует также и встречный закон внешнего мира, в силу которого хлебдается за наш труд и только

за труд. Таким образом, мы видим, что мир, каждая частица которого управляет пепреложными законами, приспособлен к человеку и человек к миру. Это взаимодействие, или, скорее, это единобразие законов, управляющих поведением человека и вселенной, во все времена связывает человека, как бы возвышенны ни были его поступки и восторженны его надежды, с землей, откуда он произошел, и с обширным миром, для понимания которого он обладает разумом, а для благоговения перед которым — душой. Он есть часть мудро управляемого мироздания.

Когда природа наложила на нас и на внешний мир клеймо этого закона, она, без сомнения, учла и определила на бесконечную смену времен все его возможные последствия. Она предоставила нам возможность выбирать между голодом и трудом, выбирать между тем, чтобы самим тащить плуг, и тем, чтобы при помощи кнута заставлять других тащить его вместо нас, выбирать между тем, чтобы наше существование поддерживать собственными честными усилиями, или тем, чтобы подло или насилиственно грабить других людей. Но природа установила вне нашего контроля последствия нашего выбора. Имеется поэтому достаточно оснований для предположения, что, подобно тому как каждая частица материального мира управляет и контролируется естественными законами, так и все малейшие отрасли производства и распределения богатства управляются и контролируются условиями, проистекающими из необходимости трудиться. Подобно тому как закон тяготения определяет устойчивость тел на земном шаре, их движение по направлению к центру земли и даже движение тех тел, которые как будто противятся этому закону, — они отталкиваются вверх более сильным притяжением некоторых других тел, — подобно тому как закон тяготения управляет также движением как самого земного шара, так и движением всех небесных тел, — подобно этому и необходимость трудиться оказывает свое влияние даже и в таких случаях, как с паровой машиной, где представляется, что человек почти подчинил себе природу, заставляя ее выполнять задачи, которые она возложила на него. В подобных случаях мощные орудия производятся трудом; они нуждаются в постоянных исправлениях, которые выполняются трудом, и они должны всегда направляться и приводиться в движение рукой человека, что также является трудом.

Но могут возразить, что известные группы людей не работают. Престарелые, слабые, слабоумные и дети содержатся трудом своих друзей. Получатели ренты и прибыли кормятся за счет продукта труда других людей; то же самое относится и к живущим за счет налогов. Один человек может ограбить другого или он может убедить его предоставить средства существования. Социальные законы могут принудить известные классы работать в пользу других классов или могут даже передать весь годовой продукт тем классам, которые никогда не трудятся. Если мы допускаем, что члены правительства и служители церкви являются трудящимися, которые своими усилиями защищают права своих близких, то мы не смо-

жем то же самое сказать о рабовладельцах Вест-Индии или о держателях ипотек на недвижимость в Лондоне; мы не сможем тоже самое сказать о лендлордах, о держателях ценностей в Англии и о других подобных классах. Все они получают средства существования, живут и приобретают все свое богатство благодаря труду рабов в Вест-Индии или благодаря изнуренным тяжелым трудом, полуголодным, происходящим от рабов рабочим Европы. Если даже допустить, что, подобно тому как люди могут изменять направление силы тяжести, заставляя струю фонтана подыматься из земли в воздух, они обладают до известной степени властью сбрасывать со своих плеч необходимость трудиться, то все же возникает вопрос, не будет ли освобождение от этой необходимости путем присвоения продукта других лиц сопровождаться известными и неизбежными последствиями?

Мы знаем теперь из всего хода истории, что несправедливое присвоение, каждая длительная попытка одного класса людей ускользнуть от необходимости трудиться, возложенной на род человеческий, каждое нарушение права человека пользоваться своим собственным продуктом, потреблять его и наслаждаться им—что все это всегда сопровождалось гибельными последствиями. Это—насилие над естественным законом, которое никогда не проходит безнаказанно. Домашнее рабство, связанное с системой завоевания чужих земель и с системой захвата, привело к гибели империи древности. Вымогательства всех эмиссаров турецкого правительства, полное и вынужденное несоответствие в стране между трудом и его вознаграждением являются там причинами вырождения народа. Население Вест-Индии не увеличивается. Почти непобедимая любовь к жизни и почти неукротимая способность человеческого рода размножаться и численно расти, умерщвляются там угнетением рабовладельцем рабочего и присвоением рабовладельцем рабочего и его продукта. Таковыми представляются мне некоторые естественные и неизбежные последствия, ибо я еще ничего не говорил о том громадном моральном влиянии, какое попытки избежать необходимости трудиться оказывают на самих праздных людей. Впрочем, следует отметить, что, несмотря на их желания и пагубные последствия, которые, как известно, происходят из их поведения, они в действительности не могут избежать этой необходимости. Они только меняют бодрые, здоровые усилия честного создающего богатство трудолюбия на причиняющую беспокойства задачу заставлять рабов трудиться. Защищая свою собственность и принуждая подчиняться своим распоряжениям, рабовладельцы и богатые люди,—среди толпы происходящих от рабов голодных рабочих,—вероятно, ведут более беспокойную и утомительную жизнь по сравнению с рабами, труд которых они вымогают.

Если скажут, что это утверждение ошибочно, что несправедливое присвоение не должно неизбежно препятствовать производству и разорять народы, то я отвечу, что в нашей природе заложен принцип, закон нашего сознания, в силу которого мы во всякое время верим в неизменность мирового порядка. Этот закон применим оди-

шлкого как к духовной, так и к материальной части мироздания. Благодаря этому закону мы полагаем, например, что те самые условия, которые в прошлом привели к гибели древние империи Азии и которые теперь ведут к разрушению современной Турции, что если эти обстоятельства будут продолжать действовать, то они приведут к разрушению цветущих Штатов Северной Америки, ибо в действительности некоторые из этих условий приостановили процветание Южной Америки. В силу этого закона мы полагаем, что принципы нашей животной организации, которые ныне расселили людей и распространяли цивилизацию по всему обширному материку Америки, являются в точности теми же самыми принципами, которые три или четыре тысячи лет тому назад приводили империи древнего мира к вершине их блеска. Но все эти принципы, как те, которые ведут к разрушению империй, так и те, которые движут их вперед по пути могущества и цивилизации, действуют через самого человека, порождая процветание отдельных лиц, и могут быть познаны лишь по тому влиянию, которое они оказывают на поведение человека. Каковы бы ни были эти принципы, каковы бы ни были их последствия, нельзя отрицать их постоянного, их непреложного влияния. Они существовали во все известные эпохи истории, они действовали, и мы убеждены, что они будут действовать всегда и везде. Возможно, что они крайне многочисленны; что нам трудно будет открыть их; что они сложны и запутаны; что они могут преподнести образом видоизменять друг друга; что познать мы сможем только немногие из них. Но мы знаем, что они существуют, они управляют поведением человека или карают его. Как во времени, так и в пространстве они существуют одновременно с наличием человеческого рода. И на их непреложности, которую мы чувствуем и познаем, базируется та естественная наука, которая открыла некоторые из этих принципов, которая ставит своей задачей открыть все эти принципы, поскольку они влияют на богатство, и которая известна под неправильным названием *политической экономии*.

Я намеревался более или менее обстоятельно показать тесную связь между богатством и цивилизацией, но мой труд слишком краток, чтобы я мог себе это позволить. Читатель, впрочем, будет удовлетворен одним простым замечанием, что исследование о законах, управляющих производством богатства, является на самом деле исследованием о законах, управляющих процветанием народа и его выражением, управляющих цивилизацией и варварством. Теперь вполне установлено, что во все времена люди размножаются стакой же быстротой, с какой они добывают средства существования. То, что увеличивает количество населения, увеличивает и средства существования; то, что приостанавливает естественную тенденцию роста населения, приостанавливает и рост средств существования. Но средства существования и материальные орудия, при посредстве которых мы облегчаем производство средств существования, — все они включаются в понятие богатства. Таким образом, исследование о законах, управляющих производством богатства, является исследованием о законах, которыми управляют увеличением или уменьше-

нием народонаселения, а по увеличению или уменьшению народонаселения мы судим о процветании народа.

Не входя в детальное рассмотрение естественных законов, управляющих производством и распределением, так как раскрытие их составляет содержание настоящего труда, я указал на естественный принцип роста народонаселения и на естественный закон, который является основой всякого производства. Считая, что эти принципы постоянны и непреложны; будучи убежденным также, что все их последствия всегда управляются и контролируются естественными законами в такой же мере, как все во вселенной; допуская, что они могут быть сложны и многочисленны, — я утверждаю, что, так как наше благосостояние зависит от их познания, то мы должны быть так же в состоянии открыть их и привести в научную систему, как мы открываем и систематизируем почти такие же сложные законы, управляющие различными свойствами материального мира, из которых многие в настоящее время открыты и использованы с особенной выгодой, причем наши знания об этих свойствах образуют науку химии.

Но социальные установления, так же как и естественные законы, оказывают притом влияние на производство и распределение богатства. Как постоянные общественные учреждения, форма управления обществом, — что можно проиллюстрировать на примерах Испании и Англии, Турции и Соединенных Штатов Америки, — так и временные законы по регулированию торговли, административные акты, имеющие в виду увеличение богатства общества или регулирование его распределения — все это явно влияет как на количество произведенного богатства, так и на способ распоряжения этим богатством. Налоги, сбор которых обыкновенно происходит в целях содержания в праздности бесполезных или даже более чем бесполезных лиц, — труд этих лиц еще более вреден, чем их полная праздность, — уменьшают естественное вознаграждение за труд, тормозят производство и изменяют распределение того, что производится. Запрещения в области торговли заставляют нас затрачивать больше труда, чем необходимо для того, чтобы получить воспрещенный товар. Они также связывают дух предпримчивости и являются помехой производству, препятствуя прогрессу знаний и приобретению навыков искусного труда.

Хлебные законы нашей страны, — если взять пример из области социальных установлений, влияющих как на производство, так и на распределение, — заставляют всех, кто ест хлеб, за возможность его приобретения отдавать большее количество труда, чем это требуется по законам природы; или же хлебные законы принуждают нас платить от пятнадцати до двадцати шиллингов больше за квартер ишеницы, чем это было бы необходимо при других условиях, и изменяют распределение, перекладывая (посредством обмена — это следует подчеркнуть) часть суммы, извлекаемую таким образом из карманов потребителей, в карманы лендлордов.

Эти примеры были приведены только для того, чтобы доказать, что имеются два различных вида условий — естественные, не завися-

ице от всякого рода форм правления, и социальные, создаваемые формами правления, которые влияют как на производство, так и на распределение богатства. Наука политической экономии в своем завершенном виде охватывает оба эти вида условий и не занимается не чем иным, кроме как *совокупностью* этих условий. Но последнего рода условий я не буду касаться. Законы, которые исходят от правительства и влияют на богатство общества, до того многочисленны,— вероятно, нет ни одного постановления, которое не оказывало бы подобного действия,— что я неизбежно должен вменить себе в качестве принципа совершенно не упоминать их в этом произведении, за исключением тех случаев, когда они могут послужить случайной иллюстрацией для естественных условий, рассмотрением которых этот труд, главным образом, и ограничится.

Необходимо, впрочем, отметить, что эти два вида условий должны рассматриваться совершенно различным образом. «*Естественные законы*, — говорит г. Сэй, — определяющие процветание народов, их богатство и цивилизацию, не созданы человеком; путем анализа и наблюдения мы открываем, что они устанавливаются *не нами*¹. Мы должны поэтому прежде всего открыть все естественные условия, которые всегда и везде влияют на производство и распределение, и, пользуясь ими в качестве критерия, исследовать результаты социальных установлений. Прежде чем мы сможем сказать, какое действие оказывают последние, мы должны установить первые. «Они господствуют, — говорит г. Сэй, — над человеком, который господствует над всеми другими людьми, и они никогда не могут быть безнаказанно нарушены». Они должны управлять нашим поведением, и мы должны установить эти законы, прежде чем мы сможем открыть, в каком отношении и в какой мере руководствовались или пренебрегали ими. Мы должны всегда помнить, что все исследования о производстве и распределении богатства, посвященные современной или предыдущей стадии общественного развития или обеим этим стадиям, могут ограничиться исследованием постановлений или находиться под влиянием постановлений, исходящих от правительства или общественных учреждений, являющихся плодом, быть может, явного нарушения естественных законов распределения, если не производства; причем все эти исследования, — пусть не целиком напрасны и бесполезны, — все же поверхности и несовершенны.

Мы должны также разобрать вопрос, возможна или невозможна наука об этих двух различного вида условиях. Естественные законы и условия, управляющие производством и распределением богатства, поскольку они являются столь же постоянными и достоверными, как любые законы, управляющие материальным миром, могут научно изучаться; но не может быть науки о законодательстве какого-либо одного правительства или всех правительств, потому что законодательство это по причинам, которые невозможно установить, изменяется как само по себе, так и в своем соотношении с постоян-

¹ M. Say, *Traité d'Economie Politique*, 2 éd., t. I, p. 99.

но изменяющимися условиями жизни народа, для которого оно устанавливается. Возможна различие науки о естественных принципах, которыми должны законодатели руководствоваться, но не может быть науки об издаваемых последними указах.

В настоящее время как естественные условия, так и социальное законодательство оказывают сложное и разнообразное влияние на каждый вопрос из области политики и экономики. Например, плохая погода, уничтожающая урожай, увеличение населения, заставляющее людей вскачивать целину, возделывать болота и превращать скалы в пашню, то и другое — естественные условия, которым присуща тенденция повышать цену предметов необходимости. Но закон, запрещающий ввоз зерна из стран, где погода, может быть, была более благоприятна, где земля более плодородна или хлеб в силу каких-то обстоятельств не так дорог, приводит, разумеется, к точно таким же последствиям, как плохая погода или увеличение народонаселения. Поэтому всегда необходимо с большой осторожностью различать между действием естественных и неизменных условий и действием социальных установлений. Если мы этого не сделаем, никому не удастся определить в какой степени испытываемые нами бедствия или благополучие, которым мы паслаждаемся, обусловлены законами природы и установлениями законодателя. К несчастью это различие редко с тщательностью проводится даже философами и вовсе отсутствует у широкой публики. Мы поэтому всегда готовы без достаточного основания восхвалять или порицать наших правителей и призывать их к вмешательству там, где они никакой пользы принести не могут. Они всегда пользуются такими обращениями, для того чтобы, расширить свою власть, и в большинстве случаев люди обрекаются на рабство в силу своего собственного невежества и своего собственного неперспекции.

Вследствие отсутствия тщательного, всегда необходимого различия между этими двумя видами условий, в области политico-экономических вопросов возникает большинство споров и множество ошибочных суждений. Люди приписывают природе бедствия, которые вызываются социальными установлениями, и благодаря почитанию или, вернее, идолопоклонству перед мудростью своих предков они сомневаются в мудрости божества. Благодаря совместному действию этих двух видов условий, благодаря тому, что они друг друга видоизменяют, исправляют и контролируют в формах, более многообразных по сравнению с тем, что было открыто и систематизировано наблюдением, все это превращает политическую экономию, независимо от страстей и могущественных интересов, которые вплетаются в ее дискуссии, в наиболее сложную и, вероятно, наиболее трудную из всех естественных наук. Каковы бы ни были действие и влияние естественных законов и условий, в познании которых мы, главным образом, заинтересованы, независимо от того действуют ли они благотворно или неблаготворно, открыть их почти невозможно, потому что никогда не была предоставлена возможность их полного и чистого проявления. В самом деле, никогда не происходило

дило их прямого открытого действия, лишь при наличии которого мы могли бы их открыть. Короли и законодатели, считая себя более мудрыми, чем природа, не считались с ее законами, и, не подвергая эти законы исследованию, они их приостанавливали, ограничивали, контролировали и искали. Поэтому, чтобы распознать действие естественных законов, управляющих успехами в области богатства, которые никогда не легко было раскрыть, в настоящее время, когда этот закон переплетается с воздействием законодательных предписаний, требуется исключительно старательное и внимательное их изучение. Естественные законы, подобно глубокой и могучей реке, текут при отсутствии заграждений так плавно вперед, что мы не в состоянии отметить их движение и должны ставить знаки или бросать что-нибудь на их поверхность, чтобы заметить их течение. Законодательное регулирование, подобно гигантским скалам, задерживающим плодопосное течение реки, осведомляет нас о задержке естественного течения наличием нищеты, страданий, социальных потрясений, что воистину ужасно, но все, что ни приходит в столкновение с этими двумя стихиями, уничтожается их взаимной борьбой, и мы не можем различить, является ли причиной неудачи стремительность естественного потока или упорное сопротивление законодательства.

Установив тот факт, что на производство и распределение богатства влияют два вида условий, и отметив два различных способа их изучения, доказав возможность образования науки о законах общества, мы получаем возможность избавить политическую экономию от известного недоброжелательства, которое она в последнее время вызывала. Она не является, как обычно предполагают, всеобъемлющей, искусственной, претенциозной наукой, она не является политической наукой, предписывающей законы для общества или возлагающей обязанности на людей. Она изучает только такие мероприятия, которые оказывают влияние на богатство, она не изрекает проклятий, но провозглашает лишь то, что повелевает природа, предоставила людям подчиняться или не подчиняться, как это им заблагорассудится. Она не претендует на то, чтобы указывать, как люди должны поступать, но она показывает, что последствия их поступков, из которых некоторые она пытается проследить, неизбежны. Она стремится установить естественные условия, которые управляют производством богатства, и отмечает некоторые из тех инстинктов, которые побуждают человека, подобно другим животным, искать счастья путями, соответствующими и свойственными его положению. Она не претендует на руководство этими инстинктами, но определенно заявляет, что это частное дело и должно быть представлено усмотрению частных лиц. Она не имеет дела с ремеслами повседневной жизни, она не претендует на объяснение принципов механики, земледелия или химии, она не должна поэтому, как утверждают многие авторы, указывать те средства, при помощи которых труд человека может стать наиболее производительным. Находить эти средства составляет величайшую задачу всех повседневных ремесел, которую они все вместе в действительности не могут выполнить.

нить. Ни один человек не может сказать, как может труд стать наиболее производительным, ибо это является постоянным изменившимся результатом практического знания всего человечества. Не давая никаких указаний о ремеслах, политическая экономия не сможет никогда показать нам, как рука может стать искусственной. Эта наука замечает тесную связь между выгодой отдельного лица и всеобщим благополучием, но она не претендует на то, чтобы управлять операциями купца, торговца или фермера в большей мере, чем действиями инженера, чтобы управлять трудом судовладельца в большей мере, чем трудом кораблестроителя или кузнеца. Наибольшая польза, которую эта наука может оказать в деле роста богатства, состоит в том, чтобы государственные деятели могли учиться,— если они, будучи самыми фанатичными, невежественными и самоуверенными людьми вообще, способны чему-нибудь научиться,— как перестать мешать производству, которому они, как и сама наука, не могут оказать никакого содействия.

В противоположность тем, которые в последнее время ввели политическую экономию в парламент и пытались свое несовершенное знание сделать базисом законодательства — я готов это признать — вместе еще более несовершенного знания прежних законодателей, я позволяю себе также определенно заметить, что изложенная точка зрения на науку строго соответствует произведениям и взглядам д-ра Смита. Можно считать, что «Богатство народов» состоит из двух частей: в первой автор излагает, постольку, поскольку он их открыл, естественные законы, влияющие на процветание отдельных лиц и народов; во второй части он рассматривает действие многочисленных социальных установлений. Он начинает с описания следствий разделения труда, которое, как он говорит, вытекает из *естественной склонности* к мене или торговле, свойственной человеческой природе¹.

В различных местах своей книги он настаивает на том, что любовь к сбережению и накоплению и всеобщее желание счастья и комфорта исправляют ошибки законодателя. «*Естественно* — этот принцип он кладет в основу, — что люди увеличивают свое трудолюбие, когда они уверены, что будут пользоваться плодами своего труда для улучшения своего положения и для приобретения не только предметов необходимости, но и предметов комфорта и роскоши». В других частях своего труда он рассматривает законы первородства и перехода наследства, корпорации, покровительственные премии, колониальные законы, акты о мореплавании и т. д. и т. д., и мы видим, что он порицает эти законы и системы как противоречащие *естественному ходу богатства* и, однако, никогда не возлагает на себя функций законодателя и никогда не предписывает законов для управления обществом. Открыв в разделении труда, по крайней мере, один *естественный источник непрерывного увеличения производительных сил*, о котором он говорит, что «все предметы стали бы постепенно дешевле» — в результат

¹ «Wealth of Nations», book I, chap. I and II.

всего того развития производительных сил, к которому приводят разделение труда, «если бы не было присвоения земли и накопления капитала»², — он пришел к выводу о наличии естественных законов, которые регулируют, контролируют до самых мельчайших подробностей обширную область производства и распределения богатств и управляют ею. Принципы, применяемые законодателем-человеком, помимо того, что они могут причинить бесконечно много вреда, так относятся к этим естественным законам, как астрономические теории Птоломея и Декарта к законам, управляющим в мельчайших подробностях движением планет. Я охотно признаю, что его книга несовершена в своей трактовке зачаточной части естественной истории человека как животного. Она описывает некоторые из его социальных привычек и инстинктов и их благотворное влияние точно так же, как некоторые философы естествознания описывают стадные привычки и инстинкты пчелы и бобра. Он никогда не думал об их исправлении или контроле над ними, но лишь о том, чтобы их открыть и описать. Он старался с философской точки зрения показать, что индивидуальное и народное процветание имеют своим источником естественные нужды, страсти и склонности отдельных лиц и, предполагая, что природа желает счастья человеческому роду, пытался доказать, что, изобретая средства к счастью, природа не дождалась сомнительной помощи королей и парламентов. Более того, он показал на каждом из рассматриваемых им законов и предписаний, изданных королями и парламентами, что они препятствовали процветанию, а в некоторых случаях разрушали его, — милостиво или честолюбиво, претендую в то же время на поощрение этого процветания.

Таким образом, предмет политической экономии — это открытие всех естественных законов и обстоятельств, которые влияют на производство богатства и управляют им. Политическая экономия ограничена этими законами и не занимается не чем иным, как лишь этими законами. Открыв эти законы, она рассматривает при их помощи последствия социальных установлений, поскольку они влияют на богатство, но, предостерегая, ссылается на опыт против того вреда, который уже был причинен человеческому роду постановлениями самых лучших и самых мудрых законодателей, политическая экономия не берет на себя смелость диктовать законы по управлению обществом. Она рассматривает человека как часть великой системы вселенной и предполагает, что его поведение в каждый данный момент подвергается влиянию, регулируется, контролируется или карается постоянными и неизменными законами таким же образом, как рост растений, химические соединения материи и движения небесных тел. Возможно, что это предположение ошибочно, и если это даже правильно, то вряд ли мы в состоянии открыть эти законы.

Предположение, по моему мнению, поддерживается теми, кто выражает, — если они вообще вкладывают какой-нибудь смысл этим словам, — что вообще не может быть такой науки, как полити-

² «Wealth of Nations», book I, chap. VIII.

ческая экономия. Нельзя встретить большего различия во взглядах, которое порождало бы столь значительные и многочисленные последствия, которое фактически затрагивает любой вопрос, могущий когда-либо возникнуть в отношении организации общества. Я, впрочем, верю, что убедил читателя в возможности наличия такой науки, и надеюсь поэтому, что он не откажется последовать за мной в моих дальнейших попытках развить естественные законы, управляющие производством и распределением. Некоторые из этих законов всем известны, другие признаны и проявляют свое действие, но прежде всего существование законов подразумевается в каждой попытке показать, что постановления правительства, предоставление монополий и премий, введение высоких пошлин и запрещений препятствуют и нарушают естественный ход народного процветания.

Возможно, что неправильно было бы закончить введение, не предупредив читателя, что изложенный здесь взгляд на основы этой науки весьма значительно отличается от взгляда, принятого в последнее время в нашей стране. Здесь эта наука в настоящее время, по примеру иностранных авторов, называется *наукой о стоимости* — очень ограниченное и, возможно, даже бесполезное определение. Это определение, если только с ним согласиться, ограничивает эту науку лишь небольшой ее частью и не объясняет ни одного из ее наиболее интересных явлений. Этот взгляд возник, я полагаю, во Франции, и весьма забавно то, что как название этой науки, данное д-ром Смитом, так и порядок ее изложения, примененный д-ром Смитом, заменены названием и порядком изложения его французских комментаторов даже теми лицами, которые в его собственной стране с гордостью называют его своим учителем и основоположником этой науки. Это представляется тем более курьезным, если вспомнить, что д-р Смит в одной части своего великого труда пытался бороться с существовавшими тогда системами политической экономии, в противовес им указывая, что наука, которая под этим названием изъявляет притязание на увеличение богатства народа через посредство правительства, не имеет и не может иметь права на существование.

О важном значении политической экономии, в том смысле, как я об этом говорил при разъяснении ее предмета, я в настоящее время не скажу ни слова. Если в процессе изложения истин этой науки, поскольку они известны, я не смогу показать читателю их значения, если я не смогу обосновать его личную заинтересованность в этой науке, если я не смогу вызвать у него убеждение, что эта наука повествует о фактах, знакомство с которыми — его долг как по отношению к самому себе, так и по отношению к себе подобным, то со своей стороны я безропотно соглашусь, что эта наука имеет для человечества меньшее значение и что к тому же она вдвое менее занимательна, чем хорошие новеллы.

КНИГА 1

ЕСТЕСТВЕННЫЕ УСЛОВИЯ, ОКАЗЫВАЮЩИЕ ВЛИЯНИЕ НА ПРОИЗВОДИТЕЛЬНУЮ СИЛУ ТРУДА

ГЛАВА I

УМСТВЕННЫЙ И ФИЗИЧЕСКИЙ ТРУД: ПРОИЗВОДИТЕЛЬНЫЙ ТРУД

Два вида труда: труд изучения законов материального мира и труд, направленный на применение средств, добытых этим изучением. — Иллюстрации к обоим видам труда. — Оба вида труда одинаково полезны. — Производителен всякий труд, который доставляет средства существования рабочему. — Противоположные мнения и практика.

Во введении было указано, что труд создает всякое богатство и говорилось также о законе, обрекающем нас есть хлеб и поте лица своего, что в силу того, что этот закон накладывает глубокую печать на материальный мир, он предоставляет богатство и хлеб только труду. Таким образом, мы имеем одновременно два вида труда, на которые нам следует обратить внимание, а именно: труд изучения и установления тех средств, при помощи которых материальный мир доставляет нам наибольшее богатство, и труд применения этих средств, когда они уже установлены. В целях различия я буду называть труд первого рода умственным, труд второго рода — физическим или мускульным трудом. Пока мы не будем придерживаться этого различия, пока мы раз навсегда не убедимся в одинаковой необходимости изучения законов материального мира и практического использования этого изучения, мы не поймем сложных явлений производства. Возможно, что те, кто работает преимущественно собственными руками, склонны переоценивать свое участие в производстве богатства, а те, обязанности которых сводятся, главным образом, к изучению путем наблюдения, могут смотреть сверху вниз — в действительности так они и поступают — с некоторым презрением на тех, кто выполняет то, что им предписывает это изучение. Но помимо наблюдений над законами, которые управляют материальным миром, и применения этих наблюдений с помощью ручного труда, не существует других элементов, необходимых для производства богатства.

До какой степени безрассудно преувеличивать значение одного из этих видов труда за счет другого, что присуще литераторам и выступающим в ролях покровителям правительствам, это станет очевидным, если вспомнить, что эти оба вида труда одинаково необходимы для производства и что оба они применяются почти каждым трудящим лицом. Наиболее знакомый и, может быть, наиболее под-

ходящий пример умственного труда, который приводит к производству богатства,— это то непрерывное внимание, которое требуется в течение месяцев или лет для изучения какого-нибудь ремесла, так как без изучения не было бы ни искусности, ни ловкости. Умственный труд завершается часто или мускульной ловкостью, как например, труд ткача шелковых материй, который после долгого срока ученичества и значительной практики научается ткать по всякого рода узорам, или он завершается увеличением способностей самого ума. Человек может, например, сделаться способным изобретать машины, после того как он трудолюбиво изучил законы механики, исследовал силы внешней природы или старательно установил свойства различных тел. Если бы не было умственного труда, то не было бы физической ловкости и не было бы способности к изобретению машин. Труд этот поэтому необходим для производства.

В результате приобретенной искусности, после определения прочности шелка и лучших способов его тканья, ткач садится у своего станка и с помощью мускульного труда, соединенного с постоянным наблюдением и вниманием, производит известное количество этой прекрасной ткани. Механик подобным же образом изготавляет орудие, которое до этого существовало лишь в его воображении или изготавливает модель этого орудия. Необходимы повторные опыты и многочисленные наблюдения, прежде чем он сможет воплотить свои теоретические замыслы в форме твердого вещества. Таковы примеры физического труда. Труд этот бесспорно так же необходим, как и умственный труд, для завершения производства куска шелка, или какого-либо другого товара, или всякого рода машины.

Ввиду того что в качестве довода о необходимости различий в уровне заработной платы иногда указывается на легкость или трудность в приобретении навыков по выполнению тех или иных видов труда, то важно отметить, что как умственный, так и физический труд затрачиваются почти каждым индивидуумом. Так, государственный деятель, законовед или врач — все они, получая свою оплату, главным образом, за умственную деятельность или умственные способности, работают также и физически, хотя и в меньшей степени, чем пахарь или сапожник. Один пишет свои приказы, другой излагает свое мнение или отправляется в суд и выступает там, а третий, после того как он пощупал пульс своего пациента, пишет рецепт. Точно так же пахарь, прядильщик хлопка или даже человек, разбивающий камни на улице, получающие свое вознаграждение преимущественно за свои физические усилия, затрачивают, хотя и в гораздо меньшей степени, умственный труд. Пахарь должен следить, чтобы его борозда была прямая; прядильщик хлопка должен следить за своими шпульками и разорвавшуюся нить связывать руками, направляемыми разумом; каменщик должен проявить значительную степень искусства и ловкости, чтобы разбивать все камни приблизительно на одинаковые части, и должен тщательно следить за тем, чтобы ими был равномерно покрыт каждый участок дороги.

Самый простой рабочий должен затрачивать в известной мере умственный труд, и многие из наиболее обычных видов труда теперь легко усваиваются благодаря привычкам, знанию и искусству, передаваемым прошлыми поколениями, или умственные усилия представляются незатруднительными, так как способность к ним приобретается в молодости. Поэтому существует гораздо меньше оснований, чем порой это себе представляют, для того, чтобы различные виды труда различно вознаграждались. Труд, который хорошо выполняется, есть только унаследованное искусство. Родители и предки простых рабочих обучались в интересах последних и передавали им по наследству свое умение. Ввиду всего этого или ввиду потраченного времени на изучение ремесла, которое вследствие своей сравнительной новизны не так легко изучить, они имеют такое же право на вознаграждение, как и все обладающие правами в силу переданной собственности.

Мы находим, что с развитием общества люди посвящают себя различным видам умственного и физического труда. Один, например, занимается исключительно химией, а другой — математикой, третий только то и делает, что управляет плугом, а четвертый занят лишь производством парфюмерии. Вследствие такого обособления запытий возникал вопрос, какой вид труда является производительным. И задолго до того, как было предложено какое-нибудь рациональное разрешение этого вопроса, правительства, всегда отличавшиеся исключительно невежественной самонадеянностью, начали поощрять или притеснять те или иные виды труда. В одних случаях они выдавали премии, чтобы способствовать обработке земли, в других случаях, чтобы стимулировать привоз товаров из-за границы или в целях экспорта товаров, произведенных внутри страны. Кроме того, в известных случаях они пользовались всей своей властью, чтобы заставить своих подданных заниматься обработкой сырья материалов, добываемых в собственной стране или в чужих странах. Чудовищное безумие этого вмешательства вполне доказывается, как это отмечалось, тем, что всякий труд, которым люди добровольно занимаются, производителен для них самих и для государства.

«Всякое богатство, — говорит один французский писатель¹, — представляет собой в настоящее время результат двух или более различных видов труда. Без взаимной помощи не может быть завершенного производства, и соответствующие продукты каждого рабочего не могут быть сравнимы, потому что ни один из них не может быть произведен без другого. Хлеб есть результат усердия жнеца, молотильщика, мельника и пекаря, а также и усердия пахаря и сеятеля. Без взаимного труда льнотрепальщика, прадильщика и ткача лен, производство которого стоит фермеру многих и самых разнообразных хлопот, не мог бы быть превращен в полотно, он был бы отброшен в сторону как предная сорная трава. Вопрос о том, какой из этих видов труда более производителен или более выгоден, по-

¹ Маркин Гарри.

ходит на вопрос о том, какая из наших ног оказывает больше услуг при хождении».

Невозможно поэтому распознать, какой из разнообразных видов труда, применяющихся в достаточно населенной стране, является наиболее производительным или наиболее полезным. Все они как будто одинаково необходимы, и каждый вид труда, будь это умственный или физический, должен быть в одинаковой мере называться производительным, если он доставляет средства существования тому, кто его затрачивает.

О труде, направленном на непосредственное удовлетворение нужд самого рабочего, составляющем в развитой стадии общества весьма небольшую часть труда всего общества, ничего нельзя сказать с точки зрения политической экономии. Этот вид труда может быть вредным или благородным; он может быть бессодержательным или важным, но его происхождение и конечная цель связаны с отдельным человеком, и хотя моралист может считать его стоящим внимания, экономист в своей науке не отводит ему места. В общем, однако, труд направляется на производство какого-нибудь товара для продажи, и всегда, когда труд доставляет индивидууму средства для его существования, он для него производителен: он удовлетворяет его потребности и должен удовлетворять некоторые потребности или дает известное удовлетворение другим людям, в противном случае они не покупали бы продуктов его труда. Когда труд охотно оплачивается или его продукт свободно покупается и рабочий может жить своим трудом, мы должны допустить, что этот труд производителен как для самого рабочего, так и для его покупателей. Непроизводителен лишь тот труд, продукты которого никто не хочет покупать и который не снабжает индивидуума средствами существования или удобства. Это определение применимо к народам так же, как и к отдельным лицам. Если народ вознаграждает за какой-либо вид труда, то ясно, что труд этот производителен для тех, кто его выполняет, и какой мы можем иметь лучший критерий его производительности для народа, как не тот, что народ его оплачивает?

Очень важно установить тот принцип, что всякий труд, который дает рабочему возможность существовать, производителен. Задача труда состоит в том, чтобы удовлетворять нужды людей. Природа наградила рабочего способностями и силами для этой лишь цели, но во имя цели удовлетворения нужд других лиц, которых природа наделила такими же способностями. Если *сверх* удовлетворения его собственных потребностей его труд будет удовлетворять также и потребности других лиц, если он даст ему возможность содержать семью, платить налоги, ренту и получать прибыль, то тем лучше — народонаселение быстрее увеличится. Но если его труд не столь производителен, если рабочий сможет лишь содержать себя одного, вмещая все орудия, семена, хлеб и т. д., применяемые им при изготовлении средств существования, включая, конечно, его платье, жилище, домашние принадлежности и т. п., так что условия существования рабочего с течением времени не ухудшаются, — то его труд производителен. Больше чем зажиточ-

ных условий существования не требуется, и, вероятно, природа стремилась к тому, чтобы каждый индивидуум содержал себя самого и свою семью. До тех пор пока его труд производит для него средства существования, он может жить и может наслаждаться жизнью до естественного ее конца. К счастью, в действительности производительная способность редко ставится в такие границы и никогда не бывает ограничена, когда люди работают совместно. Каждый рабочий во всех цивилизованных обществах содержит много людей. Важность установления принципа, что всякий труд, который содержит рабочего, производителен, обусловлена господствующими теориями о капитале и универсальной практикой капиталистов.

Утверждают, например, что труд непроизводителен, и действительно, рабочему не разрешается работать, если его труд, помимо возмещения всего того, что рабочий применяет или потребляет, и помимо обеспечения сносного существования для самого рабочего, не доставляет за тот период, в течение которого он работал по найму, также и прибыль капиталисту на весь капитал, который он применяет или потребляет. Или утверждают, что труд рабочего непроизводителен, если его труд на данной стадии общественного развития не производит значительно больше того, что достаточно для его собственного обеспеченного существования. Становясь собственниками всего богатства общества, капиталисты по мере его создания руководствуются этим принципом и никогда, как правило, без наличия твердой уверенности, что труд рабочих, сверх и помимо их собственных средств существования, будет производить прибыль, не допускат, чтобы рабочие имели средства существования. Морить голодом рабочего, ежели его трудом не будет кормиться его хозяин так же, как и он сам, — это представляет собой столь явное нарушение выше установленного естественного принципа, что такой законченный принцип рабства, что мы не должны удивляться, если найдем, что повсюду, где это нарушение имеет место,— а существует оно почти повсюду,— оно является одной из главных причин бедности и несчастья трудящихся классов. Эта мысль будет развита в другой части этой книги, но нельзя говорить о производительном труде, не отметив его крайних границ и не указав как на противоположную теорию, так и на общественную практику, которая осуждает людей на голод, если их труд не производит значительно больше по сравнению с тем, в чем люди нуждаются для своего собственного пользования или потребления.

Изложив перед читателем одинаковую полезность умственных и мускульных усилий и установив тот факт, что всякий труд, который содержит рабочего, производителен, я перейду к перечислению тех важных результатов, которые с развитием общества были достигнуты при помощи умственного труда и наблюдения, и попытаюсь изложить естественный закон, с помощью которого увеличивается производительная способность и происходит постоянный рост знаний в обществе.

ГЛАВА II

ВЛИЯНИЕ НАБЛЮДЕНИЯ И ЗНАНИЯ

Экономисты не отмечали до самого последнего времени влияния знания. — Мнение г. Сэя. — Знание необходимо для человеческого существования. — Влияние знания в земледелии. — Пример оставления земли под паром и под травяными культурами. — Картофель. — Его воздействие на народонаселение, в особенности в Ирландии. — Источник улучшений в области земледелия. — Шпеница и другие верновые злаки; не встречающиеся в диком состоянии. — Рост средств существования благодаря открытиям Бьюельса в области консервирования селедок. — Увеличение производительных сил путем развития мореплавания, иллюстрированное на примере цены на чай. — Значение роста наших знаний в области магнетизма. — Экономические выгоды беспилотной лампы. — Паровые машины. — Хлопчатобумажное производство. — Газовое освещение. — Всякое усовершенствование зависит от наблюдения.

В «Богатстве народов» рассеяно бесчисленное количество замечаний, которые показывают, что д-ру Смиту известно было влияние знания на увеличение производительной способности; но ни одной части своей книги он не посвятил специально этому вопросу. Он нигде не делает ни малейшей попытки объяснить естественные законы, которые управляют ростом знания; и он не рассматривает законодательные акты с той точки зрения, чтобы установить, в каком отношении или в какой степени они содействуют или препятствуют нашему знакомству с законами, управляющими материальным миром. Его последователи в нашей стране слепо подражают его примеру. В их трудах, в частности в последнем произведении г. МакКуллоха «Принципы политической экономии», можно встретить несколько кратких замечаний о влиянии знания, но они никогда не трактовали этого вопроса в качестве самостоятельного и руководящего принципа. Д-р Смит превосходно разработал вопрос об увеличении производительных способностей под воздействием лишь одного условия — разделения труда, к которому его последователи прибавили еще накопление капитала, и вплоть до последнего времени в деле объяснения естественных законов, которые влияют на производство и им управляют, не наблюдалось никакого продвижения вперед.

Г-н Сэй, хорошо известный и по заслугам знаменитый политико-эконом, подробно и надлежащим образом изложил вопрос о влиянии наблюдения и знания и настаивал, чтобы наблюдению и знанию придавалось то исключительное значение, которое они по справед-

ливости заслуживают как крупные факторы увеличения производительной способности. В одной из своих последних книг он говорит: «Я не думаю осензировать того большого значения, которое г. Шторх, следя Адаму Смиту, приписывает разделению труда. Выгоды, предоставляемые разделением труда для удовлетворения человеческих потребностей, громадны. Но есть еще другая, более действенная причина плодотворности производства, а именно способ извлекать выгоду из сил природы, — тех даровых сил, которые в большинстве случаев пропадают, по которые столь плодотворны по своим результатам, когда мы умеем их применять»¹.

Очевидно, что, до тех пор пока не будут приобретены известные знания о законах, господствующих в материальном мире, трудно будет обеспечить существование и невозможно будет увеличивать богатство. Люди должны были заметить свойства растений и качества различных почв, прежде чем они стали успешно обрабатывать землю. Они должны были тщательно наблюдать естественный кругооборот времени сева и жатвы и отдавать себе отчет в вероятных результатах бросания зерен в землю, — что с первого взгляда кажется лишь расточительством — раньше чем можно было предвидеть богатый сбор по истечении нескольких месяцев. Обладая, однако, знанием смены времен года, природы растений и свойств почвы, точно так же, как знанием процессов, при которых действие солнца, света и воздуха может быть лучше использовано для произрастания растений, мы можем со сравнительно небольшими мускульными усилиями добиться большого изобилия и разнообразия растительной пищи. Так как все животные, мясо которых мы потребляем в пищу,питаются растениями, то мы в состоянии благодаря тем же самым знаниям, будучи осведомленными притом об инстинктах и свойствах животных, добывать большое количество животной пищи. Очевидно, что народ, знакомый с искусством земледелия, сможет прокормить себя самого с большей легкостью и сможет скорей получить сырье материалы для некоторых наиболее важных производств, чем народ, который несведущ в этом искусстве. Ввиду большой пользы, которую приносит искусство земледелия, человек, открывающий новое и полезное растение, изобретатель каких-нибудь улучшений в земледельческом производственном процессе, человек, который вводит лучшие и более дешевые методы обработки или привозит какое-нибудь неизвестное до тех пор растение, — во все периоды истории рассматривались как благодетели общества. Хотя земледелие не дает нам наилучшее производительные примеры увеличения производительной способности путем наблюдения, тем не менее даже в этом, остающемся в преисполнении и, вообще говоря, тяжелом виде труда мы можем найти множество примеров того, как рука рабочего стала производительной благодаря исследованиям философа.

Мы не станем рассказывать об усовершенствованных способах, изобретенных в течение последних пятидесяти лет, по добыванию,

¹ Notes to M. Say's edition of «Cours d'Economie Politique», by Henry Smith, vol. I, p. 167.

плавлению и ковке железа, о результатах нашего прогресса в области химии, в значительной степени сократившего труд, необходимый для производства всех земледельческих орудий, для изготовления которых наряду с другими материалами применяется железо. Не будем также говорить о таких, представляющих собой плод изучения, машинах, как усовершенствованные плуги, молотилки, сеялки и т. п., сокративших труд, необходимый для возделывания и заготовления верса для рынка, хотя, повидимому, многие полезные процессы, как посев рядовой сеялкой, — что приводит к экономии на семенах и пропашке, благодаря которой почва очищается от сорняков и оставляются для произрастания одни только полезные для нас растения, — могут практиковаться только в такой стране, где ремесло кузнеца достигло уже известной степени совершенства. Мы не станем говорить обо всех этих обстоятельствах, хотя всегда стоит отметить, что улучшения в ремеслах, которые нажутся весьма различающимися друг от друга, способствуют существенному облегчению труда в каждом из них; мы позволим себе лишь рассмотреть, какие результаты были достигнуты в настоящее время путем введения новых земледельческих культур и новых способов обработки земли.

«Смышленый земледелец», — говорит г. Сэй, — после того как он в течение многих лет, через каждые три года, оставляет свое поле под паром, начинает соображать, что земля может в течение определенного года снабжать его полевыми культурами, которые, не истощая почву, дадут ему возможность откармливать для убоя овец, удобрять свою землю и иметь как шерсть, так и баранину для продажи. Он обязан этим улучшением ознакомлению с лучшим способом использования *свойств почвы*, в результате которого доставляются различные питательные вещества для пшеницы, красной свеклы или турнепса; питательные вещества для пшеницы восстанавливаются и увеличиваются в то же самое время, когда почва производит кормовые травы. В результате этих соображений, вся продукция страны при подобном ведении дела возрастает на одну треть»¹.

Возможно, что г. Сэй неправ, когда он приписывает это улучшение случайной догадке. Оно было результатом непрерывных наблюдений, и выгоды этого улучшения должны были быть доказаны повторными опытами, прежде чем они стали применяться на тех почвах, которые могли обходиться без пара. Сэй слишком переоценивает также выгоды, которые доставляет такое ведение дела, ибо дальнейший опыт показал, что невозможно обойтись на всех почвах без земли под паром. Ввиду того что земледельцы оставляют теперь реже, чем раньше, землю под паром, вводя при этом в хозяйство различные кормовые травы, при которых можно держать во всякое время года гораздо большее количество скота, обеспеченное кормовыми средствами на всю зиму, страховыми земледельца от падежа скота, и благодаря которым увеличивается не только количество животной пищи, но также и количество удобрения, а в конце концов

¹ «Notes to Coura d'Economie», vol. I, p. 167.

также и количество зерновых хлебов, — то не удивительно, что продукция нашей почвы, которую, — смело сказать, — порою называли истощенной, увеличилась в течение последнего столетия на целую треть без всякого добавочного труда.

Внедрение картофеля в европейское земледелие представляет собой другой пример улучшения, произведенного в земледелии при помощи наблюдения и знания. Предполагается обычно, что картофель был привезен в Европу из Америки или сюда Вальтером Ралеем, или кем-либо другим при его содействии приблизительно в 1586 г.¹. Акр земли, возделанный под этот клубнеплод, доставляет, утверждают компетентные авторитеты², более чем вдвое больше пищи, чем акр земли под пшеницей. Поэтому возможности получить с определенного участка, при помощи приблизительно одинакового количества труда, удвоенное количество средств существования, — мы обязаны наблюдению над тем, что картофель является хорошей пищей, и обусловленному этим ввозу его в Европу. Следует также отметить, что произведенное нами сравнение относится не к самопроизрастающим продуктам почвы, а к ее продукту, относящемуся к разряду окультуренных, к продукту, который сам является результатом бесчисленных наблюдений и вековой практики, а также и результатом знаний, которые росли из поколения в поколение и передавались из страны в страну.

Но это не показывает еще всех выгод внедрения картофеля в хозяйство Европы. Картофель считается более хорошим средством для откорма скота, чем турнепс или капуста, кроме того его можно хранить и при зимней стуже, которая портит и турнепс и капусту. Питательные вещества, которые картофель доставляет человеку, можно легко извлечь и сохранить в сухом состоянии и, если в этом есть надобность, переправить подобно муке из одного места в другое. Кроме того, как впервые введенная земледельческая культура картофель очень полезен для земли, которая раньше не возделывалась, и если бы не картофель, то многие из тех земель, которые в нашей стране были в течение последнего столетия превращены в пашни, оставались бы пустошью, вследствие того что они не приносили бы никакой прибыли.

Поэтому введение этого клубнеплода в хозяйство не могло в значительной мере не воздействовать на мощь и ресурсы нашей империи. Благодаря его употреблению, которое стало теперь общераспространенным почти во всей Европе, народонаселение повсюду увеличилось. В Ирландии, которая обладает климатом и почвой, особенно благоприятными для картофеля, народонаселение поразительно возросло. В 1672 г. население этой страны исчислялось в 1 320 тыс. человек, в 1821 г. оно стало членником ниже 7 млн.— процент прироста, не встречающийся нигде за исключением Соединенных Штатов Америки. Большая часть ирландского народа питается почти исключительно картофелем, так что он обязан своим

¹ «History of Cultivated Vegetables» by Henry Phillips. Art. «Potatoes».

² «Encyclopaedia of Agriculture» by J. C. London, p. 784.

питанием и даже своим существованием клубнеплоду, первоначально привезенному из-за Атлантического океана¹.

Я ничего не говорю как о моральном, так и коммерческом значении того факта, что громадное большинство народа, не домогаясь большего комфорта и удовольствий, должно довольствоваться наименьшим количеством самой дешевой пищи, чему приписывается нищета крестьянства Ирландии, хотя предположение, что громадное большинство какого бы то ни было народа добровольно соглашается или согласится на такую деградацию, находится в прямом противоречии со свойственным человеческому сердцу желанием получить все больше и больше удовольствий. Я лишь отмечаю рост вознаграждения за труд, порожденного привозом некоторыми путешественниками картофеля из Америки, как пример влияния наблюдения и знаний на увеличение производительных способностей. Для того чтобы не быть неправильно попятым, я должен, впрочем, заметить, что неблагополучное положение ирландского крестьянства не находится ни в какой связи с пищей, которой оно питается. Крестьяне и рабочие каждой страны в Европе,— будет ли их производительная способность велика, как у рабочих Англии, или мала, как у крестьян Польши, привыкли ли они питаться пшеничным хлебом, как во Франции, или картофелем, как в Ирландии,— все они почти одинаково нуждаются. Поэтому бедность ирландского рабочего обусловлена не тем, что он питается картофелем.

Добывать пищу при возможно меньших издержках является великой задачей всех земледельческих улучшений, и в этом отношении картофелию как культуре должно быть отдано предпочтение перед пшеницей, точно так же как отдается предпочтение самому земледелию перед рыболовством и охотой. Что этот естественный принцип как будто бы не оправдывается в Ирландии, не может служить основанием для того, чтобы его отвергнуть; это должно заставить нас усердно изучать, старательно отыскивать те социальные причины, которые в этой стране превращают в проклятие все то, что во всякой другой стране является щедростью и благословением природы. Я не буду входить в дальнейшее рассмотрение этого вопроса, я приведу лишь выдержку, с которой я согласен. Я не обращался бы к ней, если бы не был вынужден бороться против мнения, что будто бы естественный принцип может при каких бы то ни было условиях вести к нищете, если только его последствия не извращают-

¹ Когда в дальнейшем я покажу читателю, что увеличение народонаселения — главное естественное условие, которое вызывает рост знания и приводит к расширению разделения труда, и что поэтому производительные силы растут не только в простой пропорции к росту числа рабочих, но и в сложной пропорции к этому росту, помноженной на результаты роста знаний и расширения разделения труда, — то читатель поймет тогда, что всякое улучшение, которое, подобно введению картофеля в хозяйство, увеличивает средства существования, является причиной, которая путем увеличения народонаселения умножает в поразительной степени производительные способности человека. Следовательно, изложенный в тексте взгляд о выгодах такого улучшения, увеличивающего средства существования, является существенно неполным и далеко не совпадает с тем, что происходит в действительности.

ся самопадающей законодательной властью. «При существующей форме правления и политических учреждениях Ирландии, — указывается там, — население этой страны было бы столь же избыточно, хотя оно было бы значительно меньше по численности, чем в настоящее время, если бы оно питалось овсяным или пшеничным хлебом. Ввоз картофеля, вероятно, причина того обстоятельства, почему теперь население равно *шести* миллионам вместо *трех* миллионов, но это не послужило причиной, почему в течение всего периода возрастания населения, численность его превосходила ту, которая могла бы при наличных условиях обеспечить свое существование»¹. Действительно, нищета и страдания населения Ирландии были столь же велики как до, так и после того, как картофель вошел в общее употребление.

Большая часть корнеплодов и трав были введены только в последнее время или несколько раньше в наше хозяйство — турнепс, картофель или клевер первоначально не произрастали в нашей стране. Прежде чем кто-либо мог задумать перенести такой клубнеплод, как картофель, из одной страны в другую или рекомендовать турнепс или клевер как земледельческую культуру, он должен был бы знать или предполагать на основании предварительного изучения, что этот корнеплод или соответствующие семена можно будет сохранять столько времени, сколько необходимо для их перевозки. Прежде чем у кого-либо могла возникнуть разумная мысль о ввозе картофеля, турнепса и клевера из отдаленного уголка земного шара, он должен был бы установить некоторые из их свойств, иметь основание надеяться на известное сходство климата или почвы, которое обусловило бы возможность их произрастания в его стране и должен был бы быть уверенным, что добавление чужеземного растения к тысячам растений, которыми изобилует почти каждая почва, принесет известную пользу или выгоду. Поэтому мы узнаем, что учёные путешественники, как сэр Вальтер Ралей и сэр Ричард Уэстон², являлись в прошлые времена поборниками по ввозу в Англию картофеля, турнепса и клевера из других стран и что также такие люди, как лорд Каймз, Артур Юнг, г. Даусон, г. Кок и другие образованные лица, являются в наше время поборниками или введения улучшений в земледелии, или распространения знаний о них во всех частях страны. Но не будь наблюдений этих людей картофель, может быть, и теперь, подобно многим другим растениям, представляя собой только еще один из видов растительного мира девственных степей Америки, и наши фламандские соседи, может быть, были бы единственным народом на земном шаре, который знал бы пользу клевера как земледельческой культуры. Если бы такие улучшения были введены случайно, то применение их было бы ограничено местом и лицами, которые их ввели, теперь же сведения о них, передаваемые по всей Европе и Америке, ведут и будут всегда вести к многократному

¹ «Encyclopedie Britannica», Art. «Ireland».

² Высочайший лорд-казначай, ставший графом Портландским в царствии Карла I.

увеличению по сравнению с моими арифметическими подсчетами продукции многих миллионов акров.

Если читатель вообразит, что знание, порождающее искусственный труд, только умножает средства существования, то он будет иметь весьма несовершенное представление о действительной роли знания. Можно почти утверждать, что оно создает как растения, так и животных, мясом которых мы питаемся. Мы можем, правда, проследить происхождение прародителей наших волов и овец, но в своем диком состоянии они так отличаются от животных, доставляющих в большом количестве мясо, шерсть и молоко и откармливаемых благодаря искусству пасторов почти до гигантских размеров, что сомнительно, признали ли бы древние историки естествознания, если бы они теперь увидели наших волов и овец в них тех же животных, которые в их времена назывались подобным же образом. Происхождение же наших наиболее полезных растений не столь хорошо известно.

«Вряд ли, — говорит д-р Перис, — имеется растение, употребляемое нами в настоящее время и которое можно было бы теперь найти, произрастающим самопроизвольно. Бюффон утверждает, что наша пшеница — искусственный продукт, развившийся до своего настоящего состояния благодаря искусству земледелия. Рис, рожь, ячмень или даже овес не встречаются в диком состоянии, — это значит, что ни в одной части земли они не произрастают самопроизвольно, но что благодаря трудолюбию человечества они развились из растений, до такой степени на них не похожих, что нельзя даже установить их родство. Резкий и неприятный *arum graveolones* превратился, таким образом, в восхитительный сельдерей; а *colewort*, — растение со скучными листьями, обладающее в общем весом меньше половины унции, — превратилось в капусту, листья которой весят много фунтов, или в цветную капусту значительных размеров, развивающуюся из зародышей нескольких завязей, в своем естественном состоянии весивших не больше, чем несколько зерен. Далее, картофель, ввоз которого увеличил наше население на много миллионов, берет свое начало от небольшого, очень горького корня, в диком виде растущего в Чили и Монтевидео»¹.

Так как рыболовство, подобно земледелию, является одним из занятий, которому люди научились раньше всего, то мы можем взять материал для дальнейшей иллюстрации из этой области. «Выгоды, которые предоставляет это занятие, — говорит г. Шторх, — ограничены необходимостью потребления большей части продукта вблизи берега. Если бы каждый вид рыбы можно было перевозить на далекое расстояние без опасения, что она испортится, то рыболовство, сравнительно с его современным воздействием на рост населения, более способствовало бы этому росту. Бьюкельс, научив голландцев искусству упаковки селедок и, следовательно, сохранению и пересылке на большие расстояния этого изобильного запаса пищи, тем самым увеличил средства существования, независимо от того, куда бы они ни доставлялись, и способствовал возрастанию прибыли,

¹ «A treatise on Diet, etc.» by I. A. Paris, M. D., F. R. S., p. 8.

где бы они ни ловились и ни заготовлялись. Несколько миллионов людей обязаны Бьюкельсу своим существованием, и у нас поэтому нет оснований удивляться тому уважению, с каким голландцы чтут его память»¹.

Но читателю должно быть хорошо известно, что выгоды, которые наблюдения и познания Бьюкельса доставили Голландии, хотя и способствовали в течение многих лет ее морскому могуществу, не ограничились одной этой страной. Заготовка селедок и соление трески, морской щуки и других рыб уже издавна увеличили пищевые ресурсы и богатство Великобритании и некоторых других стран, и, повидимому, первая из названных отраслей этой промышленности, как это видно по последнему парламентскому отчету, в 1826 г. в нашей стране превысила наибольшую продукцию этой отрасли в Голландии, когда рыболовство в последней возбуждало зависть всех других приморских государств Европы.

Если мы обратимся к другим занятиям, то мы найдем там по сравнению с земледелием и рыболовством, вероятно, еще более поразительные примеры развития производительной способности. Высокая полезность корабля, власть, которой он обладает в деле равномерного распределения даров природы, обусловлены знанием. При помощи этого ценного орудия плодородие, присущее различным странам, или вернее продукция их, в действительности принадлежит или может принадлежать всему земному шару, так как каждая страна платит дань лицам сведущим и деятельным. Не говоря уже об унаследованном умении, которым должны обладать многие сотни рабочих разных профессий, чтобы построить корабль, оснастить и спустить его на воду, полезность этого великолепнейшего из всех усовершенствованных временем изобретений человечества была бы весьма ограничена, не будь наблюдения, — сделанного впервые лицом, столь мало известным, что даже его имя и родина остались почти неведомыми, — что свободно подвешенный намагнитенный кусок железа всегда стремится к северу, а также наблюдений, записанных географами, астрономами и путешественниками, являющихся плодом многолетнего пристального изучения и давших возможность мореплавателю держать курс прямо по безбрежному океану. Даже после того как многие из этих знаний уже были приобретены сто пятьдесят лет тому назад, на поездку в Индию туда и обратно требовалось два или даже три года; с 1800 г. это путешествие продолжается всего лишь семь месяцев, что и доказывает, что оно может быть легко выполнено меньше чем в год. Воздействие этого более быстрого плавания на производительную силу труда может быть, пожалуй, лучше всего проиллюстрировано изменениями, которые происходили в цене на чай с тех пор, как в Европе чай вошел в обиход как предмет роскоши, если не как предмет необходимости, но как насыщенный предмет. Напомним читателю, что цена каждого товара может в общем в грубых чертах рассматриваться в качестве индекса как в отношении количества труда, которое тре-

¹ «Cour d'Economie Politique», vol. III, p. 319.

буется, чтобы доставить этот товар на рынок, так и количества труда, которое должны отдавать за него нуждающиеся в нем лица.

Когда чай был впервые привезен в Европу, приблизительно в 1610 г., цена на него — главные расходы составляли затраты на доставку, — составляла от 6 до 10 ф. ст. за фунт. Приблизительно до 1700 г.¹ чай продолжали продавать в нашей стране по 60 шилл. за фунт, тогда как в Батавии цена его составляла 2 шилл. 6 пенсов или 3 шилл., а в настоящее время розничная цена в магазинах составляет от 5 до 16 шилл. В эту цену входит тяжелый налог на чай, она включает прибыль лавочника и купца, она включает также и налог, который накладывает на нас монополия Ост-индской компании, превышающий даже налог, выплачиваемый правительством. В Нью-Йорке, Северной Америке и Амстердаме оптовая цена чая составляет от 1 шилл. 3 пенсов до 3 шилл. 1 пенса за фунт, или вдвое меньше, чем здесь, так что мы можем в действительности считать, что фрахт на чай с 1700 г. сократился, по крайней мере, в пятьнадцать раз. Это понижение цены было вызвано ростом знаний и искусства мореплавателя и бесчисленных мастеровых, которые заготавливают все материалы для кораблестроения, строят корабли и оснащают их для мореплавания, а также благодаря записанным наблюдениям географа и астронома. Все это я привожу только как пример, но реальная цена других товаров испытала подобное же понижение. Не будет, вероятно, преувеличением, если я скажу, что благодаря увеличению знаний труд, необходимый для получения почти всех товаров, уменьшился, подобно цене на чай, в пятьнадцать раз с тех пор, как был открыт путь в Индию вокруг мыса Доброй Надежды теми отважными европейцами, благодаря благородству и мужеству которых потомству достались блага этого открытия.

Общеизвестен принцип, что средняя прибыль во всех промыслах и занятиях должна компенсировать потери и риск и что во все денежные цены включается подобного рода компенсация. Поэтому всякое уменьшение риска, подобно действительному сокращению количества труда, необходимого для производства товаров, снижает цену. Когда судовладелец или купец теряет в среднем на каждые десять рейсов одно судно с грузом, то цена, по которой он продаёт свои товары, должна покрывать затраты на страховку, исчисляемую из расчета вероятности такой потери. Однако вследствие роста знаний и развития искусственного труда премия по страхованию судов постепенно уменьшалась. В некоторых случаях, когда налицо весьма обстоятельное знание моря, как, например, в торговых рейсах между Лондоном и Лейном, вероятность потери весьма незначительна, и премия за страховку почти ничтожна. Но даже и эта премия, вероятно, уменьшится вследствие приобретенных в наше время более совершенных знаний свойств магнита. Г-н Бэйн, г. Барлоу и некоторые другие лица недавно открыли в притяжении железных скреплений корабля не замеченную до этого времени причину отклонений в компасе, что очень часто приводило к гибельным последствиям.

¹ Phillips' History of Cultivated Vegetables, Art. «Tea».

Последний из упомянутых лиц указал на простое и удивительное средство против этого зла, и так как с тех пор вследствие этого открытия и изобретения возможность кораблекрушений уменьшилась, хотя невозможно еще сказать, в какой степени, то труд и затраты на доставку морем требуемого запаса любых товаров также уменьшаются.

Экономические выгоды *безопасной лампы* — одного из наиболее удачных когда-либо осуществленных применений научного открытия для полезной цели — должны оцениваться с точки зрения этого же самого принципа. Я не думаю здесь распространяться о славных последствиях этого открытия для человечества, я только укажу читателю на его коммерческие преимущества. Возможность несчастных случаев в рудниках заставляет потребителя угля платить премию за страховку, равную оплате риска, но эта премия уже снижена и будет впредь еще в большей степени снижаться благодаря изобретению безопасной лампы. Каждый несчастный случай, происходящий в рудниках, приводит к увеличению количества труда, необходимого для того, чтобы доставить на рынок все требуемое количество угля или другого минерала, и все, что уменьшает количество этих несчастных случаев, уменьшает количество труда, с помощью которого мы получаем уголь. Это увеличение производительной силы труда и снижение издержек являются результатом наблюдений и открытий сэра Гемфри Дэви в области природы и свойств пламени.

Паровые машины должны рассматриваться как следствие напряженного и внимательного изучения свойств пара и действия, во-первых, применения теплоты к воде, и затем конденсирования полученного таким образом результата; паровые машины должны рассматриваться как следствие давления атмосферы и прочности некоторых металлов, многообразие свойств которых стало нам известно благодаря работе нескольких поколений исследователей. Свойство пара расширяться известно издавна, почти с тех пор насколько возможно исторически проследить наличие человеческого рода, но требовался огромный размах мысли, бесчисленные наблюдения, громадное количество записей, накопленных в течение всех эпох истории человечества, и широкое разнообразие опытов, для того чтобы изобрести эту машину в ее современной замечательной, но все еще несовершенной форме. Я не могу предложить лучшей иллюстрации того, насколько возросли благодаря этому изобретению наши силы, нежели та, которая содержится в следующей цитате: «Весь мир, — пишет один автор в «Quarterly Review», — более или менее знаком с теми огромными сооружениями, с пирамидами Египта, которые считаются одним из чудес древности. Материалы, из которых сооружена самая большая из них, были извлечены из недр земли со значительной глубины и на большом расстоянии от их нынешнего местонахождения. Они заполняют пространство более чем 11 английских акров и высота их приблизительно равна 700 футам. Согласно вычислениям г. Дюпена, их объем равен приблизительно 4 млн. м³, их вес составляет 10 400 тыс. т. Они воздвигались на 11 м со дна камеполомии до поверхности земли и на 49 м выше основания, в общем на 60 м выше первоначаль-

ного уровня, что составляет 624 млн. т, поднятых на высоту одного метра. Теперь (в 1820 г.) паровые машины, употребляемые в Англии, обладают мощностью в 320 тыс. л. с. и могут поднять 862 млн. т на высоту одного метра в двадцать четыре часа. Но так как 624 млн. т составляют меньше трех четвертей этого количества, то из этого следует, что паровые машины Англии могли бы поднять из каменоломен материалы, из которых была построена большая пирамида, доставить их до занимаемого ими ныне места и сложить их так, как они в настоящее время выглядят, меньше чём в три четверти дня, т. е. меньше чем в течение 18 час. Согласно данным Диодора Сицилийского, на этой постройке было занято 360 тыс. человек, по Геродоту — 100 тыс. рабочих в течение двадцати лет. Какое бы из этих вычислений ни было ближе к истине, достоверно то, что одна из наиболее могущественных монархий далекой древности употребила все находившиеся в ее распоряжении ресурсы на это сооружение. Таким образом, механическая сила британских паровых машин в 1820 г., — а с тех пор она очень увеличилась, — находилась по отягощению к механической силе, которой располагал египетский монарх Хеопс, в обратном соотношении к срокам, которые необходимы механической силе той и другой для выполнения одного и того же задания, т. е. как 20 лет к 18 час., или превосходила ее в 10 тыс. раз»¹.

«Весьма вероятно, — прибавляет обозреватель, — что (производительная) мощь Англии в настоящий момент (июнь 1826 г.) в 2 500 раз больше, чем была мощь Египта в тот период, когда сооружалась эта пирамида». При помощи пара каждая машина, в которой эта сила применяется, увеличивает свою мощность не путем сложения сил, а путем их умножения. Произведенная, таким образом, мощность была в 1820 г. исчислена в 320 тыс. л. с., или приблизительно в 2 240 тыс. рабочих сил. В настоящий момент пар ввиду применения его во многих новых случаях и улучшений, сделанных в способах пользования им, может выполнить в Соединенном Королевстве работу почти 3 млн. рабочих».

Возможно, впрочем, что воздействие знания на увеличение производительной силы может быть показано на еще более разительных фактах, если мы обратимся к хлопчатобумажной промышленности нашей страны. Сырой материал каждого вида хлопчатобумажного изделия, от наиболее тонкого тюлевого кружева или цветного мусслина до парусины, которая при изготовлении парусов для корабля может противостоять самым сильным штормам, представляет собой как бы пуховое гнездо, приготовленное природой для семян растения, успешно произрастающего только в тропическом климате. В настоящее время оно возделывается главным образом в Восточной и Западной Индии и в южной части Соединенных Штатов Америки. Население, которое возделывает это растение, собирает и сортирует хлопок, должно быть знакомо с отраслью земледелия, которая совершила отличия от любых отраслей, обычно встречающихся в Европе, к тому же это население должно изучить определенную

¹ «Quarterly Review» No LXVII, for June 1823.

отрасль производства. Все искусство мореплавания должно притти на помощь, чтобы доставить к нам хлопок из этих далеких стран, и я не имею возможности описать всего разнообразия знаний среди бесчисленных рабочих и неисчислимые открытия, которые содействовали современному усовершенствованию этой отрасли производства. Далее, чтобы очищать и собирать хлопок, чтобы прядь из него пряжку и ткать, белить, красить, печатать и украшать ткань, требуется большое разнообразие знаний, причем если бы это знание, связанное с какой-либо областью производства, было потеряно или забыто, то это привело бы к уничтожению всего производства.

Раньше, чем люди сумели применить первую движущую силу, — ветер ли это, вода или пар, — которая приводит в движение различные и сложные машины по очистке, чесанию, прядению и тканью хлопка, и управлять этой движущей силой, необходимо было знание, приобретенное опытом в течение столетий. Чтобы построить все эти машины, люди должны были знать свойства металлов, способы их смягчения, плавления и обработки, они должны были быть близко знакомы с механической силой до того, как эти материалы могли быть соединены вместе. Однако как удивительна эта, построенная на основе знаний, машина, ибо нитка хлопка не раздавливается, не разрывается, хотя она прядется так тонко, как паутинная нить, и ткётся так нежно, как дивная работа наука. Для того чтобы белить, красить и печатать хлопчатобумажную ткань, употребляется ряд других машин, постройка которых требует различных знаний, и для того чтобы выполнить все эти операции, на помощь рабочему должна притти вся наука химии.

В 1765 г. хлопок как предмет торговли был почти не известен в нашей стране, и все хлопчатобумажное производство, которое было весьма ограничено, направлено было на снабжение внутреннего рынка. Хлопчатобумажная ткань тогда значительно дороже, чем льняная, и бумажные чулки были почти так же дороги, как шелковые. В 1767 г. Ричард Гаргрев изобрел прядильную машину «Дженни» и в 1769 г. г. Аркрайт изобрел свою механическую прядильную машину. В 1779 г. была изобретена мюль-машина — еще более усовершенствованный прядильный инструмент, и с тех пор до настоящего времени непрерывно и последовательно вводятся улучшения в машинах по прядению и тканью хлопка.

Чтобы проиллюстрировать результаты этих улучшений, я не могу ничего лучшего придумать как привести другое место из статьи в «Quarterly Review», из которой я уже многое позаимствовал: «Новые машины, употребляемые ныне в хлопчатобумажной промышленности, предоставили возможность одному человеку выполнять работу ста пятидесяти. Число лиц, занятых теперь в этом производстве, составляет по самому скромному вычислению 280 тыс. человек, по словам некоторых — 350 тыс. человек. Отсюда следует, что рабочая производимая теперь в одной этой отрасли, требовала бы для труду вдвадцать 42 млн. человек, а по подсчетам других — 53 млн., а, даже по самому скромному исчислению, более чем вдвое всех мужчин, женщин и детей, населяющих теперь Британские острова.

Если предположить теперь, что труд каждого из этих людей стоит в настоящий момент, если взять самую скромную цифру, 1 шилл. в день, или 18 ф. ст. в год, то окажется, что оплата 42 млн. рабочих составляла бы 756 млн. ф. ст. в год, или немногим больше чем тринадцатикратный годовой доход Англии. Если вычесть из этой суммы оплату рабочих, действительно занятых в настоящее время, по указанной выше годовой норме ($280\ 000 \times 18$ ф. ст. = 5 040 000 ф. ст.) и допустить, что износ и порча машин, строений и случайные затраты составляют колоссальную сумму в 50 млн. ф. ст., мы получим следующий результат: машины, употребляемые в хлопчатобумажной промышленности сберегают британскому народу 700 млн. ф. ст., другими словами, без машин и пара человечество все еще не могло бы гордиться чудом британской промышленности и цивилизации».

Вывод, к которому пришел автор этой статьи на основании этих фактов и который вполне достоин внимания каждого, заключается в том, что обрабатывающая промышленность Англии может смело считаться превышающей в четыре раза обрабатывающую промышленность всех других стран вместе взятых,—за исключением Европы и что «*средняя производительная сила нашего населения может расцениваться превышающей среднюю производительную силу всего человечества в таком же соотношении, в каком одна тысяча превышает единицу*»¹. Это весьма удивительное превышение, согласно которому производительная сила Англии в 2 500 раз больше производительной силы Египта и один человек может здесь выполнить в среднем работу тысячи рабочих всего мира, представляет собой замечательный результат тех чудесных машин, которые искусные руки наших ремесленников научились строить благодаря объединенным наблюдениям и вековому опыту. На частном примере хлопчатобумажной промышленности, которая возникла сравнительно недавно и вряд ли была известна 60 лет тому назад,—хотя теперь годовая стоимость этого производства равна 30 млн. ф. ст.,—мы можем проследить каждую ступень и каждую причину происшедших в ней улучшений. То, что хлопчатобумажная ткань теперь значительно дешевле, чем шелк или полотно,—последние также производятся в настоящее время с гораздо меньшими затратами труда, чем раньше,—то, что производительная сила всех рабочих, занятых в производстве хлопчатобумажной ткани, поразительно увеличилась,—всем этим мы всецело обязаны знанию и изобретениям Ричарда Гаргревса, Джемса Уатта и их рабочим-собратьям и преемникам.

Выгоды и дешевизна газового освещения прекрасно известны, но эти выгоды никогда нельзя было бы осуществить, не располагая значительными познаниями. Задолго до того, как мы пользовались газовым светом, было установлено, что уголь доставляет воспламеняющееся вещество. Однако, до того как Пристлей положил начало химии газов, это газовое вещество не могло быть выделено, и рассматривалось только как *вредное испарение*. Возникнув из угля, оно состояло из разных веществ, и химии мы обязаны знанием

¹ «Quarterly Review» No 67, p. 93.

средств его очистки. Свойства самого газа и металлических труб, через которые он должен проходить, давление атмосферы и большая расширяющаяся сила газа — все это должно было быть известно. Должна была существовать также и высокая степень искусства в применении этого знания к этой специальной цели, прежде чем это прекрасное изобретение могло быть доведено до его современного состояния. Результаты этого изобретения не ограничиваются только тем, что оно доставляет свет при меньших издержках, чем раньше. Большая яркость света, почти равная дневному свету, защищает мирных и трудолюбивых граждан от ночных воров, доставляет всем классам общества такую степень безопасности, которой невозможно было бы достигнуть даже при помощи самой бдительной полиции. Лица, предрасположенные к иной деятельности, вынуждены теперь обратиться к честному труду, и газовый свет — результат современной химии — увеличивает народное богатство не только трудом, который он сберегает, но также и тем трудом, который он заставляет людей выполнять.

Я мог бы остановиться на многих других примерах подобного рода, но это было бы непростительной тратой времени читателя. Ему стоит только оглянуться вокруг себя и он найдет, что усценность каждой искусственной операции, выполняемой им или которая выполняется другими в то или иное время, зависит от тщательного изучения законов природы и свойств материи. Наиболее простой из применяемых инструментов, как, например, обыкновенный заступ, плотничный бурав или швейная игла, при помощи которых не только просто облегчается труд, но и без которых некоторые наиболее полезные и ежедневно необходимые операции, вероятно, не могли бы быть даже и выполнены, когда-то были неизвестны. И возможно, что изобретение их требовало такого же внимательного изучения свойств железа и стали, наблюдения над формами и силой человеческого тела, а также приспособления инструментов копания и шитья к способностям человека и соответствующего приспособления бурава в целях быстрого пробуравливания дерева и выбрасывания на поверхность вырезываемых мелких частиц,—все это требовало внимательного изучения и наблюдения, подобно тому как изобретение паровой машины в более поздний период требовало знания свойств теплоты и давления атмосферы. Нас обучали ремеслам, которые наши предки изучали путем наблюдения, и мы силою забывать, что ремесла, которые будут в дальнейшем средствами для облегчения труда наших потомков, подобно новым открытиям нашего времени, были результатом тщательного и внимательного изучения высшего мира.

ГЛАВА III

ЕСТЕСТВЕННЫЕ ЗАКОНЫ, УПРАВЛЯЮЩИЕ ПРОГРЕССОМ ЗНАНИЯ В ОБЩЕСТВЕ

Политико-экономы не занимались исследованием естественных законов, управляющих прогрессом знания. — Он не зависит исключительно от разделения труда, которому предшествуют изобретения и открытия. — Этот факт иллюстрируется Индостаном и другими странами. — Прогресс знания зависит от общих естественных законов. — Единообразие в прогрессе цивилизации. — Влияние необходимости, вызываемой ростом населения. — Иллюстрации из области земледелия. — Индивидуальный гений как результат общего прогресса. — Иллюстрация на примере жизни г. Уатта. — Физическая ловкость должна быть соединена с наблюдением. — Естественный и необходимый рост знания в связи с ростом населения. — Влияние форм правления на рост знаний.

В последней главе я не приводил бы больше примеров, иллюстрирующих влияние знания и наблюдения на производительную способность, чем в этом была потребность, если бы огромное влияние умственного труда или совсем не игнорировалось бы в произведениях, посвященных политической экономии, или если бы оно не приписывалось некоторым другим причинам. В действительности это влияние столь очевидно и столь обычно, что, повидимому, именно поэтому оно представлялось недостойным исследования философа. Бесчисленные замечания по этому вопросу рассеяны по страницам произведений экономистов, но ни у одного из них он не рассматривается с целью объяснения или открытия общих законов, которые влияют на развитие знаний, управляют этим развитием и ограничивают его. «В качестве средства увеличения наших средств существования, — говорит один автор, который написал книгу с целью выразить свои сомнения о господствующих политico-экономических теориях, — как и во всяком другом деле, знание — это, в самом строгом смысле этого слова, сила. Оно вводит новые способы обработки земли, оно превращает бесплодную почву в сад и пробуждает скрытые силы природы, которые, в противном случае, продолжали бы покояться навеки неиспользованные и неведомые»¹. Но автор, кажется, удовлетворился установлением этой истины, выдвинув ее в качестве возражения против несовершенства некоторых господствующих теорий, но не проследил всех последствий

¹ «A few Doubts as to the Correctness of some Opinions generally entertained on the Subject of Population and Political Economy». By Piercy Ravenstone, London 1821.

этого роста знаний, не предполагая, очевидно, что рост знания так же управляется общими естественными законами, как и увеличение средств существования, которому это увеличение знания так сильно способствует.

Я считаю, что д-р Смит был осведомлен о влиянии знания и наблюдения на увеличение производительных сил, так как он отметил, что «одной из особенностей, отличающих колонистов Северной Америки от прежних обитателей, было то обстоятельство, что они привезли с собой *сведения в области земледелия* и других полезных занятий, сведения, превосходящие то знание, которое может возникнуть самопроизвольно в течение многих столетий среди диких и варварских народов»¹. Но, повидимому, он не сознавал вполне значения этих знаний; я думаю, что он ошибочно предполагал, что так как с развитием общества среди работников умственного труда наблюдается разделение труда, подобно работникам физического труда, то результаты наблюдения и знания могут быть все сведены к его излюбленному принципу. «Изобретение, — говорит он, — всех машин, облегчающих и сокращающих труд, следует, повидимому, приписывать разделению труда»². В соответствии с этим воззрением д-р Смит, изложив с большой подробностью влияние последнего принципа, мало сделал или ничего не сделал для объяснения более важных законов, которые управляют ростом знания, и для объяснения влияния знания на производительную способность. Всякий раз, когда его последователи упоминают об этом вопросе, — а лишь очень немногие из них считают, что стоит его отметить, — они рассматривают его с точки зрения накопления и применения капитала. Но я не сомневаюсь в том, что мне удастся показать, что законы, управляющие накоплением и применением капитала, совершенно не похожи на законы, управляющие прогрессом знаний, и не связаны с этими законами.

Это всеобщее пренебрежение сильно увеличивает трудности, которые я испытываю, пытаясь раскрыть естественные законы, управляющие этим прогрессом, законы, стимулирующие наблюдение и ведущие к бесчисленным удачным изобретениям, непрерывно наполняющимся с развитием общества. Ввиду того что эти изобретения в разные промежутки времени обладают разной степенью полезности и временами теряются или забываются, — они, повидимому, не подвергаются влиянию постоянных естественных законов. Предположение, что все эти улучшения могут быть сведены к разделению труда, возлагает на меня, с другой стороны, обязанность опровергать и это. Я расчищу себе путь, начиная с последнего вопроса, и, для того чтобы читатель вполне осознал необходимость исследования законов, управляющих прогрессом знания, я прежде всего покажу, что этот прогресс не зависит, как утверждает д-р Смит и как молчаливо подразумевают его последователи, исключительно от разделения труда.

¹ «Wealth of Nations».

² «Wealth of Nations», book I, chap. I.

Разногласие между мной и д-ром Смитом и его последователями заключается в следующем: порождены или не порождены познания внешнего мира и изобретения в ремеслах, включая и изобретение машины, разделением труда. Я полагаю, что нет. Я допускаю, что прогресс знания и разделение труда взаимно обусловливают друг друга; что наблюдение, расширяя опыт, приводит к расширению разделения труда; расширение разделения труда, предоставляемое людям, главное запятие которых заключается в наблюдениях, возможность сосредоточить свое внимание на небольшой части материального мира, предоставляет им, а стало быть, и всему обществу в целом, возможность более быстрого ознакомления с материальным миром; но я утверждаю, что разделению труда должно было предшествовать наблюдение и что некоторый прогресс в познании внешнего мира должен был произойти до того, как люди додумались посвятить себя различным занятиям. Делать лук и стрелы, ловить животных и рыбу, возделывать землю и ткать ткани они научились, без сомнения, до того, как некоторые из них посвятили себя исключительно производству орудий для охоты, рыбной ловли, земледелия и ткачества. Я считаю, что это строго соответствует собственным принципам д-ра Смита; ибо если бы люди посвящали себя специальным занятиям до того, как эти занятия были изобретены, то это доказывало бы, что разделение труда было заранее обдуманным результатом человеческой мудрости для облегчения труда, что Смит именно и отрицает.

На стадии дикости все люди изучают некоторые или все из этих занятий, прежде чем они посвящают себя исключительно одному или двум из них. Развитие дикарей и цивилизованного человека в этом отношении ничем не отличается. Изобретения всегда предшествуют разделению труда и расширяют его как путем введения новых занятий, так и путем производства товаров с меньшими издержками. Искусство обработки металлов, кожи или дерева было несомненно в некоторой степени известно до того, как появились кузнецы, сапожники и плотники. Совсем недавно были изобретены паровые машины и прядильные мюль-машины — раньше, чем некоторые люди сделали своим главным или единственным запятием производство мюль-машин и паровых машин. Разрушая некоторые другие профессии и нанося смертельный удар законам о корпорациях и об ученичестве, которые шли с пами вразрез, этот многочисленный класс людей, называемых механиками (квалифицированными рабочими), совместно с лицами, занимающимися некоторыми другими, новыми, современными профессиями, которые появляются теперь повсюду в стране, — например, связанные с производством механических станков или работой на них, — обособился от других рабочих благодаря множеству современных изобретений, вызвавших к жизни новые профессии, в которых они подвизаются. В качестве дополнительной иллюстрации укажем на то, что г. Виндзор ввел практику освещения наших улиц газом до того, как ряд лиц посвятил себя делу производства газометров и устройству газовых аппаратов. Хотя разделение труда порождает искусство и ловкость в работе, но оно

тем не менее не является родоначальником наиболее важных видов труда. Изобретение и знание всегда в известной мере предшествуют разделению труда, и они с большим основанием, чем разделение труда, должны рассматриваться как главные причины тех новых методов работы, которые столь значительно увеличивают производительную способность.

Что разделение труда не является причиной изобретений, это может быть проиллюстрировано на фактах. В Индостане, например, и в некоторых других частях Азии, в некоторых ремеслах разделение труда практикуется в таких же больших размерах, как в Британии и установилось оно там раньше. Но прожителей этих стран говорят, что до настоящего времени они мало богатеют или вовсе не богатеют, поскольку не преуспевают в области знаний и мало изобретают или вовсе не изобретают машин. Индийский ткач производит тончайшую кисею путем паяния основы на два грубых столба под тенью дерева; он выкалывает ямку в земле для своих ног, и стоимость всего его ткацкого аппарата не превышает несколько шиллингов. Единственная машина здесь — человек, и, хотя в своей специальной профессии он приобретает исключительную сметливость и искусство, он не способен изобрести ничего нового. Имеются достаточные основания полагать, что ткачи в Индии продолжают пользоваться такого же рода ткацким станком, каким они пользовались со временем Александра Великого, не внося в него никаких улучшений.

Некоторые страны, расположенные ближе к нашей родине, подтверждают это же самое положение. Не может быть никакого сомнения в том, что разделение труда началось гораздо раньше на соседнем материке и развилось еще в предыдущем периоде, в особенности в Италии, Франции и Германии быстрее, чем в Британии.

В некоторых из этих стран разделение труда в настоящее время так же распространено, как и в Англии. Так, например, разделение труда в литературе как в профессии более широко развило в Германии, чем у нас, подобно тому как это, вероятно, в последнее время имеет или имело место в Италии и во Франции во всех профессиях или занятиях в области музыки, живописи и скульптуры. Но за последнее столетие эти страны преуспевают в меньшей степени, поскольку одна страна, в изучении ремесел, создающих богатство. Они пытались, и часто, я полагаю, тщетно, вводить изобретения и ремесла, которые возникали в Англии, но за исключением разве некоторых улучшений, сделанных во Франции со временем заключения мира, как, например, улучшения станка для тканья шелка, — прочем и это изобретение, как говорят, имеет подобное себе или даже превзойдено одним станком, изобретенным в Британии, — эти страны сделали в последнее время сравнительно мало собственных изобретений и открытий, которыми они могли бы обменяться с нами.

И поэтому утверждают, — и в дальнейшем вы обнаружите, что этот принцип имеет большое значение потому, что он широко раздвигает соответственные границы, существующие будто бы для разделения

труда, — что изобретение полезных машин и открытия в сфере материального мира, облегчая производство и сокращая труд, не являются исключительно результатом великого принципа д-ра Смита.

«Какое-нибудь лицо, — говорит г. Сэй, — замечает, что вода, превращенная в пар, способна поднять громадный поршень, и что этот пар, сгущенный струей холодной воды, оставляет пустоту, которая заставляет поршень опускаться с силой, равной двадцати, тридцати или даже сорока лопадиных сил; отсюда наличие силы, которая может быть применима для любой цели, и отсюда употребление паровой машины. Можно ли это усовершенствование приписать разделению труда? Нет. Давление атмосферы, которое заставляет поршень опускаться, существовало испокон веков и осталось неиспользованным в течение шестидесяти столетий. Прогресс знания и искусства наблюдения привели к открытию, и человеческий род овладел всем богатством, которое эта сила дала возможность создать в течение последних сорока лет»¹.

Раскрыть естественные законы, которые управляют прогрессом человеческого рода в области знания (этот вопрос недостаточно исследован) труднее, чем показать — что, полагаю, я и сделал, — что знание не зависит исключительно от разделения труда. Я опасаюсь наличия всеобщего предположения, и, как я уверен, тщетного предположения, будто бы прогресс знания не управляется каким-нибудь общим и постоянным законом. Все подобного рода явления тесно связаны с волей человека, а все, что связано с волей или зависит от нее, подвержено в нашем воображении безграничному произволу. Здесь не место входить в метафизические рассуждения, для того чтобы показать, что воля или, вернее, желания людей так же управляются общими естественными законами, как и всякая другая область мироздания, хотя условия, которые влияют на эти желания, так многочисленны, что до сих пор они еще не классифицировались нами. Здесь не место также для обсуждения таких социальных явлений общего характера, как число рождений, браков, писем, ежедневно отправляемых почтой, и т. д. и т. д., которые, хотя и зависят от воли отдельных лиц, все же, как это очевидно, управляются некоторыми общими законами. При расширении наших наблюдений на долгие периоды мы находим, что среднее количество рождений и браков в данном округе или совсем не изменяется, или изменяется, согласно некоторому закону и под влиянием некоторых естественных условий, которые легко можно установить. Я говорю, здесь не место входить в метафизические рассуждения о природе этих явлений, и я ограничусь поэтому кратким указанием на единство прогресса человеческого рода, чтобы убедить читателя, что, как бы воля и желания индивидуумов ни казались произвольными и независимыми, воля и поведение людей — и чем они многочисленнее, тем очевиднее и вернее эта истинна — управляются постоянными естественными законами.

Таким образом, когда мы вспомним единство прогресса

¹ Notes to Storch.

цивилизации в ее ранних стадиях,— человек повсюду на всем протяжении истории постепенно и последовательно проходил стадию примитивного дикаря, питавшегося дикими плодами, стадию охоты, когда он питался мясом и был почти так же дик и свиреп, как дикие звери, с которыми он боролся за добычу, стадию пастушества, когда он приручал и разводил животных, которых ему трудно было ловить в тех условиях, и, наконец, стадию земледелия, когда он выращивал растительную пищу для себя самого и для животных, которых он предназначал для своего употребления, приобретая последовательно повсюду знание, дававшее ему возможность прежде всего охотиться и ловить в западни диких животных, затем приручать их и, наконец, возделывать землю,— когда мы вспомним это *единство* в прогрессе человеческого рода, мы вряд ли ошибемся, если предположим, что этот прогресс должен был управляться некоторым всеобщим естественным законом. Двигаясь вперед по лестнице цивилизации, мы замечаем, что почти во всех странах, какова бы ни была форма их правления и каково бы ни было их местоположение, обрабатывающая промышленность, а следовательно, и различные необходимые для нее знания следуют за земледелием; мы замечаем, что торговля со знанием искусства мореплавания и кораблестроения вследу, где народ живет у берегов океана, омывающего весь обитаемый земной шар, следует за промышленностью; и если только этот естественный прогресс не задерживается насильственной рукой необузданного властолюбия, рост промышленности и увеличение торговли с *необходимостью* порождают рост обработки земли, стимулируя новые открытия в земледелии и вводя новые культуры, вызывая к жизни новые виды искусственного труда в области промышленности и увеличивая торговые способы во всем мире. Когда мы все это замечаем, мы вынуждены верить,—хотя вера, как я полагаю, относится скорее к области чудесного и обоготворяемого, чем к точному и детализированному знанию,— что это единство процесса есть результат какого-то постоянного естественного закона.

Хотя невозможно указать в деталях обстоятельства, которые в каждом отдельном случае привели к важным, вкратце указанным выше, изобретениям, все же нет никакого сомнения в том, что они являются результатом той необходимости трудиться, которая является законом нашего бытия и результатом естественного увеличения населения. Таким образом, когда самопроизрастающие произведения земли были исчерпаны, голод стимулировал изобретательность человека и человек становился охотником или рыболовом в зависимости от того, забрасывала ли его судьба среди безграничных равнин или вблизи вод, в которых он находил изобилие рыбы. По мере того как количество людей умножилось, этих ресурсов становилось также недостаточно, и та же самая нужда привела к дальнейшим улучшениям: привела вначале к первобытным видам земледелия, затем к первобытным формам промышленности, а впоследствии к усовершенствованной обработке земли и к чудесным изобретениям нашего променя. Этот принцип действует теперь также, как и прежде,

и естественный прогресс человеческого рода всегда идет в одном и том же направлении. Таким образом, увеличение в течение последнего столетия народонаселения в нашей стране, создававшее большой спрос на земледельческие продукты, приводило не только к экспенсивной обработке земли, к огораживанию общинной земли и к всхиванияю пустырей, но также к тем усовершенствованным способам обработки земли, на которые я указал. Наиболее всеобщий стимул, присущий сознанию каждого изобретателя, который, можно сказать, представляет собой непосредственную причину изобретения, — это естественное, но неизбыточное желание удовлетворять свои нужды или улучшать условия своей жизни. Но если бы население не увеличивалось, то не было бы дополнительных потребностей, которые надо было бы удовлетворять. Труд предыдущего года был бы более чем достаточен для удовлетворения нужд последующего года, и, не будь непрерывного увеличения народонаселения, не только теперь, но и никогда не существовало бы стимула для изобретения и для роста знания. Когда увеличение народонаселения замедляется, повидимому, происходит также задержка и в росте знания. Таким образом, хотя нам может быть и не удастся наблюдать, как действует этот закон в каждом отдельном случае, мы все же можем быть уверены, что причина того прогресса знаний, который является в свою очередь причиной постоянного увеличения нашей производительной способности, — это естественный закон, обрекающий нас на труд и который всегда проявляется в действии в значительной степени при помощи активного начала народонаселения. Необходимость — мать изобретения, и постоянное наличие этой необходимости может быть объяснено лишь непрерывным увеличением народонаселения.

Современные улучшения в области земледелия представляют собой иллюстрацию этого принципа. Они были направлены в общем на увеличение количества нашей пищи путем увеличения численности скота. Разведение кормовых трав было рассчитано на корм для скота, и благодаря этому обстоятельству было разведено и откормлено вооруженное количество животных; мясо последних увеличило наши средства существования, и удобрение, которое получается благодаря наличию животных, в значительной мере увеличило количество зерна. Д-р Смит заметил, что «до тех пор пока *цены на скот* не достигли такой высоты, чтобы сделать прибыльной обработку земли под корм для скота, вряд ли возможно, чтобы большая часть даже той земли, которая годна для самой высокой культуры, была бы *полностью обработана*»¹. Но цена на скот может постоянно расти лишь вследствие увеличения народонаселения, причем это население обладает необходимыми средствами, — продуктом своего собственного труда, — чтобы оплачивать скот. Таким образом, повышение цен на скот вызывается увеличением народонаселения и увеличением производства других продуктов. Далее, повышение цен на скот ведет к разведению кормов для них, увеличению удоб-

¹ «Wealth of Nations».

репил, вызывает увеличение количества продуктов, которое, как утверждают, достигло приблизительно одной трети всей продукции нашей страны. Поэтому если бы не было увеличения народонаселения, то все то плодородие почвы, которое в наши дни и в период существования нашего поколения дало о себе знать благодаря разведению кормов для скота, оставалось бы втуше и неизвестности.

Я знаю, что старание проследить в открытиях и изобретениях отдельных лиц действие общих естественных законов не льстит тщеславию тех лиц, которые считают, что в силу особой одаренности они отличаются от заурядной человеческой толпы. Однако не будем клеветать на общество и не станем поносить природу, для того чтобы создать какие-нибудь осознательные объекты почитания. Ясно, что у каждого индивидуума, каковы бы ни были его особенности и умственные способности, — его характер, чувства, мысли, страсти, более того, даже самый его интеллект складываются под влиянием эпохи, в которой он живет, и общества, членом которого он состоит. Поэтому то, что является характерным для его личности, представляет собой только незначительнейшую часть всего человека. Какова бы ни была его природная одаренность, — а некоторые философы сомневались, существует ли от природы вообще какое бы то ни было различие между людьми, — каждый человек обязан своим знанием, искусствостью, способностями к изобретательству преимущественно знанию и искусности других людей, живых или умерших. Влияние общества на характер каждого индивидуума преобладает над всяким другим влиянием. Возможно, что в прошлом столетии не было ни одного человека, который как философ и механик стоял бы выше Джемса Уатта. Но большей частью своих научных знаний и знаний по механике, — всем тем, что на самом деле составляет его таланты и что привело к его славным успехам, — Уатт обязана тому обстоятельству, что он родился в Британии в XVIII в. Если бы возможно было, — что, очевидно, немыслимо, — чтобы такой богато одаренный ум достиг подобной способности изобретать среди грубого крестьянства Ирландии или среди еще более грубых гуачо Южной Америки, то он все же никогда не изобрел бы такой величественной машины, как паровая машина. В тех условиях какая-либо побудительная причина для этого изобретения была бы невозможна, потому что изобретения обладают полезностью лишь в густонаселенных странах, где имеется много угля и введена заводская промышленность; если бы он все же изобрел паровую машину, будь это возможно, то не было бы никого, кто мог бы сделать ее или использовать ее, не было бы цели, для которой она могла бы применяться, и это изобретение лишь благодаря терпеливому труду самого изобретателя можно было бы реализовать в форме модели в его собственной хижине. При таких или сходных обстоятельствах это изобретение, вместо того чтобы бесконечно увеличивать мощь человеческого рода, представляло бы собой просто замысловатую игрушку, которая могла бы, вероятно, служить для увеселения гениального человека, но не доставляла бы никакой пользы человечеству.

Вполне ясно также, что г. Уатт не изобрел бы паровой машины во имя какой бы то ни было цели сто лет тому назад: общество не было подготовлено к тому, чтобы использовать такое изобретение, если бы даже оно было сделано; Уатт не мог бы обладать в то время необходимыми знаниями, а также не мог бы найти средств, чтобы применить свое изобретение на практике. Он мог бы выдвинуть некоторые случайные догадки и, вероятно, стать творцом другого «Века изобретений», но он не изобрел бы и не сделал бы паровой машины. Именно в то время, когда он принял раздумывать и строить предположения, широкий поток света, исходивший рассеянными лучами из каждой столицы и почти из каждого значительного города Европы, распространился на неизвестный до тех пор мир химии, доказывая своей всеобщностью свою зависимость от какого-то всеобщего закона. Бергман и Шейле в отдаленном городке в Швеции, Клапрот в Берлине, Руэль, Лавуазье и Бертоле во Франции, Блэк, Кавендиш и Пристлей в Англии являются только немногими из тех весьма выдающихся личностей, которые именно тогда, когда г. Уатт достиг своей зрелости, рядом блестящих открытий направили внимание всей мыслящей части человечества на свою излюбленную науку. «Когда д-р Кулэн, — говорит д-р Т. Томсон, — стал в 1765 г. профессором химии в Эдинбурге, он зажег среди студентов пламя энтузиазма, которое вскоре далеко и широко распространялось благодаря последовательным открытиям Блэка, Кавендиша и Пристлея; в результате того, что это пламя столкнулось с однородным же огнем, который уже разгорался во Франции, Германии, Швеции, Италии, наука химии сразу засияла беспримерным блеском»¹. Я поэтому думаю, что г. Уатт должен рассматриваться, подобно Колумбу, Бэкону, Ньютону, Лютеру и подобно изобретателю книгопечатания, как один из тех могучих умов, которые собирают и концентрируют в себе некоторые великие, но раздробленные истины, — результат предшествовавших бесчисленных открытий, — истины, которые к счастью для этих умов начали уже пробуждаться в обществе, когда последние достигли зрелого возраста. Они обладают счастливым искусством объединять с помощью некоторого небольшого добавочного собственного открытия различные истины, недавно появившиеся на свет, и применяют эти истины, чтобы осветить некоторые необъясненные явления, установить некоторый всеобщий закон или вызвать известные изобретения, т. е. чтобы увеличивать богатство, силу или славу того общества, предшествующему прогрессу которого они обязаны своим знанием, одаренностью и интеллектом. Их познания, схемы и мысли тесно и нераздельно связаны с познаниями, проектами и мыслями их предшественников и всего того, что их окружало, и их изобретения и открытия являются необходимым следствием предшествующих открытий и изобретений. Они представляют собой лишь часть общей системы. Такие умы и такие люди естественно и неизбежно появляются в результате общего прогресса знания, точно также, как

¹ «A System of Chemistry», Introduction, p. 9, 6th edit.

Борджа, Кромвель и Наполеон неизбежно появляются всюду, где только большое недоверие к существующей власти в соединении с общей готовностью повиноваться и благоговеть перед всяkim, кто наиболее нагл и предъявляет наибольшие притязания, предоставляет возможность для удовлетворения необузданного, кровавого и жестокого властолюбия.

Только что упомянутое обстоятельство, — то, что химическая наука, сделавшая к периоду изобретений г. Уатта большие успехи как на континенте Европы, так и в нашей стране, не привела к каким-либо изобретениям, подобным изобретению паровой машины, — показывает, что так называемая наука имеет сравнительно малое значение, если она не сочетается с другими обстоятельствами. Среди бесчисленного количества лиц, несомненно выдающихся, которые в то время занимались наукой, вероятно, было много таких, которые так же хорошо, как и г. Уатт, были знакомы с механикой и с законами теплоты и пара. Недостаточно поэтому, чтобы индивид обладал изобретательностью и талантом, если условия общества не дают возможности их применения. На континенте не было такой коммерческой потребности в сокращении труда, как в нашей стране, не было там также механических приспособлений предварительно изготовленных, чтобы применить это изобретение. Даже и в настоящее время, когда наши континентальные соседи обладают всеми выгодами нашего предыдущего опыта, когда они так же хорошо, как и мы, знакомы с теорией паровой машины, когда они обладают всеми сведениями по этому вопросу, какие только могут быть доставлены описаниями, они все же почти неспособны построить паровую машину без помощи английских рабочих. Хотя г. Уатт считал необходимым — что, говорят, он и делал — для своих специальных целей обучать рабочих, однако он уже имел готовую к своим услугам обширную массу практически искусного физического труда, которая нуждалась лишь в некотором специальном руководстве, в противном случае он не имел бы успеха в осуществлении своих собственных изобретений. Поэтому в дополнение к рыночному спросу на средства, сокращающие труд, который ощущался в нашей стране, рабочие обладали высокой степенью искусства в применении ручного труда, и существовало значительное количество искусственных заводских работников, литейщиков, кузнецов и плотников, с помощью которых г. Уатт оказался в состоянии реализовать свои изобретения. Это одно из обстоятельств, вытекающих из времени и места его рождения, которым он обязан своей известностью. Я полагаю, что оно показывает, как мы еще невежественны в отношении всех причин, порождающих знание, создающее богатство. Но оно показывает также, что без практически искусного ручного труда наиболее разработанное учение может быть бесполезным и что без искусственных рабочих наиболее остроумные изобретения должны рассматриваться лишь как призрачные мечтания. Абсолютно необходимо, чтобы наблюдение и практика, умственный и физический труд или рука об руку, не отдаваясь и не отставая друг от друга. Словом, всякое поощрение, которое дается одному из ви-

дов труда, любые премии, выдаваемые специальному ремеслу илициальному виду познаний, могут доставлять величайшее наслаждение покровителям, будь это король или дворянин, но обществу в целом они вносят вред, содействуя развитию одного вида знания в ущерб иному-нибудь другому.

Я не имею возможности отметить все естественные условия, влияющие на прогресс человеческого рода в области знаний или определяющие род и степень этого знания, как, например, различие в организации человеческих племен и рас, ибо, я думаю, не может быть никакого сомнения в том, что такие различия существуют и влияют как на характер, так и на степень приобретенного знания. Таковы, например, особенности географического положения¹, ибо очевидно, что у народа, населяющего не приморскую страну, или у народа, живущего в приморской стране, характер приобретенных знаний будет иной. Таким примером является язык, ибо он — орудие мысли, а когда язык совершенен, то приобретение и распространение знаний происходит легко и безошибочно. Но я не могу, не приводя дополнительной иллюстрации, пройти мимо одного естественного условия, которое, как я уже отмечал, имеет большое значение, если его рассматривать в связи с некоторыми господствующими теориями. В последнее время вошло в моду рассматривать только одну сторону важного вопроса о народонаселении и притом лишь в условиях контроля человеческих учреждений и несправедливого распределения продуктов труда, искажающих его сферу действия. Общественные деятели были настолько рады возможности найти в этом естественном принципе оправдание последствий своего собственного хищничества и подкрепляющие доводы, с одной стороны, для продолжения несправедливого присвоения, а с другой стороны, для безропотного подчинения, что широко были восприняты доктрины, приписывающие все бедствия человеческого рода слишком большой его способности размножаться, доктрины, ослабляющие и даже разрушающие в последнее время веру человека в иремудрость бога. Этот принцип, как я уже доказывал, является источником всякого национального величия, достойного

¹ Здесь будет как раз уместно напомнить читателю, что все наши общирные познания в морском деле и наше могущество на морях, которые весьма нелепо приписывают плохому и неудачному законодательству Оливера Кромвеля и Карла II (которое всему этому гораздо чаще препятствовало, чем поощряло), могут быть весьма легко объяснены географическими условиями нашей страны. За исключением колоний, наша береговая линия в четыре раза больше, чем у Франции, и мы обладаем в четыре раза большим приморским населением, чем последняя. В этом естественный и простой источник нашего морского могущества, которое наши прославленные навигационные законы, торговые ограничения и безобразнейшие морские регламенты значительно ослабили. Наиболее удивительное объяснение нашему народному процветанию и могуществу дается тогда, когда его ищут в более важной причине, чем в мудрости наших законодателей; неизменные условия нашего географического положения являются самой сильной, какая только возможна, гарантией нашего будущего процветания и величия.

этого названия и источником значительной доли индивидуальных устремлений. Возможно, что он является также источником тех улучшений, которые, как говорят, вызываются необходимостью, и я думаю, что я сумею теперь убедить читателя в том, что этот принцип является главным источником того роста знания, который дает человеку власть и господство над внешним миром.

Никто не сомневается в том, что быстрая связь, которая теперь может быть установлена между любыми частями страны, способствует увеличению как знания, так и богатства. Открытия, сделанные в Лондоне, Манчестере или Глазго, становятся известными в каждом из этих городов и распространяются по всему острову в течение нескольких дней. Множество умов тотчас же присыпается за работу даже при намеке на открытие, и каждое открытие моментально обсуждается и почти так же мгновенно усовершенствуется. Ясно, что шансы на усовершенствование возрастают, по мере того как увеличивается число лиц, внимание которых сосредоточивается на каком-нибудь специальном вопросе. Поэтому мне представляется, что увеличение числа лиц оказывает такое же действие, какое присуще и средствам сношений, ибо роль последних в том и заключается, что они заставляют многих лиц обдумывать один и тот же вопрос.

Проиллюстрируем это примером. Г-н Шейле, знаменитый шведский химик, первый заметил *действие хлора на беление*; Бертолево Франции впервые применил хлор как действующую силу в производстве и впервые указал на его возможную полезность для ремесел. Г-н Уатт, как я полагаю, применил это практически в Англии, а г. Тенант несколько времени спустя первый указал на способ соединения хлора с толченой известью. «Это одно из величайших улучшений, — говорил д-р Ур, — в практике беления, которое когда-либо было сделано». Объединенный опыт и знания, по крайней мере, этих четырех человек, а в действительности опыт и знания большого количества других лиц, был необходим, прежде чем хлористая известь могла быть успешно употреблена как белильное средство. Пословица гласит, что две головы умнее одной, и в данном случае четыре головы выполнили то, чего не могла сделать одна. На основе этого же самого принципа каждая из 4 тыс. и из 4 млн. голов наверняка обладает еще большим умом и еще большими знаниями, чем одна голова.

Каждое поколение мудрее и обладает большими знаниями, чем предшествовавшее ему поколение. Это не только потому, что оно появилось позже на свет. Время — это лишь олицетворение, и оно ничего не прибавляет к мудрости. Последнее поколение умнее предшествующего ему поколения, ибо там, где пользуются речью, и в особенности, где известны письмо и книгопечатание, оно присоединяет все свои наблюдения к знанию предшествующего поколения. В наличии *большие* глаз, чтобы видеть, *большие* рук, чтобы действовать, и *большие* умы, чтобы сохранять и передавать наблюдения практику. В ходе истории, и по мере того, как расстет и множится гравитас-литис, проявляется постоянная, естественная и необ-

ходиная тенденция к увеличению знания, а следовательно, и к росту производительной способности.

Этот принцип, повидимому, широко подтверждается опытом. Почти все открытия и усовершенствования были сделаны в много-людных городах и в плотно населенных странах. В древнем мире в населенных городах древней Греции, а не среди незначительного числа кочующих племен пустыни, с таким замечательным успехом развивались ремесла как в целях производства богатства, так и для украшения жизни. В свою очередь в средние века ремесла возникали в населенных городах современной Италии, Голландии и Германии. Открытие Америки, которое снабдило Европу многими редкими товарами и привело к образованию обширного рынка для Европы, вероятно, увеличило число человеческих существ, общающихся между собой, свыше, чем на 50 млн. человек. Нет никакого сомнения, что со времени этого события обитатели как Европы, так и Америки сделали большие успехи в изучении всех полезных ремесел. Ни в один период нашей истории Великобритания не была столь населена, как в настоящее время. Именно в течение последних пятидесяти лет были сделаны некоторые из наиболее полезных и удивительных усовершенствований в земледелии, в практической химии и в механических ремеслах, на которые я уже указывал. Наконец, не ранее чем в 1828 г., когда в одной Англии насчитывалось одиннадцать миллионов населения и когда в одной ее столице с окрестностями жило более десятой части этого количества, были основаны институты механики. Они не имели бы успеха, если бы эти учреждения не были выгодны большому числу лиц. В каком бы свете другие лица ни оценивали такие общества, я могу рассматривать их лишь как зародыша таких крупных улучшений в ремеслах, каких мир еще никогда не видел.

«Число открытий,—говорит г. Мак-Кульох,—будет тем больше, чем большему числу лиц будет предоставлена возможность делать открытия. И возможно, и вполне вероятно, что блеск, который связан теперь с именами Аркрайта и Уатта, может потускнеть, хотя полностью он никогда не может исчезнуть, перед более многочисленными и, может быть, более важными открытиями, которые будут сделаны в недалеком будущем теми лицами, которые от колыбели до могилы шли бы по той же темной и избитой стезе, по которой ступали их непрятязательные предки, если бы распространение теперь повсюду образование не способствовало выращиванию и созреванию семян гениальности, заложенных в этих людях к общей выгоде человечества»¹.

Я должен здесь напомнить читателю, что главная задача, которую я имею в виду, — хотя я сознаю, что она весьма несовершенно выполнена, — состоит в том, чтобы показать естественные законы, определяющие развитие богатства человечества. В соответствии с этим я пытался, во-первых, показать на основании фактов влияние знания на производительную способность и затем указать на

¹ «Principles of Political Economy», p. 118.

те естественные условия, которые определяют рост знания. Заключение, к которому я прихожу, — это я хочу ясно установить, и оно должно быть правильно понято независимо от того, истинно ли оно или ложно, правильно или неправильно, — состоит в том, что, независимо от каких бы то ни было форм правления и всех их установлений, во вселенной существует необходимость трудиться, — универсальный стимул у всех людей проявлять природные способности, которыми каждый наделен, что во все времена этот стимул является причиной наблюдения, что наблюдение приводит к знанию и что в ходе истории, по мере того как поколение следует за поколением и человечество размножается на поверхности земли, наблюдается независимая от всякого рода социальных установлений естественная и необходимая тенденция постепенного роста знаний. Под влиянием этого стимула и под влиянием роста населения наши природные способности ведут — независимо от нашего желания предвидеть результат, независимо от нашего предположения, каков он будет — но всем тем великим, возвышенным и благотворным последствиям, которые мы называем одним всеобъемлющим словом — цивилизацией. Чтобы исчерпать этот вопрос, необходимо было бы исследовать роль социальных установлений и точно установить не только каковы были их результаты, но, если это возможно, также и то, способствовали ли как-нибудь и как именно социальные установления росту знания, а следовательно, и росту производительной способности. Таким исследованием я не думаю заниматься, но вопрос требует этого, и, до тех пор пока это не будет сделано и закончено, мы не сумеем узнать, каковы те законы, которые управляют развитием богатства. Поэтому те книги, которые называются Элементами, Принципами или Системами политической экономии, по которые не охватывают и не развертывают полностью всего влияния знания на производительную способность и не разъясняют естественных законов, управляющих прогрессом общества в области знания, по существу представляют собой и должны собой представлять несовершенные трактаты по политической экономии.

Не отрекаясь от правила, которое я перед собой поставил, — ограничиться рассмотрением естественных законов, управляющих производством, и никако не касаться влияния форм правления — я должен все же заметить, что если мы не будем учитывать огромного влияния существующей религии и устройства общества, огромного влияния любой формы правления, — начиная от совершенной свободы и кончая презрительным рабством, будет ли это рабство выражаться в подчинении живым людям или статутам, начертанным на пергаменте — этому худшему виду рабства, — если мы не будем всего этого влияния учитывать, так же как и влияния временных законов на рост знания, создающего богатство, то мы не сможем объяснить отличительных особенностей путей развития богатства у различных народов. Разделение труда, охрана собственности и большинство других обстоятельств, которые обычно считаются главными средними, порождающими национальное богатство, почти однаковы во всех этих Европы, или были там немногого лет тому назад почти оди-

наковыми. Религия, форма правления и более всего торговое законоподательство были в основном столь схожи, что влияние, которое они оказывали на производство богатства, должно было бы быть почти однотипным. Однако в той европейской стране, которая в последнее время наиболее быстро богатела, население пользовалось наибольшей свободой исследования. Печать, а вместе с ней и умы были в Британии менее скованы, чем в какой-либо другой крупной стране Европы. Это, вероятно, и является единственным источником ее более высокого уровня богатства. Каждая область знания тесно и неразрывно связана с любой другой областью знания, и нельзя ставить препятствия людям или ограничивать их в исследовании одной отрасли знания без того, чтобы в конце концов не задерживать прогресс во всякой другой области знания. Правительства могут, по своей мнимой мудрости, думать, что путем ограничений, которые они называют благодетельными ограничениями, они лишь пресекают мятежи или искореняют ереси, но опыт убеждает нас в том, что, не желая этого, они в то же время, подобно неискусным садовникам, подрезывают плодоносные ветви и подавляют во всех направлениях рост знания, производящего богатство. Ограничения, наложенные правительствами на торговую предприимчивость и личную инициативу, наносили, как это теперь всеми признается, большой вред благостоянию человека, но это ничто в сравнении с большим злом, причиняемым тем ужасным умственным бессилием, которое возникает, когда несколько человек, столь же невежественных, как самые презренные из числа их собратьев, получают возможность ставить пределы исследованию и заявлять, — хотя результаты исследования не могут быть ни в коем случае заранее известны, — что этот вид знания будет вреден, что вы не должны прикасаться к нему, а тот вид знаний окажется здоровым, и человеческий ум не должен питаться никакой другой пищей. Такой тупой вздор может привести к одним только пагубным последствиям, и всюду, где правительства общества предписывали своим подданным, что именно они не должны изучать, эти правительства против собственного желания создавали рабов, которых расценивали лишь как механизмы, уплачивающие налоги, неспособные создать прогресс знаний. Ибо этот прогресс представляет собой веление природы, он встречается в странах, где меньше надзора и стеснений, а также представляет собой главное средство увеличения производительной способности человека и его богатства.

ГЛАВА IV.

ВЛИЯНИЕ РАЗДЕЛЕНИЯ ТРУДА

Рост разделения труда — характерная особенность цивилизованного человечества. — Связь с производительной способностью в Англии, России и Соединенных Штатах. — Объяснение преимуществ разделения труда. — Сравнение производства гвоздей ручным способом и при помощи машин. — Дальнейшее разделение труда между существующими профессиями. — Все выгоды от разделения труда естественно принадлежат рабочим. — Оно имеет место при всякой форме политической организации и должно поэтому вытекать из какого-то естественного принципа.

Во введении читатель познакомился с той значительной разницей, которая существует между производительной способностью людей, живущих в цивилизованном обществе, и производительной способностью дикарей. Одной из причин этого обстоятельства и одной из отличительных характерных черт цивилизованного общества является то, что в последнем ни один человек не производит для самого себя всех тех товаров, в которых он нуждается или которые он потребляет. Плотник и каменщик обращаются за своими орудиями к кузнецу или к производителю орудий, а кузнец никогда не пытается сам строить себе дом, а живет в доме, построенном совместным трудом плотника и каменщика. Портной никогда не производит самог для своего собственного потребления, он покупает их у сапожника; сапожник все платье, в котором он нуждается, покупает у портного. Все эти рабочие находят, что они могут в высшей степени легко и беспрепятственно получить все то, в чем они нуждаются, если каждый из них будет работать лишь в своем собственном промысле. Люди, которые отправились из Европы в Северную Америку и в Новую Голландию и доказали там, соприкасаясь с дикарями, которых они вытеснили, более высокую производительную способность цивилизованного человека, привезли с собой ремесла и европейские панцири, и были людьми различных профессий. Во всяком случае, среди этих дикарей они мало находили или вовсе не находили лиц, которые различались бы по своим занятиям. Каждый заботился, как мог, о своих собственных нуждах и занимался всеми ремеслами, которые были знакомы этому невежественному населению. Во всех цивилизованных обществах каждый производит сам для себя пищу и изготавливает большую часть незатейливых инструментов, которыми пользуется. Он строит свою собственную хижину, подыскивает оной собственный челн при помощи заранее

изготовленного им каменного топора, он сам, а может быть, его жена, плетет лесу или есть, с помощью которых он ловит рыбу; при посредстве лука и стрел, сделанных его собственной рукой, он убивает дикого зверя, являющегося, повидимому, его единственной пищей. Происходящее в цивилизованном обществе приспособление людей к определенным и обособленным занятиям, установление различных профессий, занятие отдельных лиц исключительно одним делом — на языке политической экономии называется *разделением труда*.

Почти во всех странах между разделением труда и богатством страны существует, повидимому, тесная связь. Дикари, среди которых нет разделения труда, страшно бедны; напротив, жители нашей густонаселенной империи, число которых доходит до двадцати двух миллионов, производят, как говорят, столько же богатства ежегодно, сколько те восемьдесят восемь миллионов, которые сравнительно редко разбросаны по Соединенным Штатам Америки, по Российской империи и по Французскому королевству, и не может быть никакого сомнения в том, что в этих трех странах, в частности в первых двух, разделение труда проведено не так широко, как в Великобритании. Это утверждение покоятся на официальных документах, опубликованных в каждой из этих стран, хотя возможно, что оно в некоторой степени слишком благоприятно для Британии, так как исчисления произведены на основании таможенных доходов и, возможно, в обесцененных деньгах. Это обстоятельство заслуживает особого внимания, поскольку оно касается Соединенных Штатов Америки и России, потому что эти страны являются странами сравнительно новыми и позже заселенными, тогда как Великобритания является старой страной, а также и потому, что обычно считается, что производительная способность уменьшается по мере того, как используется земельная площадь и уплотняется население. Такое мнение совершенно ошибочно, потому что оно не учитывает влияния разделения труда и прогресса знаний. Оно обращает внимание только на землю, о свойствах которой как фактора, способствующего производству, мы знаем столь же мало, как мы мало знали о производительных силах атмосферы, до того как была изобретена паровая машина.

В целях подробного анализа результатов разделения труда, вместо того чтобы предложить какие-либо свои собственные иллюстрации, я предпочитаю привести одно место из произведений г. Мак-Куллоха и Адама Смита. Последний так удачно разъяснил эти результаты, что все последующие писатели только и делали, что списывали его замечания. Но кое-что было добавлено г. Мак-Куллохом, и я поэтому приведу одно место из его книги, в котором его собственные наблюдения соединены в одно целое с наблюдениями д-ра Смита.

«Д-р Смит, — говорит г. Мак-Куллох, — который в высшей степени мастерски изложил этот вопрос, следующим образом подразделил условия, содействующие при разделении труда увеличению производительных сил труда: *во-первых*, увеличение искусности и ловкости каждого отдельного рабочего, *во-вторых*, сбережение вре-

мени, которое обычно теряется при переходе от одного специального занятия к другому, *с-трехъих*, он выделил условия, которые при разделении труда имеют тенденцию облегчать изобретение машин и упрощать процессы сокращения и сбережения труда.

«*Раздел I. К вопросу о совершенствовании искусности и ловкости рабочего.* Вполне очевидно, что когда все внимание человека посвящается какому-либо одному роду занятий, когда все его умственные и телесные силы устремлены к одной цели, он должен достигнуть такой степени мастерства в этой специальной области, которого не может надеяться достигнуть ни одно лицо, выполняющее разнообразные работы. Для выполнения простейшей операции наилучшим и наиболее быстрым способом необходима особенная гибкость мускулов или ловкость руки, а это может быть приобретено лишь путем привычной и постоянной практики.

«Для примера возьмем поэтому весьма маловажную отрасль промышленности, но такую, в которой разделение труда очень часто отмечалось, а именно производство булавок. Рабочий, не обученный этому производству (разделение труда сделало последнее особой профессией) и не умеющий обращаться с машинами, употребляемыми в нем (толчок к изобретению последних, вероятно, тоже был дан этим разделением труда), едва ли может, пожалуй, при всем своем старании сделать одну булавку в день и, во всяком случае, не сделает двадцати булавок. Но при той организации, которую имеет теперь это производство, не только оно само в целом представляет собою особую профессию, но и подразделяется на ряд специальностей, из которых каждая в свою очередь является отдельным специальным занятием. Один рабочий тянет проволоку, другой — выпрямляет ее, третий — обрезает, четвертый — заостряет конец, пятый — обтачивает один конец для насаживания головки. Изготовление самой головки требует двух или трех самостоятельных операций; насадка ее составляет особую операцию, полировка булавки — другую. Самостоятельной операцией является даже завертывание готовых булавок в пакетики. Таким образом, сложный труд производства булавок разделен приблизительно на восемнадцать самостоятельных операций, которые в некоторых мануфактурах все выполняются различными рабочими, тогда как в других один и тот же рабочий нередко выполняет две или три операции. Мне пришлось видеть одну небольшую мануфактуру такого рода, где было занято только десять рабочих и где, следовательно, некоторые из них выполняли по две и по три различных операции. Хотя они были очень бедны и потому недостаточно снабжены необходимыми приспособлениями, они могли, работая с напряжением, выработать все вместе 12 с лишним фунтов булавок в день. А так как в фунте считается несколько более 4 тыс. булавок средних размеров, то эти десять человек вырабатывали свыше 48 тыс. булавок в день. Следовательно, считая на человека одну десятую часть 48 тыс. булавок, можно считать, что один рабочий вырабатывал 4 800 булавок в день. Но если бы все они работали в одиночку и независимо друг от друга и если бы они не были привучены к этой специальной ра-

боте, то, несомненно, ни один из них не смог бы сработать двадцати, а может быть, даже и одной булавки в день. Одним словом, они, несомненно, не выработали бы $\frac{1}{240}$, а может быть, и $\frac{1}{4800}$ доли того, что они в состоянии выработать теперь в результате надлежащего разделения и сочетания их различных операций».

Это по д-ру Смиту. Я имею сведения о том, что в столице каждый рабочий, производящий булавки, может сделать приблизительно вдвое больше, чем 4 тыс. булавок в день, а также, что все до сих пор встречавшиеся попытки производить булавки при посредстве машин оказались неудачными. Для этой отрасли пока еще не изобретена машина, которая сравнялась бы с ловкостью и быстрой рабочего; и вообще те машины, которые применяются, производят головку булавки путем скимания небольшой частицы металла, что делает этот крошечный предмет хрупким и по его изготовлении менее годным для различных целей, для которых употребляются булавки.

«Результаты разделения труда, — продолжает Мак-Куллох, — предотвращая потерю времени при переходе от одного занятия к другому, которая всегда должна встречаться, когда одно лицо занято в различных профессиях, являются еще более очевидными, чем выгоды, получаемые от совершенствования искусства и ловкости рабочего. Когда одно и то же лицо выполняет различные работы в различных и возможно расположенных далеко друг от друга местах и с различным набором инструментов, то ясно, что оно не может избежать потери значительной части времени при переходе от одного занятия к другому. Если различные виды труда, которыми рабочий занят, могут быть выполнены в той же самой мастерской, потеря времени была бы меньше, но даже и в этом случае она была бы значительна. Как правильно заметил д-р Смит, «рабочий обыкновенно делает небольшую передышку, переходя от одного вида работы к другому. Когда он принимается за новую работу, он редко проявляет сразу большое усердие и внимание; его голова, как выражаются, занята еще другим, и некоторое время он смотрит по сторонам, но не работает как следует. Привычка глязеть по сторонам и работать небрежно, естественно или, вернее, неизбежно приобретаемая каждым деревенским работником, который вынужден каждые полчаса менять работу и инструменты и ежедневно приоравливаться в течение всей своей жизни к двадцати различным занятиям, почти всегда делает его ленивым, нерадивым и неспособным ко всякому напряженному труду даже в случаях настоятельной необходимости. Независимо поэтому от недостатка у него ловкости, одна эта причина должна всегда значительно уменьшать количество труда, которое он способен выполнить»¹.

«Раздел 3. Что касается роли разделения занятий в деле облегчения изобретения машин и процессов, сокращающих и сберегающих труд, то очевидно, что те лица, которые заняты какой-либо областью деятельности, будут скорее в состоянии находить в ней более легкие и

¹ «Wealth of Nations», book I, p. 14.

быстрые способы производства, когда все направление их умственных способностей сосредоточено исключительно на этой деятельности, чем тогда, когда оно рассеивается на разрешении различных задач. Но было бы ошибочно предположить, как это иногда делается, что только изобретательный гений рабочих и ремесленников оттапчивается и совершенствуется при разделении труда. С разением общества изучение специальных областей наук и изучение философии становится главным или единственным занятием наиболее одаренных людей. Химия становится самостоятельной наукой, отделившейся от философии природы; физик-астроном отделяется от астронома-наблюдателя, политико-эконом — от политика, и каждый, занимаясь исключительно или главным образом своей специальной областью науки, достигает такой степени мастерства и опыта, какой ученый неспециалист редко достигает или вовсе не достигает¹.

Я уже упомянул, с какой оговоркой должно быть принято утверждение, что разделение труда приводит к изобретению машин. Оно содействует прогрессу знания по мере развития общества, но в каждую эпоху знание и изобретение предшествуют в известной мере разделению труда и порождают его. В самом деле, большая часть благотворных результатов разделения труда вытекает из того, что оно развивает наши познания в специальных областях, и, повидимому, результаты воздействия разделения труда на физическую споровку или телесную ловкость вообще не равнозначащи с результатами воздействия разделения труда на умственный труд. «В Соединенных Штатах Америки, — говорит г-жа Марсэ, — была изобретена машина для резки гвоздей из железа, причем операция эта совершается так быстро, что машина производит двести пятьдесят готовых гвоздей в течение одной минуты, или пятнадцать тысяч в час»².

Правильность замечаний д-ра Смита о благотворных результатах разделения труда должна быть признана каждым человеком, и некоторые из моих читателей, вероятно, знакомы с более поразительными примерами этих благотворных результатов, чем те, которые я привел. Все люди, кажется, вполне хорошо знакомы с преимуществами положения вещей, при котором один является фермером, другой — плотником, третий — ткачом, и в повседневной практике разделение труда простирается далеко за пределы, установленные законом. Когда два человека или большее количество лиц одной и той же профессии выполняют одну и ту же работу, то каждый выполняет какую-нибудь отдельную часть ее. Так, например, при постройке дома один из плотников выстругивает и заготовляет лесной материал, тогда как другой соединяет части оконной рамы, вместо того чтобы каждый приготовлял всю оконную раму, хотя выполнение всей этой работы составляет только часть плотничего дела. Это разделение труда, применяемое отдельными лицами, дает им воз-

¹ Article «Political Economy». Supplement to Encyclopedia Britannica.

² «Conversations on Political Economy».

можность выполнить данную работу в меньшее количество времени или с большей легкостью и оно должно принести соответственную пользу, когда оно проводится во всех профессиях и во всем обществе в целом.

Необходимо, однако, заметить, что все выгоды от разделения труда, *естественно*, сосредоточиваются в рабочем, принадлежащему ему и облегчают его работу или увеличивают его богатство. Разделение труда увеличивает искусность рабочего, предоставляя ему возможность непрерывно сосредоточивать внимание и направлять его на выполнение одной операции, оно сберегает *его* время, освобождая его от необходимости менять орудия или занятия, и облегчает *ему* процесс изобретения машин, приспособленных для обособленных и простых операций, выполнение которых благодаря разделению труда составляет единственную задачу каждого отдельного лица. Возможно, что ни одна машина, за исключением самого человека, не могла бы выполнить все процессы по производству куска ткани из сырого материала; но когда сложный процесс стрижки овец, мойки шерсти, чесания шерсти, прядения, тканья, аппретуры и окраски разделяется на различные операции, выполняемые разными лицами, то могут производиться и производятся такие машины, которые выполняют большую часть этих операций даже с большей точностью, чем если бы они выполнялись при помощи одних рук. Почему рабочие в действительности не пользуются благодеяниями разделения труда, почему тяжесть их работы при наличии всех тех усовершенствований, благодаря которым увеличиваются искусство и производительная способность рабочих, повидимому, скорее возрастает, чем уменьшается, причем возрастает в такой степени, что сложилось воззрение о серьезном вреде, который разделение труда приносит рабочим, — все это не может быть разъяснено в этой части книги. Но если все выгоды, получаемые от разделения труда, естественно, сосредоточены у рабочих и им принадлежат; и если рабочие лишены этих выгод, и с прогрессом общества усовершенствованное искусство рабочих обогащает только тех, кто никогда не работает, — то это необходимое следствие несправедливого присвоения, следствие узурпации и грабежа со стороны разбогатевших, следствие смиренного подчинения со стороны влавших в нищету.

Если бы мы не смогли путем исследования изучить происхождение разделения труда и его границы, изучить, каким образом бесчисленные социальные установления задерживают разделение труда и насколько творец инстинктов и страстей человека гораздо более благосклонен и добр к человеку, чем законодатель, который претендует на то, что защищает и оберегает его от последствий этих страстей, то простое указание выгод разделения труда, перевешивающих благодеяния, принесенные человеческому роду даже самыми мудрейшими законодателями, должно пробудить в нас живое любопытство к познанию источника и границы разделения труда. Хотя разделение труда не одинаково во всех странах, но оно встречается у всех племен и у всех народов земного шара, каковы

бы ни были их религиозные верования или форма их правления, на какой бы стадии общественного развития они ни находились и кто бы ни были их законодатели. Оно же находится поэтому в связи с существующими учреждениями и ни в каком отношении не является продуктом законодательной власти: В свободной республике Соединенных Штатов Америки и в деспотической России, в предприимчивой Англии и в отсталой Турции, среди рачительных и трудолюбивых голландцев, среди гордых и беспечных испанцев, при изменических законах в Европе и при почти неизменных учреждениях Азии и Африки, где жизнь человека находится в зависимости от случайного каприза какого-нибудь злодея императора или короля, и в странах, где эта жизнь приносится в жертву некоему судопроизводству, ошибочно названному правильным, но не менее отвратительному благодаря своей жестокости, судопроизводству, в котором воплощен закон, — во всех странах и при всяких политических формах встречается *разделение труда*, и люди без приказания со стороны своих правителей следуют благодетельной привычке ограничивать свое внимание и свои усилия некоторой специальной областью труда. «Разделение труда, — говорит д-р Смит, — присуще всем людям и не наблюдается ни у какого другого вида животных. Оно не является результатом человеческой мудрости, которая предвидит и имеет в виду всеобщее богатство, к которому оно ведет»¹; оно должно поэтому вытекать из некоторого универсального и естественного принципа, подобно тому принципу, который заставляет людей в условиях любого климата и любой почвы есть хлеб в поте лица своего. Смит объясняет разделение труда *инстинктивной склонностью к обмену*, но оно, я полагаю, имеет более очевидный источник происхождения, и если правильно подойти к вопросу, этот источник предстает перед нами в качестве примера тех многочисленных, прекрасных и простых предначертаний, при посредстве которых природа как будто бы позаботилась о непрерывном процветании человеческого рода, доказывая, как говорит г-жа Марсэ, «что рука Providence, которую мы обычно привыкли обнаруживать, главным образом, в естественном (материальном) мире, обнаруживается не в меньшей степени и в мире нравственном».

¹ «Wealth of Nations», book I, chap. I.

ГЛАВА V

ПРИЧИНЫ, ВЫЗЫВАЮЩИЕ И ОГРАНИЧИВАЮЩИЕ РАЗДЕЛЕНИЕ ТРУДА

Разделение труда между полами. — Равличие возрастов, талантов и склонностей. — Разделение труда возникает из различий в организации общества. — Дальнейшее разделение труда, вызываемое этой причиной по мере развития общества. — Оно не возникает из обмена. — Необходимость обмена. — Границы разделений труда. — Емкость рынка тождественна с численностью рабочих. — Разделение труда растет вместе с размножением человечества. — Д-р Смит придерживается аналогичного же мнения. — Это положение иллюстрируется Англией, Россией и Америкой, усугубленное ванными средствами сообщения. — Современное положение рабочего не может служить доказательством, что вместе с ростом населения его производительная способность не возрастает. — Ирландия — очевидное исключение. — Все причины ее бедности сводятся к плохому управлению. — Изложенная здесь доктрина не противоречит принципам г. Мальтуса.

Хотя нам известно, что в некоторых стадиях общества каждый отдельный человек делает для себя почти все то, в чем он нуждается или что он потребляет, становясь, поскольку диктуют обстоятельства, рыболовом или охотником, строя свою собственную хижину, сооружая свой собственный чели или изготавляя грубые орудия, которыми он в дальнейшем пользуется, однако, вероятно, не существует такой стадии общества, в которой не было бы разделения труда между полами. Оно осуществляется и должно осуществляться начиная с того момента, как появляется семья. Даже среди самых варварских племен *война* — исключительное занятие мужчин, и мужчины в общем главные охотники и рыболовы. Мужчина берет на себя одного опасности охоты, он один пользуется ее радостями, а женщина работает в хижине и возле нее. Различие занятий между полами можно проследить во всех обществах, в каждом периоде развития человечества и в истории любого народа, будет ли она вымышленной или подлинной. Как в современную эпоху, так и в древние времена, как в наиболее цивилизованных, так и в самых варварских обществах мы видим, как правило, что мужчины берут на себя работу вне дома и оставляют на долю женщины большую часть домашних занятий. Это первоначальное разделение труда вытекает из полового различия организмов, и оно имеет своей основой различия нашего физического устройства, различие родительских обязанностей, возложенных на каждый человеческий пол, и существует с тех пор, как существует человеческий род.

Склонность полов к различным занятиям представляет собой только пример более общего принципа, согласно которому каждое данное человеческое существо по условиям возраста, здоровья, телесных и умственных сил лучше другого человеческого существа приспособлено к определенной профессии. В современной стадии общества часто случается, что человек бывает вынужден в силу своего общественного положения и, главным образом, в силу соображений об имущественных выгодах своих детей обучать их своей собственной профессии; но там, где есть свобода выбора, предварительно изучается пристрастие юноши к определенным занятиям и учитываются его желания, раньше чем связывают его на всю жизнь. На детей никогда не взваливается работа, какую выполняют взрослые люди, а престарелые и слабые люди выполняют работы, которыми пренебрегают молодые и сильные. У тех людей, которые не различаются ни полом, ни возрастом, ни силой, мы находим особенности характера, побуждающие каждого из них предпочтительно выбирать ту или иную специальность. «Таланты и склонности человека, — говорит г. Шторх, также не разделяющий учение, считающее, что обмен дает толчок разделению труда,— настолько различны, что мы не знаем ни одного общества, как бы малочисленно оно ни было, в котором не замечалось бы их разнообразия. Каждый человек посвящает себя предпочтительно тому занятию, к которому он имеет склонность, и если каждый следует своей *природной склонности*, то устанавливается разделение труда»¹.

«В охотничьем или пастушчьем племени, — говорит д-р Смит, признавая сам этот принцип, — один человек выделяет, *например*, луки и стрелы с большей быстротой и ловкостью, чем какой-либо другой. Он часто выменивает их у своих соплеменников на скот или дичь; в конце концов он видит, что может таким путем получать больше скота и дичи, чем если сам будет заниматься охотой. Соображаясь *со своей выгодой*, он делает из выделки луков и стрел свое главное занятие и становится, таким образом, своего рода оружейником. Другой выделяется своим умением строить и покрывать крыши маленькие хижины или шалаши. Он привыкает помогать в этой работе своим соседям, которые вознаграждают его таким же способом — скотом и дичью, пока, наконец, он не признает выгодным для себя целиком отдаваться этому занятию и сделаться своего рода плотником. Таким же путем третий становится кузнецом или медником, четвертый — кожевником или дубильщиком шкур и кож, главных частей одежды дикарей»².

Этот принцип действует в условиях развитого общества так же, как и на первых ступенях общественного развития, и мы ощущаем его результаты ежедневно. Некий г. Ле Ман, например, находит, что он проводит владеет искусством производства бисквитов, и он ограничивает свою деятельность этим видом кондитерских

¹ «Cours d'Economie Politique», t. I.
² «Wealth of Nations», book I, chap. II.

изделий. В нашей столице имеется большое количество людей, которые стали кузнецами, плотниками или краснодеревщиками. Считая, что они могут лучше других изготавливать некоторые специальные виды инструментов, орудий или мебели, они занимаются исключительно изготовлением этих изделий. Некоторые хирурги, хотя и проходят долгий курс обучения, необходимый для их профессии во всех ее областях, все же занимаются исключительно лечением зубов, другие — только лечением глаз, а третий посвящают все свое искусство органу слуха. Различия пола, возраста, физических и умственных способностей или различия в организации общества являются главным источником разделения труда, и различия эти с прогрессом общества постоянно расширяются вследствие разницы вкусов, склонностей и талантов отдельных лиц и различия их способностей к всевозможным видам занятий. Бесчисленные преимущества разделения труда санкционируют и утверждают их. Эти обстоятельства являются более очевидной причиной их происхождения, чем предположение о наличии какой-то скрытой склонности к обмену. И действительно, обмен является следствием, а не причиной разделения труда, и разделение труда должно было уже существовать раньше, чем эта инстинктивная склонность, если она вообще существует, могла быть вызвана к жизни.

Впрочем, если бы существовало отрицательное отношение к обмену, если бы люди, посвящая себя одной профессии, не облегчали бы тем самым удовлетворение своих потребностей по сравнению с тем положением вещей, когда каждый должен сам изготавливать всякий предмет, в котором он нуждается, если бы они не могли обмениваться продуктами различных видов своего труда между собою, — то разделение труда не могло бы выйти за пределы приспособления различных членов одной и той же семьи к различным занятиям, при посредстве которых они обеспечивают семью средствами существования и удобствами. Если, например, производитель гвоздей или производитель булавок не находит никого, кто дал бы ему за гвозди или булавки хлеб и мясо, то он должен или умереть с голода, или, отказавшись от своего исключительного занятия, взяться за производство хлеба и мяса. Поэтому мена, или взаимный обмен продуктами, производимыми каждой из различающихся друг от друга групп рабочих, необходим для разделения труда, он должен быть в равной мере выгоден для каждой из этих групп.

Границы разделения труда определяются, согласно большинству политico-экономов, двумя обстоятельствами, а именно размером рынка и природою различных занятий. Так как разделение труда является единственным естественным источником увеличения производительной способности, то нам очень важно основательно изучить его естественные границы. Я намерен поэтому сказать несколько слов о каждом из этих обстоятельств.

Я полагаю, что выражение «размер рынка» большинству людей кажется неясным. В действительности же оно означает не что иное, как желание большего или меньшего числа людей, обладающих продуктом своего собственного труда или труда других людей,

которые они могут предложить в обмен за желательный для них товар, приобрести товар, для которого, как говорится, имеется рынок. Рынок не состоит из ртов, которые надо кормить, или из спин, которые надо покрывать, он заключается поэтому не просто в потребителях, но и в том, что каждый рабочий должен быть в состоянии продавать продукт своего собственного труда и таким путем приобретать то, что ему желательно из продукта труда других людей. Сапожник, например, обменивает сапоги на деньги, а за деньги он покупает хлеб, мясо, пиво и одежду. Таким же образом пекарь, мясник, пивовар и портной, каждый из них продает свои продукты за деньги, а на деньги покупает продукт труда других названных рабочих, включая и продукт труда сапожника. Если бы сапожник, пекарь, мясник, пивовар или портной не могли приобретать продукты других рабочих путем продажи своего собственного продукта, то или у людей отсутствовало бы желание производить сапоги, хлеб, пиво и платье, или каждый рабочий должен был бы все это производить для самого себя. Желание получить продукт труда других лиц (причем деньги являются здесь лишь посредствующим орудием обмена) и уверенность, что с помощью денег могут быть приобретены другие товары, являются у каждого из этих рабочих тем мотивом, в силу которого он ограничивает свою деятельность одной профессией. Таким образом, товар, произведенный одним рабочим, например, сапоги, образует в действительности и в конечном счете рынок для товаров, произведенных другими рабочими; и они и их продукты образуют взаимно рынок друг для друга. Но с увеличением числа рабочих или с ростом их производительной способности все товары, являющиеся продуктом труда, должны быть в изобилии. Поэтому емкость рынка определяется численностью рабочих или их производительной способностью, но скорее первой, чем последней, потому что потребности каждого отдельного человека ограничены, и если бы количество рабочих не увеличивалось, то не было бы ни мотивов, ни способов для увеличения производства. Если это является правильным пониманием выражения «емкость рынка», то мы сразу отодвигаем бесконечно далеко этот предел для разделения труда. Он совпадает с количеством рабочих, общющихся друг с другом, и для этого количества мы не можем предвидеть или установить какие-либо мыслимые границы.

Во избежание недоразумений необходимо здесь же отметить, что на современной стадии общества богачи, которые не работают, являются действительными и непосредственными покупателями у большинства торговцев, и обычно считается, что они создают рынок для товаров, производимых рабочими. Но каким образом те, кто не работает, платят за то, что они потребляют? Всякое богатство, включая золото и серебро, — продукт труда, и те, кто не работает, не могут заплатить своим торговцам ничем иным, кроме как продуктом труда. Они поэтому получают, обладая фактически законом на это право, продукт труда некоторых рабочих и этим продуктом труда расплачиваются с торговцами. Но если бы они не предъявили притязаний на этот продукт, рабочие обладали бы

гораздо большей частью продукта, и каждая из любых двух групп рабочих, мясник и пекарь, например, получала бы продукт другой группы по более дешевой цене. Тогда взаимный обмен между рабочими имел бы более обширные размеры — соответственно расширился бы рынок, увеличилось бы разделение труда.

Соответственно этому объяснению вышеприведенной фразы разделение труда может быть расширено по мере того, как увеличивается численность рабочих или населения вообще, что является причиной постоянного и бесконечного расширения разделения труда. Если бы существовал только один человек, он должен был бы, подобно Робинзону Крузо, сам удовлетворять все свои нужды, и тогда не было бы разделения труда. Однако при наличии двух человек разделение труда могло бы начаться, оно могло бы расширяться при росте населения и не могло бы расширяться, если бы население не возрастало. Если бы народонаселение оставалось стационарным, то различные вкусы отдельных лиц, их различные склонности к различным занятиям, даже изобретения и открытия могли бы лишь вызвать изменение в занятиях, но не дальнейшее разделение труда. Подобного рода условия существуют в Азии так же, как и в Европе, однако как численность населения, так и разделение труда, повидимому, остаются неизменными и тут и там. В следующей цитате д-р Смит отчетливо указал на рост числа рабочих как на причину расширения разделения труда: «...Число рабочих в каждой отрасли промышленности обыкновенно возрастает с разделением труда в этой отрасли или, точнее, именно *увеличение их числа позволяет им, таким образом, подразделять и группировать себя*»¹.

Для иллюстрации этого принципа я могу указать на то, что разделение труда более развито в плотно населенных странах подобно Англии; в промышленности продукты, обладающие долговечностью, всеобщей полезностью и легко перевозимые, имеют обширный рынок независимо от того, много или мало лиц живет в той местности, где они производятся. В начале последней главы было упомянуто, что продукция Англии была больше или имела большую стоимость, чем продукция России и Соединенных Штатов Америки, и хорошо известно, что в этих странах разделение труда не так развито, как в Англии. В отношении России мы имеем свидетельство г. Шторха, который долго жил в этой стране². В некоторых частях Америки каждый человек должен быть мастером на все руки. Он должен посыпать свое зерно за двадцать миль, для того чтобы его смолоть, он должен ходить за получением медицинской помощи или отправляться в поиски плотника для ремонта своего дома или он сам должен быть фермером, мельником, доктором и плотником.

Приблизительно подобным же образом в отдаленных деревнях Англии или Шотландии один человек производит все работы по де-

¹ «Wealth of Nations», book II, Introduction.

² «Cours d'Economie Politique», book I, chap. VIII.

реву, а другой изготавливает все предметы из железа, тогда как в населенных районах и в наших больших городах профессии плотников и кузнецов подразделяются на многие отрасли. В деревенских местностях лавочник торгует всеми товарами, которые требуются для населения, и с трудом зарабатывает на жизнь, тогда как в нашей столице возникли княжеские состояния путем торговли одной только ветчиной или сапожной ваксой. Производство булавок, которые легко перевозятся, почти не подвержены порче и имеют широкое применение, было взято в качестве примера, чтобы показать, до каких размеров может быть доведено разделение труда. Ножи, часы и другие металлические изделия, которые подобно булавкам обладают всеобщей полезностью и легко перевозятся, имеют обширный рынок сбыта, и в предприятиях, где производятся эти изделия, разделение труда почти неограниченно; закалка и полировка часовых пружин и закалка ножевых лезвий составляет исключительное занятие отдельных лиц.

Улучшенные способы связи, как железные дороги, паровые суда, каналы и вообще все средства, которые облегчают сношения между отдаленными странами¹, приводят в отношении разделения труда к тем же самым результатам, как и реальное увеличение количества населения; они приводят к тому, что большее число рабочих обивается друг с другом и что обменивается большее количество продуктов. С этой точки зрения открытие Америки и современное применение пара в судоходстве привели к важным последствиям. «Хлопчатобумажную фабрику, — говорит г. Мак-Куллох, — нельзя было бы построить в небольшой стране, которая не находится в сношениях с соседними странами. Как спрос Европы и Америки, так и их соперничество были необходимы, чтобы привести фабричную и заводскую промышленность Глазго, Манчестера и Бирмингема к ее теперешнему состоянию процветания»².

Вывод из этих замечаний тот, что разделение труда определяется лишь численностью рабочих и что с увеличением их численности оно стремится к постоянному и безграничному расширению. Труд есть единственный источник богатства, и даже если бы производительная способность отдельных рабочих не была способна к росту, то все же вместе с увеличением количества рабочих возрастали бы и вызванные к жизни силы, в изобилии оплодотворяющие страну. Но я показал, что увеличение числа рабочих неизбежно ведет также к росту запасов и к расширению разделения труда. Следовательно, с увеличением числа рабочих производительная способность общества растет в сложной пропорции к этому увеличению, умпоженной на результаты разделения труда и увеличение знания. Я боюсь, что, в то время как бедность трудящихся классов обще-

¹ Здесь стоит несколько остановиться, чтобы напомнить читателю, что эти средства, облегчающие сношения, являются следствием изобретений и открытий; такие изобретения вызывают, таким образом, разделение труда, не только создавая новые занятия, но и приводя к общению большее количества человеческих существ между собой.

² «Principles of Political Economy», p. 91.

ства обычно приписывается их слишком быстрому размножению, — и возможно, что правильно приписывается, когда это увеличение соотносится лишь с потребностями капиталистов в услугах рабочих, — трудящимся классам общества нелегко будет поверить, что это огромное увеличение их производительной способности — результат увеличения их численности. Почему рабочие не признают выгод, проистекающих из огромного увеличения их производительной способности, почему, если природа как будто бы позабылась о постоянном процветании общества, один класс общества испытывает неописуемые и никогда не прекращающиеся бедствия, а другой класс — вечные опасения за свое богатство; как это случилось, что весь продукт, порожденный возросшим мастерством и знанием, попадает во власть жадного лендлорда, капиталистаростовщика, разнузданных креатур и разнузданных приверженцев разнузданных правительств, которые умножают свое богатство до огромных размеров, увеличивают число праздных членов общества и задерживают общественный прогресс, препятствуя разделению труда и прогрессу знаний, — все это должно быть объяснено, если вообще может быть объяснено, в последующей части этого произведения. Я только упомянул теперь об этом, чтобы показать читателю, что действительная бедность рабочего не является аргументом против принципа, который я пытался установить. Напротив, увеличивающиеся из года в год огромные доходы, собираемые нашим правительством, громадные и все возрастающие суммы, ежегодно выплачиваемые лицам, которые притворяются служителями милостивого бога, растущее богатство капиталистов и ежегодно возрастающие доходы землевладельцев — все эти средства, получающиеся из годового продукта труда, представляют собой неоспоримое доказательство того огромного увеличения производительной способности, естественным основным источником которого является рост численности рабочих. Если в последнее время столько писалось против принципа народонаселения, то утешительно найти некоторые обстоятельства, которые подобно разделению труда и увеличению знания связаны с этим принципом и, повидимому, могут снять с мудрых мероприятий природы упрек, брошенный близорукими и извращенными теориями заинтересованных лиц, ибо эти обстоятельства дают нам основания предполагать, что в них заключается, по крайней мере, соответствующая компенсация за то увеличение трудностей в добыве средств существования, которые являются, по словам многих экономистов, необходимым результатом увеличения численности человеческого рода.

Из этой утешительной точки зрения имеется одно несомненное исключение, которое, если нельзя было бы его объяснить ссылкой на нейтрализующие социальные причины, заставило бы нас усомниться в правильности нашего объяснения. Ирландия является одной из наиболее плотно населенных стран в Европе и страной, в которой население добилось удивительнейших успехов. Все же в настоящее время Ирландия обращает на себя внимание невежеством

и бедностью большинства своего населения. Однако это является лишь кажущимся исключением. Мы узнаем от поэта Спенсера и от сэра Джона Дэвиса, которые являются неоспоримыми авторитетами, что в царствование Елизаветы ирландцы были совершенно дикими. Когда жил и писал Свифт, они были немногим лучше и, конечно, еще более бедны и несчастны, хотя не так многочисленны, как в настоящее время. Действительно, со временем царствования Елизаветы их положение значительно улучшилось, но благодаря своему особому языку, а еще больше благодаря политическим условиям они были отрезаны от свободного сношения с остальным населением империи, даже с той частью своих номинальных соотечественников, которая говорит по-английски и господствует над ними. Ввиду всего этого их торговля и промышленность были уничтожены заистливыми соперничеством Англии, и католики Ирландии, исповедуя религию, которую правящая партия объявила вне закона, не преуспевали в такой же мере, как английские и протестантские обитатели империи. Если я, однако, показал, что всякое увеличение количества голов и рук естественно увеличивает производительную способность; если не может быть сомнения в том, что благодаря росту народонаселения расчищаются леса Америки и улучшаются земледелие и промышленность Британии; если это увеличение населения разливает потоки цивилизации по всему Новому Свету от Атлантического до Тихого океана и улучшает ремесла, хотя, быть может, и не улучшает благосостояние рабочего в Старом Свете; если оно является источником счастья в Америке, где семья для тех, кто хочет работать, чтобы ее содержать, — не проклятие, а, как это предназначено природой, благословение, — то увеличение населения не может быть источником бедности, нищеты и несчастья в Европе. Поэтому мы или должны отбросить всякую мысль как об единстве цели в мироздании, так равно и об единстве принципов, управляющих нравственным миром, или мы должны иметь другие причины бедности и мучений, от которых страдают рабочие Европы вообще, а рабочие Ирландии в особенности, а не тот принцип, в силу которого человек размножается на земле и превращает материальные элементы в орудия и служителей своей воли.

В отношении Ирландии нам не приходится искать эти причины. Они у всех на виду; и когда нам предъявляется требование сделать выбор между волей провидения и человеческими установлениями, — подобно тому как ежедневно и на практике населению этой страны предъявляются такие же требования по вопросам, которые всех нас глубочайшим образом интересуют, вроде того, чтобы подчиниться пасильственной эмиграции, или по вопросу об ежегодных взносах на содержание большой постоянной армии, чтобы держать ирландцев в покорении, — то мы не можем колебаться в выборе того, что следует осудить. С каким бы уважением мы ни относились к человеческим учреждениям, которые следует неукоснительно почитать, нам никако не изказать или оклеветать нравственный порядок вселенной.

Признают, что ни одна страна в Европе, хотя бы в общем плохо

пой опеке, не пережила со временем царствования королевы Елизаветы столь много грабежей и столь жестокие притеснения, как Ирландия. В течение ряда лет в быстрой последовательности конфискация следовала за конфискацией, и вся собственность страны неоднократно переходила из рук в руки. Королевство было захвачено двумя партиями, боровшимися за власть, и представляло собой постоянную арену борьбы. Если внутренняя расприя, которая, можно сказать, и в настоящее время едва ли улеглась, прекратилась, то это произошло только благодаря могуществу Англии, поддерживающей меньшинство в захваченных ею владениях. Ирландцы были побежденным народом, они всегда рассматривались как побежденный народ, и с ними соответственным образом обращались англичане — хозяева земли — и английское протестантское правительство. Они не обладали никакой иной привилегией, кроме как привилегией содержать на свои средства собственных священников, а в добавление к этому были вынуждены содержать иерархию наиболее расточительную и самую бесполезную из всех иерархий, когда-либо грабивших людей именем милосердного бога, и доведившую до невежества и нищеты¹ всех тех, кого она претендовала просвещать и совершенствовать. Их лендлорды были во многих случаях им неизвестны, и ирландцы, не носившие названия рабов, — обстоятельство, которое могло бы пробудить к ним милосердие, — без права апелляции и без защиты были безжалостно отданы на произвол клуба оранжистов, штыка солдата, гнета посредника и церковных судов, взимавших десятину. Они не имели заступников. Законы издавались против них их угнетателями и в пользу этих угнетателей. Злоба и ненависть проникали во все сердца, и Ирландия стала ареной анархии. Когда и страсти, и разум, и время всех классов общества были, таким образом, поглощены тем, чтобы удержать захваченную власть, или тем, чтобы ускользнуть от нее и бороться с ней, не было возможности для улучшения положения. Стремление основывать фабрики и развивать торговлю проявлялось, но оно подавлялось завистливой политикой Англии. Не входя в детальное рассмотрение влияния уголовных законов против католиков, ограничений, введенных нашей законодательной властью по отношению к торговле Ирландии, а также и того обстоятельства, что народ должен был содержать две расточительные церкви, тогда как, вообще говоря, одной было вполне достаточно, для того чтобы задержать естественный прогресс в процветании народов, вполне очевидно, что причины невежества и бедности ирландцев целиком относятся к тому роду причин, которые я называл социальными и которые все могут быть выражены одним всеобъемлющим выражением: *плохое управление*.

Если, указав на естественные последствия роста населения, мы сняли с мирового порядка упрек в том, что он ведет к невежеству и себялюбию, то мы тем самым оказались в состоянии более правильно оценить те последствия, к которым приводят общественные учреждения. Многочисленное население Ирландии, вместо того чтобы согласно велениям природы быть источником силы и богатства и в со-

ответствии со своей численностью увеличивать производительную способность, представляет собой серьезное бедствие для всей империи. Ирландские рабочие в настоящее время низводят до своего собственного уровня нищеты и невежества население нашей страны, которое служило орудием их деградации. Поэтому плохое управление до основания отравляет естественный источник здорового существования и приводит к тому, что жизнь становится наполненной страданиями и мучениями. Под его убийственным дьявольским влиянием естественный принцип народонаселения — начало всякого национального величия в настоящем и залог национального могущества в будущем — несет с собой лишь нищету и несчастья, постоянно угрожая бедствиями в настоящем и неизбежно ведя к потрясениям в будущем.

Читатели заметят, что я только отмечаю здесь естественные последствия увеличения человеческого рода в отношении *производительной способности*, не касаясь того влияния, которое может оказать на *распределение богатства* увеличение какого-либо класса общества. Однако до сих пор увеличение численности рабочих обычно рассматривалось, главным образом, именно с точки зрения распределения богатства. Принцип, который я пытался здесь установить, состоит в том, что увеличение числа рабочих, включая как тех, которые работают головою, так и тех, которые работают собственными руками, естественно и неизбежно способствует изучению ремесел, создающих богатство, и расширяет разделение труда. Г-н Мальтус и другие писатели утверждают, что увеличение количества рабочих по сравнению с суммой прибыли, которую капиталист — он также может быть или не быть рабочим — может надеяться заработать на их труде, а следовательно, по сравнению с количеством работы, которое он может им предоставить или он им предоставит, неизбежно приводит к снижению заработной платы и к ухудшению положения рабочего. Оба эти утверждения могут быть верны, ибо они не противоречат друг другу, но смешение их приводит, по-моему, ко многим ошибочным выводам. Сентиментальные люди придерживаются лишь развитого здесь взгляда; политики-экономисты ограничиваются рассмотрением отношений между трудом и капиталом. Г-н Мальтус указывает на последствия, которые влечет за собой увеличение числа рабочих: оно уменьшает долю, получаемую каждым в отдельности из годового продукта. Он при этом исходит из того взгляда, что количество продукта, которое должно быть *распределено* между ними, представляет определенную величину, которая ни в коем случае не определяется производимым ими в течение года количеством; я же пытаюсь только описать то действие, которое это увеличение оказывает на производительную способность всего общества.

ГЛАВА VI

ТЕРРИТОРИАЛЬНОЕ РАЗДЕЛЕНИЕ ТРУДА, ГРАНИЦЫ РАЗДЕЛЕНИЯ ТРУДА, ОБУСЛОВЛЕННЫЕ ПРИРОДОЙ ЗАНЯТИЙ

Границы разделения труда, обусловленные природой различных занятий.—Они постоянно расширяются благодаря изобретениям и открытиям.—Границы разделения труда в земледелии зависят от территориального разделения труда.—Объяснение территориального разделения труда и иллюстрации.—Территориальное разделение труда возникает из естественных условий.—Обмен необходим для широкого развития территориального разделения труда.—Он не находится ни в какой связи с политическим делением мира.—Влияние земледелия на ограничение территориального разделения труда.—Разделение труда не является причиной бедности и вырождения рабочих.—Влияние социальных установлений на разделение труда.

Другой границей разделения труда, к рассмотрению которой я теперь перехожу, является природа различных занятий. Казалось бы, например, что в токарном деле разделение труда не может уже дальше развиваться, что когда подлежащая обработке или полировке болванка быстро вращается перед инструментом, то применение напильника или резца должно составлять исключительное занятие одного человека. Однако с развитием знаний новые изобретения во многих ремеслах постоянно отодвигают эту очевидную границу все дальше и дальше. Изготавливаются машины, приводящие в движение как напильник, так и резец и заставляющие вращаться болванку, и вся работа токаря сводится к регулированию его машины. Такие изобретения на первых порах усложняют известный род занятий сравнительно с его предшествовавшим состоянием или, по крайней мере, позволяют одному человеку выполнять те некоторые части производительной операции, которые раньше выполнялись двумя или тремя лицами; но с прогрессом общества каждая из этих обособленных частей опять становится исключительным занятием какого-нибудь отдельного лица. Применение паровых машин при работе на ткацких станках позволяет одному человеку совершать работу многих лиц или соткать столько ткани, сколько ручным станком могут соткать три или четыре человека. В этом заключается усложнение этого занятия. Но если предоставить вещи их естественному ходу, то это усложнение вновь приведет к разъединению операций, и в короткий срок делом нескольких пар рук будет то, что теперь выполняется одной парой рук. Различные ча-

сии ткацких станков и паровых машин, которые в настоящее время, вероятно, все производятся одним лицом или несколькими лицами, будут по мере возрастания спроса производиться каждой в отдельности разными лицами, и производство каждой из этих различных частей станет обособленным и отдельным занятием. Применение механической силы к ткацкому инструменту будет другим занятием, и в действительности все занятие ткача будет заключаться в наблюдении за работой машины, которая создается и приводится в движение при посредстве почти бесчисленного количества отдельных рабочих. Поэтому во многих отраслях в результате новых изобретений мы находим постоянное усложнение и последовательное упрощение производственных процессов, совершаемых отдельными лицами, или непрерывное возобновление поводов для дальнейшего разделения труда.

Следует, быть может, отметить, что этот благотворный результат — необходимое следствие изобретения и применения машин. Благодаря их применению пища и одежда производятся с меньшим трудом, а когда общее количество труда не уменьшается, то производится больше пищи и одежды. Когда имеется больше пищи и одежды, то растет также и население, увеличивается спрос или расширяются рынки и происходит дальнейшее разделение труда.

Эта граница разделения труда, которая возникает из природы занятий и, повидимому, неопределенно и постепенно раздвигается, привела некоторых теоретиков или к ошибочному пониманию явлений общественной жизни, или же к соблазну сознательно представить их в ложном свете. Указывают, что эти границы достигаются в земледелии скорее, чем в других отраслях, что дает основание тем, кому нравится преуменьшать превосходство непонятых ими явлений, утверждать, что рост средств существования не может происходить так же быстро, как рост населения. «В то время, как римляне совсем не знали многих наших ремесел, их земледелие, говорят, было таким же, как и у нас». «Хлебные злаки, — говорилось также, — могут возделываться так же дешево или даже дешевле как в неразвитых, так и в развитых странах»¹. Земледелие может быть названо главным насущным занятием, так как оно является тем занятием, посредством которого мы получаем большую часть нашей пищи, а также сырье материалы для большей части фабричной и заводской промышленности. Воздерживаясь в настоящее время от рассмотрения вопроса о предполагаемой дешевизне обработки земли в перервенных странах, я обращаю внимание читателя на некоторые другие обстоятельства, которые оказали будто бы совершившо такое же, если не большее, влияние на задержку прогресса в земледелии, какое естественная граница оказала на разделение труда в этом важном занятии. В виде предварительного шага я должен отнести к этим обстоятельствам то, что политико-экономы называют *территориальным* разделением труда.

¹ Относительно этих утверждений отсылаем читателя к произведениям д-ра Смита, г. Шторха и тех экономистов, которые довольствовались повторением доистории своих великих учителей.

Независимо от различных склонностей и способностей у работников, приводящих к рассмотренным уже видам разделения труда, существуют, если так можно выразиться, различные склонности и способности также и у естественных орудий, при помощи которых люди работают. Разнообразие почвы, климата и местоположения, особенности самопроизрастающих произведений земли и минералов, содержащихся в ее недрах, приспособляют известные местности к определенным занятиям. В одном месте вечно сияющее солнце дает превосходный виноград, апельсины, гранаты, аванасы и другие восхитительные фрукты; в другом месте постоянная влажность приводят к росту трав в большом изобилии и предоставляет большие возможности для разведения и откармливания скота и для производства масла и сыра. В плодородных равнинах хлебные злаки представляют собой роскошные всходы, а в горах, где хлебные злаки не произрастают, имеются превосходные пастбища. Расположившись у берега реки или у морского побережья, человек становится рыбаком, тогда как, если его родная страна дика, гориста и покрыта лесом, он становится охотником. Такое различие занятий, обусловленное особенностями местоположения, встречается на ранней стадии общества и продолжается во всех дальнейших периодах его развития. В настоящее время, как и в отдаленной древности, мы находим, что жители Голландии и всего побережья Северного моря являются искусными рыболовами и моряками, тогда как швейцарцы и тирольцы, как и на заре своей истории, продолжают и теперь быть предпримчивыми любителями всякого рода спорта и охотниками. Пенька или лен были самопроизрастающими растениями до того, как было впервые произведено полотно, и надо было иметь в изобилии овец, прежде чем могло быть произведено сукно. Та страна должна была стать богата рудой, где впервые была открыта обработка металлов, и необходимо было изобилие руды, чтобы какая-нибудь страна подобно Великобритании могла иметь большое количество рудокопов, литейщиков, ножевщиков и кузнецов. В результате наличия этих естественных различных известные занятия не могут применяться в некоторых местах, тогда как в других местах природа приковывает к ним внимание своего питомца — человека. Различные занятия и различные виды обработки земли, которые связаны с естественными особенностями различных климатов и местоположений, называются *территориальным разделением труда*.

Следуя в этом отношении велениям законов природы, мы должны сказать, что взаимный обмен продуктами различных областей или различных занятий, для развития которых данные природные особенности благоприятны, так же необходим, как и мелкий торг необходим при разделении труда среди отдельных лиц. Территориальное разделение труда, впрочем, должно существовать независимо от того, происходит ли этот обмен или нет. Некоторые занятия могут процветать только в известных условиях местоположения, а некоторые продукты могут быть получены лишь при известных особенностях почвы и климата. Если жители областей, где

имеются благоприятные особые условия, не будут взаимно обмениваться соответствующими своим продуктами, то выгоды, которые достанутся каждому из этих жителей, ограничатся тем, что может быть создано их собственной искусственностью при данных особых обстоятельствах. Поэтому, для того чтобы жители различных областей могли лучше удовлетворять свои потребности, они должны производить этот взаимный обмен. Подобно разделению труда среди отдельных лиц, территориальное разделение труда естественно и необходимо вырастает из сознания его выгодности, и взаимный обмен различных продуктов, вытекающий из этого естественного принципа, выгоден для всех.

Этот вид разделения труда не подвержен стеснению и не ограничивается и ни в коей мере не связан с политическим разделением человечества на различные народы. Так, большой винодельческий район в Европе, простирающийся от 47° широты до южных окраин этого континента, заключает в своих границах часть Германии, большую часть Франции, Испании, Португалии и Италии за исключением Англии, Швеции и Дании и всех государств к северу от этой широты. С другой стороны, в каждом из этих политических подразделений земного шара мы находим такие районы, как берега Рейна и золотистая долина Тюрингии в Германии, как берега Роны и Гароны, равнины Нормандии и Пикардии во Франции, из которых первые специально приспособлены для разведения виноградной лозы, а последние — для возделывания пшеницы; и сомнительно, могли ли бы жители этих районов производить и вино и хлеб, если бы каждый из них не ограничил свои усилия производством тех продуктов, которыми они взаимно обмениваются и для которых соответствующие страны наиболее приспособлены. Но совершенно достоверно, однако, что, поступая таким образом, — что они в действительности охотно и добровольно делают, — они при меньшей затрате труда получают значительно больше хлеба и вина, чем получали бы, если бы жителям каждого района пришлось возделывать и то и другое.

В нашей стране — политически организованном государстве Великобритании — встречаются бесчисленные примеры территориального разделения труда. Например, районы, которые изобилиуют углем, являются центрами наших наиболее важных и ценных отраслей промышленности, тогда как возделывание хлебных злаков производится с большим успехом в Норфорке, Сеффолке и Кембриджшире. Возделывание хмеля сосредоточено вблизи Кента, Сассекса и в некоторых местах Герфордшира и Ворчестершира. Богатые равнины Чешира и Глостершира снабжают нас сыром, который никогда не производится в Кенте и Сассексе, и жители этих различных районов находят более выгодным возделывать или производить только эти специальные продукты, а то, что они не производят, они покупают у жителей местностей с иной почвой и другим климатом.

Может быть, лучшим доказательством влияния указанных мною естественных преимуществ на местонахождение занятий являются

те изменения, которые произошли почти в течение последнего столетия в железной промышленности нашей страны. Еще теперь старожилы помнят, что в Кенте и Сассексе, богатых строевым лесом — видом топлива, который прежде больше всего употреблялся и считался пригодным для производственных целей, имелись весьма значительные предприятия как по железу, так и по шерсти, но в настоящее время в этих местах такого рода предприятий не существует. Железная ограда вокруг собора святого Павла, говорят, была сделана в лесах Кента, где теперь нет и следа плавильни или горна¹. С тех пор как стали широко пользоваться углем, все эти предприятия из лесных районов перешли в угольные районы, лишив прежние районы всякой надежды на свое возвращение. Уголь обладает столькими преимуществами, что те части Англии, которые богаты углем или куда он легко доставляется, являются теперь главным центром всей нашей промышленности. Народонаселение и богатство этих частей Англии возросли гораздо быстрее, чем в остальных частях империи, в особенности сравнительно с теми, которые исключительно занимаются земледелием. Любопытной иллюстрацией того принципа, что труд, а не земля, создает богатство, является то обстоятельство, что черные минералы, находящиеся в недрах земли, полезность которых, даже если их и находили, еще несколько столетий тому назад была неизвестна, превратились, таким образом, рукою человека в источник богатства и счастья, более изобильный, чем наиболее плодородная почва.

Если теперь опять перейдем к вопросу о разделении труда в земледелии, то станет очевидным, что оно зависит от того, использует ли земледелец наиболее выгодным образом различные естественные свойства почвы. Для того чтобы это по возможности было осуществлено, продукция различных климатов и почв должна свободно и неограниченно обмениваться между собой. Если, например, ячмень из Норфолка не будет обмениваться на хмель из Кента, то фермеры в обоих графствах должны будут разводить как хмель, так и ячмень,—иначе ни те ни другие не будут иметь пива. Запрещение обмена вызвало бы усложнение труда в обоих случаях. Но с тех пор как человек подчинил свою судьбу управлению одного или нескольких лиц, законодатель, для которого существуют только политические различия, всегда и повсюду вводил ограничения сношений, которые, не будь его вмешательства, могут установиться и установились бы между жителями различных районов и климатов. И никогда вследствие этих ограничений земледелец не обладает возможностью проводить в своей отрасли разделение труда в такой мере, чтобы это в общем было выгодно. Эта точка зрения подтверждается различной степенью прогресса в области земледелия в разных странах Европы.

¹ В деревушку Горсмонден, известной теперь только своим хмелем и красивыми пейзажами, есть большое озеро, которое носит до сегодняшнего дня название «Фэрнес Понд». Около озера была сделана упомянутая железная ограда. Кроме обыкновенного кузнеца теперь нельзя встретить ни в Горсмондене, ни в соседних деревнях ни одного рабочего по металлу.

Вплоть до французской революции, когда во Франции были отменены многочисленные ограничения во внутренней торговле, когда во всех провинциях был впервые установлен единообразный налог, не было такого района в Европе, обладавшего такими же размерами и такой же численностью населения, как Великобритания, а в настоящее время, за исключением Франции, нет такого района в Европе, — безразлично образует ли он одно политически организованное государство или нет, — где бы жители пользовались такими же свободными и неограниченными торговыми сношениями, как в Англии. Д-р Смит, с одной стороны, приписывает сравнительно сильное процветание Англии свободе внутренней торговли, а с другой стороны, он приписывает гибель как промышленности, так и земледелия Испании ограничениям, установленным во внутренней торговле¹. В Англии благодаря свободе наших внутренних сношений различные виды *культур*, соответствующие различным почвам, лучше осваиваются и лучше прививаются, чем во всякой другой стране Европы. В Испании и Германии продукция различных провинций или государств не может свободно обмениваться, поэтому население обеих этих стран должно производить большую часть того, в чем оно нуждается, и не может посвятить себя исключительно тем видам культур, которые являются наиболее прибыльными. Поэтому медленный прогресс разделения труда в области земледелия и несовершенное состояние этой отрасли отчасти были вызваны теми постановлениями политического характера, которые препятствовали сношениям между жителями различных климатов, почв и округов.

Если мы присоединим к этому еще тот способ, каким во всей Европе земля присваивается и передается по наследству, при посредстве которого это великое орудие сосредоточивается в немногих руках, что приводит к неизбежной задержке развития разделения труда, то мы увидим другую причину слабого прогресса в этой отрасли. Результаты этого присвоения так хорошо описаны у д-ра Смита, что мне ничего иного не остается, как рекомендовать его замечания вниманию читателей. С этим присвоением было, однако, связано и рабство земледельческого рабочего, чье политическое положение во всей Европе всегда было хуже промышленного и торгового рабочего. Мы видим, что расширение разделения труда осуществляется теми людьми, которые следуют своим естественным вкусам и склонностям, и что оно не может быть расширено, если люди лишены свободы. Г-н Шторх, который долго жил в России и был очевидцем роли личного рабства в этой стране, говорит, что одним из наиболее плачущих последствий крепостного состояния является то, что оно задерживает развитие разделения труда. Я того мнения, что политические условия, в какие поставлен земледельческий рабочий, оказали более действенное влияние на медленный прогресс в земледелии, чем даже запрещения правительства оказали влияние на торговлю. В действительности рабство,

¹ «Wealth of Nations», book V, chap. II.

задерживая разделение труда и прогресс знаний, потеряло бы половину своих ненавистных качеств, если бы оно не было в такой же мере вредно для народного богатства и для народного могущества, в какой оно прискорбно для человечества и разрушительно для общественного счастья.

Ввиду большого значения, какое имеет освобождение всякого естественного принципа от всех приписываемых ему обвинений, в целях правильного выяснения причин социальной нищеты, я вынужден указать на другой случай, когда теоретики и государственные деятели сделали разделение труда козлом отпущения и возложили на него вину за бедствия, причиняемые их законодательством. Как теоретики, так и государственные деятели обычно сетуют, говоря словами г. Шторха, «на жалкую участь тех, кто занят производством лишь восемнадцатой части булавки. Работник, выполняющий собственными руками всю работу, добывает средства существования там и отправляется туда, где ему благорассуждается применить свой труд; производитель же одной восемнадцатой части булавки — это только призрак, который, будучи отделен от своих товарищей, не обладает ни способностями, ни самостоятельностью и вынужден подчиниться условиям, какие ему могут быть навязаны. Это зло чувствуется наиболее сильно в Англии, во-первых, потому, что здесь законодательство по этому вопросу носит притеснительный характер, и, во-вторых, потому, что в этой стране разделение труда более развито, чем во всякой другой стране»¹.

Но на современной стадии общества эта зависимость, вытекающая из того, что каждый выполняет только одну часть производственной операции или является только придатком к другой, обычна для любой отрасли промышленности в такой же мере, как и для производства булавок. Фраза о «выполнении всей работы одной парой рук» очень красива, но в том смысле, в каком она здесь употребляется, она неверна. Про человека, который изучит какую-либо определенную профессию, может быть, и можно сказать, что он работает в ней собственными руками, но ни один мастеровой не производит сам целиком какой-либо товар. Плотник не выращивает лес, не вырубает деревья, не распиливает их на доски, не доставляет их сам на место, где он их обрабатывает, не производит сам свои орудия или гвозди. Сапожник не дубит шкуры, не выделяет кожи, не выращивает лен, не производит ни нитки, ни башмачные колодки, ни шила. В отношении своих орудий и материалов эти рабочие зависят от других лиц, и оба они при постройке домов или при щитье сапог являются только придатками. Каждый рабочий, чем бы он ни был занят, выполняет лишь одну частицу в великом деле цивилизованного общественного производства, и, будучи отделен от своих сотоварищ, от других производительных рабочих, он мало способен или вовсе не способен создавать богатство. Если имеется какой-либо человек, который сам завершает производство всего товара, то это земледельческий рабочий, который так же беден, не-

¹ «Cours d'Economie Politique», vol. I.

счастен и зависим, как производитель булавок, и если есть какой-либо рабочий, который не выполняет сам всего производственного процесса, то это купец, торгующий с иностранными государствами. Он нуждается в помощи двух стран или, по крайней мере, двух разрядов рабочих, производящих те предметы, какие он вывозит и привозит; он нуждается в помощи всех тех рабочих, которые производят и подготавливают перевозочные средства, и в помощи матросов и пассажиров, которые в действительности перевозят товары по его распоряжению. Без помощи каждого из этих рабочих, число которых достигает, может быть, многих сотен, он не мог бы, вероятно, заниматься своим делом. Поэтому, поскольку речь идет о разделении труда, он более зависит от других людей в отношении своих доходов и в отношении содействия, чем человек, выполняющий лишь самую меньшую и самую незначительную операцию в производстве булавок. В самом деле, он выполняет значительно меньше, чем восемнадцатую часть той производственной операции, благодаря которой он живет, но он не испытывает никогда какого-либо чувства мучительной зависимости и никогда не является предметом жалости и сострадания. Точно таким же образом лендлорд или капиталист, которые, быть может, получают весь свой доход благодаря труду жалкого и презираемого производителя булавок, никогда не рассматриваются как зависимые люди, и они никогда не чувствуют себя несчастными и униженными. Следовательно, зависимость, на которую так жалуются и так сетуют, это зависимость нищеты и рабства, а не взаимная зависимость, вызываемая разделением труда.

Разделение труда — это великое средство увеличения производительной способности рабочего и, само собой разумеется, увеличения суммы богатства, которую он может произвести и которую он действительно производит. Поэтому приписывать бедность и злоуполучие производителя булавок тому, что он работает в сочетании с другими рабочими, — это явное противоречие. Что бы ни приводило к такому ничтожному вознаграждению производителя булавок и к такому чрезмерному напряжению его труда, во всяком случае, это не разделение труда, так как благодаря разделению труда труд становится легким и его продукция обильной. Мы вынуждены поэтому сосредоточить наше внимание на другой причине, указанной г. Шторхом, и признать, что бедность, которую он и другие экономисты приписали воздействию разделения труда, не частично, а полностью вызывается «притеснительными установлениями». Насколько я разбираюсь в этом сложном вопросе, я сказал бы, что разделение труда является чудеснейшим средством, при котором каждый может знать о всех вещах, между тем как в целях представления ему возможности существовать от него требуется выполнение лишь одной частицы общественного производства.

Чтобы покончить с вопросом о разделении труда, я должен был бы теперь, если бы я разрабатывал эту науку во всей ее полноте, перейти к рассмотрению того, в какой мере социальное законодательство задерживает или поощряет благодетельную естественную

практику разделения труда, и я должен был бы исследовать, может ли правительство какими бы то ни было средствами содействовать ей,—что оно может задерживать эту практику, это, к несчастью, не нуждается ни в каких доказательствах,—но я намеренно исключил этот раздел науки из моего произведения, и если бы я не сделал этого, то такое исследование представляло бы собой почти неразрешимую задачу. Рассматривая ближе этот вопрос, можно заметить, что вряд ли существует какое бы то ни было социальное установление, которое не оказывало бы своего воздействия на разделение труда, начиная с основного закона, устанавливающего право собственности, более того, даже начиная с той первоначальной формы политического общежития, при которой группа лиц или один человек выделяется, чтобы издавать законы для всего общества, и кончая законами об ученичестве или самыми второстепенными торговыми или административными распоряжениями. Я поэтому ограничусь тем, что укажу читателю на неполноту моей книги как научного целого. К несчастью, читатель найдет, что и в более претенциозных работах этот вопрос также не разрабатывается. Очень немногие писатели, повидимому, составили себе правильное понятие как об условиях, вызывающих разделение труда, так и об его естественных границах, и поэтому немногие из них были достаточно компетентны, чтобы объяснить воздействие социальных установлений на разделение труда, и немногие из них пытались объяснить это воздействие.

*

ГЛАВА VII

ТОРГОВЛЯ

Торговля как вид занятий, подобный земледелию и промышленности. — Она не входит в состав политической экономии. — Доводы, разъясняющие пользу, которую приносят оптовые и розничные торговцы. — Внутренняя торговля как результат разделения труда между лицами, внешняя торговля как результат территориального разделения труда. — Естественные условия, обуславливающие возникновение розничной торговли. — Различия в природе товаров и во времени их производства. — Выгоды современного способа оплаты розничных торговцев. — Естественные условия, обуславливающие возникновение оптовой торговли. Территориальное разделение труда необходимо или только выгодно. — Примеры. — Иллюстрации полезности торговли. — Она увеличивает количество профессий и способствует цивилизации. — Она является частью естественной системы производства и становится независимой от форм правления. — Ее выгоды не ограничиваются и не регулируются различиями политического характера. — Провинции Франции и Американских Штатов, которые некогда находились под властью нашей страны, в качестве примера. — Купцы необходимы для того, чтобы мы пользовались этими выгодами. — Принцип купли и продажи в целях барыша стремится предотвратить колебания в условиях жизни обществ. — Торговцы как класс, отличный от спекулянтов и игроков.

Торговля, оптовая ли, розничная ли, должна рассматриваться подобно земледелию или промышленности как одна из трех главных рубрик, на которые подразделяется возникающее на основе разделения труда многообразие занятий и промыслов отдельных членов общества. Каждая из этих рубрик охватывает обширное разнообразие отдельных занятий. Например, лицо, откармливающее скот, — представитель профессии, отличающейся от лица, возделывающего хмель, а те, кто разводит марену, пшеницу, виноград и маслину, это вообще разные лица, хотя все они — земледельцы. Профессия, связанная с обработкой железа, совершенно отлична от профессии производства тканей, и каждая из этих профессий, входящих в рубрику промышленности, состоит в отдельности из большого числа различающихся занятий. То же самое наблюдается как в оптовой, так и в розничной торговле, каждая из этих отдельных отраслей подразделяется на бесчисленное множество занятий. Мы имеем балтийских, вест-индских и турецких купцов, причем все они ограничивают свою торговлю севером Европы, большими американскими островами или странами, лежащими в пределах Гибралтарского пролива, и мы имеем торговцев чаем, торговцев сыром и торговцев молочными товарами. Торговля является поэтому только общим

названием для профессии торговцев и купцов, подобно тому как земледелие и промышленность являются общим названием для двух других важных ветвей той комбинированной системы общественного производства, при котором вообще увеличиваются комфорт и жизненные удобства.

Вообще все профессии отдельных лиц рассматриваются как их частное дело. Они подразделяются на ремесла и преднамеренно исключаются из науки о народном богатстве. Однако некоторые отрасли торговли обычно включаются в эту науку, причем проводится различие между ними и другими занятиями, для которого я не вижу никаких достаточных оснований, в особенности потому, что земледельцы и промышленники являются также купцами и торговцами, поскольку они покупают семена для посева и тощий скот, хлопок и шелк; после того как их специальный труд увеличил стоимость этих сырых материалов, они вновь их продают. Несмотря на примеры, приводимые политико-экономами, и несмотря на весьма неправильное их воззрение, а также воззрение правительства на роль торговли, я, будучи убежден, что подобно всякому другому полезному занятию торговля связана с наукой политической экономии, не касался бы этого вопроса, если бы в обществе не существовали еще некоторые, я полагаю, необоснованные предубеждения, которые желательно было бы рассеять, против лиц, занимающихся торговлей. Так как я надеюсь, что я сумею это отчасти выполнить, то я попытаюсь разъяснить по возможности точно те естественные условия, которые порождают такие запятия, как занятия оптовых купцов и розничных торговцев, а также пользу, какую приносят они другим трудящимся. Все сложные вопросы, связанные с принципами, которые определяют в каждом отдельном случае прибыль купца и побуждают его в каждый данный момент вывозить или ввозить товары, рассматриваются в соответствующих трактатах по торговле.

Следствием разделения труда является то обстоятельство, что никто не изготавливает целиком сам, без помощи других людей, какой бы то ни было товар. Каждая вещь, которую мы потребляем или которой мы пользуемся, является результатом совместного и комбинированного труда. Орудия производятся одним рабочим, сырье материалы выращиваются или собираются другим, перевозятся с одного места на другое третьим и при помощи орудий, сделанных первым рабочим, перерабатываются в окончательную форму четвертым. Я здесь устанавливаю лишь принцип, но для производства многих товаров должны согласованно работать несколько сот различных рабочих или они должны работать один для другого, и взаимный обмен их различных продуктов крайне необходим для завершения производства.

Уже указывалось, что существуют два вида разделения труда: один возникает вследствие разницы в организации, разницы во вкусах и способностях отдельных лиц человеческого рода, а другой — вследствие разницы в почве, климате и в самопроизрастающих продуктах. Обмен товаров, неизбежно возникающий вследствие пер-

юго вида разделения труда между отдельными лицами, обычно ограничивается обменом между соседями или между жителями того же самого округа и той же самой местности, и он может быть назван *внутренней торговлей*. Напротив, обмен товаров, вытекающий из территориального разделения труда, происходит между жителями различных и удаленных стран, независимо от того, присущи ли им или не присущи различия в форме правления и в политической организации, и может быть назван здесь *внешней торговлей*. Обыкновенно понятие *внутренней торговли* применяется ко всякому виду обмена, включая и такой, который вытекает из территориального разделения труда, — вроде обмена молодого скота, откормленного на холмах Шотландии, на хмель Кента или ячмень Норфорка, — обмена, происходящего между всеми частями или между всеми жителями одной и той же политически организованной страны или между всеми подданными одного и того же государства. Термин же *внешняя торговля* применяется ко всякому виду обмена, происходящему между странами, не управляемыми одним и тем же правительством. В таком применении смысл этих определений совершенно не нарушен. Я предпочитаю поэтому ограничить понятие *внутренней торговли* обменом, возникающим из разделения труда между отдельными лицами, и распространить понятие *внешней торговли* на все меновые отношения, которые вытекают из территориального разделения труда, если бы даже различные области, между которыми происходит обмен, управлялись одним и тем же правительством. Мы, таким образом, освободим нашу мысль от всех произвольных пут и границ, установленных такими случайными вещами, как правительства и государства, мы освободимся также от некоторых предубеждений, с которыми все эти вещи связаны, и будем обладать ясным, не подверженным изменениям, пониманием, вытекающим из природы вещей.

Так как существуют два различных вида торговли, то существуют, конечно, и два различных разряда лиц, занимающихся торговлей, а именно оптовые и розничные торговцы. Розничный торговец покупает товары у оптового купца, у плантатора или производителя товаров, проживающих в той же самой местности или вблизи той местности, где он проживает, и продает свои товары в небольших количествах лицам, которые живут с ним по соседству. По сравнению с изложенным возможно, конечно, наличие множества исключений, — многие розничные торговцы заказывают товары в пунктах значительно отдаленных, соединяя с розничной торговлей и оптовую, — но в общем товары, которыми они торгуют, они достают по соседству и редко распространяют свои торговые операции на другие районы и страны. Их профессия является поэтому результатом разделения труда среди отдельных лиц.

Напротив, оптовые торговцы или купцы, если только они одновременно не являются производителями или розничными торговцами, редко торгуют или никогда не торгуют товарами, произведенными или добывшими в местности, где они потребляются. Оптовые торговцы антикарскими товарами и производители домашних

вещей в столице, которые снабжают товарами различных торговцев как города, так и деревни, являются также производителями и розничными торговцами. Как правило, однако, оптовые купцы торгуют товарами, обработанными или произведенными далеко от того места, где они потребляются, и их профессия представляет собой следствие территориального разделения труда.

Как оптовые, так и розничные торговцы отличаются от перевозчиков товаров по суше или по воде. Последние, очевидно, принимают весьма полезное участие в обмене товарами между отдаленными местностями, и если обмен играет благотворную роль, то необходимо признать полезный и производительный характер их деятельности. Под термином торговцы я понимаю людей, которые покупают и продают только в целях барыша. Отважный мореплаватель, вечно выдерживающий борьбу с бурями на наших собственных водах или который не страшится всех превратностей климата, встречающихся между льдами обоих полюсов, и терпеливо плетущийся извозчик, который уже на ногах и в пути задолго до того, как даже трудолюбивые ремесленники города покидают свои постели,— являются—это очевидно— рабочими и не принадлежат к классу торговцев, на профессию которых я хочу обратить особое внимание читателя.

Рассмотрим прежде всего *розничных торговцев*. Вообще говоря, в произведениях по политической экономии не обращается внимание на естественные качества и свойства различных продуктов труда. Между тем мы видим, что многие явления, рассматриваемые этой наукой, как-то: изобретение денег, полезность различных подразделений труда, взаимная зависимость всех разрядов рабочих и в частности — что является самым важным обстоятельством — почти полная зависимость, существующая между лицами, которые владеют землей, и теми, кто возделывает землю, принадлежащую другим лицам, — все это можно объяснить только тогда, когда мы обратим внимание на различие периодов времени, необходимых для производства товаров, и на некоторые специальные особенности различных продуктов труда. Д-р Смит действительно отметил роль размеров и громоздкости товаров и необходимость их дробления, для того чтобы их приспособить к индивидуальному потреблению. Исходя из этого принципа, Смит объясняет пользу, которую приносят розничные торговцы. «Если бы, например, — говорит он, — не существовало промысла мясника, всем приходилось бы покупать сразу целого быка или овцу. Это было бы, по общему правилу, неудобно для людей богатых и гораздо более неудобно для бедных. Если бы бедному ремесленнику приходилось покупать продовольствие сразу на месяц или на шесть месяцев, то значительную часть своих средств, используемых им как капитал на приобретение инструментов или на оборудование мастерской и приносящих ему доход, он вынужден был бы отнести к той части, которая предназначается для непосредственного потребления и не приносит ему никакого дохода. Для такого человека удобнее всего иметь возможность покупать нужные ему предметы необходимости изо дня

в день, даже в любой час, в зависимости от потребности в них»¹. То же самое в одинаковой степени верно и по отношению к тканям для одеял, головкам сыров, бочечкам масла и т. д. Путем опыта открыли, что форма и количество, в которых товары лучше всего производятся, это не форма и количество, которые больше всего соответствуют индивидуальному потреблению. Чтобы приспособить эти товары для потребления, необходима поэтому другая отрасль труда, которая и выполняется различными торговцами.

После того как возникло разделение труда, вскоре стало также очевидным, что необходимы различные периоды времени для завершения производительных операций различных рабочих или для окончательной выработки производимых ими товаров. В нашей стране, например, промежуток времени, считая от подготовки земли для посева пшеницы до сбора урожая, охватывает полных одиннадцать месяцев. Сюда не включено время, которое требуется для расчистки, осушки и огораживания земли, и время, необходимое, если это практикуется, для оставления земли под паром в течение лета. Чтобы перемолоть и просеять пшеницу или чтобы выпечь хлеб из муки, требуется всего несколько часов. Чтобы построить канал или мост, требуется в общем несколько месяцев, по остроконечный топор и другие инструменты, употребляемые при производстве этих работ, могут быть сделаны скорее чем в один день. Несколько недель требуется для производства плуга или для постройки дома, но пара сапог или комплект платья могут быть спиты быстрее чем в двадцать четыре часа. Сотни гвоздей изготавливаются одним человеком в такой же срок. Поэтому работы фермера, мельника, пекаря, механика, строителя, портного и каждого разряда рабочих завершаются не в одинаковое время, или соответствующие этим работам товары изготавляются для продажи или для потребления также не в одинаковое время².

¹ «Wealth of Nations», book II, chap. V.

² Я считаю, что различие периодов времени, необходимых для производства земледельческих продуктов и продуктов других видов труда является главной причиной большой зависимости земледельцев. Они не могут доставлять продукцию своего труда на рынок ранее чем по истечении года. В течение всего этого времени они обязаны покупать в кредит у сапожника, портного, кузнеца, колесного мастера и у других различных рабочих, без чьих продуктов они не могут обойтись, причем последние производятся в течение нескольких дней или недель. Вследствие этого обстоятельства оществленного характера и вследствие того, что богатство, производимое другим видом труда, возрастает быстрее, чем богатство, производимое земледельческим трудом, монополисты всей земли, хотя они монополизировали также и законодательство, не были в состоянии уберечь себя самих и своих слуг-фермеров от того, чтобы стать самым зависимым классом общества. Они не могут больше преуспевать без постоянной защиты со стороны законодательства. Продолжительность периода, потребного для производства иммодольческих продуктов, приводя к зависимости тех, кто обрабатывает чужую землю, всегда, где труд меньше всего свободен, лишает монополистов власти морить остальных членов общества голодом, которую в противном случае они имели бы. Это наблюдение может быть распространено на различные общества, как и на различных членов одного и того же общества, и убеждает меня в том, что те политики, которые боятся зависи-

Помимо того, все виды товаров обладают неодинаковой долговечностью. Вообще говоря, хлеб и мясо без некоторого добавочного труда могут сохраняться не дольше как в течение нескольких дней. Зерно при проявлении некоторой небольшой заботливости может быть сохранено в течение многих месяцев, а мост или канал, если их содержать в порядке, могут существовать века.

Но если продукты различных видов труда производятся не в одинаковое время и обладают столь неодинаковой долговечностью, что некоторые из них должны немедленно продаваться и потребляться, тогда как другие могут содержаться в целости целыми месяцами, не попадая на рынок, то каждый рабочий испытывает ежедневно чувство голода и этот голод должен ежедневно утоляться. Если бы нам известны были те естественные законы, воздействие которых испытываем как мы, так и предметы, из которых состоят наши средства существования, и если бы мы в то же самое время знали, что громадное большинство выполняемых в обществе работ обладает в течение длительного периода одинаковой полезностью, причем каждая операция необходима для дополнения других операций, и что цивилизованное общество, вероятно, не могло бы существовать и, несомненно, не могло бы преуспевать, если бы отсутствовала хотя какая-нибудь из этих операций,— то разве мы не считали бы себя обязанными принимать меры, благодаря которым тот, чья полезная работа не может быть выполнена и чей продукт этой работы не может быть доставлен на рынок в течение многих месяцев, был бы в состоянии получить свой хлеб насущный? Я действительно поражен, что наши парламентские деятели, которые находят такое удовольствие дополнять то, что природа оставила незавершенным, не предъявили до сих пор обвинения природе в том, что она не предоставила нам возможность производить каждый товар в желательном для нас надлежащем виде и венный срок, и что она не принимала мер к тому, чтобы обеспечить всем разрядам рабочих необходимое им насущное пропитание, как велико бы ни было время, которое необходимо, чтобы их продукты могли попасть на рынок. Это, однако, большая область социальной экономии, которая развивается, оставаясь незамеченной этими законодателями, и на которую они не оказывают никакого влияния. Я полагаю, что нельзя утверждать, что все происходит так, как они предписывают. Торговцы, впрочем, знают очень хорошо полезность различных товаров, и они с достаточной точностью догадываются о различии в периодах, в течение которых данное количество товаров потребляется. Они поэтому покупают у различных разрядов рабочих или промышленников их различные продукты и распределяют их наиболее подходящим образом, соответственно всеобщей в них потребности. Они примирают очевидное несоответствие, которое существует в силу законов природы, и, работая на себя, они в то же время полезны и для других. Розничные торговцы занимаются, таким образом, важным

мости наших промышленников от иностранных земледельцев, никогда не имели правильного представления о явлениях общественного производства.

делом — они в действительности распределяют богатство общества в таких пропорциях, что каждый может участвовать в его приобретении, так что надлежащим образом могут быть удовлетворены ежедневные нужды всех классов общества, даже тех, чьи продукты завершают свой производственный процесс в период времени, превышающий месяцы и годы. Я знаю, что они не относятся к своему делу с точки зрения этой высокой задачи; они берутся за него инстинктивно, руководствуясь своими собственными интересами. Подобно тем лицам, которые считают, что природа будто бы ничем не управляет и что общество не могло бы существовать без их мудрого руководства, торговцы не замечают того великого естественного условия, которое привело к возникновению их профессии; подобно этим лицам торговцы столь же невежественны в вопросе о великой пользе, которую приносит обществу в целом подразделение труда, осуществляющее ими на практике.

Предположив, что люди имеют деньги для приобретения товаров, в которых они нуждаются, г. Милль говорит: «Было бы весьма неудобно обращаться в каждый момент к различным промышленникам и производителям каждого отдельного товара, которые часто могут жить на значительном расстоянии один от другого. Потребители избавляются от множества хлопот, когда они находят собранный в одном месте все товары или значительную часть товаров, которые они потребляют¹. Но производители каждого товара должны целиком сосредоточить свое внимание на своей собственной отрасли производства. В большинстве случаев они могут более или менее безошибочно вычислить количество товаров, которое требуется для двадцати или двух десятков различных торговцев, но им было бы трудно, если не совсем невозможно, судить о потребностях бесчисленного количества отдельных лиц. Но розничные торговцы, которые, главным образом, занимаются определением размеров потребления, в грубых чертах, каждый в рамках местности, находящейся по соседству, устанавливают эти размеры потребления, и при их посредстве промышленник и производитель оказываются в состоянии судить о количестве товаров, которые они могут с известной вероятностью выгодно продать. Розничные торговцы, как мне кажется, являются необходимыми агентами, для того чтобы сплаживание товарами привести в соответствие со спросом и потреблением.

Этот взгляд на приносимую ими пользу подтверждается тем, что происходит в обществах, которые создаются и регулируются людьми. В обществах с общей собственностью изложенная точка зрения в общем всегда недоступна любому отдельному лицу. Например, монахи или монахини имеют служителей или помощников, послушников или послушниц, занятие которых состоит в том, чтобы распределять среди всех членов причитающуюся им долю единого имущества. Каждый полк солдат имеет капитанармушин или соответствующих должностных лиц; каждое военное

судно имеет судового комиссара и помощников, которые выдают каждому солдату или матросу его порцию провианта. Даже в организациях г. Оуэна, в которых розничные торговцы рассматриваются как зло и отвергаются как лица, причиняющие вред, должны быть лица, заботящиеся о пище и одежде и распределяющие их среди жителей его параллелограмов или среди членов его кооперативных общин. Розничные торговцы выполняют поэтому такие же обязанности по отношению ко всему обществу, какие капитенармусы выполняют в отношении солдат и судовые комиссары в отношении матросов и какие должны некоторыми людьми выполняться в отношении воспитанников г. Оуэна. Они никем не назначаются на эту должность, кроме как законами природы, но они безусловно столь же полезны, как если бы они действовали под управлением г. Оуэна или по уполномочию короля.

Розничные торговцы не получают жалованья за свои услуги. Их оплата состоит в том, что они получают прибыль на товарах, которые они продают, и это им обычно ставится в вину. Порой их характеризуют как людей, высасывающих мозг из костей неймущих рабочих. Но если бы они оплачивались жалованием или зарплатой, то в чем заключалась бы их заинтересованность заботиться об общем имуществе? В настоящее же время, когда они могут получить прибыль только путем величайшей экономии в распределении товаров, они должны в своих собственных целях покупать по возможности дешевле. Но если они небрежны или расточительны, то никакая добавочная цена, какую они могут запросить, не вознаградит их. Они теперь прямо заинтересованы в хорошем выполнении своих обязанностей, и им присущи могущественные стимулы к той рачительности, которая благодетельна для всего общества. Большая часть людей находится под столь большим впечатлением полезности этих мотивов, что мы встречаем примеры бесчисленного количества мероприятий, направленных к тому, чтобы сознательно их вызывать. Так, например, чтобы поощрять судовых комиссаров к наблюдению за правильным распределением доверенного им провианта, им предоставляется известный процент с каждой сбереженной вещи и их заставляют хорошо оплачивать каждую недостающую вещь. Под влиянием личной заинтересованности, покупая и продавая только в целях собственной выгоды, розничные торговцы распределяют все богатство общества возможно самым экономным образом. Они находят покупателей даже отбросов. И еще вопрос, где растратывается в течение года больше пищи попусту — в нашей ли большой столице, или у отдельного племени эскимосов, или у других дикарей во время успешного сезона.

Распределяя товары, розничные торговцы не руководствуются ни твердыми масштабами, ни нормами, установленными для каждого отдельного лица правительствами, которые из всех своих обязанностей, повидимому, знают только одно — облагать розничных торговцев налогами и унижать их, предоставлять им привилегии и расстраивать их дела. Розничные торговцы добровольно занимаются своими делами, а другие люди добровольно обращаются к ним, чтобы покупать

то, в чем они нуждаются. Это специальное подразделение труда ни в каком отношении не является поэту результатом законодательства. Оно составляет часть социальной политики природы, и оно столь точно регулируется, что все различные разряды рабочих, независимо от периода времени, которое требуется для доставки их товаров на рынок, и независимо от долговечности и объема этих товаров, оказываются в общем в состоянии, занимаясь одним только своим собственным делом, получать определенное количество любого полезного товара.

Профессия *относовых торговцев*, о которых я теперь буду говорить, связана с территориальным разделением труда. Однако, прежде чем я смогу полностью убедить читателя в приносимой ими пользу, я должен объяснить пользу, приносимую тем обменом, орудием которого они являются. Мы должны прежде всего различать два вида территориального разделения труда: один при современном состоянии наших знаний является неизбежным, другой не является абсолютно неизбежным, а лишь в высшей степени выгодным.

В качестве примера первого вида территориального разделения труда я могу указать на хипу, которая, будучи во всех пунктах земного шара чудесным противолихорадочным средством, производится лишь в небольшом округе Америки. Для того чтобы мы её имели, кто-то должен ее там собрать, и хотя мы можем ее покупать по невысокой цене за наши собственные продукты, однако никакое искусство не предоставило бы нам возможности ее непосредственного производства. Хлопок, который является материалом для столь здоровой и удобной одежды во всяком климате, растет только в странах, расположенных у тропиков или вблизи тропиков, и хотя растение, доставляющее хлопок, может с помощью теплиц слабо произрастать и здесь, однако в странах, расположенных ближе к полюсу, его возделывать невозможно. Чай, хотя он освежает и усаживает людей как в Европе, так и в Америке, получается из Китая, и многочисленные попытки возделывать его в других странах не имели успеха. Хипа, хлопок и чай являются поэтому продуктами весьма ограниченных районов, но они высоко полезны повсюду, где живет, страдает или наслаждается какая бы то ни было часть человеческого рода.

Сомнительно, может ли шерсть производиться в больших количествах в тропическом климате, так как покров большинства животных в таких климатах превращается в длинную растрепанную грубую щетину. Между тем в настоящее время шерсть получается, главным образом, в умеренных поясах земного шара. Но шерстяные изделия Англии уже издавна являются главным предметом нашего экспорта в Индию, и шерстяное одеяло представляет собой — я это знаю из личного опыта — один из наиболее соблазнительных предметов торговли, какие можно предложить неграм западного побережья Африки, живущим в наиболее жарких местностях земного шара. Жители Норвегии, получающие свой доход, главным образом, от хвойных деревьев, по необходимости ничем иным заниматься не могут, кроме как ловлей рыбы и распилкой деревьев.

на доски, так как они обитают у морского берега, состоящего из огромной массы голых бесплодных и каменистых островов. К счастью, они находят в нашем богатом и трудолюбивом государстве рышок для своих омаров¹ и для своих досок, и мы в равной мере счастливы, что снабжаемся в изобилии полезными товарами, которые они производят или добывают. Я не хочу этим сказать, что ловля омаров и распилка деревьев на доски являются наиболее выгодными занятиями для норвежцев. Я говорю лишь, что ни одно из известных нам в настоящее время ремесел не позволило бы норвежцам выращивать зерновые хлеба или иметь прекрасные, богатые, бархатистые пастбища, подобно низменной, плоской почве Голландии, хотя путем ловли омаров и распилки деревьев на доски они могут покупать зерно, масло и сыр, для производства которых преимущественно пригодна наиболее плодородная земля. Поэтому это один из видов территориального разделения труда, которое имеет место независимо от того, обмениваются ли взаимно жители различных окрестов соответствующими продуктами или они ими не обмениваются.

Существует другой вид территориального разделения труда, который, не будучи безусловно необходимым, весьма полезен. Например, европейский континент в общем снабжался сахаром и кофе, главным образом, из Вест-Индии, по во Франции во время последней войны, когда декретами Бонапарта и благодаря нашей системе блокады эта страна была совершенно лишена возможности вступать в сношения с тропическими странами, население с успехом производило сахар из красной свеклы и успешно находило некоторые суррогаты кофе. Впрочем, издержки по производству сахара, несмотря на всю помощь науки и искусства труда, по крайней мере в четыре раза превосходили издержки по его производству в Вест-Индии и по доставке во Францию. Суррогаты кофе были так плохи и в то же время так дороги, что от них немедленно отказались, как только стала возможна доставка настоящего кофе. Нельзя утверждать, что абсолютно невозможно производить сахар или возделывать рис в Англии, но это было бы исключительно невыгодно в сравнении с покупкой их как путем обмена за наши металлические изделия, так и привоза их из Каролины или Ямайки. Для Вест-Индии, которая не имеет угля, было бы почти недоступно, хотя и возможно, отливать и ковать свои собственные ножевые изделия и другие железные и стальные инструменты, которые она может получить за сравнительно небольшую цену в качестве вознаграждения за свой сахар. Вино, которое во Франции, Испании или

¹ Норвежские доски не совсем исключены из нашего рынка, но они облагаются высокими пошлинами, для того чтобы возложить на тех, кто пользуется этими досками, добавочный труд по доставке досок из Канады. Счастьем для норвежцев является, может быть, то, что омары рассматривались раньше как большая роскошь и потреблялись, главным образом, богатыми. Поэтому наряду с пальтусом и другими предметами роскоши, в соответствии с нашими широко расхваливаемыми навигационными законами, ввоз их разрешался судам всех наций, тогда как ввоз всяческого другого вида рыб, который мог быть отнесен к предметам потребления всего населения, был строго ограничен только привозом на британских судах.

Португалии можно купить за два пенса, четыре пенса или шесть пенсов за бутылку и привозить сюда при очень небольших добавочных затратах, невозможно было бы производить в Англии при затратах в четыре раза более высоких. Кислые и полуспелые апельсины, хотя они служат скорее для украшения, чем для потребления, выращиваются в нашей стране при весьма высоких издержках в теплицах нашего богатого дворянства, но их можно купить в Португалии или на Азорских островах по цене в три пенса за два десятка. Но если изготовлять на этих островах кожу, которые продаются в Бирмингеме по два пенса за штуку и на которые покупаются, может быть, апельсины, то это стоило бы там, вероятно, в двенадцать раз больше, чем два пенса, если они вообще могли бы там производиться.

Взаимный обмен такими продуктами, которые могут производиться только в определенных районах и местностях, но которые производятся в этих местах в большем количестве, чем требуется для их жителей, и обладают универсальной полезностью, должен содействовать приобретению жизненных удобств и благосостояния всеми участниками этого обмена. Разнообразные выгоды такого обмена — то, что мы уступаем шерсть за чай и ножи за хину, — не возбуждают большего сомнения, чем выгоды, проистекающие от разделения труда или от должностного развития как наших умственных, так и физических способностей.

Я полагаю, что можно с такой же убедительностью доказать выгоды от взаимного обмена теми различными продуктами, которым благоприятствует лишь разница в климате и почве. Многие из наших наиболее полезных и ценных предприятий не могли бы существовать при отсутствии такого обмена. Непосредственно по соседству мы не имеем земель более, чем в этом есть надобность для снабжения нас такими громоздкими предметами пропитания, как скот, картофель, зерно, которые не могут быть так легко привезены издалека. Где же, в таком случае, мы могли бы найти достаточно земли, чтобы возделывать хлопок, этот сырой материал нашей наиболее развитой отрасли промышленности? В настоящее время хлопок без затруднений доставляется из разных отдаленных частей земного шара, и обработка его предоставляет занятия и средства существования по крайней мере десятой части всего нашего населения, считая также и матросов, доставляющих его, и лиц, которые производят машины для его обработки.

Шелк, обработкой которого занимается значительная часть нашего населения, — хотя и не столь большая, как обработкой хлопка, — и предоставляющий ей возможность обеспеченнего существования, является также чужеземным продуктом. Он может производиться и производится в Англии, но в таком незначительном количестве и при столь больших издержках, что если бы мы не ввозили его из местностей, где солнце греет сильнее и где не более засое, наши придианные фабрики разорились бы, наши ткацкие станки стояли бы без дела, наши веселые челиоки с сопровождающим их гулом человеческих голосов не были бы больше слышны

и наши многочисленные производители по шелку со всем их искусством, интеллектом и благополучием постепенно погибли бы¹.

Кошениль, идиго и разные другие вещества, употребляемые в красильном деле, не производятся в Британии. Вероятно, эти вещества или их суррогаты можно было бы изготовить здесь, но при такой затрате издержек, что многие из наших наиболее цветущих предприятий приостановились бы, если не разорились бы совсем. Большая часть нашей мебели и даже срубы наших домов изготавливаются из чужеземного леса. Наши столяры-краснодеревщики и наши плотники в отношении сырого материала, из которого они производят прекрасную мебель или строят обладающие большой ценностью жилища, в такой же мере зависимы от лесов Гондураса и Норвегии, в какой хлопчатобумажные фабриканты зависят от плантаторов Георгии.

Наш завтрак,—а по общему мнению, это как будто бы самый лучший завтрак, какой только возможен,—приготовляется из растения, привезенного из отдалнейшей части Азии, сдабриваемого соком тростника, наиболее успешно возделываемого в Вест-Индии. Мы могли бы, без сомнения, питаться овсяной мукой, или пивом и

¹ Может быть, заслуживает быть отмеченым, что *пропитание* нашего населения столь же зависит от этих чужеземных продуктов, как если бы они составляли его действительную пищу. Если бы доставка хлопка и шелка прекратилась, то это бы, столь гибельно отразилось на наших производителях хлопчатобумажных и шелковых тканей, как если бы больше не производились необходимые для них средства существования. Им нечего было бы тогда платить за пищу, и земельные джентри и фермеры наверное не предоставляли бы им пищи, не получая эквивалента. Впрочем, ни одна группа людей не заинтересована в том, чтобы препятствовать ввозу хлопка и шелка, и поэтому указанный вид зависимости никогда не возбуждает аллюнических опасений. Никто не высказывает никаких опасений, что нашему народу может угрожать голодная смерть вследствие приостановки подвоза хлопка или шелка, но нам говорят, хотя это представляется невозможным, что если мы будем питаться иностранным хлебом, то мы будем наведены еще до более худшего состояния рабства, чем то, которое домогаются возложить на нас наши земельные лорды. Зависимость, а следовательно, и опасность, если она вообще существует, которая может возникнуть вследствие того, что такое большое количество нашего населения поддерживает свое существование обработкой хлопка и шелка, представляется мне гораздо более великой, чем та, которая может наступить вследствие ввоза хлеба. Хлопок и шелк являются продуктами сравнительно ограниченной местности, но те или иные средства питания, даже пшеница, являются продуктами, произрастающими почти во всех климатах земного шара. Мы можем найти бесчисленное множество заменителей для каждого специального рода пищи. Если, например, один народ не захочет предоставить нам пшеницу, то мы можем получить рожь, или ячмень, или муку, или кукурузу от какого-нибудь другого народа, но если приостановится подвоз хлопка или шелка, то чем мы сможем заменить их? Для меня ясно, что зависимость людей друг от друга, живут ли они при одних и тех же или разных политических условиях, является необходимым следствием благодетельной практики разделения труда; и политики, если они не упразднят эту практику, не смогут устраниТЬ взаимную зависимость народов, однако же вследствие алчной зависимости и нелепых запрещений они могут сеять распри там, где по законам природы предназначено призывать к благости, причем они могут подвергнуть опасности существование многих миллионов трудолюбивых людей.

мисом, или чем-нибудь другим, что растет или производится в самой Англии, но мы этого не делаем, потому что предпочитаем чай. Наша пища приправлена пряностями, продуктами островов Индийского океана, а наши сладости, как винные ягоды, чернослив и т. д., удовлетворяющие пашу страсть к лакомствам или которые вследствие их дешевизны и прянного вкуса мы даем нашим детям, доставляются из Германии, Франции, Испании и Турции. Апельсины, которые в таком изобилии продаются зимой на наших улицах, ублажающие голосовые органы наших мистификаторов законов и наших законодателей, а также и крикунов на галереях театров, освежающие запекшееся небо лихорадочного больного и удовлетворяющие естественную потребность всех классов населения в небольшом количестве свежей растительной кислоты, когда невозможно достать другие фрукты, апельсины эти доставляются из местностей, расположенных за тысячи миль, покупаются на наши металлические изделия и ткани и не могут быть иначе приобретены, как путем взаимного обмена¹. Наш ростбиф — английское блюдо, — дай бог, чтобы каждый из наших соотечественников мог располагать таким ежедневным удовольствием, — является действительное отечественным произведением, но наименование и приятность вкуса его спутника, плум пуддинга — исключительно английского кушанья — проис текают вследствие пользования чужеземными продуктами. Изюм доставляется из Малаги и Смирны, а коринка с греческих островов.

Я умышленно выбрал эти немногие обыденные иллюстрации, чтобы со всей ясностью выступил перед читателем тот факт, что люди всех классов и положений извлекают выгоду и пользу из взаимного обмена продуктами различных стран и различных климатических условий. Самый смиренный человек нашего государства, обыкновенный нищий, не говоря уже о наших промышленных рабочих, услаждает себя табаком или освежает себя чаем. Если бы этот взаимный обмен был ограничен такими вещами, которыми наслаждаются, как это порой предполагают, только немногие богатые и сластолюбивые дворяне и купцы; если бы из Италии ничего не привозилось кроме немногих старинных картин и современных статуй, а из Индии и Бразилии — ничего кроме алмазов и топазов; если бы из Франции нельзя было ничего получить кроме небольшого количества очень дорогого, но восхитительного вина, — то внешняя торговля не заслуживала бы того высокого места, которое она должна занимать в нашей оценке ее как средства, увеличивающего богатства и удобства человечества. Если, вместо того чтобы приносить универсальную пользу, внешняя торговля удовлетворяла бы лишь до крайности взвинченные прихоти немногих лиц к бесконечной смене наслаждений, то внешняя торговля заслуживала бы нашего одобрения не в боль-

¹ Апельсины, какими бы дешевыми они ни казались, оплачиваются ~~единой~~ в 15 шилл. за тысячу, т. е. в 25% их цены, или 2 ш. 6 л. за каждый цинк, содержащий 5 тыс. куб. дюймов. См. Акт 7 Георга IV.

шей мере, чем осколенный певец или какой-либо другой из тех неблагообразных наростов, которые возникают на основе нашего современного нездорового и несправедливого распределения богатства.

Впрочем, те немногие товары, которыми я иллюстрировал выгоды, доставляемые нам обменом, возникающим в результате территориального разделения труда, составляют только небольшую часть товаров, ввозимых из стран, не находящихся под нашей властью, товаров, которые потребляются большинством нашего населения, служат в качестве их средств существования или которым труд и искусство наших рабочих придают добавочную стоимость. Бесчисленное множество людей и весьма значительные интересы связаны в нашей стране с этой торговлей, которая этим людям выгодна, причем во всех случаях она производится добровольно. Мы можем быть поэтому уверены, что она выгодна для всех. Лица, которые получают наши ножи, металлические изделия, шерстяные и хлопчатобумажные изделия в обмен за свой сахар, хлопок-сырец, апельсины, изюм и т. д., не могли бы получить какими-нибудь иными путями так дешево эти необходимые и ценные товары. Не должно ли быть жителям Португалии, Турции и Испании столь же приятно получать орудия и одежду, произведенные в нашей стране, путем возделывания своего собственного винограда, своих винных лжод и маслин, как нам приятно получать благодаря производству указанных изделий освежающие произведения солница, более жаркого в сравнении с солнцем, которое обычно светит в Британии? Производственный труд — об этом следует также напомнить — это тот труд, который доставляет рабочему его средства существования. И если бы труд, приложенный к производству товаров, предназначенных к обмену, не был производительным, то никто не мог бы и не продолжал бы трудиться. Мы имеем, таким образом, прямое доказательство, что такого рода торговля выгодна и производительна для обеих сторон, действительно ею занимающихся.

Указывают, впрочем, на то, что из-за ввоза товаров из одного района в другой сокращаются занятия в ввозящем районе. На основании этого принципа вводилось и оправдывалось большинство ограничений в области торговли, установленных между различными государствами. Но народ, у которого мы приобретаем какие бы то ни было товары, не дарит их нам. Напротив, он получает за них эквивалент, или то, что он оценивает выше эквивалента, так как он предпочитает эквивалент тем товарам, которые на него обмениваются. Но этот эквивалент, каков бы он ни был, производится или покупается нашим собственным трудом. Нет ни одного вида богатства, который не был бы продуктом труда, следовательно, для того чтобы произвести или приобрести эквивалентные товары, требуется приблизительно столько же труда, сколько необходимо для того, чтобы произвести ввозимые товары в той местности, откуда они доставляются. Отдельное лицо, которое не живет трудом других лиц, платит своим собственным трудом за свои средства существования.

вания или за предметы роскоши; так же поступает и торгующая ладия. Например, в оплату каждой бочки вина, ввезенной из Португалии, у нас должно быть произведено и вывезено определенное количество шерстяных и металлических изделий, соответствующих по своей стоимости вину. Если бы не происходило обмена, то не было бы рынка и не производился бы платеж за вино и шерсть; не было бы надежды получить какую-либо выгоду от производства этих товаров, и они никогда и не производились бы. В Португалии не нуждаются в вине, а у нас не требуется шерстяных изделий; и то и другое производится только для того, чтобы обменивать вино на шерстяные изделия. Если бы обмен был запрещен или если бы он тормозился, то в обоих этих районах в такой же мере уменьшились бы промышленная деятельность и богатство, в такой же мере мир стал бы меньше наслаждаться.

Мы знаем из долгого опыта, что товары, производимые при затрате ничтожных усилий, продаются по незначительной цене. Что легко приобретается, то легко теряется,— это применимо к торговле точно так же, как и к другим явлениям жизни. Но я, надеюсь, убедил читателя, что в результате, главным образом, применения возрастающих знаний и с расширением разделения труда товары производятся с небольшими издержками. Мы можем поэтому ожидать, что мы будем приобретать товары по дешевой цене в тех странах, с которыми мы торгуем, по мере того как они там станут дешево производиться, причем они будут дешево производиться с ростом знаний среди населения этих стран¹. Исходя из этого обстоятельства, мы приходим к выводу, что каждый народ заинтересован в том, чтобы все другие народы возможно больше преуспевали в области знаний и цивилизации, в умелости и во всех производящих богатство ремеслах; и это показывает крайнюю глупость той национальной зависти и соперничества, которые политики любят раздувать и поощрять.

Чтобы яснее показать выгоды, проистекающие от наличия сведущих и богатых соседей, я позволю себе напомнить читателю, что Англия в последнее время сделала для всего остального мира и что она теперь для него делает. Хотя возможно, что другие народы завидуют ее процветанию, они, тем не менее, с жаром заимствуют ее ремесла. Ее пример стимулирует их большее напряжение, и они одеваются с помощью Англии. Британские хлопчатобумажные и шерстяные ткани, которые производятся так дешево благодаря нашему возросшему умению, почти столь же дешевы в России и Южной Америке, как и в Лондоне. Это обстоятельство столь же выгодно жителям этих стран, как и нашему собственному населению. Паровые машины, точно так же как и разные другие в равной мере полезные машины, изобретены и усовершенствованы почти исключительно нами, но

¹ Утверждаемый здесь принцип, очевидно, правителен по отношению ко всем странам, обладающим одной и той же формой правления; и если он неправителен по отношению к странам, которые не находятся под одним тем же режимом, то причина этого склонения политическая, а не естественная.

они увеличивают также богатство и могущество других народов. Следовательно, последние должны радоваться напрасу возрастающему умению, потому что оно доставляет им дешевые товары и полезные орудия. И почему мы не могли бы пожинать подобных же выгод, если бы наши соседи были столь же искусны, как и мы. Я не припоминаю ни одного полезного ремесла, которое мы бы ввезли из России, или с рабского побережья Африки, или с Вест-индских островов; но не говоря уже о различных усовершенствованиях, которые мы в XV, XVI и XVII столетиях позаимствовали от Италии, Франции, Фландрии и Германии,— так как эти страны были тогда наиболее богатыми и образованными во всей Европе,— мы недавно ввезли из Франции усовершенствованный ткацкий станок для шелка, из Фландрии — косу Гайольта, а из Северной Америки — громоотвод и некоторые усовершенствования в паровых судах. От невежественного, бедного и неискусного народа невозможно позаимствовать ни знания, ни богатства, ни изобретательности, поэтому все народы заинтересованы в просвещенных, богатых и изобретательных соседях¹.

Непосредственные денежные выгоды, которые достаются на долю всех участников обмена продуктов, причем для одних продуктов благоприятен один климат, а для других благоприятен другой,—

¹ Может быть, будет не безынтересным привести следующее место из опыта г. Юма «О зависти в торговле» (D. Hume's Essay «On the Jealousy of Trade»), которое подтверждает выраженный здесь взгляд и указывает на глубокие изменения, которые произошли со времени, несколько предшествующего тому, когда писал Юм о той роли, какую играла наша страна в отношении окружающих ее стран. «Я иду дальше, — говорит Юм, — и утверждаю, что в тех странах, народы которых лишены возможности свободного общения, отечественная промышленность в каждой из этих стран не может развиваться благодаря улучшениям в других странах. Сравним положение Великобритании в настоящее время с тем положением, которое было двести лет тому назад. Все отрасли земледелия и промышленности были тогда до крайности примитивны и несовершенны. всякое усовершенствование, которое мы с тех пор вводили, происходило из нашего подражания иностранцам, и мы должны поэтому почитать за счастье, что другие страны первоначально преуспевали в ремеслах и изобретательности. Но эти сношения еще и теперь поддерживаются к нашей большой выгоде; несмотря на развитое состояние нашей промышленности, мы ежедневно входим в любой отрасли промышленности изобретения и усовершенствования наших соседей. Товары, привезенные из-за границы, сначала вызывали наше неудовольствие, потому что мы предполагали, что это приведет к утечке наших денег. Затем постепенно к нашей явной выгоде ввозились сами ремесла. Однако мы все еще недовольны тем, что наши соседи обладают всякого рода ремеслами, промышленностью и изобретениями, и забываем при этом, что если бы они когда-то не обучали нас, то мы оставались бы до сих пор варварами, и что если бы они и теперь еще не продолжали обучать нас, то наши ремесла впадли бы в состояние оцепенения и лишились бы того духа соревнования и новизны, которые так способствуют их развитию». В настоящее время Британия стала учительницей своих прежних учителей, и хотя мы нуждаемся в соревновании с другими народами в целях стимулирования нашего дальнейшего продвижения вперед, но то, что мы теперь получаем от наших соседей, так ничтожно, что не приходится опасаться, что наши ремесла впадут в состояние оцепенения, даже если совсем прекратится влияние извне.

дают лишь слабое представление о пользе торговли для всего человечества. Физиологические вожделения человека быстро удовлетворяются, и если человек не захвачен какой-нибудь ужасной и разрушительной страстью, то он погружается в бесславный покой. Жизнь дикаря проходит в борьбе за пищу с дикими зверями или с еще более свирепыми соседями-дикарями, или же в обжорстве и в сне. Умение и знание, которые во все времена необходимы для удовлетворения наших физиологических потребностей, должны быть незначительны, и если бы не было никаких других стимулов, то вся изобретательность и все способности цивилизованного человека оставались бы скрытыми или были бы весьма ограничены. Никакие рассуждения о нашей духовной природе или о нашем высоком назначении, если они имеют когда-либо место, не могут вывести варвара из его состояния апатии или отучить его от чувственности. Подобного рода проповеди применялись миссионерами, но они оказались недейственными, чтобы преодолеть леность. Но познакомьте дикаря с торжественной пышностью римско-католической веры; предложите ему несколько блестящих безделушек для украшения его персоны; покажите ему пользу, которую приносят некоторые создающие богатство ремесла; дайте ему вкусить радость от некоторых новых произведений человеческого умения, — и вы безошибочно возбудите в нем деятельность. Он отдаст вам все, что имеет, за простые безделушки, он будет стараться ради рюмки водки или ради ружья собирать больше слоновых зубов и убивать больше пушных зверей. Больше того, за блестящие, а иногда вредные подарки он продаст себя самого или своих самых дорогих родственников. Именно тем же самым побуждениям, хотя они не так заметны и не доводят до таких крайностей, вследствие того что мы пользуемся многочисленными иностранными товарами с самого начала нашего существования, подвержены также все классы населения большинства цивилизованных государств. И после того как удовлетворяются наши чисто животные потребности, мы еще продолжаем работать и чувствуем себя счастливыми, когда получаем за работу некоторые другие продукты, обычно иностранного происхождения.

«Цветущие города, — говорит д-р Палей, — возникли и существуют благодаря торговле табаком; многолюдные города поддерживают свое существование производством лейт. Часы могут быть весьма излишней принадлежностью наряда крестьянина, но если крестьянин будет обрабатывать землю для того, чтобы приобрести часы, то настоящая цель торговли будет достигнута. Производитель часов, полируя покрышку или подпиливая колесики часовского механизма, содействует производству хлеба с таким же успехом, хотя и не непосредственно, как если бы он работал лопатой или шел за плугом. Употребление табака представляет собой замечательный пример причуд человеческого вкуса; но если, для того чтобы доставить себе это удовольствие, рыбак закинет свою сеть в воду или моряк будет доставлять для себя рис из чужих стран, рыноч будет снабжен двумя важными предметами питания благодаря

товару, который не обладает никакой другой видимой полезностью, кроме способности удовлетворять испорченный вкус»¹.

Взаимный обмен продуктами различных стран является поэтому великим орудием развития цивилизации. Он доставляет добавочные наслаждения и побуждает к дополнительным усилиям для получения этих наслаждений. Он является поэтому источником многих из наших видов искусного труда. Желание воспользоваться его плодами пробуждает постоянный, но благородный стимул для наших страсти, оберегая нас как от скуки праздности, так и от тех сильных волнений, которые следуют за тяжелой усталостью и кончаются изнурением, если даже не расстройством здоровья. Множество невинных желаний, ведущих к спокойному счастью, наполняют наше существование, и внешняя торговля по сравнению с теми наслаждениями, которые она непосредственно доставляет, представляет собой даже большее благо благодаря стимулу, возбуждаемому ею для размышлений и для усердия.

Естественно, что все эти бесчисленные выгоды возникают вследствие действий людей, вследствие того, что люди, как мы знаем из хода истории, склонны действовать, руководствуясь сознанием выгод, которые можно получить от взаимного обмена продуктами различных стран. Можно привести многочисленные примеры того, как правительства сдерживают и запрещают естественную торговлю, которая, не будь их вмешательства, развивалась бы между различными странами. Но не было ни одного случая, когда правительства вызывали бы к жизни какой-либо полезный вид торговли, и нет ни одного примера, чтобы народ, если только его правительство ему не препятствовало, отказывался бы заниматься такой торговлей. Таким образом, торговля со всеми своими широкими разветвлениями, со всеми своими неизмеримыми выгодами, представляет собой явление естественного характера, вырастающее из различия природных условий, — почвы, климата и самопроизрастающих произведений земли. В своих операциях купцы руководствуются в настоящее время денежной ценой товаров, состоянием вексельного курса, законодательными актами и тем вынужденным положением вещей, которое вызывается этими актами. Со всеми этими соображениями наука политической экономии столь же мало имеет дела, как и с теми мотивами, которые заставляют фермера сеять пшеницу или разводить хмель. Судить об этом — дело купца. Политическая экономия довольствуется перечислением некоторых выгод, которые доставляет торговля, и установлением ее естественного происхождения. Конечным регулирующим принципом всякой внешней торговли — производится ли она между странами, находящимися под властью одного и того же монарха, или различных монархов — являются указанные важные естественные условия; всякое вмешательство со стороны правительства или отдельных лиц, ставящее своей целью задерживать взаимный обмен товаров или препятствовать взаимному обмену теми товарами, которые могут производиться исключительно

¹ «Moral Philosophy», vol. II.

или с наибольшей выгодой в ограниченных местностях, представляет собой нарушение естественного порядка, насилие, которое в принципе, если не по степени, равносильно вмешательству, запрещающему людям посвящать себя отдельным занятиям.

Доставляемые торговлей выгоды морального и материального характера неизвестны правителям человечества или, по крайней мере, в их оценке эти выгоды ничтожны в сравнении с сохранением их власти. Под влиянием невежественного честолюбия они устанавливают почти во всех случаях ограничения для существующей торговли и усиливают ограничения в торговле, которая могла бы производиться между различными государствами. Нельзя себе представить мероприятий, более вторгающихся в чужие дела или более нелепых. Отдельные лица, которые хотят обменять, скажем к примеру, французское вино на английский ножевой товар, находят это взаимно выгодным, и никакая третья сторона, будь ли это конкурирующий промышленник или купец, monopolный торговец или лендлорд, политик-теоретик или государственный деятель-практик, не имеет права при каких бы то ни было условиях заявлять, что такого рода обмен вреден, или ставить какие-либо препятствия на пути этого честного, почтенного и производительного вида деятельности. К несчастью, однако, этот принцип не пользуется еще всеобщим признанием, и деятельность купца подвергается вмешательству, предписаниям законов и регулированию в такой мере, которая не могла бы терпимой ни в какой другой отрасли общественного производства. Мы все заинтересованы в том, чтобы прекратить этот нелепый надзор, ибо если мы не приостановим вмешательства одного человека или группы лиц в дела другой группы людей — путем решительного и полного отрицания полезности этого вмешательства, — то мы можем докатиться до полного рабства, когда оно может быть приостановлено. Честолюбие ненастыто. Весь ход истории показывает нам, что в деле управления как королевством, так и клубами те, которым мы позволяем или которых мы просим принять на себя обязанности законодателя для некоторых маловажных целей, никогда не успокаиваются, до тех пор пока не приобретут власть предписывать нам наши речи, наше поведение и наши мысли.

Почему выгоды, проистекающие из территориального разделения труда, и — как следствие — выгоды в результате обмена товарами между областями с различным местоположением, должны ограничиваться странами, признающими одного и того же правителя, и почему этими выгодами нельзя пользоваться повсеместно? Почему не представить каждому человеку нашей страны свободу обменивать весь продукт или любую часть продукта его деятельности на продукты других трудолюбивых людей, живущих во Франции или в Испании, точно так же как и на продукты несчастных рабов наших колоний? Считается весьма выгодным, что хлопкопрядильщики в Лайкашире покупают пшеницу у ирландцев посредством своего собственного продукта, что промышленники Бирмингема и фермеры Чешира взаимно обмениваются металлическими изделиями и сыром,

что прасолы Шотландии предлагают скот за ячмень и что англичане торгуют с Китаем и Америкой. На каком же основании обмен товарами с соседними странами не должен быть в равной мере выгоден, и что общего между фактом, что они имеют разные правительства и их торговлей и с тем, что она должна быть ограничена или запрещена?

Если целесообразно, чтобы отдельный человек ограничивал свои усилия одной областью деятельности, чтобы, например, портной или рыбак не занимались не чем иным, кроме шитья платья или ловли рыбы, покупая в обмен на продукты своей специальной деятельности то, в чем они нуждаются; если горнорабочим Дергэма или Корнуолла выгодно быть только горнорабочими, приобретая свои ножи, кирки и порох в Бирмингеме и Гаунслоу; если жителям холмистой Шотландии выгодно заниматься исключительно скотоводством, ввозя ножевой товар и ткани из Иоркшира, — то для населения южного побережья Англии должно быть столь же выгодным обменивать свой продукт на продукт населения, которое живет на противоположном берегу канала и с которым оно в силу природных и географических условий более тесно связано, чем с Ирландией или Шотландией. А жителям этой обычно покрытой туманами, сырой страны, изобилующей углем, должно быть так же выгодно обменивать товары, производству которых благоприятствуют эти природные условия, на яблоки и инжир Нормандии, на изюм Превенса и на водку и вино Гасконии, и Английский канал в этом отношении не сильно разнится от Ирландского канала или от Твида. В самом деле, если бы провинции Франции, которые некогда изнемогали под скипетром наших Плантагенетов, признали бы теперь власть наших Гвельфов, если бы они управлялись и облагались налогами по законам, установленным в Вестминстере, если бы их дела управлялись нашими Эльдонами, Ливерпулями и Каннингами, то свободные торговые сношения с ними считались бы столь же выгодными, как признаются выгодными подобного рода сношения между Иоркширом и Сеффолком.

Оказалось, к счастью для нас и к счастью для всего мира, что когда наши колонии в Америке сбросили с себя ярмо британского парламента и короля и сами образовали Соединенные Штаты, то торговые связи между этими обеими странами были столь многочисленны, их взаимная нужда друг в друге была до того настоятельна и нечто похожее на свободные сношения между ними было в такой степени необходимо для процветания обеих стран, что независимо от желания государственных деятелей — а это желание явно обнаруживалось во многих стеснительных и безрассудных постановлениях на обоих полушариях — невозможно было запретить торговлю между Британией и Америкой и объявить ее вредной, как была запрещена и объявлена вредной торговля между царской страной и старинными владениями нашего короля на соседнем материке. До известной степени торговля между Соединенными Штатами и Великобританией была *дозволена* и она весьма содействовала процветанию обеих стран, показав всему миру, что организация людей, будь это различ-

ные политически организованные общества или же небомышние орды или банды рабов, не имеет ничего общего с успехами людей в области приобретения богатства, разве только то, что она мешает этим успехам и что торговля, которая выгодна, когда она ведется поддаными одного и того же государства, в равной мере выгодна, когда государства имеют разных правителей.

Ни один человек не может допустить, чтобы случайность, которая превратила наши прежние континентальные владения в часть вотчины Бурбонов, вместо того чтобы увеличить почти бесчисленное количество провинций, подвластных Гвельфам, или чтобы мудрость, освободившая народ Северной Америки от господства наших любящих забавы дворян, государственных деятелей-интриганов и алчных капиталистов, от государства, которое, видит бог, мы считаем достаточно обременительным, — ни один человек не может допустить, чтобы все это могло в малейшей степени изменить естественные и вечные законы, управляющие производством, благодаря которым взаимный обмен различными продуктами различных стран стимулирует труд, увеличивает жизненные удобства и подобно милосердию доставляет двойное благование, так как обмеж этот благотворен как для тех, кто покупает, так и для тех, кто продает.

Если читателю понятны теперь выгоды, доставляемые внешней торговлей, то достаточно будет несколько слов, чтобы разъяснить пользу, которую приносит купец-оптовик. Ясно, что производители товаров, предназначенных к обмену, чья деятельность состоит в том, чтобы производить товаров побольше с возможно меньшей затратой труда, не могут знать потребности людей в отдаленных частях света. Винодел должен быть знаком с принципами брожения, а производитель ткани должен знать искусство ткачества, вальания и крашения. Но чтобы отправить вино или ткань на соответствующий рынок, необходимо знание потребностей и вкусов разных государств. Подобного рода познания совершенно отличны от того знания, которое необходимо для производства товаров для обмена. Чтобы приобрести это знание, необходимо уделить ему как время, так и внимание. Искусству торговца необходимо научиться, точно так же как и всякой другой отрасли деятельности. Он труженик, по его труд есть, главным образом, умственный труд, и его профессия есть одна из отраслей разделения труда. Открывая рынок для товаров двух производителей, живущих на отдаленном расстоянии друг от друга и незнакомых друг с другом, он освобождает их обоих от этих хлопот. Он не производит ни вина в Португалии, ни ткани в Йоркшире, но, устанавливая, что один товар может с выгодой обмениваться на другой, и будучи главным агентом в происходящем обмене, он подобно упомянутому д-ром Нильсем часовщику, содействует производству как ткани, так и вина. Так как эти товары, как я уже установил, не были бы производимы, если бы они не обменивались один на другой, то купец должен считаться таким же орудием в производстве обоих товаров, и действительные производители вина и ткани. Он поэтому

столь же полезен, но не в большей мере, чем те, кто производит вино и ткань. Его профессия не могла бы существовать без них, и эта профессия возникает потому, что один оказывается в состоянии производить большее количество вина, а другой — большее количество ткани в сравнении с количеством, в котором каждый из них нуждается для собственного пользования.

Всякое богатство — это следует помнить — имеет отношение к нашим потребностям. Питательные и приторные абанасы, ежегодно созревающие и сгнивающие в диких странах Африки, и величайшие деревья, на протяжении столетий расцветающие и увяддающие в неисследованных лесах Америки, которых еще не видело ни одно человеческое существо и куда еще не ступала ни одна человеческая нога, — не представляют собой богатства. Но перевезите их из рынок Ковентгардена или на берега Темзы, и они немедленно приобретут то отношение к потребностям некоторых лиц, которое придаст материальному объекту характер богатства. Это — исключительный случай, но промысел купца состоит именно в том, чтобы придать до некоторой степени этот характер богатства всякому объекту, которым он торгует. Он перемещает товары из тех местностей, где они обладают небольшой стоимостью, в те местности, где они обладают высокой стоимостью, из тех местностей, где мало людей в них нуждается или вовсе никто в них не нуждается и где они обладают малой полезностью, в те местности, где они обладают высокой полезностью и где спрос на них больше. И поскольку дело касается этого отношения материальных объектов к потребностям людей, купец в такой же мере *создает* богатство, как и тот человек, который, превращая шерсть в ткань, приспособливает ее для одежды.

За эти ценные услуги он не оплачивается ни жалованьем, ни заработной платой, а лишь возрастшей ценой, которую товары приобретают вследствие перемещения их в местности, где их больше всего требуется. Вследствие такого способа оплаты главной задачей купца является всегда покупать тогда и там, когда и где товары дешевы, и продавать тогда и там, когда и где они дороги. Это — принцип деятельности купца, и потому она всегда и повсюду ведет к выравниванию цен. Поэтому было замечено, как, например, в Голландии, где в течение многих лет цена на зерно была сравнительно твердая, что когда торговля свободна и правительства предоставляют ее естественному течению, колебания цен невелики. Способ оплаты купцов и задача, которую они необходимо должны иметь в виду, показывают, что торговля не только не вызывала, как утверждают обычно, чередования процветания и упадка в условиях жизни общества и не вызывала колебаний в этих условиях, но что она, в действительности, стремится избавить общество от всех этих колебаний и даже защитить его от воздействия сезонных колебаний.

Что изобилие продуктов носит сезонный характер и что вследствие этого происходят большие колебания цен, вызывая, вероятно, некоторые из наиболее мучительных бедствий, которые могут разрушить чрезвычайно сложный механизм цивилизованного об-

щества,—все это хорошо известно. Однако эти колебания, которые кажутся чрезвычайно большими, когда они рассматриваются на ограниченных участках и в течение коротких периодов времени, исчезают, по мере того как наши наблюдения охватывают более обширные масштабы. Природа доставляет лекарство против бедствий, которые могут быть вызваны подобного рода колебаниями, компенсируя урожаем одного вида продуктов, урожаем одной области, одного климата, почвы или года бесплодие какого-нибудь другого года и какого-нибудь другого округа и недобор некоторых других культур. Такого рода предосторожность требует, однако, чтобы излишки плодородного года накапливались для обеспечения грядущих бесплодных лет и чтобы имеющийся в изобилии сбор урожая в одном месте был отправлен из того места, где продуктов имеется в избытке, туда, где имеются рты, но нет пищи. Установление всех этих обстоятельств и соответственная покупка и продажа являются одной из сторон деятельности торговца. Без профессии торговца этот благодетельный естественный порядок был бы бесполезен. Следует также заметить, что бедствия от таких сезонных колебаний, может быть, меньше чувствовались бы, если бы земля была менее населена, что эти бедствия возрастили бы и стали бы ужасными с размножением населения. Но когда происходит это размножение населения, то расширяется разделение труда, возникает промысел торговца, и его профессия ставит граждан густонаселенной страны в этом отношении в гораздо лучшее положение, по сравнению с тем, в котором находятся обитатели малонаселенных, хотя и более плодородных стран. Поэтому в течение последнего столетия в нашей стране не было таких громадных колебаний в ценах и не было таких голодовок, какие бывали у нас в XIV, XV и XVI столетиях и какие теперь бывают в Южной Америке; в Голландии цена на зерно также никогда не колеблется в такой мере, как в Испании. Торговля, которая обладает высокой степенью свободы в Голландии и поразительно ограничена в Испании, которая теперь так распространена в нашей стране, а прежде была почти неизвестна, представляет собой великое средство для предупреждения колебания цен и чередования скучности и изобилия.

Правительства некоторых стран, отличающиеся мудростью, приучая бедствия, вызываемые сезонными колебаниями, строят для общественного пользования хлебные амбары в целях предупреждения этих колебаний и для выравнивания результатов воздействия сил природы, по торговец, покупая товары тогда и там, когда и где они дешевы, и продавая их лишь тогда и там, когда и где они дороги, выполняет в действительности функции общественных хлебных магазинов, что бесконечно лучше, чем эти функции могли бы выполнить правительства. И разве великолепные склады, воздвигнутые на берегах Темзы, не являются общественными хлебными магазинами, пропускающими своими размерами и своим совершенством государственные магазины любого другого народа? И разве какие-либо получающие жалование государственные служащие были бы заинтересованы подобно торговцу в том, чтобы следить за колебаниями

рынка и предусматривать эти колебания? Дальновидность личного интереса купца постоянно настороже, и он может получать прибыль только тогда, когда его операции направлены на выравнивание спроса и предложения. Его мотивы себялюбивы, но последствия его деятельности не являются в силу этого менее благотворными. Эта деятельность не предписывается законодателем, но она составляет наиболее важную часть социального порядка. Торговля представляет собой один из многих примеров того, как природа регулирует и предписывает наше поведение в таких случаях, в которых правительства, — полагая, очевидно, что природа бросила нас в широкий океан вселенной без компаса, карты и кормчего, — считают, что эта забота должна составлять их обязанность. Мотивы отдельных лиц могут быть названы низменными, и возможно, что некоторые великие полководцы на море и на суше найдут их недостойными и бесславными. Однако природа, тем не менее, осуществляет при их посредстве задачи, которые имеют гораздо большее значение для человечества, чем все победы этих полководцев. Операции купца, хотя они и вытекают из в высшей степени себялюбивых мотивов, присуща положительная тенденция нейтрализовать сезонные колебания и равномерно распространять средства существования и жизненные удобства по всему цивилизованному миру и среди людей всех классов и положений.

Я прошу читателя запомнить, что я говорю только о естественных результатах деятельности торговцев, которые ставят своей задачей покупать тогда и там, когда и где товары дешевы, и продавать тогда и там, когда и где они дороги. Следует глубоко сожалеть о том, что в настоящее время честное имя и репутация этого рода трудящихся, которые чрезвычайно полезны для всего общества, узурпированы азартными спекулянтами. Поскольку торговцы обогащаются продажей товаров, производители которых очень часто пребывают в состоянии нищеты, они при самых благоприятных обстоятельствах способны возбудить зависть и пенависть, но эта узурпация навлекает на их имя и профессию презрение. К несчастью, в наше время, вследствие нашего огромного налогового обложения, бремя которого каждый пытается сбросить на своего соседа, и вследствие различий в стоимости бумажных денег, которые, в зависимости от благоусмотрения правительства, иногда размениваются, а иногда и не размениваются на золото, — низменная алчность и дух азартных подрядчиков стали одушевляющим принципом деятельности всех торговцев. Система надувательства в целях увеличения богатства распространилась во всем обществе, и наши купцы по большей части стараются обогащаться путем покупок и продаж на срок и путем азартной спекуляции. Трудолюбие теряет всю свою прелест, когда богатство может быть приобретено счастливой удачей. В настоящее время естественный порядок опрокинут, и богатство, вместо того чтобы быть лишь результатом усердного и привлекательного труда, является вознаграждением за случайную спекуляцию. Среди бесчисленных бедствий, создан-

вых нашей государственной денежной и кредитной системой, нет большего бедствия по сравнению с тем обстоятельством, что большое количество людей отвлекается от трудовых занятий. Под именем купцов эти люди рассчитывают на процветание потому, что они разными хитростями и надувательством вызывают переполохи на рынках или подъем либо падение курса ценных бумаг. Промысел настоящего торговца совершенно иной. Его профессия возникает из природных условий различных стран, вызывающих территориальное разделение труда, и в результате своей деятельности он выравнивает цены и нейтрализует сезонные колебания. Торговля является необходимым членом той сложной, но прекрасно объединенной и тонко устроенной системы общественного производства, которая вырастает естественно и независимо от всяких законодательных постановлений по мере размножения человеческого рода и которая делает цивилизованного человека значительно богаче, счастливее и лучше по сравнению с дикарем.

ГЛАВА VIII

ДЕНЬГИ

Определение денег. — Естественные условия, приводящие к изобретению денег. — Различные предметы, применяемые в качестве денег. — Благородные металлы приняты теперь повсеместно. — Основания, по которым дается предпочтение благородным металлам. — Они являются естественными или универсальными деньгами. — Разница между деньгами и богатством. — Обстоятельства, определяющие стоимость благородных металлов и количество денег, находящихся в обращении. — Правительства не могут изменять ни стоимости денег, ни их необходимого количества. — Происхождение чеканки монеты. — Она не изменяет естественного соотношения стоимостей благородных металлов. — Мошенничества, практиковавшиеся правительствами при посредстве чеканки. — Деньги до мельчайших деталей регулируются естественными условиями и поэтому не нуждаются в регулировании правительствами. — Происхождение государственных бумажных денег и зло, которое они причиняют. — Происхождение торговых бумажных денег. — Долговые обязательства и векселя. — Большое количество долговых обязательств и векселей, находящихся в настоящее время в обращении. — Преимущества этого вида денег. — Естественные условия, которые приводят к возвышению банкиров. — Их долговые обязательства составляют лишь незначительную часть торговых бумажных денег. — Преимущества банкнот. — Вред, который они приносят, обусловлен вмешательством правительства. — Размеры выпусков банкнот провинциальными банкирами. — Естественные условия контролируют и регулируют бумажные деньги.

«Деньги, — если воспользоваться определением д-ра Смита, — представляют собой орудие или средство, при помощи которого каждое отдельное лицо в обществе приобретает свои средства существования, предметы удобства и развлечения и которые достаются ему регулярно распределенные в соответствующих пропорциях». Деньги в действительности являются только орудием для покупки и продажи, они — предмет изучения политической экономии не в большей мере, чем изучение кораблей, паровых машин или прочих орудий, употребляемых для облегчения производства и распределения богатства. Они отличаются от всех других орудий тем, что ими пользуется все общество и что они не являются исключительной собственностью каких бы то ни было отдельных лиц. Они представляют собой также весьма поучительное доказательство способа воздействия общих законов природы на человеческий разум, порождающего единобразное поведение, в своей регулярности подобное движению планет. Правительства беспрерывно вмешивались в денежное обращение, в наше время став-

шее обильным источником запутанных дискуссий и мучительных перемен. Поэтому деньги привлекали пристальное внимание ученых, и вокруг принципов, регулирующих денежное обращение, возникли большие споры. Ввиду этого следовало бы коротко остановиться на них, хотя у денег как таковых нет больше оснований стать предметом рассмотрения политической экономии, чем у каких-нибудь других орудий или товаров, приносящих пользу человеку. Я не собираюсь рассматривать историю изменений в области денежного обращения, произведенных нашим правительством, а также исследовать борющиеся мнения и схемы писателей-теоретиков и поверхностных законодателей-практиков, я лишь ограничусь рассмотрением *естественных условий*, которые были причиной изобретения, *во-первых*, металлических, а *затем* бумажных денег, и которые регулируют количество и определяют стоимость тех и других.

Я уже упоминал об обстоятельстве естественного характера, которое приводит к тому, что в то время как все товары производятся в неравные периоды времени, потребности рабочего должны удовлетворяться ежедневно. Это обстоятельство, после того как возникло разделение труда, всегда и везде оказывает влияние на поступки людей. На самой примитивной стадии общества рыбак или охотник в состоянии добывать запас пищи в течение одной прогулки, но те, кто изготавливает луки и стрелы, членоки или каменные топоры, должны затратить несколько дней для завершения своей работы. Так, в настоящее время продукция пекаря, мясника или сапожника может быть доставлена на рынок в течение нескольких часов, в то время как фермер, кожевник или прасол должны ждать недели, месяцы или даже годы, прежде чем они смогут предложить свою продукцию для продажи. Это неравенство периодов, необходимых для завершения производства различных товаров, привело бы к тому, что охотник или пекарь обладали бы излишком дичи или хлеба, прежде чем производитель луков и стрел или прасол завершили бы производство какого-нибудь товара, который они предложили бы за излишек дичи или хлеба. Никакого обмена не могло бы произойти. Производитель луков или прасол должен был бы также быть охотником и пекарем, и разделение труда, если бы даже догадывались о доставляемых им выгодах, рассматривалось бы лишь как призрачная схема какого-нибудь пылкого энтузиаста. Ввиду очевидной пользы, которую приносит разделение труда, было выдвинуто средство для преодоления этой трудности, это средство заключалось в изобретении денег.

Другим обстоятельством естественного характера, повлиявшим на изобретение денег, было неравенство стоимостей товаров, которые не могут быть подвергнуты делению. Лук и стрела никогда не могли бы в точности быть равными по стоимости каждой из таких различных вещей, как хижина, лодка или топор, или равными по стоимости волу, оленю, зайцу или лососю; и эти вещи не могли бы обмениваться одна на другую без наличия какого-нибудь мерила, определяющего, сколько других товаров равно по стоимости тем то-

издам, которые, во избежание своего уничтожения, не могут быть подвергнуты делению. Это мерило, из чего бы оно ни состояло, и есть, следовательно, деньги.

«Предположим, что один человек, — говорит д-р Смит, — обладает большим количеством определенного товара, чем он сам нуждается, тогда как другой человек обладает меньшим количеством. Мясник имеет в своей лавке больше мяса, чем он может потребить, а пивовар и булочник охотно бы купили часть этого мяса. Но они не могут ничего предложить ему в обмен, кроме различных продуктов их собственного промысла, а мясник уже занялся тем количеством хлеба и пива, в котором он испытывает непосредственную нужду. В таком случае между ними обмен не может состояться. Мясник не может явиться поставщиком товара для пивовара и булочника, а они — его потребителями; и, таким образом, все они ничем не могут взаимно обслуживать друг друга». «Чтобы устранить это затруднение, — добавляет доктор Смит, — каждый из них постарался бы приобрести в собственность какой-нибудь (десбатиний) товар, о котором ему известно, что он будет другими людьми всегда и повсюду приниматься»¹. Этим товаром и являются деньги.

На основании объяснения, которое выдвигается д-ром Смитом, мы могли бы почти предположить, что он рассматривал изобретение денег как случайное явление, или, по крайней мере, что он не составил себе точного представления о тех специфических условиях, которые приводят к тому, что известный товар употребляется в качестве денег повсюду, где бы только разделение труда ни возникло. Этими условиями являются различие в периодах времени, необходимых для производства товаров, различие стоимостей неделимых товаров, а также и то, что один человек производит не те товары, в которых нуждается другой, тогда как он нуждается в товарах, которые имеются у других. Вследствие этих естественных условий рабочие никоим образом не могут удовлетворять свои взаимные нужды путем обмена. Поэтому изобретение денег или употребление известного товара в качестве мерила стоимости или средства обмена всех товаров является естественной и необходимой ступенью в развитии общества. Оно вызывается разделением труда, будучи существенно необходимо для его дальнейшего развития, и оно поэтому столь же полезно, как и само разделение труда, и столь же повсюду распространено.

Мы прежде всего займемся *металлическими деньгами* и будем рассматривать лишь благородные металлы. Хотя на заре исторического развития у большинства народов земного шара существовали меры емкости и длины, и при этом какой-нибудь специальный товар употреблялся в качестве мерила стоимости других товаров, однако подобно тому как один народ выбирает в качестве меры длины ярд, а другой — метр, точно так же в разное время и в разных местах в качестве денег употреблялись разные товары. В ранние периоды истории в качестве денег применялись наиболее-

¹ «Wealth of Nations», book I, chap. IV.

общеупотребительные товары, такие, как сноп, соль, железо и ткани¹, а в холодных странах, как, например, у древних русских,— меха², в Вест-Индии в качестве денег употреблялся сахар, в Нью-фаундленде — соленая рыба, а в некоторых частях Африки ходячей монетой были маленькие раковины. На западном побережье этого материка еще теперь, как раньше в Виргинии, существует обычай рассчитываться свертками табака или полосами железа, а в Борнео, как сообщает нам майор Денгэм из наблюдений во время своего недавнего путешествия, деньгами служат *gubkas*, или узкие полосы ткани. Однако благородные металлы, или золото и серебро, теперь, как и испокон веков, являются деньгами не только во всей Европе, но и в большей части Азии, Африки и Америки, и они охотно принимаются на островах Тихого океана. Так как природные свойства предопределяют употребление какого-нибудь товара в качестве меры или стоимости других товаров или как средства их обмена, то несомненно, что источником того предпочтения, которое повсюду отдается благородным металлам, являются очевидные природные свойства.

Этими природными свойствами являются особенные свойства металлов, которые заключаются, как показал г. Мак-Куллох, *во-первых*, в способности к почти бесконечной делимости, так что их можно употреблять для выражения стоимости товаров почти любой величины; *во-вторых*, в их большой прочности, вследствие чего они не разрушаются под влиянием времени; *в-третьих*, в их высокой стоимости при малом объеме, что обуславливает дешевизну их перевозки; *в-четвертых*, в однородности, так что куски металла одного и того же размера и наименования всегда равны между собой; и *в-пятых*, в устойчивости стоимости, вне наличия которой они не могли бы служить для измерения стоимости других товаров. Этим вовсе не утверждается, что стоимость золота и серебра не изменяется, но она подвержена изменению в меньшей степени, чем стоимость большинства других товаров. Другие упомянутые свойства также присущи в большей степени благородным металлам, чем каким-либо другим известным нам веществам, и эти свойства всегда и повсюду воздействовали с таким единобразием на человеческий разум, что они всегда заставляли его поступать однапаковым образом и употреблять благородные металлы в качестве денег. Власть самого могущественного завоевателя, которого когда-либо видел мир, длится только в течение его жизни, и влияние его простирается только на очень ограниченное пространство, в то время как упо-

¹ «Cours d'Economie Politique». По Гомеру, вооружения Диомеда стоили девять золот, но г. Гарнье показал, согласно примечания г. Сея к *Миторху*, что эта оценка производилась в своего рода металлической монете, на которой были вычеканены вол и бык и которая в силу этого обстоятельства получила свое название, точно так же как мы определенную монету называем *сокровеном*, вследствие того, что на ней имеется изображение головы короля. Нет никаких оснований для предположения, что голова короля вычеканиена на золоте вследствие того, что этот кусок золота обладает стоимостью приблизительно в 20 шилл., но вол имел, вероятно, стоимость, равную куску стекла, на котором он был отчеканен, и его изображение избрали потому, что оно прежде употреблялось в качестве денег.

² Ibidem.

грабление благородных металлов в качестве денег было известно сие много столетий тому назад, и в настоящее время оно почти повсеместно. Поэтому применение их в качестве денег, подобно разделению труда, началось — и этого никогда не следует забывать — без вмешательства какой-либо законодательной власти. Металлические деньги не похожи на армию солдат-разбойников, которая является детищем закона и творением правительства. Металлические деньги являются чем-то инстинктивно воспринятым человеческим родом. «Они не были, — говорит философ Тюрго, — изваны каким-либо соглашением между людьми или вмешательством какого-либо закона, но благородные металлы стали универсальными деньгами благодаря естественным условиям и силе вещей».

Иногда предполагали, что деньги и богатство являются синонимами, что действительно верно по отношению к отдельным лицам, но не по отношению к народам. Например, во время последней войны, когда банкноты английского байка были законодательной властью объявлены вполне пригодными в качестве денег, благородные металлы были почти изъяты из обращения. Несмотря на убыль нашего золота и серебра и несмотря на более чем разнузданное расточение нашей государственной казны, искони неизвестное даже подданным нашего наиболее сумасбродного правительства, увеличилось численность, могущество и богатство народа. Отдельное лицо добывает столько денег, сколько может, и оно считается богатым в соответствии с количеством денег, которым оно владеет или которое оно может приобрести. Но богатство народов измеряется исключительно удобствами, комфортом и роскошью, которыми наслаждаются все жители. Деньги, которыми обладает отдельное лицо, могут быть названы его богатством, потому что это лицо может купить при их посредстве все, что оно находит нужным. Деньги какой-либо страны могут в общем обращаться в качестве денег только в этой стране, и на слиток благородных металлов можно подобно тканям или хлебу покупать товары в других странах или его можно обменять на товары в соответствии с его внутренней стоимостью. Так как природные условия приводят к применению известного товара в качестве мерила стоимости других товаров и они настоятельно предлагают для этой цели выбрать благородные металлы, то мы едва ли можем допустить, чтобы количество денег, которое в определенное время имеется в какой-либо стране или требуется в этой стране, не регулировалось бы также каким-нибудь естественным условием. Так как деньги не являются продуктом законодательства, то закон не регулирует количества денег и не устанавливает их стоимости. Два естественных условия, которые существуют совершенно независимо от правительства, хотя они вмешиваются в денежное обращение и расстраивают его, а именно *количество труда*, которое требуется для того, чтобы приобрести или купить благородные металлы и другие товары, и количество меновых актов, которые совершаются при данных обстоятельствах времени и места, — эти два условия всегда определяют относительную стоимость этих металлов по отношению ко всем другим това-

рам, а также и количество этих металлов, которое должно быть в обращении.

Так как все товары представляют собой исключительно продукт труда, то нет иного принципа и не может быть иного принципа для определения относительной стоимости их в отношении друг к другу, кроме количества труда, которое требуется для производства каждого из них и всех их. Это обстоятельство устанавливает между благородными металлами и всеми другими товарами *естественное соотношение*, подверженное только таким изменениям, какие могут быть вызваны возрастающей трудностью или легкостью в производстве всякого товара, включая и благородные металлы. Я не говорю, что правительства не могут изменить и нарушить это соотношение, что они не могут запрещениями или премиями увеличивать затруднения по приобретению определенных товаров и что они не могут при посредстве специальных налогов нарушить соотношения, в которых товары обменивались бы один на другой естественным путем; но я говорю, что разные количества труда в силу *естественных* условий необходимы и что разные степени трудностей в силу *естественных* условий испытываются для того, чтобы добыть все товары и что эти разные количества труда, эти разные степени трудностей устанавливают в нашем сознании естественное соотношение между стоимостями всех товаров, включая благородные металлы, соотношение, которое хотя и может колебаться, все же всегда и везде существует совершенно независимо от каких бы то ни было человеческих законов. Благородные металлы имеют поэтому определенную стоимость как по отношению друг к другу, так и по отношению ко всем другим товарам, которая всегда определяется количеством труда, необходимого для производства каждого товара и всех их¹.

Таким образом, когда бывает неурожай, то, ввиду того что количество труда, затраченного на обработку земли и сбор урожая, остается приблизительно тем же, как если бы урожай был обильный, оказывается, что на производство данного количества зерновых хлебов было затрачено больше труда, чем обычно, и стоимость зерновых хлебов по отношению ко всем другим товарам соответственно повышается. Опасение в недостаточности зерновых хлебов может поднять цену гораздо выше цены, достаточной для вознаграждения земледельца за его труд. И независимо от этого опасения стоимость зерновых хлебов неизбежно возросла бы, так

¹ Может быть мне необходимо здесь отметить, что некоторые авторы отвергают труд как единственное мерилом стоимости, прибавляют к стоимости товаров прибыль и включают в нее ренту. Я не намерен занимать время читателя рассмотрением пустячных, пустословных и бессмысленных рассуждений этих авторов, тем более что все утверждения в тексте касаются только относительной стоимости товаров, которая у всех товаров одинаково подвергается воздействию прибыли и ренты. Поэтому, поскольку дело касается рассматриваемого мною отношения, рента и прибыль могут быть безошибочно отброшены даже согласно их теории. Рассуждение было бы попротивным, конечно, если бы я включил в число товаров творца всех богатств — труд, что они ошибочно большей частью и делают.

как на данное количество хлеба было затрачено больше труда. На основании этого же самого принципа хорошо известно, что последовательные улучшения, введенные в течение последнего столетия в производство всех металлических изделий и большинства суконных изделий, будучи источником уменьшения количества труда, необходимого для их производства, привели к падению стоимости всех этих изделий. В силу этого же самого принципа открытие Америки привело к снижению стоимости благородных металлов по всей Европе. Следствием этого открытия было снабжение нас золотом и серебром, в особенности последним, при посредстве меньшей затраты труда, по сравнению с той, которая была необходима, когда их добывали в рудниках Европы. В соответствии с этим стоимость золота и серебра в течение немногих лет настолько упала, что период открытия Америки стал замечательной эпохой как в истории политической экономии, так и в более широком смысле в истории человечества. После этого периода по всей Европе возникла необходимость давать за хлеб в три раза больше серебра, чем раньше¹. Это изменение распространилось повсюду, где благородные металлы употреблялись в качестве денег, и оно подкрепляет доказательность утверждения, что их стоимость в отношении к другим товарам определяется естественными условиями.

После установления этого принципа нам станет ясен и другой принцип, определяющий количество денег, в котором нуждается какая-нибудь страна. Золото и серебро употребляются для многих других целей помимо денег и они являются дорогими товарами. В качестве денег они облегчают обмен, который необходим для развития разделения труда. Рудокопы не будут доставлять этих металлов без соответствующей оплаты, а никто не станет оплачивать рудокопов, если не будет потребности в благородных металлах. Потребность в деньгах определяется количеством меновых сделок, которые должны быть совершены, или количеством товаров, которые должны быть куплены и проданы. Таким образом, количество денег, необходимое при данных обстоятельствах времени и места, всегда определяется количеством меновых сделок, которые должны быть совершены. Само собой разумеется, что относительная стоимость благородных металлов в отношении к другим товарам определяет, сколько их следует давать за другие товары, и количество продаж, которые должны быть совершены в течение данного периода, определяет,—поскольку деньги являются орудием, посредством которого эти продажи совершаются,—количество необходимых денег.

Правительства могут косвенным путем, но не непосредственно, оказывать влияние на количество промыслов и, таким образом, на количество денег, необходимых в стране. Они могут, например, чрезмерными налогами задержать развитие всей промышленности и задушить многие производственные предприятия, но так как они сами ничего не производят, то они не обладают властью развивать

¹ «Wealth of Nations», book I, chap. II.

промышленности и поэтому не обладают властью оказывать воздействие на количество денег, необходимых в какой-нибудь стране, или устанавливать это количество. Они, впрочем, пытались во все времена воздействовать на стоимость благородных металлов, употреблявшихся в качестве монеты, а также регулировать количество денег, находившихся в обращении. Не входя, далее, в рассмотрение истории правительственные мероприятия больше, чем это необходимо для объяснения принципов и причин государственного вмешательства, я здесь лишь отмечу, что всякий раз, когда правительства в своем законодательстве отступали от мерила, установленного только что указанными естественными условиями, то тенденция вещей к саморегулированию при посредстве этих естественных условий оказывалась настолько сильнее всех ограничений законодателя, что она рано или поздно преодолевала установленные им законы и вызывала страшные потрясения в соотношениях собственности.

Когда благородные металлы впервые стали употребляться в качестве денег, они всегда взвешивались подобно всякому другому товару, что практикуется еще и теперь в Китае и в некоторых других странах и применяется еще во всех странах по отношению к иностранной монете. «Авраам, — рассказывают нам, — отвесил Ефрону серебра в количестве, как он это объявил в присутствии сынов хетовых, четырехсот сиклей серебра, которые были ходячей монетой у купцов»¹. «Говорят, что доходы древних саксонских королей Англии поступали не деньгами, а натурой, т. е. съестными припасами и провизией всякого рода. Вильгельм Завоеватель ввел обычай выплачивать их деньгами. Эти деньги, впрочем, в течение долгого времени принимались казной *по весу*, а не по счету»². В настоящее время, когда мыносим мениле иностранные монеты или даже гинеи, то оп их взвешивает в целях определения их стоимости. Идея разделения металлов на мелкие куски, причем вес и стоимость каждого куска удостоверяются путем клейма или отметки, была позднейшим изобретением. Польза и удобство этого изобретения как средства всеобщего осведомления о неподдельности металла и величине его стоимости вскоре вынудили обратить на себя внимание. Видимые свойства благородных металлов присущи и другим веществам, и требуется искусство золотых дел мастера или пробирника, чтобы удостоверить, что они неподдельны. Каждый человек в отдельности не был бы в состоянии при покупке и продаже выполнить эту процедуру, даже взвесить каждый кусок металла было бы почти неразрешимой задачей. Путем определения пробы большого количества слитков, последующего их деления на мелкие части,—причем на каждой части отмечается, что она содержит известный вес чистого металла,—отдельные лица освобождаются от хлопот по определению пробы и взвешиванию металлов. Такая процедура называется поэтому чрезвычайно полезной, и вследствие этого чеканка была введена повсюду, где только благородные металлы употреблялись в качестве денег.

¹ «Genesis», chap. XXIII.

² «Wealth of Nations», book I, chap. IV.

Правительства, заметив выгоды, которые можно извлечь из чеканки монет, если взять ее в свои руки, запретили отдельным лицам чеканить монеты и объявили, что только они одни имеют на это законное право. Так как деньгами пользуется все общество, то регулирование и приведение в порядок денежного обращения не является специальной профессией какого-либо отдельного лица, хотя я не сомневаюсь в том, что если бы в это дело не вмешивались, то с развитием общества появился бы разряд работников, достойных общественного доверия, чьим исключительным занятием было бы снабжение металлическими деньгами, подобно тому как в настоящее время существует разряд людей, занимающихся снабжением бумажными деньгами. Впрочем, в данном случае, как и в бесчисленном количестве подобных случаев, предполагалось, что если бы законодательная власть не издала соответствующих постановлений, то царили бы только беспорядок и путаница, и что поэтому правительства присвоили себе право чеканки. Помимо того, те лица, которым дозволено чеканить монету, неизбежно должны пользоваться доверием публики, каким обыкновенно пользовались правительства, — правильно или неправильно, это должен решить сам читатель, — или же они должны заставить подчиниться своим приказам, и, присвоив себе право чеканки, они должны были или пользоваться доверием, или заставить себе повиноваться. Что касается меня, то я не вижу никаких других оснований, почему правительства взяли на себя обязанность снабжать общество чеканной монетой.

Напомним читателю, что чеканка не изменяет и не может изменить естественного стоимостного соотношения, существующего между благородными металлами и всеми другими товарами, если не считать того, что чеканка позволяет благородным металлам лучше выполнять функции денег, увеличивая их полезность и придавая им незначительное увеличение стоимости в соответствии с трудом, затраченным на пробу и чеканку. Мы сейчас увидим абсурдность любой попытки изменить относительную стоимость товаров, если эта попытка применяется к любой вещи, кроме денег. Например, если бы правительство постановило обменивать вола на овцу и овцу на шляпу или на пару чулок, то это безрассудство было бы высмеяно, и своим несправедливым вмешательством правительство возбудило бы наше негодование, а к его приказам отнеслись бы с презрением, и им не повиновались бы. То же самое происходило бы со всеми другими подобными товарами. В таком случае, что же такое свойственно природе золота и серебра, что освобождает их от действия этого общего закона и позволяет правительствам путем указов устанавливать такое соотношение между стоимостью золота и серебра и стоимостью других товаров, которого в действительности не существует? Ничего. И когда, например, утверждалось, что стоимость золотой монеты величиною в соверен равна стоимости количества серебра, содержащегося в двадцати шиллингах, или когда было решено чеканить золотые монеты, весом в известное количество гран, то изображение головы короля и государственного герба или какие-либо другие знаки предназначались только

для того, чтобы удостоверить этот факт для общества авторитетом главы государства. Это представляет собой признание, что золотой монета стоит двадцать шиллингов. Раньше существовал обычай обозначать на каждой монете ее вес и стоимость в отношении к какому-нибудь другому товару, и этот хороший обычай поддерживается до сих пор у некоторых народов на континенте. Золотая монета во Франции, хотя и называется *наполеондором* или *луидором*, своей обратной стороной указывает или указывала нам вплоть до последнего периода, когда современное правительство заменило лилии Бурбонов общепонятными словами, что она стоит столько, сколько двадцать серебряных монет или двадцать франков. В нашей стране население оповещается о стоимости монеты указом, и изображение головы его величества и государственный герб, или Британия, или Георгий и дракон заменены ясными обозначениями, всем нам попятными.

Когда читатель поймет, что правительства не обладают властью изменять естественное стоимостное соотношение благородных металлов и других товаров и что правительства присвоили себе право удостоверять это соотношение при выпуске монет лишь для того, чтобы, по их словам, охранять население от плутовства и обмана, когда он также вспомнит или узнает, что все правительства часто пользовались этим правом в целях надувательства и обмана своих подданных, тогда читатель составит себе правильное представление об их честности, благородстве и правдивости. Они или примешивали к благородным металлам простые металлы, или подразделяли их на более мелкие монеты, удостоверяя в то же самое время государственной печатью или изображением главы правительства, что монета содержит прежнюю стоимость. Я зашел бы слишком далеко, если бы занялся историей мероприятий различных правительств Европы, связанных с порчей монеты в их владениях, стремившихся путем плутней, недостойных самых гнусных негодяев, надуть своих подданных, хотя я не знаю, существует ли во всей истории человечества более поучительный урок доверчивости людей, поддающихся обману. Я должен лишь ограничиться единственным примером из истории английского фунта и пенса, которые в такой степени подделывались передовавшимися правительствами, что к тому времени, когда писал д-р Смит, в них заключалось лишь около одной трети первоначально содержавшегося в них количества металла¹. Однако совершиенно напрасными оказались попытки правительств придать монетам стоимость, отличную от той, которой обладали содержащиеся в них благородные металлы, как будто мы в состоянии установить то, что, по выражению д-ра Смита, совершается «рыночным торгом», или, вернее, трудом, необходимым для того, чтобы добыть

¹ Для иллюстрации цинного в тексте утверждения, я должен отослать к «Wealth of Nations», book I, chap. IV, к Storch, «Cours d'Economie Politique», vol. IV, к «Note on Banking» и к замечательной статье г. Мак-Куллоха под заглавием «Money» в приложении к Британской энциклопедии. Такие сочинения обучают действительной практической мудрости.

благородные металлы и все другие товары. Правительства или изменяли наименование монеты, оставляя количество содержащегося в ней металла неизменным, или они, сохранив то же самое наименование, уменьшали количество или ухудшали качество металла. Все попытки чередовавшихся у нас на континенте правительств сохранить фиктивную стоимость государственной монеты, находившейся в обращении, оказались совершиенно бесплодными. И был ли установленным масштабом *бунт* стерлингов в Англии, *льэр* во Франции, *флорин* в Австрии, все же в течение весьма короткого периода всюду приходилось обменивать их по стоимости содержащегося в них благородного металла, но не выше этой величины. Всеобщность этого факта устанавливается нами для того, чтобы показать как единство, так и всеобщность закона, который всегда и всюду устанавливает и определяет в сознании всех людей естественное стоимостное соотношение всех товаров.

Если бы уместно было в этом кратком трактате рассматривать вопрос о том, должны ли правительства обладать правом чеканки монеты или не должны обладать этим правом, и если бы этот вопрос заслуживал обсуждения, ибо, повидимому, он едва ли этого заслуживает, так как *бумажные деньги*, выпускаемые частными лицами, каковы бы ни были взгляды и практика законодателей по этому вопросу, без сомнения, заменят, даже в большей степени, чем в настоящее время, металлические деньги, — то, мне кажется, я мог бы показать, что, поскольку деньги не являются подобно грамоте о дворянстве или полку драгун изобретением и творением правительства, последние не должны регулировать чеканку монет ни в одной стране. Я уверен, что любому рассудительному человеку я мог бы показать, что для этой цели никто так решительно и совершенно непригоден, как те, кто обладает и пользуется политической властью. Опыт показывает нам, что из всех фальшивомонетчиков никто так не злоупотреблял доверием людей под предлогом защиты их от фальшивомонетчиков, как правительства. Подвергая монеты порче, правительства изменили все соотношения собственности и в каждой из стран Европы вызывали большее замешательство и большие разнообразных бедствий, чем это могло быть вызвано решением подданных этих стран не подчиняться власти правительства. Помимо того, практически вопрос, повидимому, уже решен. Доставлять необходимое количество слитков представляет собой, без сомнения, гораздо более важную часть всего процесса выпуска денег, чем проба и удостоверение их стоимости путем чеканки. Как правило, наше правительство никогда не вмешивается в доставку слитков, представляя это отдельным лицам, которые ввозят и вывозят слитки, смотря по состоянию рынков. Монетный двор чеканит только то, что приносят отдельные лица, в противовес здравому смыслу, отказываясь взимать плату за труд чеканки и облагая население налогами в пользу тех, кто торгует деньгами. Поэтому казалось бы, что как теоретически, так и практически наилучшим средством сохранить неизменной стоимость звонкой монеты в какой-нибудь

стране и иметь надлежащее количество ее в обращении было бы предоставление полной свободы ввоза и вывоза как слитков, так и монет, подобно всем другим товарам, и предоставление людям всех классов и положений свободы ими торговать, подобно тому как они в равной мере торгуют полезными товарами, вроде шляп и башмаков¹.

Во всех творениях природы мы можем заметить восхитительное единство целей, гармонию в выполнении цели, которая никогда не допускает возможности какой-либо коллизии, и совершенство, в силу чего нашему ограниченному рассудку не остается желать ничего большего. Нигде нельзя встретить каких-либо резких препятствий всеобщему порядку. И так как естественные условия на определенной стадии общества предписывают потребление благородных металлов в качестве денег, определяя как их стоимость, так и их количество, то представление, что в этом вопросе природа интересует давать свои предписания и предоставляет случаю или невежественным притязаниям самонадеянных людей управлять другими бесчисленными обстоятельствами, связанными с хорошо действующим и основательным денежным обращением, подобного рода представление находилось бы в противоречии с указанным общим порядком. Хотя иногда предполагают, что деньги — изобретение государственных людей и что деньги нуждаются в их контроле более, чем другие части той удивительной системы комбинированного производства, которая встречается в цивилизованном обществе, я, тем не менее, не знаю ни одной части этой системы, которая по сравнению с деньгами являлась бы лучшей иллюстрацией того важного факта, что эта система до своих мельчайших деталей регулируется естественными условиями. Деньги, как мы видели, представляют собой изобретение универсальное и потому изобретение естественного характера, а благородные металлы представляют собой универсальные или естественные деньги. Их стоимость определяется тем естественным законом, в силу которого труд производит все богатство и является единственным мерилом стоимости, и так как они обладают определенной естественной стоимостью по отношению к другим товарам, то количество денег, которое необходимо при данных обстоятельствах времени и места, определяется количеством продуктов, которые должны быть обменены, или количеством товаров, которые должны быть куплены и проданы. Необходимо соблю-

¹ Имеется достаточно оснований предполагать, что чеканка монет возникла у частных лиц и осуществлялась ими до того, как она была присвоена и монополизирована правительствами. «Во многих странах, — говорит г. Шторх, — задача удостоверения веса и чеканки металлов была представлена частным лицам». «Таково было положение дел в течение долгого промежутка в России». Государственная прерогатива чеканки, о которой столько говорилось в парламенте, является, таким образом, делом не столь отдаленной древности. В ней больше узурпации, чем в выпуске банкнот. Частные лица, занимающиеся чеканкой, всегда должны были бы отвечать перед публикой, по лицу, которые обладают правительственной властью, почти во всех странах безответственны. Они одни могут бесконтрольно обманывать общество. Они не должны поэтому подвергаться этому искущению, ввиду того что они одни обладают привилегией чеканки монет.

дать известную химическую пропорцию в сплаве металлов, для того чтобы они паилучшим образом соответствовали своему назначению выполнять роль денег, а математические законы должны определить, на какие равные части они должны быть разделены. Впрочем, последнего рода обстоятельства до сих пор не подвергались научному исследованию теми, кто занимался теорией денег или кто понапрасну пытался регулировать денежное обращение своими указами.

Прослеживая происхождение денег, я указал на главную пользу, которую они приносят. Они содействуют производству, облегчая обмен и способствуя разделению труда. «Когда деньги, — говорит г. Шторх, — замещают все другие товары, каждый человек может с большей готовностью отдаваться исключительно одному занятию, отвергая все другие средства удовлетворения своих потребностей кроме приобретения путем продажи своей собственной продукции такого количества денег, какое только возможно, будучи в полной уверенности, что на деньги он сможет купить любую другую вещь». Если человек за небольшие количества подверженных порче продуктов может получить продукты, которые порче не подвержены, у него не будет соблазна выбрасывать первые. Таким образом, употребление денег увеличивает богатство, предотвращая мотовство. Вред, иногда красноречиво приписываемый деньгам поэтами и моралистами, вытекает не из удобства пользоваться чеканными золотыми и серебряными монетами, а из человеческих страстей; они доставляют примеры расточительности или властолюбия, мошенничества, корыстолюбия или власти, которую одни люди имеют над трудом других людей, причем в отношении ко всему этому деньги представляют собой лишь знак, представителя и слугу.

Теперь следует рассмотреть *бумажные деньги*, которые в том или ином виде употребляются в большей части цивилизованного мира. Мы можем различать два вида бумажных денег, из которых каждый обладает весьма различными свойствами и приводит к весьма различным последствиям, а именно: бумажные деньги, выпускаемые, регулируемые и контролируемые правительствами, и бумажные деньги, выпускаемые купцами, банкирами и торговцами в целях торговли и обращающиеся между ними.

Бумажные деньги первого рода выпускались почти каждым правительством Европы или непосредственно от его имени, или через посредство какого-нибудь банка, фонды которого правительство присваивало для собственного пользования, между тем как оно принудительно поддерживало банкнотное обращение. На континенте правители государств обыкновенно выпускали свои собственные бумажные деньги или для определенной цели удовлетворения своих потребностей, взимая таким путем налог со своих подданных, или взамен металлической монеты. В нашей стране правительство, после того как оно взяло взаймы все фонды банка, издало закон, который придавал банкнотам банка законное обеспечение, и освободило банк от необходимости расплачиваться звонкой

монетой. В этом отношении оно поступило столь же произвольно, как и правительства континента. Оно превратило банк в государственную машину для выпуска и внедрения в обращение принудительных и обесцененных бумажных денег. Основания, которые заставляют нас отказывать правительству в привилегии чеканки монет, обладают десятикратной силой против того обстоятельства, что правительства становятся банкирами и занимаются выпуском всякого рода бумажных денег. «Оплата их банкнот, — говорит г. Шторх, — зависит от воли правительства, которое нельзя подобно частным лицам заставлять выполнять свои обязательства»¹. Как бы правительства ни подвергали порче металлические деньги, они все же обладают некоторой стоимостью и не могут быть выпущены в неограниченном количестве, но бумажные деньги, которые не могут быть обменены на звонкую монету, вовсе не обладают стоимостью, и так как не существует никаких границ для их выпуска, то это предоставляет лицам, обладающим властью, безграничную возможность причинять зло.

Этот род бумажных денег был изобретен в глубокой древности и пользование ими более широко распространено, чем читатель мог бы, повидимому, предположить. «Они были изобретены, — говорит г. Шторх, — гораздо раньше, чем был учрежден первый банк по денежному обращению. Банк святого Георгия в Генуе, самый древний из известных нам банков, был основан не раньше 1407 г., тогда как Хубилай, внук Чингис-хана, ввел бумажные деньги в Китае приблизительно в конце XIII столетия — пример, который вызвал неоднозначное подражание со стороны его двоюродного брата Хайгату, хана Персии. Оба, впрочем, должны были в скором времени упразднить эти деньги вследствие больших беспорядков, которые последние вызвали в их государствах». «Я не берусь утверждать, — продолжает г. Шторх, — что бумажные деньги были изобретены монголами, напротив, изобрести их было так легко, что ими, вероятно, пользовались задолго до этого периода. С тех пор, — прибавляет он, — китайское правительство опять ввел бумажные деньги в своих владениях, и я имею китайскую ассигнацию, которую дал мне один русский путешественник по своему возвращении из Китая»². На основании утверждений того же самого автора, бумажными деньгами, повидимому, пользуются также и в Турции.

Поэтому бумажные деньги, выпускаемые правительствами, обладают весьма обширной известностью и ими издавна пользуются. О бумажных деньгах этого рода я могу лишь сказать, что они всегда выпускаются с той целью, чтобы тайком и обманом собирать налог с населения. Это — подлинное плутовство и преступление, и начиная с того периода, как они были изобретены татарами разбойником Хубилаем, представлявшим собой достойный плод монгольской жадности, кощая актами последней сессии нашего парла-

¹ «Cours d'Economie Politique», book VI, chap. XIV.

² «Cours d'Economie Politique», vol. IV, note XVI.

мента или выпуском казначейских билетов, разрешенным парламентом во время нынешней сессии, бумажные деньги, выпускаемые, регулируемые или контролируемые правительствами, подобно их начальному периоду, и подобно Китаю и Персии, всегда были во всех странах источником бесчисленных беспорядков.

Торговые бумажные деньги представляют собой нечто совершенно другое; обязательства на оплату известной суммы денег к определенному сроку, вероятно, являются наиболее древним видом торговых бумажных денег, и, должно быть, применение их обладает такой же давностью, как письменность и торговля в их начальной форме. Купец, который пускается в далекое плавание, или промышленник, который задумывает обширное предприятие, нуждаются в средствах существования и в средствах для непрерывности своих операций до тех пор, пока их продукция не будет доставлена на рынок. Они поэтому берут в кредит товары, в которых они повседневно нуждаются, или взаймы деньги для покупки этих товаров, облизуясь произвести уплату к определенному сроку или тогда, когда их собственный продукт будет продан. Им охотно предоставляют эту ссуду, потому что их единственным средством платежа будет будущая продукция, и в действительности лишь товары, произведенные для обмена на товары, в которых они непосредственно нуждаются, являются, конечно, единственным рынком для обменаляемого продукта. Таково было, вероятно, происхождение долговых обязательств, и последние в своей наиболее законной форме представляют собой просто удачное изобретение, подобное металлическим деньгам, назначение которого содействовать обмену товаров, производство которых завершается в различные периоды времени; без такого рода изобретения эти товары никогда не образовали бы друг для друга рынка, и, следовательно, ни один из них никогда не был бы произведен. Однако долговые обязательства следует рассматривать как следствие, главным образом, такой длительной коммерческой, предпринимательской деятельности, связанной с изготовлением товаров, производство которых продолжается период времени, превышающий месяцы или годы, причем такого рода примеры не встречаются на ранних стадиях развития общества.

Всякая торговля, которая名义上 хотя и ведется при посредстве денег, в действительности представляет собой обмен одного товара на другой. Лондонский купец закупает в Оporto вино на известную сумму мильрейсов, а португальский торговец заказывает ткань в Лондоне на такое же количество фунтов стерлингов; но на самом деле ткани оплачиваются вином, а вино тканями. Португальский торговец приобретает у своего соседа-виинодела по надлежащей цене приказ на то, чтобы лондонский импортер оплатил вино, или лондонский импортер приобретает у производителя тканей приказ на то, чтобы португальский импортер оплатил его ткани. При посредстве такого приказа каждый из этих торговцев имеет возможность платить своему кредитору на месте, где он живет, не пользуясь деньгами. Приказ на получение такого рода суммы денег

называется векселем. В действительности, таким образом, ткани обмениваются на вино, причем деньги используются только для того, чтобы произвести расчет по всем товарам, но не передаются из рук в руки и даже не применяются для производства платежа.

Очевидно, что такие приказы, или векселя, не ограничиваются производством платежей, говоря языком политики, между чужеземными странами. Ими пользуются также для производства платежей между отдельными лицами одного и того же государства. Чтобы предоставить тому лицу, на которое эти векселя были выставлены, возможность оплачивать их,—а это зависит, главным образом, от продажи или от завершения производства товара, в счет которого ему был предоставлен кредит,—производство платежей по векселю приурочивается к определенному сроку или после этого срока. Подобно долговым обязательствам они также имеют установленный и твердый срок платежа и в общем они являются представителями товаров на пути их к рынку.

Те, кто получает долговые обязательства или имеет векселя, срок платежа которых еще не наступил, могут быть вынуждены совершать покупки или производить платежи, когда у них нет денег. В этом случае они передают свои долговые обязательства, или векселя, своим кредиторам, гарантируя свой кредит, поскольку кредит лица, выдававшего долговые обязательства, или кредит акцептата векселя уже являлся гарантой за его платеж. Таким образом, долговые обязательства и долгосрочные векселя проходят через многие руки и служат средством для многих платежей, прежде чем они окончательно погашаются. В общем все bona fide коммерческие векселя и долговые обязательства ведут свое происхождение от вполне обоснованной уверенности на получение впоследствии путем производства или продажи товаров средств для их выкупа или для их оплаты.

Так или иначе, они в громадном большинстве случаев принимались и, таким образом, рассматривались как обладающие одинаковой стоимостью с теми деньгами, на получение которых к определенному сроку и в определенном месте они дают право своим держателям. До тех пор пока на них существует подобная точка зрения и пока они находятся в обращении или переходят из рук в руки, они выполняют все функции денег.

«Векселя, — говорит г. Бурджес, — давно уже перестали быть простым орудием торговли, имеющим своей целью усовершенствовать заключение торговых сделок между различными странами, и *внутренние векселя* постепенно все более и более становятся частью нашего денежного обращения; вследствие высоких гербовых сборов на мелкие суммы они перестали быть такими же ходжими среди промышленников при платеже мелких сумм, ниже десяти фунтов, какими они были тридцать или сорок лет тому назад. Векселя же на суммы выше десяти фунтов составляют теперь совершиенно такую же часть денежного обращения, как банкноты Английского банка. Они употребляются для оплаты ископаемых всех видов, сырых материалов, применяемых в промышленности,

всех главных предметов питания и одежды, а в последнее время в некоторых случаях даже просто для оплаты труда. Если мясник северной Англии покупает скот, то он одлачивает его частично такими векселями, а частично банкнотами местных банков. Когда мельник покупает зерно либо муки торговец или пекарь покупает муку, они поступают подобным же образом. Когда йоркширский торговец шерстью покупает шерсть у фермеров в деревнях, или в Нортумберленде, или в Линкольшире, то он платит за нее частично векселями, частично банкнотами местных банков, а иногда полностью векселями или банкнотами. В промышленных округах Йоркшира и Ланкашира ни один человек в общем даже не думает платить за товары, стоимость которых выше десяти фунтов, иначе, как векселями на более поздний срок. Эта практика очень широко применяется в настоящее время во всех северных и средних графствах и развивается в других частях страны¹. «Вексель на три месяца считается в Ланкашире, отчасти и в Йоркшире, где обращается почти половина векселей всего королевства, как платеж деньгами»². Г-н Бурджес пытается затем сделать некоторые выводы о количестве такого рода векселей, постоянно находящихся в обращении. Данные, которыми он пользуется, повидимому, заслуживают доверия, и он приходит к заключению, что сумма такого рода векселей, которые постоянно находятся в обращении, непрерывно выполняя функции денег, составляет не менее трехсот миллионов стерлингов. Независимо от того, является ли это утверждение безусловно точным или нет, ни один человек, даже весьма мало знакомый с современным способом ведения дел, не может сомневаться в том, что векселя и долговые обязательства, выпускаемые промышленниками, купцами и торговцами и обращающиеся среди них в настоящее время, составляют в нашей торговой и предпринимательской стране подавляющую часть обращающихся денег, понимая под последними орудие, употребляемое при покупке и продаже.

Этот вид денег сравнительно недавнего происхождения, и он развился с такой большой быстротой, что правительства еще не помышляют о регулировании их выпуска, если не считать того, что они взимают гербовую пошлину с векселей и банкнот. Мы поэтому все хорошо понимаем, что это ценное орудие не является продуктом законодательства. Можно даже сомневаться, существует ли какая-либо возможность регулировать или контролировать законодательным путем это орудие обращения без такого вмешательства в дела частных лиц, с которыми можно было бы мириться. Санкционируют ли выпуск торговых бумажных денег те немногие самонадеянные существа, которые называют себя *правительством* и которые самонадеянно принуждают себя так называть, множество

¹ «Letter to the Right Hon. G. Ganning, etc., etc.» by Henry Burgess, Esq., p. 19.

² Ibid., p. 24. Это письмо было, очевидно, написано лицом, знакомым с торговыми округами Англии, и его утверждения заслуживают, насколько мне известно, доверия читателя.

существ, столь же безрассудных, как их владельцы; разрешат ли они выпуск всяких купюр или они ограничат их определенной суммой,— бумажные деньги должны составлять и будут составлять главную часть орудий обращения в каждой плотно-населенной и промышленной стране. Они возникают во всех странах, потому что без помощи и почти без ведома законодательной власти ими пользуются в любой части цивилизованного мира. Они, повидимому, такая же необходимая ступень в прогрессивном развитии общества, как и металлические деньги, которые они в значительной мере заменили и, повидимому, предназначены полностью заменить. Могут ли бумажные деньги заменить собой золото и серебро — это не теоретический вопрос. То, что можно пользоваться бумажными деньгами вместо металлических, замена металлических денег бумажными,— это не предполагаемые распоряжения некоторых отдельных лиц или законодательной власти; это не схема какого-нибудь пылкого проектировщика. Практика и всеобщее признание показали, что значительная часть меновых сделок может совершаться и в действительности совершается без применения металлических денег. С развитием общества можно будет поэтому обойтись без дорогих товаров — золота и серебра,— и благодаря удачному изобретению торговых бумажных денег весь труд, который необходимо затратить для того, чтобы применять в денежном обращении благородные металлы, образующие в одной только нашей стране сумму в несколько миллионов стерлингов в год, весь этот труд может быть направлен на производство товаров, способных удовлетворить наши насущные потребности или увеличить наши жизненные удобства.

Долговые обязательства, выпускаемые банкирами и обычно известные под именем банкнот, представляют собой только специальный вид торговых бумажных денег. Собственно говоря, они не в большей мере рассматриваются наукой политической экономии, чем долговые обязательства или векселя всякого другого разряда торговцев. Все вместе они составляют, включая банкноты Английского банка и все банкноты, выпускаемые частными банками, не свыше шестой части торговых бумажных денег страны. Почему они привлекли такое исключительное внимание политиков и почему они подверглись такому резкому осуждению, тогда как всякий другой вид бумажных денег, в особенности узаконенный правительствами, который является самым худшим видом бумажных денег, остался незамеченным или восхвалялся, — это не может быть объяснено на основе каких-либо научных положений. Но, ввиду того что это является фактом, я намерен в самых кратких чертах объяснить происхождение частных банкиров и пользу, которую они приносят, а также происхождение и пользу выпускаемых ими банкнот. Из этого объяснения мы, вероятно, узнаем, что они составляют необходимую часть той великой общественной системы производства, которая не является продуктом законодательства, и что они не должны поэтому каким бы то ни было образом и в какой бы то ни было мере подвергаться воздействию законодателя.

Очевидно, что за исключением банков, специально учрежденных правительствами, подобно ассигнационному банку в С.-Петербурге и банку в Стокгольме, а также банков, разрешенных и узаконенных правительствами, которым подобно Английскому банку правительства предоставляют исключительные привилегии, наличие такого класса торговцев, как банкиры, может быть приписано какому-либо акту законодательной власти не в большей степени, чем наличие таких отдельных классов, как фермеры и купцы. С размножением населения и развитием разделения труда один класс людей стал торговать исключительно деньгами, тогда как другой класс людей — лишь вином или манчестерскими товарами. С расширением торговли меновые сделки между различными государствами и между различными частями этих же самых государств стали более частыми, и появилась необходимость в частой пересылке денег или векселей. Этот вид занятий попал в руки тех, кто торговал исключительно деньгами. Вследствие этого вскоре нашли удобным пользоваться их услугами для выполнения всех расчетов между купцами, проживавшими в различных местностях и даже проживавшими в одной и той же местности. Благодаря широким связям, которые установились у банков в результате этих операций, они ознакомились лучше кого бы то ни было с состоянием дел и кредитоспособностью купцов и промышленников. Это позволило им выгодно отдавать деньги взаймы, и большинство тех лиц, которые отдавали деньги взаймы, передавали их для этой цели в руки банкиров. Банкиры, таким образом, стали и все еще являются главными агентами по снабжению деньгами или капиталом тех лиц, которые управляют полезными предприятиями, но продукция которых не может быть без промедления доставлена на рынок. Так возник класс людей, названных банкирами, которые издавна были и теперь еще являются весьма полезными работниками. Мы можем убедиться в их полезности, исходя из того обстоятельства, что их можно найти в любой части Европы и что торговцы и купцы всех разрядов и положений охотно пользуются ими. Банкиры появились впервые в Италии, которая в то время была самой предприимчивой и цивилизованной страной в мире. Из этой страны они пришли в нашу страну, — Ломбардстрит, главный центр наших банковских предприятий, позаимствовал у них свое название, — и в настоящее время, когда в Италии профессия банкира представляет собой почти угасший вид деятельности, они обосновались в каждом городе нашей страны, которая в настоящее время является крупным Центром коммерческих предприятий и страной наиболее успешно развивающейся в смысле естественной системы совместного производства. Профессия банкира является естественным результатом разделения труда и расширяется по мере роста населения. Если она является только небольшой, хотя и необходимой, отраслью этой обширной системы, то почему же ее операции или дела должны каким-то образом регулироваться той законодательной властью, которая не участвовала в их возникновении и не способна расширять разделение труда?

В действительности существует только небольшая часть банков-

ских операций, в которые наше правительство вмешивается, а именно выпуск долговых обязательств. Рассмотрим поэтому их естественное происхождение. Банкиры получают деньги в виде вкладов и дают деньги взаймы. Они поэтому как правило являются людьми, пользующимися прочным кредитом и заслуживающими доверия, и ввиду того что они производят все денежные сделки по всей окрестности, естественно, что их долговые обязательства охотнее принимаются, чем долговые обязательства всех других торговцев. Поэтому, вместо того чтобы дать в ссуду купцу или промышленнику деньги для покупки товаров, банкиры ссужают им свой кредит. Банкиры обменивают крупные долговые обязательства или векселя других торговцев на свои собственные небольшие долговые обязательства. Для торговца, ввиду солидной кредитоспособности банкира, эти небольшие долговые обязательства так же цепы, как золото. Банкиры питают доверие к тому лицу, которому они ссужают деньги на весь тот отрезок времени, на который выдается вексель, а долговые обязательства банков предпочтитаются всеми другими людьми вследствие всеобщего доверия, которым они пользуются, и вследствие того, что их обязательства оплачиваются по предъявлении, тогда как крупные коммерческие векселя, выданные в счет товаров, еще не поступивших на рынок, всегда выставляются к оплате в установленные и отдаленные сроки. Банкноты вырастают из векселей и долговых обязательств и отличаются от других видов торговых бумажных денег только тем, что являются долговыми обязательствами определенного класса лиц, пользующихся всеобщим доверием, и они имеют в общем то большое преимущество, что оплачиваются по предъявлении. Обстоятельства, которые привели к изобретению банкнот, благодаря этим последовательным мероприятиям стали настолько очевидными, и банкноты, принимаемые без вмешательства законодательства, но обычно в соответствии с тем, как общество преуспевает в создании богатства, стали столь очевидно полезными, что, я думаю, мы можем без всякого колебания предположить, что они также составляют необходимую часть великой естественной системы совместного производства. Я не вижу поэтому с научной точки зрения никаких оснований, почему выпуск долговых обязательств банкирами должен в каком бы то ни было отношении или в какой бы то ни было степени регулироваться, контролироваться или подвергаться воздействию законодательной власти.

Поразительное распространение, которое приобрела практика регулирования счетов и производства платежей без вмешательства денег, вряд ли известно громадному большинству общества. В Лондоне существует место, названное расчетной палатой, где служащие различных банкирских домов встречаются ежедневно в определенное время, чтобы урегулировать все счета между этими банками. Так как почти все купцы и торговцы всякого рода производят все свои платежи при посредстве векселей, оплачиваемых в каком-нибудь банке или при посредстве чеков, выданных на имя какого-нибудь банкира; ввиду того, что они все имеют вклады в банках

и ввиду того, что значительное количество сделок, происходящих в стране, заключается или расплата по ним производится в столице,— то наиболее значительная часть всех видов платежей, возникающих не только на основе торговли в столице, но также и на основе торговли значительной части страны, производится лондонскими банкирами, в силу чего они должны ежедневно выплачивать друг другу огромные суммы. В 1810 г., согласно свидетельским показаниям, данным Комитету о слитках, величина суммы, которой расплачивались в обычные дни в Лондонской расчетной палате различные банкиры, достигала, по крайней мере, 5 млн. ф. ст., а в расчетные дни на бирже эта сумма часто составляла 14 млн. Однако благодаря тому, что служащие различных банкирских домов встречались в расчетной палате и выплачивали только остатки по своим счетам, то вся сумма денег или банкнот, которая требовалась для оплаты громадной суммы в 5 млн. ф. ст., составляла только 220 тыс. ф. ст. ежедневно. Банкиры столицы являются агентами для оплаты большей части обращающихся векселей, так что в действительности главные денежные сделки во всей Англии регулируются вышеупомянутой незначительной суммой. Предполагается, и вполне основательно, что можно и должно обходиться и без этой суммы. Таков пример естественной и обширной системы совместного производства. Мы эту систему не знаем, мы ее не замечаем, но она постоянно расширяется и постоянно упрощается. Столько нелепостей говорилось в парламенте и писалось во всем свете о банкирах и банкнотах, что по справедливости следует указать, что это благотворное упрощение является результатом банковского дела и применения торговых бумажных денег.

Перечислим вкратце преимущества банковских бумажных денег. Мне кажется, что они являются столь полезным орудием для удовлетворения ежедневных потребностей тех людей, продукция которых требует длительного времени для своего завершения, что с развитием общества без них так же невозможно обойтись, как без весов и без мер. Они дешевле монеты, и прибыль, получаемая банкирами, вытекает в первую очередь из того, что они замещают дорогое орудие дешевым. Впрочем, такая прибыль может быть велика, только пока процесс освобождения от монеты идет быстро, тогда как по своей собственной природе он должен развиваться весьма постепенно. Нет никакой возможности сразу заменить благородные металлы бумажными деньгами для народа, привыкшего к благородным металлам в виде монеты. У народа, когда-то привыкшего к бумажным деньгам и которому опять навязали металлическое обращение, бумажные деньги могут при благоприятных обстоятельствах быстро заменить золото. Этот процесс освобождения от монеты и замены ее наше правительство почти периодически возобновляло, то разоряя банкиров, то соблазняя жадность банкиров перспективой огромных прибылей, вызываемых возвращением к бумажным деньгам, разрешая в 1822 г. выпуск банкнот в небольшие суммы провинциальным банкам и запрещая их в 1826 г., тогда как в 1836 г. они, вполне вероятно, будут опять разрешены. Во всех мероприятиях, ко-

торые были прияты или рекомендованы в отношении выпуска банкнот, трудно было бы найти какой бы то ни было единий научный принцип. Они прямо и совершенно противоположны регулярному прогрессивному и непоколебимому ходу цивилизации.

Уже было объяснено, что количество денег, которое необходимо в каждый данный момент в обществе, зависит от количества сделок. В настоящее время это количество неизбежно изменяется в связи с временем года. Чтобы удержать по возможности неизменной стоимость денег, количество денег должно изменяться вместе со сделками, которые должны быть совершены. Как правило, банкиры должны выпускать банкноты, учитывая коммерческие векселя bona fide, которые предоставляют наилучшие, какие только возможны, данные для суждения о количестве сделок. Выпуск банкнот, изменяющийся вместе с суммой учтенных векселей, которые, следовательно, возвращаются во всех случаях обратно к банкиру, если он слишком много выпустил их в обращение, быть может, самый лучший способ, какой только можно себе представить или какой можно придумать, для того чтобы заставить количество денег в обществе изменяться вместе с количеством сделок. Таким образом, если выпуск банкнот свободно разрешается, если законодательная власть не наделяет никакие корпорации исключительными привилегиями, если выпуски банкнот, производимые каждым банкиром, тормозятся и контролируются будительностью банков-соперников, то банкноты постоянно стремятся предупредить все те колебания цен, которые возникают благодаря изменениям в соотношении между количеством сделок, которые должны быть совершены, и количеством денег, находящихся в обращении.

Если бы монета имела хождение в малых размерах или если бы она вовсе не употреблялась, то она представляла бы собой номинальное мерило, не подверженное порче от изнашивания. Бумажные деньги, которые заменяют их и которые непрерывно возобновляются за счет тех, кто их выпускает, не подвержены никакой порче. В этом случае монета становится по отношению к бумажным деньгам тем же, чем является по отношению ко всем мерам емкости в королевстве государственный галлон, отданный под охрану спикера палаты общин: она становится почти неизменным масштабом, не подверженным порче и износу от ежедневного употребления, в силу чего монета может подвергаться, а бумажные деньги везде и всегда подвергаются исправлению и реформированию. При таком номинальном масштабе бумажные деньги, пока их обращение остается совершенно свободным, представляют собой, повидимому, такое мерило стоимости, которое не может быть ни обесценено, ни подвержено колебаниям.

На бумажных деньгах шрифт четкий, и каждый, кто умеет читать, может узнать их стоимость. Но чтобы знать, пригодна ли монета или она не пригодна, требуется искусство пробирщика. В этом смысле банкноты лучше, чем монеты. То обстоятельство, что они часто подделывались, является, как мне кажется, почти во всех случаях

результатом монополии Английского банка. Банкноты, выпускаемые частными банкирами, которые контролируют и проверяют друг друга, редко подделываются или никогда не подделываются. Их обращение в такой мере ограничено определенной местностью, они так часто возвращаются благодаря естественному ходу сделок к тому лицу, которое их выпускает, что почти невозможно подделывать их с какой-либо надеждой на извлечение выгод. О кредитоспособности провинциального банкира, чьи банкноты замещают лишь деньги непосредственно по соседству, может судить почти каждый человек, в чьи руки банкноты попадают, так что вряд ли будет преувеличением предположение, что если бы банковскому делу в целом предоставлена была полная свобода подобно предприятиям, где производятся шляпы, если бы не было государственных и национальных банков, то банкноты никогда не подделывались бы и никогда не выпускались бы в чрезмерном количестве¹.

Я прошу читателя вспомнить, что я старался только установить естественное происхождение торговых бумажных денег и что я намеревался применить вышеупомянутые замечания лишь к тому виду бумажных денег, которые среди производительных классов общества возникают на основе разделения труда. Было бы безумием отрицать, что в наше время как государственные, так и торговые бумажные деньги приводят к неисчислимым убыткам. Мы видели, как в течение нескольких лет номинальные цены поднимались и опускались на 20% и что эти колебания были вызваны ошибочным выпуском бумажных денег. Целые гекатомбы несчастных существ были принесены в жертву на алтарь закона за то, что они следовали авторитету тех, которые в гораздо большей мере злоупотребляли доверием публики, чем их жертвы, приговоренные к смертной казни за свое преступное корыстолюбие. Долги увеличивались или уменьшались, и все денежные обязательства существенным образом нарушались. Один класс подвергался надувательству за то, что другой обогащался, и весь ход дел вышел из своей обычной колеи. В результате в течение двух лет, следовавших один за

¹ Если высказанное здесь утверждение о происхождении бумажных денег и о причине их полезности правильно, то мы не имеем оснований для сурового осуждения любого вида правительственных бумажных денег. Правительства не являются производителями, они не располагают товарами на пути к рынку и не имеют никакого основания притязать на право выпуска бумажных денег, даже казначейских билетов. Даже краткосрочные казначейские обязательства являются неприемлемыми. Они представляют собой доход, который должен поступить лишь в будущем. Но весь кредит, получаемый в обычном порядке под товары, — в которых и заключается упомянутый доход, — получается и используется в форме тех или иных векселей и прочих денежных обязательств. Торговцы же и фабриканты тем временем изготавливают изазванные товары или доставляют их на рынок.

Всех векселей, выданных под одни лишь доходы теми лицами, которые не производят товары, хотя они и имеют право на получение впоследствии определенных сумм, находится в обращении более чем достаточно для совершения деловых сделок в стране. Они систематически выпускаются для того, чтобы векселедатель мог получить известную долю продукции, производимой другими лицами, не имея еще законного права на нее.

другим, никто не был уверен в сумме своего дохода, и замешательство, ужас и страх, каких, быть может, никогда не было ни в одной стране, если она не подвергалась нападению победоносного врага или не опустошалась каким-либо великим стихийным бедствием, вызывались из года в год в нашей стране благодаря изменению количества и стоимости бумажных денег. Если такие бедствия не отделимы от изобретения бумажных денег, то каковы бы ни были естественные преимущества этого изобретения, они были в значительной мере превзойдены социальным вредом, который они приносят, и никакое осуждение бумажных денег не было бы достаточно строгим. Но читатель найдет в «Богатстве народов», в прекрасной статье г. Мак-Куллоха «Деньги», помещенной в приложении к Британской энциклопедии, и в книге г. Шторха многочисленные примеры того, как правительства путем *вмешательства* в металлическое денежное обращение вызвали, говоря словами д-ра Смита, «большую и более универсальную революцию в состояниях частных лиц, чем это могли бы причинить крупные общественные бедствия». Однако после издания книги д-ра Смита правительства продолжают в последнее время, в связи с наличием широкого распространения бумажных денег, добиваться тех же самых вредных целей путем вмешательства в бумажноденежное обращение. И современное поколение, переживая присущие только ему бедствия, не обращая, повидимому, внимания на экономическую историю Европы или не будучи с нею знакомо, приписывает эти колебания самому орудию, в то время как они вызваны теми злоупотреблениями бумажными деньгами, к которому прибегали почтенные правительства Европы. Такого рода колебания, вызванные подобным же поведением правительства, часто случались и тогда, когда все денежное обращение Европы состояло из одинаковых монет.

Если мы станем осуждать пользование бумажными деньгами из-за того, что ими злоупотребляют, то нам придется все порицать. Что может быть более восхитительным или более утешительным, чем религия, но что подвергалось большему извращению во имя омерзительных целей? Именем религии постоянно прикрывались пизменное ханжество, богохульное беззаконие и бесстыднейший грабеж. С извращением прекрасного естественного изобретения, с бестолковыми спекуляциями циничественных и коварных людей, с азартом и мошенничеством интригующих прожектеров, с невежественным корыстолюбием королей и государственных деятелей — естественная наука о народном богатстве не имеет ничего общего, она выявляет лишь, в каком отношении поведение последних противоречит ее принципам. Но все мы должны сетовать на то ослепление, под влиянием которого люди отказываются пользоваться уроками опыта и продолжают, несмотря на повторяющиеся доказательства обмана, мошенничества и вероломства, оказывать доверие тем, кто никогда не заслуживал доверия. Во всяком случае, уклоняясь от детального рассмотрения результатов социальных установлений, я не могу изложить обстоятельства, которые привели в нашей стране к злоупотреблению бумажными деньгами. Я,

впрочем, полностью соглашаюсь с д-ром Смитом, что «частные и местные банки и банкноты частных и местных банков, которые можно называть естественными в отличие от бумажных денег, созданных законодательной властью, служат с наибольшей выгодой и представляют наименьшую опасность». Из политики правительства Англии, России, Австрии, Франции, Дании и Швеции в области бумажноденежного обращения, о которой дается беспристрастный и благоприятный отчет в книге г. Шторха, очевидно, что национальные и государственные бумажные деньги никоим образом не могут быть допущены. Правительства не обладают товарами, направляемыми на рынок, что составляет естественное обеспечение всех бумажных денег, их нельзя заставлять производить платежи, и они не могут ничего знать об отдельных лицах, сведения о которых составляют единственное надежное основание для представления им кредита.

Многое было сказано в последнее время против провинциальных банкиров, и я готов допустить, что они заслуживают порицания. Но всякий, кто должным образом поразмыслит о широком развитии, которое приняли дела в течение последних пятидесяти лет, и о большом спросе на банкноты, вызванном политическим состоянием страны и доставившем огромные прибыли банкирам, тот найдет многочисленные извинения для их поведения, чего нельзя сказать про другие группы торговцев, которые обращением своих бумажных денег причинили такой же вред. Банковое дело, или, по крайней мере, выпуск банкнот, является новым делом, и в то время как соблазн заниматься им был весьма велик, правильные методы ведения этого дела не были достаточно известны. И после всего того, что было сказано против провинциальных банкиров, все же количество выпущенных ими в последнее время банкнот было далеко не чрезмерным. Например, парламентскими документами доказано, что количество банкнот Английского банка с 1792 г. увеличилось в три раза, тогда как количество банкнот, выпущенных провинциальными банками непосредственно перед последним крахом в конце 1825 г., было на семь миллионов меньше, чем в 1814 г., и на четыре миллиона меньше, чем в 1807 г.¹.

Колоссальный вред может быть результатом лишь колоссальной силы. И если потрясение и последовавшие бедствия в какой-либо мере были вызваны бумажными деньгами, то количество их должно было быть столь огромным, что никакая сила кроме безмерной мощи Английского банка, который действительно в течение нескольких месяцев изменил сумму выпущенных им банкнот на целую шестую часть, не могла бы вызвать указанные результаты. Ввиду того, что г. Кэплинг весьма странно предполагает, будто провинциальные банки узурпировали прерогативы короля в чеканке денег, то какова бы ни была действительная цель парламентских актов, изданных в 1826 г. и запрещающих выпуск банкнот в один

¹ См. «Edinburgh Review» № 87, статья «Commercial Revolution».

или два фунта, эти акты нанесли вред сельским и местным банкам, которые являются лучшим видом банков, и увеличили силы Английского банка, который уже приводил к непостижимым бедствиям. Они представляют собой прямое нарушение провозглашенных министрами принципов свободной торговли, и, поскольку Английский банк находится под контролем правительства, эти акты увеличили власть, которую он и раньше еще имел над денежным обращением страны. Благодаря вмешательству в денежное обращение правительство уже навлекло на нас громадные бедствия, и от этого увеличения силы Английского банка никто не может ожидать иного результата кроме растущих бедствий¹.

Совершенно верно, что выпуск банкнот и банковое дело, для того чтобы они приносили пользу, должны управляться какими-то твердыми принципами, но изложение этих принципов является задачей тех лиц, которые пишут об *искусстве* банковской деятельности. Так как стоимость и количество металлических денег регулируются естественными условиями и так как количество бумажных денег неизбежно определяется количеством меновых сделок, которые должны быть совершены, то имеются все основания полагать, что все дело выпуска банкнот подчинено в своих мельчайших деталях контролю естественных условий, многие из которых, независимо от того, изучили ли мы их теоретически или нет, уже действуют. Не может быть, например, никакого сомнения в том, что существует какой-то предел, при котором уже становится невыгодной замена металлических денег бумажными. Некоторые люди не без основания утверждали, что один фунт стерлингов лежит ниже этого предела, и этот принцип, хотя он и не был доказан ни теоретически, ни практически, был положен в основу законодательства. Не следует,

---

¹ Гг. Канингу и Гескиссону, которые отошли на этот раз от либеральных принципов свободной торговли, бывших основой их популярности, приходится теперь самим испытывать последствия этих обстоятельств. Уничтожив банкноты провинциальных банков, они ко всеобщему разорению присоединили снижение цен и увеличили трудности, которые они должны были во всякое время учитывать в своей поправке к хлебным законам, за которую они ручались. Увеличив, с одной стороны, бедствия, они усилили настойчивость требований промышленных классов об отмене хлебных законов, а, с другой стороны, уменьшая количество обращающихся денежных средств и тем самым снижая хлебные цены, они возбудили тревогу среди всех земледельцев и всех лендлордов, которые имеют обязательства уплатить определенные суммы, и вызвали такую оппозицию и такой страх перед последствиями изменения хлебных законов, что представляется сомнительным, сумеют ли они провести до конца свое жалкое и безрассудное мероприятие; нет никакого сомнения, что они ничего хорошего посредством него не достигнут. Для того чтобы сельские джентри согласились на какое-либо удовлетворительное изменение хлебных законов, необходимо было, чтобы цены были высокие, ибо только в этом случае можно было при действующих законах угрожать джентри наводнением иностранным хлебом. Но это *обстоятельство*, которое начало осуществляться, было частично уничтожено антилиберальными мероприятиями в отношении провинциальных банков, причем эти мероприятия снабжали тех, которых еще и раньше ненавидели, сир Канинга, так и Гескиссона, аргументами против них и имели тенденцию запугивать их популярность и подорвать их репутацию.

однако, никогда забывать, что банковое дело вместе с выпуском банкнот — по преимуществу занятие частных лиц и нуждается в управлении путем вмешательства государственных деятелей не в большей мере, чем производство бумаги. В самом деле, наглое вмешательство законодателей, их притязание на мудрое управление, по существу же их плутни и мошенничества в области денежного обращения были причиной всех тех бедствий, которые мы терпим в течение последнего столетия от изменения стоимости металлических и бумажных денег. И человечество избавится от таких резких колебаний цен, которые в последнее время причиняют страдания во всех странах Европы, лишь тогда, когда чеканке металлических денег и выпуску бумажных денег будет предоставлена возможность под контролирующим воздействием естественных условий найти свой собственный путь и настоящую границу.

ГЛАВА IX

ЦЕНЫ

Различие между денежной и естественной ценой и между естественной и социальной ценой. — Устанавливается и рассматривается воззрение, что естественная цена возрастает с развитием общества. — Д-р Смит не придерживался этого воззрения. — Хлеб как обработанный товар. — Количество труда, необходимое для производства хлеба, не увеличивается с развитием общества. — Цена на пшеницу не поднималась с ростом нашего населения. — В густонаселенных странах эта цена ниже, чем в других странах. — Воздействие спроса и предложения на естественную и денежную цену. — Денежная цена регулирует потребление и указывает наиболее производительную отрасль производства.

Из того, что было сказано о деньгах, читатель видит, что понятие «денежная цена» в своем применении к каким-либо товарам означает только естественное соотношение, которое существует в данный момент между товарами и определенным количеством благородного металла в монете. Употребление банкнот, пока они оплачиваются на предъявителя в благородных металлах, не меняет этого соотношения; напротив, естественная или необходимая цена выражает общее количество труда, которое по законам природы требуется от человека для производства какого-нибудь товара, причем естественная или необходимая цена денег определяется, подобно естественной или необходимой цене всех других товаров, количеством труда, необходимого для их производства. Законы природы в прошлом не требовали ничего иного кроме труда, они требуют в настоящее время только труда и во все будущие времена будут требовать одного лишь труда.

Труд первоначально был, он есть и навсегда останется единственной покупательной ценой в сношениях с природой. Существует и другого рода цена, которую я называю ценой социальной, — это естественная цена, возросшая в результате социальных установлений. Каково бы ни было количество труда, необходимое для производства определенного товара, рабочий всегда должен — при нынешнем состоянии общества — отдавать для создания и приобретения товара гораздо больше труда, чем нужно его на покупку у природы. Эта возросшая естественная цена есть социальная цена. Для того чтобы понять естественные законы, которые управляют развитием народного богатства, для того чтобы правильно оценить причины, задерживающие его развитие, мы

должны всегда различать между естественной и социальной ценой¹.

Оставляя, однако, совершенно вне поля зрения социальную цену, я здесь ограничусь замечаниями об естественной цене. Я не стал бы о последней говорить, если бы в настоящее время не господствовала теория, в основе которой лежит то положение, что с развитием общества естественная цена с необходимостью возрастает.

«С развитием общества, — говорит г. Рикардо, большой сторонник этой доктрины, — добавочное количество требуемой пищи получается путем затраты все большего и большего труда». «Естественным следствием всякого усовершенствования, — говорит д-р Смит, — является постепенное уменьшение реальной (естественной) цены почти всех промышленных товаров». Я пытался показать, что необходимым следствием развития общества является расширение разделения труда и увеличение знания. Г-н Рикардо сам утверждает, что эта «затрата все большего и большего труда, к счастью, задерживается на повторяющихся интервалах благодаря улучшению в машинах, обслуживающих производство предметов необходимости, равно как и открытиями в науке о сельском хозяйстве, которые позволяют нам освободить некоторую часть труда, требовавшуюся раньше». Предположив, что с развитием общества для нас действи-

¹ Следующие места из книги г. Тука «О ценах» (*Tooke, On Prices*) в ярком свете показывают разницу между естественной и социальной ценой, и хотя политические затруднения, указанные в его книге, носили более серьезный характер, чем обычно, однако некоторые затруднения подобного рода существуют всегда и повсюду. И они приводили к повышению всех социальных цен значительно выше естественных. «Во время последней войны, — говорит г. Тук, — некоторое количество шелку доставлялось в нашу страну через Францию, и расходы по доставке из Италии по Гавра и транзитные пошлины достигали почти 100 ф. на кипу в 240 ф. чистого веса, не считая фрахтовых и страховых расходов из Гавра в Англию. В настоящее время все расходы на фрахт и на страховку из Италии не превышают 6 ф. на кипу. Расходы по фрахту и по получению разрешения на отправку из Франции судна с тоннажем, немногим больше чем 100 т., достигали, как говорили, 50 тыс. ф. за переход только из Кале в Лондон и обратно. Это составляет 4 ш. 6 п. на перевозку одного фунта индиго; в настоящее время расходы по перевозке составляют около 1 пенса на фунт. Судно, вся стоимость которого вместе со снаряжением не составляла и 4 тыс. ф., получало за валовой фрахт на путешествие из Бордо в Лондон и обратно 80 тыс. ф.».

«Среди средств, придуманных изобретательностью и предприимчивостью авантюристов, для того чтобы избежать или обойти препятствия, созданные декретами неприятеля, особенного внимания заслуживает одно, очень широко применявшееся средство, наиболее ярко иллюстрирующее, каким образом эти препятствия учитывались в деле повышения цен, по которым платил потребитель. Некоторые суда, нагруженные сахаром, кофе, табаком, хлопчатобумажной пряжею и другими ценностями товарами, отправлялись из Англии по очень высоким ставкам на фрахт и страховку в Салоники, где товары выгружались и затем отправлялись на лошадях и на мулах через Сербию, Венгрию и Вену в целях продажи товаров в Германии и, возможно, во Франции. Таким образом, случалось, что жители этой части континента Европы, наиболее близкой к нашей стране, не могли получать от нас товаров, не затратив на перевозку сумму, равную той, какую им пришлось бы затратить, если бы они были отдалены от нас на расстояние, двое превышающее морское путешествие вокруг земного шара, но не были подвержены фискальным и политическим затруднениям».

только возникает необходимость непрерывно переходить ко все менее и менее плодородным участкам земли, хотя мы совершенно не знаем, в чем состоит плодородие почвы, и исходя из того, что почва тогда плодородна, когда мы знаем, как использовать ее силы, и что она оказывается бесплодной, если мы не знаем законов, управляющих растительным миром, — очевидно, и это признают все, что существуют бесчисленные условия, компенсирующие убывающее плодородие. Поэтому в равной степени ясно, что, для того чтобы установить вопрос, действительно ли нейтрализуют друг друга с развитием общества эти противоположные обстоятельства или получается ли с ростом народонаселения необходимое количество пищи путем затраты меньшего или большего количества труда, все это нуждается в обстоятельном исследовании, и я должен признаться, что я поражен той необдуманностью и догматичностью, с какими гг. Мальтус, Рикардо и их последователи решили этот, в высшей степени важный, обширный и сложный вопрос на основании одного только принципа убывающего плодородия почвы. Я не думаю, что мне удастся убедить читателя согласиться с прямо противоположными выводами, я не намерен также заниматься подробным изучением этого вопроса, но я считаю исследование его делом столь большой важности, что я не могу отказаться от установления некоторых обстоятельств, которые должны заставить нас, по крайней мере, не торопиться с заключениями, которые, повидимому, находятся в противоречии с мировой системой в целом. Если же с развитием общества в силу законов природы на производство пищи не требуется большой затраты труда, тогда мы можем предположить, что трудности, которые рабочий, без сомнения, испытывает при добывании пищи, представляют собой результат не естественных, но общественных условий.

Естественные трудности в добывании предметов питания или естественная цена в такой мере почти исключительно зависят от роста знаний и разделения труда, а следовательно, от увеличения народонаселения, что, повидимому, им присуща постоянная тенденция к понижению. Действительно, считается, что с развитием общества, за исключением производства предметов питания, естественная цена и необходимая цена должны упасть. «Во всех случаях, — говорит д-р Смит, — когда реальная цена на сырье материалы или совсем не возрастает, или возрастает весьма незначительно, цена на промышленные товары падает очень сильно. Это падение цен в течение настоящего столетия было наиболее заметно в тех отраслях промышленности, где сырьем материалом являются грубые металлы. Часы, которые можно было купить приблизительно в середине прошлого столетия за двадцать фунтов стерлингов, теперь можно купить, и притом с лучшим механизмом, за двадцать шиллингов. Цены на изделия кожевников и слесарей, цены на все игрушки, которые делаются из грубых металлов, и цены на все те товары, которые известны обычно под названием бирмингемских и шеффильдских товаров, в течение того же самого времени весьма значительно снизились, хотя не всегда в такой значительной степени, как цены на часовые изделия.

Впрочем, это снижение цен было достаточно велико, чтобы вызвать изумление рабочих во всей остальной Европе, которые во многих случаях узнают, что они не могут производить изделия такой же добротности по двойной или даже по тройной цене»¹. С тех пор, как «Богатство народов» вышло в свет, в тех самых ремеслах, на которые указывает д-р Смит, было произведено множество усовершенствований, и если бы его острый ум мог в наши дни размышлять над искусством наших изобретений и над дешевизной наших товаров, то его убеждение, что с развитием общества естественная цена понижается, было бы в десять раз сильнее. Читатель не может не заметить, что улучшения, упомянутые у д-ра Смита, и последующие улучшения, произведенные в тех же самых ремеслах, возникли в одном из наиболее населенных государств Европы и развивались по мере увеличения численности населения.

Д-р Смит распространяет этот общий принцип на шерстяные изделия, на хлеб и на все товары, которые являются продуктом труда. Но он исключает дичь, рогатый скот, домашнюю птицу и т. д. и т. д., которые сами находят для себя пищу и которые первоначально встречались в таком изобилии, что они доставались человеку в результате затраты труда, необходимой для того, чтобы их зарезать. С развитием общества, когда становится необходимым приручать этих животных, разводить и кормить их при посредстве труда, их цена возрастает, но цена всех других товаров падает. Я уже отметил на стр. 85 падение цены на чай. В «Богатстве народов» (кн. I, гл. XI) читатель найдет много примеров подобного рода падения цен, которые я не считаю необходимым приводить, так как книга эта вполне доступна, хотя они чрезвычайно поучительны; еще более достопримечательное доказательство, которое подтверждает всеобщий принцип, что с развитием общества естественная цена неизбежно падает, представляет собой падение естественной цены в хлопчатобумажной промышленности.

Всякого рода хлебные злаки могут рассматриваться как промышленный товар, созревающий, правда, при посредстве естественных факторов, — а могли ли бы мы выращивать хлебные злаки без помощи естественных факторов? — но все же выращиваемый при помощи большого количества труда. Присущи ли выращиванию хлебных злаков какие-либо особенные черты, в силу которых они, подобно дичи, диким зверям или самопроизрастающим продуктам земли, были бы исключением из всеобщего закона? Если бы наше внимание не было всецело поглощено тем единственным обстоятельством, что люди, как обычно предполагают, во всех случаях прежде всего занимают самую плодородную почву, то, я думаю, мы должны были бы ответить, что нет. Чтобы подготовить почву для произрастания зерна, требуется во всех случаях ряд мероприятий, которые не должны повторяться из года в год, хотя сбор урожая производится ежегодно. В Америке, например, почва должна быть в настоящее время очищена от леса, и после выполнения этой работы земля при-

¹ «Wealth of Nations», book I, chap. II.

носит сожегодно урожай за один только труд посева и жатвы. Дренажированное поле, из которого извлекли излишнюю влагу, или поле, через которое в целях искусственного его орошения провели многочисленные каналы, приносит богатые урожаи во все последующие годы, хотя и нет нужды в возобновлении этих работ. Когда дома и гумна выстроены, когда дороги проложены и мосты наведены, то они нуждаются лишь в некоторой незначительной ежегодной починке, они облегчают труд всех последующих поколений, доставляя им по существу одинаковый урожай за постоянно уменьшающееся количество труда. Мы не должны забывать, что *наше зерно* является продуктом искусного труда и трудолюбия, и, после того как верно было некогда выращено и добыто, оно стало средством для снижения количества труда всех тех, кто снабжает общество пищей. Это же самое замечание остается в силе и в отношении скота, который, будучи некогда приручен и выдрессирован, нуждается лишь в том, чтобы человек его снабжал лишь кормом. Кроме того, простой посев семян и жатва урожая представляют собой лишь одну из частей сложного процесса добывания пищи. Земля должна быть расчищена и обработана, и зерно должно быть размолото и приготовлено. Для выполнения этих мероприятий, как и мероприятий по посеву и жатве, доставке зерна на дом и хранению его, требуются бесчисленные орудия и машины, которые, по мере того как общество развивалось, изобретались и улучшались, сокращая почти непостижимым образом труд, необходимый для производства мяса или изготовления хлеба.

Следует также иметь в виду, что те, кто занят в земледелии, должны еще иметь и платье и много других вещей, как, например, нишу и орудия. Если орудия, которыми они пользуются, производятся с меньшей затратой труда, то очевидно, что уменьшается все то количество труда, которое необходимо для производства хлебных злаков. Однако не столь ясно, хотя в одинаковой степени верно то, что если уменьшаются издержки других предметов необходимости, в которых нуждается земледелец, то уменьшаются также и его издержки по производству зерна. Он должен иметь одежду, и если он сможет получить ее, жертвуя одной десятой частью своего урожая, вместо одной шестой, то ему достанется больше для его собственного потребления, и труд, необходимый для добывания его средств существования, уменьшится. Если другие лица не производят платье, то он вынужден сам его производить, и все усовершенствования, которые он смог бы изобрести для производства платья, позволили бы ему посвятить больше времени производству пищаницы. Вообще говоря, то обстоятельство, что платье производится другой группой рабочих, не вносит никаких изменений. Все их усовершенствования, благодаря которым производители хлеба снабжаются одеждой при меньших издержках, доставляют последним больше хлеба за их труд или снижают для них и для общества в целом естественную цену того количества пищи, которое необходимо для поддержания существования.

Мнение, что естественная цена средств питания с развитием общества скорее уменьшается, чем увеличивается, повидимому,

подтверждается фактами. Если мы сравним две крайние различающиеся стадии общества — общество дикарей и цивилизованное общество, например, туземцев Новой Голландии и английский народ, — если мы посмотрим, насколько постоянно увеличивается число лиц, не занимающихся производством сырых материалов и составляющих, как уже я указывал, пять шестых населения нашего государства — включая сюда не только тех, кто вообще не работает, но также и тех, кто занят в различных отраслях промышленности и торговли, а также и всех чиновников, подданных и слуг правительства, — то мы вынуждены будем убедиться, что с развитием общества пища добывается при посредстве все уменьшающегося труда. Если мы посмотрим также на различные усовершенствования, которые непрерывно проводятся в ремеслах, из которых многие направлены тем или иным путем на сокращение труда, необходимого для приготовления хлеба и получения мяса, то я думаю, что мы должны будем притти к такому же заключению. Те, кто придерживается противоположного взгляда, были введены в заблуждение тем обстоятельством, что они ограничили свои наблюдения коротким и единственным периодом, а, может быть, также и тем, что они обратили слишком исключительное внимание на непосредственную причину экстенсивной обработки земли, которая во всех случаях приводит к возрастианию спроса и временному повышению цен. Их мнение получило широкое распространение в течение последних тридцати лет, и, когда в течение этого периода в нашей стране, отрезанной благодаря мероприятиям ее правителей от ее собственных ресурсов, происходил значительный рост хлебных цен, можно было точно проследить, что этот рост цен был вызван возросшими трудностями, которые испытывались при производстве необходимого количества средств питания. Но если мы расширим наши наблюдения на более долгий период, то мы не найдем доказательства постепенного и всеобщего роста хлебных цен в результате увеличения населения.

В цепной книге д-ра Смита имеется таблица, содержащая средние цены на пшеницу на Биндерском рынке в течение нескольких столетий, исчисленные в наших современных деньгах. Следует вспомнить, что изобретение бумажных денег привело к тому, что металлические деньги стали менее необходимыми, чем раньше. Различные улучшения также и в мореплавании, горном деле и выплавке металлов и руды снизили затраты труда, необходимые для добывания золота и серебра в Европе. Стоимость благородных металлов значительно понизилась, вероятно, вследствие сочетания этих причин. Д-р Смит принял в расчет изменения, произошедшие в nominalной стоимости наших денег, но никто не может в точности учесть, насколько теперь требуется меньше труда, чем раньше, для того чтобы добывать благородные металлы и подвергать их чеканке. Если уменьшилось количество труда, необходимого для производства денег, то каждое данное количество денег будет теперь являться мерилом меньшего количества труда, чем прежде, и меньшего количества товаров. Если, например, четыреста лет назад требовался трехнедельный труд, для того чтобы добить один

фунт серебра, который в то время в среднем обменивался на один квартер пшеницы, и если теперь фунт серебра добывается четырнадцатидневным трудом и все еще обменивается в среднем на один квартер пшеницы, то квартер пшеницы, подобно серебру, добывается при меньшей на одну треть затрате труда. Я превосходно знаю, что мы не имеем точного мерила для сопоставления прошлой и теперешней стоимости и что нельзя слишком полагаться на таблицы цен, охватывающие долгие периоды; но если эти данные подтверждают теорию, которая в силу других оснований как будто бы санкционируется опытом, то мы вправе относиться к ним с некоторым доверием.

По сведениям д-ра Смита оказывается, что средняя цена на пшеницу на Виндзорском рынке за квартер составляла:

Годы	Фунты	Шиллинги	Пенсы
С 1202 до 1286	2	19	1
» 1287 » 1338	1	18	8
» 1339 » 1416	1	5	9
» 1423 » 1451	1	1	3
» 1453 » 1497	0	14	1
» 1499 » 1560	0	10	0

После этого периода последствия открытия Америки и как следствие этого открытия дешевизна благородных металлов отразились на денежных ценах. Стоимость благородных металлов всюду значительно понизилась, и денежные цены значительно возросли. Предполагают, что до открытия Америки стоимость серебра постепенно повышалась вследствие возрастающих трудностей, которые испытывались во всей Европе при добывке необходимого количества серебра. Затем средняя денежная цена квартера пшеницы значительно повышалась, как это видно из следующей таблицы:

Годы	Фунты	Шиллинги	Пенсы
1561 — 1601	2	7	5
1602 — 1620	2	0	7
1621 — 1636	1	19	6
1637 — 1700	2	5	4
1701 — 1764	1	15	1
1766 — 1770 ¹	2	7	8
1792 — 1796 ²	2	19	6
1796 — 1801	4	10	10
1801 — 1804	3	5	6

Начиная с последнего указанного в таблице периода, цены значительно колебались. Средняя цена за пятилетие, заканчивающееся

¹ Эти данные взяты из книги *Malthus, Principles of Political Economy*.

² Все последующие данные выписаны из книги *Tooke, On Prices*.

1811 г., составляла 96 шилл. за квартер, тогда как средняя цена за десятилетие, заканчивающееся 1823 г., в течение которого с полной силой действовали хлебные законы, составляла 68 шилл. Не может быть никакого сомнения в том, что если бы в настоящее время эти законы были отменены и торговля хлебом стала бы совершенно свободной, то квартер пшеницы продавался бы на наших рынках по цене, значительно более низкой, чем 68 шилл. Некоторые авторы утверждают, что она снизилась бы до 30 шилл. за квартер, но никто не считает, что она была бы выше 54 шилл. Было бы поэтому неправильно на основании сравнения цен, по которым хлеб продается теперь в нашей стране или по которым мы могли бы его получить теперь, с ценами, существовавшими раньше, делать заключение, что цена на хлеб должна постепенно, естественно и неизбежно возрастать. Средняя цена пшеницы в XIII столетии была выше, чем во все последующие периоды, за исключением периода между 1792 г. и нашими днями. Этот исключительный рост цен в течение последнего периода времени, лишь на основании которого Рикардо и его ученики как будто бы и составили свое мнение, можно легко объяснить, не прибегая к предположению, что с развитием общества естественно и неизбежно возрастают трудности по производству пищи. Главными причинами роста хлебных цен после 1792 г. были: во-первых, ряд плохих урожаев, во-вторых, политическое положение во всей Европе и, в-третьих, наступившее в результате изобретения паровой машины и других полезных машин широкое развитие промышленности и торговли. В настоящее время детальное объяснение этих причин не является моей задачей. К счастью, в этом объяснении нет и надобности. Если исходить из таблицы, а также если исходить из цен, по которым пшеница продавалась бы теперь на наших рынках в условиях отсутствия социального законодательства, принимая во внимание также то соображение, что производство денег требует мало-помалу все меньшей и меньшей затраты труда, — то из всего этого ясно, что с развитием общества цене на пшеницу присуща естественная тенденция скорее к понижению, нежели к повышению.

Я думаю, что этот взгляд подтверждается также тем, что нам известно и о других странах. Так, например, из отчетов, представленных недавно консулами его величества, живущими за границей, которые были напечатаны по распоряжению палаты общин, видно, что цены на зерно были выше в 1825 г., и в общем в Испании и Португалии выше, чем во Франции, Англии и Голландии, а во Франции выше, чем в Голландии. В Испании число жителей на одну квадратную милью составляет 55, в Португалии — 90, тогда как во Франции оно составляет 143, а в Голландии — 212. Испания и Португалия, таким образом, менее плотно населены, чем Франция, а Франция не так перенаселена, как Голландия. Так как хорошо известно, что эти отчеты совпадают с общим состоянием рынка в этих странах, то мы имеем в них доказательство, подкрепляющее тот факт, что с ростом населения цены на зерно естественным путем и неизбежно не повышаются.

Во всем этом важном вопросе политические условия, в которых находится земледелец, и способ, которым присваивается земля, имеют немаловажное значение. Последнее обстоятельство приводит к тому, что хлеб обладает монопольной денежной ценой, первое — к тому, что в земледелии улучшения производятся сравнительно медленно. Поэтому цены на земледельческие продукты не падают в такой мере, как цены на промышленные продукты, с которыми их только и можно сравнивать. Напротив, цена большинства промышленных товаров не носила характера монопольной цены, и, вообще говоря, промышленники находятся в лучших политических условиях, чем земледельцы. Они скопляются в городах, они в состоянии защищать свои права, и условия их жизни гораздо более благоприятны для увеличения знаний и развития разделения труда, чем условия жизни крестьянства. Как знание, так и разделение труда возрастили среди земледельцев, но не в такой степени, как среди промышленников. Однако только сравнение цен земледельческих продуктов с более низкими ценами промышленных продуктов придало известную правдоподобность утверждению о естественном и необходимом увеличении трудностей в производстве средств существования.

Естественная цена средств питания измеряется для промышленника и для промышленной нации не чем иным, как количеством труда, необходимого для производства товаров, при посредстве которых они покупают пищу. Например, естественную цену средств питания для жителей Манчестера составляет количество труда, необходимое для производства хлопчатобумажных изделий, при посредстве которых они могут покупать для себя пшеницу в Ирландии или в Польше, муку — в Соединенных Штатах, кукурузу — в Мексике и сырье материалы — в любой другой части земного шара. Но количество труда, необходимое для производства хлопчатобумажных изделий в Манчестере, для разведения пшеницы в Америке и доставки ее в Европу, поразительно уменьшилось с того времени, как Америка была впервые открыта. Отсюда понятно, что жители Манчестера, как бы многочисленны они теперь ни были, могли бы получать пищу по более низкой естественной цене, чем сто, двести или триста лет тому назад, если бы цены не подвергались общественному воздействию. К несчастью, вся торговля настолько регулируется законодательством, что всякая денежная цена представляет собой в настоящее время социальную цену, и еще более плохо то, что промышленности и торговле ставятся социальными установлениями такие препятствия, что мы не можем представить себе, в какой степени неизбежно должна была бы упасть естественная цена на все товары. Ограничения и поборы увеличивались по мере того, как проявлялось действие благодетельных законов природы, и у рабочего постоянно отбиралась все большая и большая часть его продукта, по мере того как выяснялось, что производительность его труда возрастала и что можно брать от него больше, не лишая его возможности существовать. Трудом рабочего и не чем иным измеряется естественная цена, по он никогда не приобретает товары

за труд, затраченный на их производство. Поэтому в настоящее время всякая денежная цена представляет собой не естественную, а социальную цену.

На естественную или на необходимую цену товаров могут оказывать воздействие только те обстоятельства, которые делают труд более или менее производительным. Это главный, но не единственный регулятор меновой стоимости, денег и социальной цены. Ни один товар не может в течение долгого времени обмениваться на меньшее количество труда, чем то, которое затрачено на его производство, хотя он может обмениваться на большее количество труда. Естественная цена является поэтому всегда пределом в одном направлении, и только в одном направлении, пределом в отношении денежной цены всех товаров. Товары не могут быть проданы за меньшее количество труда, чем то, которое было на них затрачено, но они могут быть проданы за большее количество труда.

Что касается естественной цены, то соотношение спроса и предложения, которое, как часто говорят, регулирует цены, имеет, по-видимому, тенденцию, если взять продолжительный отрезок времени, снизить естественную цену. Изобретательность людей прежде всего направляется неизбежно и главным образом на то, чтобы удовлетворить в первую очередь свои более настоятельные нужды, вследствие чего труд, применяемый в производстве предметов необходимости, становится наиболее успешным. Например, одежда является в нашей стране одним из предметов необходимости.

Вследствие различных обстоятельств производству хлопчатобумажных изделий ставится, по-видимому, социальными установлениями меньше препятствий, чем всякому другому производству, и снижение цен на хлопчатобумажные изделия в течение пятидесяти лет было совершенно исключительным, что является фактическим доказательством того положения, что при условиях свободы труда спросу присуща тенденция снижать естественные издержки предметов жизненной необходимости¹.

¹ В первой части этого произведения, я пытался объяснить воздействие потребностей или возрастающего спроса, вызываемого увеличением населения, на улучшение обработки земли и на снижение хлебных цен. Как только в обществе вводится разделение труда, как только главная часть продукции землемельца предназначается не для его собственного потребления, а для продажи, землемелец узнает об этом вопросе спросе только через посредство повышения хлебных цен. Это повышение является непосредственным стимулом всех его усилий и причиной увеличения его изобретательности, которая, если взять продолжительный отрезок времени, неизменно стремится доставлять нам землемельческие продукты с меньшей затратой труда и снижает таким образом цены. Если указанное соображение соответствует тому, что в действительности и естественным путем происходит, то это показывает нам крайнюю близорукость эгоизма неземлемельческих классов, которая заставляла их в прошлые времена непрерывно обращаться к правительству с просьбой путем искусственных мероприятий воспрепятствовать дальнейшему росту хлебных цен, и показывает развращенное невежество тех правительств, которые в ответ на такие обращения действительно устанавливали максимальные цены на зерно и хлеб. Подобного рода обращения и подобного рода мероприятия должны

Что касается денежной или nominalной цены, то соотношение спроса и предложения оказывает весьма сильное, однако, подверженное колебаниям, влияние, начиная с влияния на цену средстпитания в осажденном городе и кончая ценой пищи, когда предложение больше спроса. Естественная цена денег, как и всех товаров, стоимость которых деньги измеряют, подвержена изменениям, и большая часть товаров, включая сюда и деньги, не в одинаковой мере подвергается воздействию социальных установлений. Следовательно, денежная цена всех товаров находится под воздействием бесчисленного количества обстоятельств, и это отнюдь не легкая задача, как многие предполагают, указать действительную причину ежедневно происходящего колебания цен. Однако падение цены пищевого случая не является благотворным, если оно не вызывается уменьшением труда, необходимого для доставки товаров на рынок. Во всех других случаях падение цены может быть только времененным и происходит оно за счет производителей.

Колебания цен приводят к весьма важным результатам. Они регулируют потребление, доводя товары до известного круга лиц или извлекая их из этого круга. Если бы цена на хлеб не поднялась, то как только устанавливается или хотя бы только намечается, что урожай пшеницы будет недостаточен, никто не был бы во-время предупрежден о том, что он должен уменьшить свое потребление или искать другой пищи вместо пшеничного хлеба, и, таким образом, до будущего урожая мог бы наступить голод. С другой стороны, если бы цены не падали в условиях обильного урожая, то не было бы стимула для увеличения потребления, и благоденствия природы, вместо того чтобы быть источником радости и довольства, приводили бы к заплесневелости и гнилости. Денежная цена, поскольку она определяется соотношением спроса и предложения, является, как говорит г. Бьюкенен, «весами, находящимися в состоянии подлинного равновесия, при посредстве которых природа отвещивает своим детям и распределяет между ними соответствующую долю ее даров».

Она представляет собою также индекс потребностей общества или перст неба, указывающий всем людям, как использовать свое время и свои таланты с наибольшей выгодой для себя самих и наиболее благотворно для всего общества.

были привести к противоположным результатам по сравнению с тем, чего хотели и к чему стремились борющиеся партии. Они должны были уменьшить стимул к усовершенствованиям в области земледелия, уменьшить предложение и сделали невозможным то падение цен, которое, по моему мнению, естественно и необходимо наступило бы. Эти замечания имеют некоторое практическое значение, ибо существует еще склонность приывать к мероприятиям в целях снижения цен, и на свете существует еще немало стран, где правительства намерены осуществлять подобного рода мероприятий.

ГЛАВА X

РЕЗУЛЬТАТЫ НАКОПЛЕНИЯ КАПИТАЛА

Обеспечение собственности и накопление капитала, как говорят, оказывают воздействие на производство. — Основания для того, чтобы не признавать первое, и для того, чтобы признавать последнее. — Определения капитала. — Капитал — это часть народного богатства, употребляемого ради прибыли, которую она приносит своему владельцу. — Капитал рассматривается с точки зрения трех видов условий. — Если он произведен и употребляется теми же самыми лицами, то он содействует производству. — Если он произведен одной группой рабочих и употребляется другой, которая присваивает себе весь продукт, то он содействует производству. — Если владельцы капитала не рабочие, то он препятствует производству. — Последнее явление присуще современному состоянию общества. — Различие между орудиями и заработной платой. — Обыденное словоупотребление — одна из иричин господствующего заблуждения по поводу капитала. — Рассматривается вопрос, существовал бы какой-либо мотив для увеличения богатства, если бы не было процента на капитал. — Заключение. — Влияние политической экономии на наше благополучие. — Значение ее изучения. — Иллюстрация всеобщей бедности. — Бедность обыкновенно приписывается действию законов природы, но здесь она рассматривается как следствие социальных установлений.

Помимо рассмотренных уже условий, которые всегда ввиду их воздействия на производство богатства рассматривались в трактатах по политической экономии, *гарантия собственности и накопление капитала* являются единственными из всех условий, заслуживающих эпитет естественных.

О гаранции собственности, которая должна рассматриваться как задача, подлежащая общественному регулированию, — хотя собственность сама по себе или право человека на свободное пользование своим умом и своим телом и на присвоение всего того, что он создает своим трудом, есть результат естественных законов, — я ни одного слова не скажу, потому что, прежде чем обсуждать результаты обеспечения собственности, необходимо точно определить что такое право собственности и договориться окончательно об ее основах. Так как я не склонен рассматривать существующее право собственности с такой почтительностью, как те, кто подстrekает человечество настаивать на необходимости сохранения ее неприкосновенности, то при обсуждении этого вопроса я патолкнулся бы на многие трудности и навлек бы на себя некоторые упреки. Я допускаю, что святость даже современного права собственности невозможно достаточно горячо защищать против нападок и насилий.

правительств, но, поскольку освящение права собственности направлено против притязаний рабочего обладать всем тем, что он производит, я всецело расхожусь с господствующими взглядами. Власть присваивать продукцию рабочих, которой теперь обладают многие праздные люди, является, по-моему, главной причиной чванливой и пагубной скучи этих людей, которые благодаря удовлетворению своих естественных потребностей неизбежно живут, не ставя перед собой полезных целей и задач. Власть присваивать продукцию рабочих является также причиной нищеты и бедствий рабочих, которые, будучи вынужденными содержать гораздо большее число лиц, чем число членов их собственных семей, должны все время думать только о том, как бы добыть средства для сохранения своего существования, до такой степени обремененного утомительным трудом и заботами, что возникает сомнение, стоит ли жить. Ввиду наличия всеобщего почтения к праву собственности и ввиду яростных и неистовых страстей, которые связаны с этим правом, свободное обсуждение этого вопроса небезопасно. Я должен поэтому обойти этот вопрос, заметив только, что господствующие взгляды большинства политico-экономов находятся в прямом несогласии с их собственным определением богатства.

Расходясь также с господствующим среди них мнением о полезности накопленного капитала, я все же намерен сделать несколько замечаний по этому вопросу. Не желая придавать этой небольшой книге полемический характер, я воздержался бы также от рассмотрения вопроса о капитале, если бы не считал весьма важным снять по возможности с мудрой системы природы обвинения, брошенные ей ошибочными теориями, и изложить перед читателем законы, регулирующие производство со всей ясностью, свойственной этим простым законам. Как теория капитала, так и практика, состоящая в ограничении труда той областью, где рабочий кроме своего содержания может еще произвести прибыль для капиталиста, повидимому, противоречат естественным законам, регулирующим производство. Кроме того, наши представления о справедливом и несправедливом распределении существенно изменились бы под влиянием наших взглядов на способ и степень полезности капитала. Тема охватывает также много практических вопросов значительной важности, если судить по тому, как часто вопросы эти обсуждаются в парламенте. И так как в обсуждение абстрактного вопроса о полезности капитала не могут быть вовлечены сильные страсти, то вышеуказанные соображения заставили меня его рассмотреть. В небольшой работе под названием «Защита труда от притязаний капитала»¹, я считаю, что можно были обстоятельно проанализированы природа как основного, так и обратного капитала и польза, которую они приносят. Это освобождает меня теперь от необходимости ни на чем ином не останавливаться, кроме как на кратком разъяснении, в каком смысле употребление капитала содействует производству.

¹ Опубликована в 1825 г. в Лондоне Найтом и Ласи.

Политико-экономы различают два вида капитала, а именно основной и оборотный. Основной капитал, согласно д-ру Смиту, состоит, «во-первых, из всякого рода полезных машин и орудий труда, облегчающих и сокращающих труд, во-вторых, из всех тех доходных построек, которые служат средством получения дохода, таковы помещения под лавки, склады, мастерские, здания на ферме со всеми необходимыми постройками: конюшнями, амбарами и т. п. В-третьих, из улучшений земли, — всего того, что с выгодой затрачено на расчистку, осушение, огораживание, удобрение и приведение ее в состояние, наиболее пригодное для обработки и культуры. (В эту категорию мы можем, вероятно, включить мосты, дороги, каналы, т. е. все то, что прикреплено к земле и представляет собой орудие для облегчения труда.) В-четвертых, — из приобретенных и полезных способностей всех жителей или членов общества»¹. Я предпочитаю перечисление предметов, составляющих основной капитал, данное д-ром Смитом, потому что оно гораздо полнее, чем какое-либо описание основного капитала, которое было выдвинуто после Смита, и оно имеет то большое достоинство, что оно не проходит мимо наиболее значительной части основного капитала, а именно *приобретенных и полезных способностей всех членов общества*². Определение оборотного капитала я заимствую у г. Милля.

«Существует другая часть предметов, — говорит он, — содействующая производству, которая пропадает при их применении. Таковы все орудия, которые через ряд операций изнашивается, все предметы, которые содействуют производству только путем их потребления, как уголь, масло, красильные вещества красильщика, семена фермера и так далее. Такова же и природа сырых материалов, перерабатываемых в законченные изделия. Сюда должны быть включены также затраты по ремонту и сохранению в порядке наиболее долговечных частей основного капитала, как исправление дорог и мостов. Отличительной чертой всех этих частей капитала является то, что их вынуждены потреблять в целях содействия производству и что они должны быть воспроизведены для того, чтобы дать возможность производителю продолжать свои операции.

¹ «Wealth of Nations», book II, chap. II.

² Несколько необычно, что многие из приобретенных и полезных способностей, упомянутых в тексте, представляют собой единственную часть национального основного капитала, которая никогда не приносит прибыли своему собственнику, тогда как продукт, создаваемый этими приобретенными и полезными способностями, в руках капиталиста доставляет большое вознаграждение. «Национальный капитал, — говорит г. Шторх, — включает естественные и приобретенные способности производительных классов, природа индивидуального капитала исключает их. Как бы ни был одарен отдельный человек такими способностями и как бы велики ни были доходы, которые он получает благодаря этим способностям, называть его капиталистом противоречило бы нашим общепринятым представлениям, если он не обладает помимо личного и неотчуждаемого капитала еще капиталом, составленным из отчуждаемых стоимостей («Cours d'Économie politique», vol. V, p. 60). Это противоречие не объясняется ни одной существующей теорией распределения богатства.

Есть еще одна вещь, которая так же потребляется постоянно и которая должна постоянно воспроизводиться, а именно средства существования или средства потребления, или заработка плата рабочего; и безразлично, сам ли рабочий снабжает себя этими средствами существования или же он получает их от капиталиста в форме заработной платы¹.

Принимая во внимание то обстоятельство, что перечисленные выше предметы приведены лишь в качестве примера, оба эти перечня включают всякий вид материальных предметов, которые входят в весьма широкое определение богатства. В действительности г. Мак-Куллох в своей последней книге «Начала политической экономии» под капиталом страны обозначил ту часть продукта труда, наличного в этой стране, которая непосредственно годна или для того, чтобы поддерживать существование людей или для того, чтобы облегчить производство,— определение, которое охватывает вслкий вид богатства за исключением богатства, служащего лишь для украшения. Капиталу, следовательно, должно быть присуще некоторое добавочное значение или какое-то свойство, что отличает его от народного богатства, взятого в других отношениях. Мне кажется, что единственное и исключительное обстоятельство, которое придает какой-либо части продукта труда отношение, выражаемое понятием капитал, это то, что капитал производится, применяется или потребляется не в целях удовольствия, которое он предоставляет своему владельцу, служит ли он для производства, применяется ли он или потребляется, но в целях получения в будущем прибыли. Это часть народного богатства, которая употребляется для того, чтобы, говоря словами д-ра Смита, «доставить своему владельцу доход».

Так, паровая машина для приведения в движение прядильных машин в хлопчатобумажной промышленности производится и затем употребляется не для того, чтобы восторгаться прекрасным механическим изобретением, но с целью получения прибыли на хлопчатобумажной пряже. Любой садователь мастерской на набережной или магазина на улице Темзы имеет в виду доход, который он может из них извлечь. Земля осушается, вспахивается и огораживается в целях ожидаемого будущего продукта, но не исходя из того соображения, что борозда и изгородь увеличивают красоту ландшафта². Тот, кто пользуется красящими веществами, мало заботится или вовсе не заботится об очаровательных красках, которые он закрепляет на шелку или на хлопчатобумажных тканях; он применяет их

¹ Elements of Political Economy, by James Mill, Esq. Second Edition.

² Следует отметить, что притязания, которые предъявляются теперь земледельцами и фермерами на предоставление им возможности облагать налогами остальное общество за капитал, вложенный в землю, представляют собой не более и не менее, как требование, чтобы мы им платили за труд, который они вымогали у крестьян-общинников. Нет и не может быть никакого иного капитала, вложенного в землю, кроме труда рабочих, и их попонщики, которые уже на них разбогатели, пытаются взыскивать дальнейшее покораждение за свои притеснения.

лишь в целях ожидаемой прибыли. Деньги или товары, которые капиталистом или их собственником выдаются за труд рабочих, выдаются этим рабочим для того, чтобы они, подобно паровой машине или осущенное земле, производили для него какую-нибудь вещь по стоимости, превышающей их заработную плату. Напротив, эта заработка не является капиталом для тех, кто потребляет ее для поддержания своей жизни или в целях удовольствия. Всякая собственность, предоставленная взаймы одним человеком другому или государству, за которую заимодавец получает проценты, называется его капиталом, потому что он применяет ее не для своего непосредственного удовлетворения, а в целях дохода, который она доставляет. Точно так же каждый человек изучает в большинстве случаев какое-нибудь ремесло, скажем, например, сапожное, не в целях известного удовольствия, которое он находит в производстве сапог, но только для того, чтобы, выполняя этот вид труда, он мог приобрести в конце концов свои средства существования. Нет по всей вероятности ни одного ремесла, которое изучалось бы из-за удовольствия, которое оно может доставлять, хотя многие ремесла доставляют удовольствие при их изучении. Таким образом, все приобретенные и полезные способности членов общества приобретаются ими не для самих себя, но в конечном счете для прибыли. Все, что отдельный человек делает или приобретает с целью дальнейшего производства, все что он дает взаймы в целях получения процента, все, что он применяет или потребляет с целью получения прибыли, называется основным или оборотным капиталом.

С первого взгляда могло бы показаться, что чем больше та часть годового продукта, которая предназначается для воспроизводства или употребляется в целях предоставления их собственнику дохода, тем сильнее должен возрастать годовой продукт. Это представление лежит в основе всего того, что можно сказать в пользу производительности капитала. Однако, хотя каждая часть капитала приносит прибыль *своему собственнику*, вопрос о том, содействует ли капитал производству, зависит от самой природы капитала. Капитал, состоящий из государственных займов, или капитал, отданный под ипотеку, доставляет собственнику доход — участие в налогах или в ренте заложенного недвижимого имущества — точно так же, как капитал, заложенный под паровую машину, и притом по той же норме прибыли, однако он не обладает способностью создавать богатство. Если бы каждая часть капитала, подобно паровой машине или рубанку плотника, была произведена и применена в помощь производству, то с увеличением капитала весь годовой продукт мог бы увеличиваться. Но большая часть капитала всегда ссужается, для того чтобы участвовать в доходе или продукте других лиц, и эта часть капитала не может оказать благотворного воздействия на богатство всего общества. То, что обогащает индивидуального капиталиста, отнюдь не приводит к неизбежному увеличению народного богатства.

Примем во внимание лишь основной капитал и оставим в стороне оборотный капитал, именно ту часть, которая составляет заря-

ботную плату — способ рассмотрения, который создает самые благоприятные условия для идеи, что капитал будто бы поддерживает производство, и исследуем, действительно ли он играет эту роль. С этой целью мы можем различать троекратного обстоятельства, при которых действие накопления капитала очень различно. *Во-первых*, когда одно и то же лицо его создает и употребляет; *вторых*, когда он производится и употребляется разными лицами, которые делят между собой продукт своего комбинированного труда в справедливой пропорции; *в-третьих*, когда он принадлежит классу людей, которые его не производят и не употребляют.

Во-первых. Если инструменты, орудия, красящие вещества и т. д., назначение которых состоит в том, чтобы способствовать производству, производятся и употребляются одним и тем же лицом, мы должны полагать, что он находит эти работы выгодными, в противном случае он не стал бы их выполнять, и что накопление в качестве имущества орудий, которые оно создает и употребляет, облегчает его работу. Пределом этого накопления служит, очевидно, возможность для рабочего производить и применять такие орудия. Так же и количество национального капитала всегда ограничено возможностью для рабочих создать и употреблять его с пользой. Когда, следовательно, капитал производится и употребляется одними и теми же лицами, когда все, что они производят, принадлежит им самим, то он может только служить с пользой.

Во-вторых. Возможно, что капитал производится одним рабочим и употребляется другим, и оба они могут делить между собой товар, созданный трудом, затраченным на производство и применение капитала в отношении труда, приложенного каждым из них. Тот, кто производит капитал, находит это занятие производительным для себя, иначе он не продолжал бы этим заниматься, а тот, кто пользуется капиталом, находит, что капитал этот помогает его труду, иначе он ничего не давал бы за него. При таких условиях накопление и применение капитала выгодно. Этот факт я выразил бы, однако, лучше таким образом, если бы сказал: когда часть общества занята производством орудий, а другая их применением, то это такого рода разделение труда, которое повышает производительную силу и увеличивает общее богатство. Пока продукт обоих этих рабочих или, с точки зрения всего общества, этих обоих классов рабочих делится между ними, накопление или увеличение тех орудий, которые они могут произвести и употребить, так же выгодно, как если бы они производились и употреблялись одним лицом.

В-третьих. Рабочий может производить орудия, которые применяются в производстве другим; но они не делят в справедливом соотношении продукт их совместного труда, а работают для прибыли третьего лица. Капиталист только как владелец орудия как таковой не является рабочим. Он никоим образом не содействует производству. Он приобретает продукт одного рабочего и передает его другому или на определенное время, как это в большинстве случаев делается с основным капиталом, или навсегда, например, заработную плату, когда он полагает, что это может быть использовано или

потреблено с пользой для него, капиталиста. Он никогда не позволяет, чтобы продукт рабочего, который становится его собственностью, был использован или потреблен другим рабочим иначе, как в его (капиталиста) пользу. Он затрачивает или одолживает свою собственность, чтобы участвовать в продукте или естественном доходе рабочих, и всякое накопление такой собственности в его руках означает распространение его власти на продукт труда и замедляет рост народного богатства. В этом случае, как это имеет место в настоящее время, рабочие должны свой продукт разделить между собой и непроизводительными бездельниками, что значительно уменьшает часть годового продукта, которая идет на воспроизводство.

Если бы только те, кто производит и применяет капитал, должны были делить между собой продукт своего совместного труда, тогда производительный труд имел бы свои границы лишь там, где он перестает доставлять рабочим и их семьям приятную жизнь. Но когда сверх того, что им самим нужно, независимо от того, владеют ли они капиталом или нет, они должны производить еще гораздо больше, чтобы удовлетворить капиталиста, тогда предел для производительного труда достигается гораздо быстрее. Когда капиталист как собственник всех продуктов не позволяет рабочим производить или применять орудия, если он не получает прибыли сверх того, чего стоят содержание рабочих, тогда ясно, что производительному труду поставлены гораздо более тесные границы, чем это предписывается природой. Соответственно тому, как капитал накапливается в руках третьего лица, растет сумма прибыли, на которую претендует капиталист, и, таким образом, получается искусственная задержка для производства и народонаселения. Отсутствие для рабочего возможности производить все, что требует капиталист, задерживает бесчисленное количество дел, как осушение болот и очистка и обработка пустующих земель, которые щедро вознаградили бы рабочего, снабжая его средствами существования, хотя они не доставляли бы в дополнение к этому большую прибыль капиталисту. На современной стадии общества, когда рабочие ни в коем случае не обладают капиталом, каждое накопление его увеличивает сумму прибыли, которая от них требуется, и исключает весь тот труд, который создавал бы, однако, удобное существование только рабочему. Однако в большем рабочий и не нуждается. Таким образом, на современной стадии развития общества накопление капитала задерживает производство, а следовательно, и увеличение народонаселения, расширение разделения труда, рост знания и препятствует росту народного богатства.

Понятие основной капитал включает некоторые из наиболее благородных изобретений человека, необходимых для успешного труда. Без машин и орудий рабочий мог бы выполнять лишь немногие операции, да и то весьма несовершенно. Без красящих веществ он не мог бы производить краски, а без угля он не мог бы плавить металлы. Машины, орудия, уголь, без сомнения, облегчают труд, но мы должны работать, чтобы их заготовить или получить. Что труд,

затраченный на их изготовление, облегчает последующее производство, этого никто не может отрицать. Но если признать, что все производится трудом, даже и капитал, то бессмысленно приписывать производительную силу орудиям, которые производятся и употребляются трудом. Всякий капитал производится и употребляется человеком, но, упуская из виду человека и приписывая производительную силу капиталу, мы принимаем за активную силу то, что является только порождением изобретательности человека и пассивным слугой его воли.

Среди составных частей капитала мы встречаем заработную плату или жизненные средства рабочего, но заработка плата не играет в производстве той роли, какую играют орудия. Так например, то, что хозяин бумагопрядильни выдает своим рабочим, эквивалентно ордеру на получение известного количества мяса или хлеба от живущих по соседству мясника или пекаря, и он погашает этот ордер, отдавая мяснику или пекарю известное количество хлопчатобумажных тканей. Если он выдает известное количество денег, то он, быть может, не получит этих денег непосредственно от мясника и пекаря, у которых его рабочие израсходуют полученные от него деньги, но эти деньги ему достанутся путем продажи тканей на рынке. Реальная заработка плата рабочего заключается не в деньгах, а в том, что рабочий покупает за деньги. Поэтому если капиталист, который владеет пивоваренным заводом и всеми орудиями и материалами, необходимыми для производства портера, оплачивает действительных пивоваров деньгами, которые он получил за свое пиво, причем последние покупают хлеб, тогда как рабочие-хлебопеки покупают портер за свою депенду заработную плату, которая достается собственнику пивоваренного завода, то не ясно ли, что реальная заработка плата каждой из этих групп рабочих состоит из продукции другой группы или что хлебом, изготовленным рабочими-хлебопеками, оплачивается пиво, произведенное рабочими-пивоварами? Но то же самое происходит со всеми другими товарами, и таким образом, трудом, а не капиталом, оплачивается всякая заработка плата.

Если предприниматель, который к тому же является хлопчатобумажным фабрикантом или пивоваром, а также и банкиром, снабжает всю окрестность бумажными деньгами, то вопрос становится еще более ясным. Он выдает тогда своим рабочим простое обязательство уплатить известную сумму, и, что следует помнить, большая часть того, что называется *авансированием* со стороны капиталистов, состоит из таких обязательств. Это простое обязательство признается мясником или пекарем в обмен за мясо или хлеб, те отдают это обязательство прасолу или мельнику, которые возвращают их обратно банкиру потому ли, что они являются клиентами этого банкира, или же, может быть, для перевода денег Лондон для оплаты ренты¹. Промышленный предприниматель

¹ Если бы изобретение и применение бумажных денег ничего не давало, кроме того, что оно обнаружило, что капитал отнюдь не представляет ничего-то сбережения, то уже этим самым оно сыграло бы важную роль.

имеет или деньги в форме монет, или бумажные деньги для выплаты заработной платы. Эту заработную плату его рабочие обменивают на продукт других рабочих, которые не сохраняют своей заработной платы ни в виде монет, ни в виде бумажных денег. Она возвращается обратно к промышленнику, дающему в обмен на нее сукно, которое произвели его рабочие. Он ее опять выдает в виде новой заработной платы, и монета или бумажные деньги снова начинают такой же круговорот. Я отрицаю, чтобы в заработной плате, в какой бы форме мы ее ни взяли, в виде ли запасов товаров или в виде денег в руках капиталиста, или в виде средств потребления рабочего, кто-нибудь мог видеть хотя бы малейшую часть той мощности, которая, подобно мощности орудий и машин, содействует производственному процессу, или облегчает его.

Если бы накопление капитала было источником богатства, то ввиду того что прибыль с оборотного капитала получается та-
кая же, как и с основного капитала, мы должны были бы заключить, что хлеб и мясо, которые рабочий ест, и платье, которое он носит, более того, даже джин, портер и табак, которые он потребляет в силу того, что капиталист разрешает ему их потреблять, и в силу того, что капиталист получает доход от предоставления рабочему этого права, — мы должны были бы заключить, что все это облег-
чает труд, подобно самым усовершенствованным и мощным маши-
нам, какие когда-либо были произведены искусственным мастерством и пакощенным знанием человека. За жалкую лачугу рабочего прядильщика или ткача, хотя вряд ли она доставляет запуганному и печальному жителю приют от суровостей погоды, собственник получает соразмерно такую же прибыль, как за пользование паровой машиной. Сказать, что в заработной плате заключается та-
кая же производительная сила, как в орудиях, потому что капи-
талист получает прибыль от них обоих, представляется мне ошиб-
кой, если не простым преувеличением. Если бы это делалось умыш-
ленно, то это заслуживало бы нашего строжайшего осуждения, ибо это ведет к оправданию присвоения капиталистом той боль-
шой части годового продукта, которую он теперь получает. Своему
лишь имуществу, служит ли оно для оплаты труда рабочих или же
оно состоит из полезных орудий, он приписывает те огромные
Пока капиталист должен был обладать действительным накоплением ценных металлов или товаров, чтобы реализовать свое богатство или распоряжаться трудом других людей, можно было полагать, что накопление капитала является будто бы результатом действительного сбережения, что от него зависит будто бы прогресс общества. Но когда были изобретены бумажные деньги и перга-
ментные облигации, и владелец только такого куска пергамента получал годовой доход в бумажных знаках, за что он приобретал все, что необхо-
димо было для его пользования или потребления, если он в конце года был богаче, чем в начале года, раз только он не затратил всех тех денежных знаков, или если он в следующем году имел право получить еще большее количество денежных знаков, что ему доставляло еще больше власти над продуктом труда, — тогда совершенно ясно стало, что капитал не представляет никакого сбережения и что индивидуальный капиталист богатеет не благодаря настоящему материальному сбережению, а благодаря тому, что он делает что-то такое, что дает ему возможность, по принятому обычаю, требовать больше из продукта труда других.

успехи, которые обнаруживает труд, благодаря знаниям и искусству, реализованным в машинах.

Я не собираюсь указывать на различные причины, которые, по моему мнению, привели к ошибочному пониманию экономистами вопроса о капитале, хотя правильно говорят, «что вскрыть корни ошибки, значит наполовину уничтожить ее», но общеупотребительный язык столь явно неправилен и ведет к столь многим заблуждениям, что я не могу это обойти совершенным молчанием. Например, мы говорим в неопределенных выражениях о ветряной мельнице, что она размалывает зерна, и о паровых машинах, что они производят работу многих миллионов людей. Это приводит к весьма неправильному взгляду на явления. Не орудия размалывают зерно и прядут пряжу, а труд рабочих, которые их делают, и труд тех рабочих, которые пользуются ими. Например, совместный труд мельничного мастера и почти бесчисленного множества других рабочих, изготавливающих для него орудия и материалы для постройки мельницы, или тех рабочих, которые доставляют эти орудия и материалы из отдаленнейших частей земли, — причем последние рабочие сами для этой цели пользуются всеми весьма сложными машинами, произведенными комбинированным трудом обширного количества лиц, — этот совместный труд в первую очередь строит мельницу. Затем уже трудом мельника в сочетании с различными орудиями, мельничными жерновами, решетами, мешками и т. д., произведенными другими рабочими при содействии силы ветра и свойств камня, обладающего большей твердостью по сравнению с твердостью зерна, зерно размалывается, просеивается и подготовляется для хлебопечения. Так комбинированный труд рудокопа, плавильщика, кузнеца, механика, истопника и множества других людей, а не мертвые машины, порождает то, что производится паровыми машинами. Раньше весь процесс прядения выполнялся руками, и, вероятно, прядильщик или жена прядильщика изготавливали с помощью ножа грубую прялку и веретено, которые в то время были единственными орудиями, применявшимися в прядении. Когда было изобретено прядильное колесо, то для изготовления ниток стал необходим совместный труд колесного мастера и прядильщика. Но это привело к производству при данном количестве труда гораздо большего количества пряжи по сравнению с тем количеством, которое производилось раньше. Впоследствии помощниками прядильщика стали те, кто производит паровые машины и приводит их в движение, те, кто производит мельмашины и прядильные станки. И этот руководимый знанием труд стал настолько более эффективным, чем первоначальный грубый способ прядения путем вращения между пальцами куска дерева, который, падая на землю, в силу своей собственной тяжести должен был вытягивать нитку, что теперь один человек в то же самое время может прядеть, вероятно, столько же ниток, сколько изготавлили раньше четыре или пять тысяч примитивных прядильщиков. Факт тот, что с естественным прогрессом общества искусство различных групп рабочих в сочетании с образованностью заменяет

менее искусный труд, и это просвещенное искусство производит бесконечно большее количество полезных товаров, чем тот грубый труд, который оно постепенно заменяет. Обычное понимание приписывает вытекающую из искусности рабочих производительную силу ее видимому продукту, орудиям, причем сами владельцы орудий, которые их не производят и не применяют, воображают, что они будто бы являются в высшей степени производительными людьми, в особенности, если они одновременно выступают, как рабочие, которые планируют труд рабочих, производящих и применяющих орудия, и руководят их трудом. По всей вероятности, экономисты были введены в заблуждение этими неправильными выражениями, и вследствие этого увеличение производительной способности, которое имеет своим источником рост знания и искусства во всем обществе, приписывали накоплению основного капитала.

Имеется еще другое очевидное заблуждение, которое приводит к бесмыслице и злоупотреблениям на практике, от чего я должен предостеречь читателя. Совершенно очевидно, что большая часть товаров, которые составляют капитал страны, ни в коем случае не может быть вывезена. Наиболее употребительные инструменты и орудия бесполезны без искусственных рук, и многие из них связаны с определенными помещениями или зданиями, которые не могут быть перемещены. Мастерские, магазины, усадебные постройки, конюшни, зернохранилища почти так же неподвижны, как сама земля. Они могут быть уничтожены, но их нельзя вывозить. Улучшение земли, осушка и удобрение представляют собой продукт человеческих рук, выполненный, законченный и непреложный. Другие работы могут сделать их бесполезными, но ни они, ни польза, которую они доставляют, не могут быть перевезены во Францию или в Америку. Мосты, улицы, каналы можно запустить, или дать им погибнуть, или их можно уничтожить; но никто не возьмет на себя труд доставить полученные таким образом материалы в Испанию или Бразилию. Самую важную часть оборотного капитала составляют предметы питания, которые мы вывозим и поэтому из них ничего не могло бы быть с выгодой отправлено в другие страны. Также и уголь, красящие вещества и другие сырье материалы не могут вывозиться в больших количествах, чем теперь. В общем указанные товары мы ввозим больше, чем вывозим, и из того, что мы вывозим, отправляется столько, сколько это выгодно. Таким образом ни одна часть капитала страны не может быть удалена или отправлена, кроме приобретенных полезных способностей трудящейся части общества и того, что они могут везти с собой, ибо некоторые орудия, как например корабли, легко перевозимы.

Люди могут быть изгнаны из своего отечества, и часто изгнались своевольными, притеснительными законами, религиозными преследованиями или политической тиранией и душащей и разорительной системой палогов. Но капитал никогда не изгоняется и не отправляется за границу, если не выселяются люди. Очевидной бесмыслицей является разговор о вывозе улиц, мостов, каналов и засеянных полей, и все же мы постоянно слышим предостерега-

ющие возгласы депутатов в парламенте, которые сами являются капиталистами или находятся с ними в союзе, об опасности, что эти вещи в виде капитала будто бы могут быть удалены из страны. Чтобы это предупредить, созданы, говорят, в нашей стране законы против рабочих союзов, которые в принципе так же отвратительны, как законодательство о рабах в Вест-Индии. Это может быть ярким примером тем, кто полагает, что они выиграют, если останется наша уродливая налоговая система, наши хлебные законы, англиканская церковь, наши вестиндские и остинские монополии; ведь они приписывают все несчастья страны требованию более высокой заработной платы, и они могут при своих эгоистических взглядах издавать законы, чтобы держать рабочих в узде. Я понимаю их мотивы, но я не понимаю того, как это их утверждениям верят все общество. В такое время, когда промышленность в нашей стране находится под чудовищным гнетом, вызванным социальными установлениями, приписывать тот факт, что наши промышленники иногда подвергаются конкуренции более дешевых товаров на внешних рынках, высокой заработной плате наших рабочих, равносильно тому, как если бы, упустив из виду влияние луны, мы стали приписывать приливы и отливы в океане стремительному впадению в него нескольких горных потоков.

Утверждая, что накопление капитала в руках тех лиц, которые не производят и не используют его, мешает прогрессу общества, я прошу не подозревать меня в том, что я не считаюсь с положением, что если бы капитал капиталиста не приносил прибыли, то не было бы ни мотива к сбережению, ни побуждения развивать промышленность и не было бы увеличения народного богатства. Я не прохожу мимо этого утверждения, но, ввиду того что я убежден в его важности, я не хочу поспешно и догматически его решать. Но так как процент на капитал может быть получен только из продукта рабочего, то очевидно, что утверждение, будто процент на капитал необходим для стимулирования сбережения и для развития промышленности, полностью расходится с другим утверждением, что напряженность труда и его умелость находятся в соответствии с его оплатой. Я понимаю, каким образом право присваивать себе продукт других лиц под именем процента или прибыли может служить стимулом к корыстолюбию, но я не могу понять, каким образом уменьшение вознаграждения рабочего в целях увеличения богатства праздных может привести к росту промышленности или ускорить развитие общественного богатства. Процент на капитал оказывал благотворное действие тогда, когда он стремился уменьшить власть феодальных лендлордов, которые были в свое время полновластными хозяевами всех рабочих-рабов в стране. Но было бы громадной ошибкой считать всеобщим законом природы то, что служило только для устранения или уменьшения особого вида узурпации.

Если мы рассмотрим принципы народонаселения с точки зрения наших настроений и если мы примем во внимание то, что происходит в пустынных местах Америки, то я думаю, что мы должны будем дать совершенно другое, отличное от обыденного, решение

вопроса о том, «развивалось бы общество или оно не развивалось бы, если бы не существовала прибыль на капитал». Первая точка зрения убедит нас, что весь продукт каждого рабочего необходим для прокормления его собственной семьи. Растить детей и заботиться о них представляет собой в общем достаточный мотив для трудолюбия рабочего. Когда родители занимаются развитием и воспитанием своих детей и обучают их известному ремеслу, то последние становятся рабочими, расширяют разделение труда, содействуют росту знаний, способствуют в свою очередь росту народонаселения и увеличивают годовой продукт общества. На современной стадии развития общества сбережения капиталистов потребляются, как это обыкновенно имеет место и у рабочих, подобно всякой другой части годового продукта, но, во-первых, проходя через руки капиталиста, последний значительную часть этих сбережений забирает себе, тогда как при других обстоятельствах эти сбережения оставались бы у рабочих и позволили бы им содержать большее количество семей, увеличивая, таким образом, разделение труда, чего нельзя сказать о размножении капиталистов. «Мотивы, содействующие сбережению, — говорит один из авторов в «Вестминстерском обозрении», — существуют совершенно независимо от того, происходит ли какое-либо увеличение самих сбережений». Я полагаю, поэтому, что родительские чувства являются основанием как для трудолюбия, так и для того воздержания от собственного потребления, которое позволяет человеку содержать семью и деляться с ней продуктами своего труда; и там, где надлежащим образом содержатся многие семейства, происходит рост народного богатства и народонаселения.

В действительности, утверждение, что капитал что-то сберегает, представляет собой горестное заблуждение. Многое из того, что составляет капитал, не предназначается для потребления и никогда не производится для удовлетворения какой-нибудь потребности. Когда дикарь нуждается в пище, он подбирает все то, что природа добровольно ему предлагает. Через некоторое время он открывает, что лук или прапца позволяет ему убивать диких животных на расстоянии, и он решает изготавливать эти орудия, кое-как прокармливаясь, пока он изготавливает эти предметы. Он ничего не сберегает, ибо это орудие было сделано не для потребления, хотя по своей природе оно более долговечно, чем мясоолея. Этот пример иллюстрирует то, что происходит на каждой стадии развития общества, с той только разницей, что в последующих стадиях различные работы выполняются различными лицами, причем одно лицо изготавливает лук или плуг, а другое убивает животное или вспахивает землю, чтобы доставить средства существования для производителя орудий и машин. Накалывать или сберегать товары, если речь идет не о коротком отрезке времени и некоторых особых случаях, можно только с помощью большого количества труда. В общем же полезность товаров от сохранения уменьшается. Так называемые сбережения капиталиста потребляются рабочим, и такой вещи, как действительное накопление товаров, не существует.

Я думаю, таким образом, что в сыновних чувствах мы можем найти лучшее обеспечение старости, чем могут дать какие-либо проценты по накопленным сбережениям. Во всяком случае рабочие должны всегда помнить, что проценты по сбережениям или капитал оплачиваются продуктом труда. Они дают им только власть над трудом их собственных потомков, которую, надеюсь, они могли бы иметь в результате их привязанности, если бы она не была исковеркана законом. Естественным и лучшим методом сбережения для обеспечения старости является воспитание, просвещение и обучение нашего потомства. В добровольной дани потомков, возвращающих своим родителям, когда последние не способны больше к труду, немного из тех авансов, которые родители предоставляют человечеству, вскармливая и воспитывая детей, старость найдет известные средства существования, исходящие из приятного источника. Те, кто под предлогом народного процветания хочет заменить эту привязанность парламентскими декретами и карами, подкрепленными социальными установлениями, скорее нужными для них самих, чем для престарелых, конечно, должны иметь больше доверия к законодательной власти, чем к мудрости природы.

Если мы обратимся теперь к девственным странам Америки, где семьи размножаются очень быстро, где большая часть того, что выращивается или производится, потребляется в самой семье, где за исключением городов ни одна часть годового дохода не сберегается и не отдается под проценты, где работники владеют большим имуществом и многими орудиями, которыми они пользуются для своей собственной выгоды, но где сравнительно мало работают для прибыли капиталиста, — то мы найдем, я думаю, подтверждение нашей точки зрения. В Соединенных Штатах более быстро происходит рост богатства, могущества и населения, чем в какой-либо из стран, где капитал накапливается в больших размерах. Зависит или не зависит прогресс общества от того, приносит ли капитал проценты, это представляет собой поэтому вопрос, который затрагивает чувства и частную жизнь отдельных лиц, и решение этого вопроса должно быть предоставлено нашим чувствам. Так как родители обыкновенно охотно делятся со своими детьми тем, что они производят, так как им присущи естественные стимулы к заботливому воспитанию своих детей и обучению их практическим ремеслам, то мы должны отсюда заключить, что независимо от желания приобрести власть над продуктами труда своих близких, независимо от вульгарного корыстолюбия или вульгарного тщеславия по отношению к тому, что называется продвижением в обществе, и независимо от подражания безрассудству и порокам тех, кто уже оседлал своих братьев, независимо также от всех градаций рангов и степени богатства, — существуют мотивы, которые непрерывно ведут к увеличению числа рабочих. По мере того, как растет их число, происходит увеличение как производства, так и потребления, и это все, что всегда содержится в понятиях накопления или роста народного богатства.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Я не считаю, что мне удалось исчерпать предыдущими замечаниями обширное содержание естественной науки о производстве богатства или даже слегка коснуться тех бесчисленных естественных условий, которые влияют на производство. Но я изложил читателю все то, что обычно упоминается в трактатах по политической экономии. Более того, я включил роль знания и пытался установить естественный источник его прогрессивного роста. Для того чтобы точно определить действие естественных принципов, проявляющееся в том, что они всегда порождают у нас соответствующие стимулы, мы должны тщательно отделить их от социальных установлений, также направленных на то, чтобы вызывать мотивы, которые, повидимому, оказывают почти такое же могущественное влияние на нашу судьбу, хотя и в направлении, противоположном законам природы. Из всех социальных установлений своеобразное право собственности, существующее во всякой стране, оказывает, вероятно, наибольшее влияние на производство. Я не подверг исследованию это право и его роль. Другие писатели были столь же робки и осторожны. Многие другие условия, на которые я уже отчасти указывал, точно так же совершенно не рассматривались. Я считаю поэтому политическую экономию наукой крайне несовершенной. Если бы были известны все естественные законы, управляющие нашим благосостоянием, если бы мы могли всегда определить, в какой степени наши невзгоды и благосостояние обусловлены естественными законами и в какой степени социальными установлениями, если бы всякая новая проблема могла быть удовлетворительным образом разрешена в тот же момент, как она только возникает, то среди наиболее выдающихся профессоров политической экономии не было бы больше никаких споров об основных принципах этой науки, и я полагаю, что эта наука могла бы преподаваться в школах подобно элементарной арифметике и, подобно арифметике, она не возбуждала бы больше таких яростных страсти у спорящих сторон. Но тогда эта наука не представляла бы собой ничего привлекательного для подрастающего поколения, которое должно стремиться к росту уровня знаний и никогда не может удовлетвориться скромной, незаметной ролью простого изучения того, что другие уже открыли и знают.

Моей главной задачей было изложить читателю прежде всего основы этой науки, отбирая затем только такие явления, которые отличаются единообразием и носят почти универсальный характер,

убедить его, что прогресс человечества во всей той обширной области цивилизации, которая относится к производству богатства, всегда определяется и регулируется естественными условиями, действующими на человеческий разум. Этот импульс, который люди получают от естественных условий, усиливается ли он или задерживается постановлениями законодателя, — это весьма большой вопрос, исследование которого было бы целесообразно для всех нас, но который я не берусь решать. Конечно, поскольку речь идет о производстве богатства, эти постановления представляют собой, повидимому, во всех случаях бремя неодинаковой тяжести, задерживая прогресс у всех народов, но у одних народов больше, а у других меньше. Является ли естественный принцип народонаселения, как я полагаю, главной причиной роста знаний, — это другой вопрос, который, без сомнения, заслуживает более тщательного и подробного исследования. Всеобщность и единобразие разделения труда заставляют нас предполагать, что оно вызывается естественным принципом, который непрерывно его расширяет и постоянно им управляет. Удалось или не удалось мне объяснить происхождение разделения труда и естественные причины его распространения, об этом должен судить читатель. В общем, хотя постановления законодателей фактически в значительной степени задерживают развитие разделения труда, законодатели, вообще говоря, притворяются, что они не оказывают какое-либо влияние на него, а между тем разделение труда со всеми своими обширными и зависящими от него явлениями образует, и оно призвано образовать, громадную отрасль естественной истории человеческого рода.

В главах о торговле и деньгах я пытался только наметить некоторые из этих, находящихся во взаимодействии, явлений, и я надеюсь, что мне удалось убедить читателя, что и торговля и деньги возникают естественным путем в ходе общественного прогресса и всегда, в особенности в начале своего возникновения, контролировались и регулировались естественными законами, хотя оба рода явлений, к великому несчастью для человечества, контролировались и регулировались также законодателем — человеком. Так как воля человека является той средой, через посредство которой действуют эти естественные законы, то в сравнительно неизменной стоимости благородных металлов, в больших изменениях их стоимости, которые происходили в определенные периоды на всем земном шаре и в сравнительно изменчивой стоимости других товаров, во всех явлениях, которые могут быть всегда объяснены действием общих законов, мы имеем доказательство, подтверждаемое выводами из множества других явлений, что, как бы ни казалась непостоянной воля отдельных лиц, воля и поведение человека составляют часть вселенской и управляемы подобно всякой другой ее части общими и определенными законами.

Мы никак не можем предположить или допустить, чтобы, в то время как капля воды падает на землю, перья носятся по воздуху или кровь течет в наших жилах под воздействием закона, распространяющего свое влияние на орбиты планет и управляющего их

движением, — чтобы в то же самое время мысль и воля людей, непосредственные причины их радостей и горестей, были изъяты из контроля всеобщих законов. Мы никак не можем поверить, чтобы изобретения честолюбивых гениев и успех, увенчивающий прилежный и постоянный труд, чтобы честолюбие, опустошающее мир, когда люди соглашаются быть его орудием, и улучшающее и украшающее этот мир, когда оно не находит пригодных слуг, или чтобы стремление к удовольствиям, которое при одной форме управления порождает трудолюбие, а при другой — не знающую пределов алчность, коротко говоря, мы никак не можем допустить, чтобы наши страсти и наши склонности или чтобы та могущественная сила, которую мы называем одним всеобъемлющим словом — человеческий разум, подвергались меньшему контролю всеобщих законов, чем падающая капля воды, перо, носящееся в воздухе, или красные кровяные шарики, от циркуляции которых зависят жизнь и интеллект человека. Вся система общественного производства должна, подобно солнечной системе, рассматриваться как часть вселенной, которую человек может изучать и знать, но которой он не может управлять. Человек может временами распространять благожелательные намерения своего создателя, по бедствиям, которые наступят, неизбежно убедят его в том, что он поступил неправильно. Правда, ему присуща высокая способность производить наблюдения над сложным и гармоническим целым, размышлять над ним и восхищаться этим целым, — способность, которая является результатом инстинктов и личной заинтересованности индивидуумов, но это целое, подобно сообществам пчел и муравьев, которые всегда были предметом восхищения натуралиста, происходит из более высокого источника, чем предусмотрительная мудрость человека. Подобно другим животным, человек действует под руководством безошибочных инстинктов. Но его спесивый рассудок и слабые познания также влияют на его поведение, и они гораздо чаще направляют его на ложный путь, чем руководят им. К чему эти инстинкты могут в конце концов привести, к какой совершенной стадии общества они приведут человечество, в какую обширную и благодетельную систему они должны в конце концов сами развиться — все это не может предвидеть и представить себе ни один человек, хотя бы его ум был таким же всеобъемлющим и пропицательным, как умы Бэкопа и Ньютона вместе взятое. Все это ни один человек не может предвидеть и представить себе, подобно тому как на заре человечества дикарь не мог предсказать, что современная система совместного производства, господствующая в обоих полушариях, возникла потому, что он и его жена под влиянием физического различия организмов и в целях удовлетворения своих собственных потребностей и потребностей своего потомства избрали различные занятия. Так как малейшая часть системы будет всегда, без сомнения, управляться и регулироваться той же самой рукой, которая расселила людей по земле и дала зародышу лесного дерева жизненную силу расти вверх, побеждая закон, господствующий над всей материей, то можно поверить,

что эта система будет столь же превосходна, как и породившая ее сила творца. Принципы, которые мы уже изложили, не ограничены временем и пространством, и мы можем поэтому также надеяться, что эта совершенная система стремится охватить все человеческое общество и распространиться по всему земному шару, причем, каковы бы ни были природные условия, из всех животных только человек, повидимому, к любым из них физически приспособлен, будь это суша или море, горы или равнина, будь это жаркий климат, как под экватором, или холодный, как у полюсов земли. Поэтому как часть великой системы вселенной и притом может быть как часть, вдвое более интересная, потому что действие этих законов еще не полностью развернулось, естественные законы, которые управляют прогрессом народонаселения и богатства, должны стать, подобно инстинктам пчел и муравьев или подобно движению планет, предметом разумной любознательности. Но когда мы добавок еще знаем, что от них зависит благодеяние человечества, то нельзя себе представить какой-либо вопрос, который в большей мере заслуживал бы наше безраздельное внимание.

Что существует еще большое различие взглядов даже в отношении принципов и основ политической экономии, этого нельзя отрицать. Но это обстоятельство, которое часто служит доводом для пренебрежительного отношения к этой науке, должно, как мне кажется, служить веским основанием для ее изучения. Она связана с близкими и наиболее дорогими интересами всех классов общества, близко затрагиваая дела и интересы всех людей: ее доктрины оказывают также в настоящее время значительное влияние на законодательство, воздействуя на все явления нашей жизни, и поэтому они должны быть освещены концентрированными лучами народного разума. Политическая экономия представляет собой естественную, а не политическую науку и не должна быть представлена исключительно государственным деятелям. Она возникает среди людей практики и не должна сводиться к бесплодным отвлеченностям. Нам приходится ежедневно активно признавать ее принципы и либо относиться к ним как к закону, которому следует повиноваться, либо мы должны руководствоваться ими в наших спорах. На них законодатели предполагают теперь сооружать свои установления и ими обосновано единственно разумное оправдание существующего общественного строя. Мы не можем поэтому признать, что мы не способны установить и поплыть естественные законы, управляющие прогрессом общества, не предоставляя тем самым известной группе лиц возможности толковать их в соответствии с их взглядами и интересами. И если мы не будем изучать этих законов, предпочитая слепое подчинение некоторым из наших собратьев, мы передадим им власть распоряжаться всем тем, что наиболее ценно в нашей жизни, а па основе всего нашего опыта мы знаем, что такой властью пользуются лишь, злоупотребляя ею. Если мне припадлежит какая-либо заслуга в том предприятии, которое привело к опубликованию этой книги, то заслуга эта состояла единственно в моем предположении, что члены Института

механики, точно так же как и другие люди, устроенные так же, как и они, и не обладающие исключительной монополией на гениальность или на знание, способны понимать любую доктрину, выдвигаемую философами, или всяческую истину, которую они могут открыть относительно всеобщего благодеяния. Это предположение не обмануло меня: лекции слушались с беспримерным вниманием, и я буду иметь полное основание поздравлять самого себя, если это предприятие или эта книга возведут у кого-нибудь желание изучить естественные законы, управляющие развитием народного богатства.

Чтобы показать более определенно тесную связь этих законов и политico-экономических доктрин с благосостоянием отдельных лиц, я позволю себе напомнить читателю о широко распространенной нищете и бедствиях, которые угнетают в настоящее время все трудящиеся классы нашей страны. Крестьянин, который производит так много хлеба, что его хозяин разоряется вследствие падения хлебных цен, не имеет средств, чтобы есть и одеваться. Ткач, который снабжает весь мир суконными товарами и чей хозяин берется за рискованные отважные предприятия, для того чтобы соблазнить дикарей потреблять его продукцию, погибает от голода и отсутствия одежды в самое суровое время года. В парламенте и вне парламента утверждают, что причиной нищеты рабочего являются бесчисленные преступления. Существующее право собственности — то *право*, которое отказывает рабочему в хлебе и одежде, для того чтобы те, кто не работает, пресыщались приторными яствами и одевались в шурпур и тонкое полотно, — нарушается ежедневно в ужасающих размерах, и его полное насилиственное ниспровержение, повидимому, дело недалекого будущего. Даже и те, кто не сочувствует страданиям других, испытывают тревогу за сохранение своего собственного благополучия. Может быть, нет ни одного человека в стране, — какое бы высокое положение он ни занимал и как бы аккуратно до сих пор он ни получал свои доходы, — который не чувствовал бы, что обеспеченность его собственности, счастье его семьи и его друзей, точно так же, как и сохранение наших национальных учреждений, — все это тесно связано с тем вопросом, будут ли широкие народные массы жить в нужде или в достатке. Такое ощущение возникает не на основе теоретических размышлений, оно переживается чаще, чем об этом говорят. Законодательная власть, правительство, судебные власти, земельные собственники, попечительства о бедных, крупные капиталисты поглощены, так сказать, постоянными заботами о том, как предотвратить нищету иликазать помощь беднякам, или же вопросом о наказании преступлений, к которым приводит нищета. С другой стороны, те, кто работает, чтобы поддержать свое существование, вынуждены надрываться в течение большей части дня, и многие из них видят, что чрезмерный труд едва доставляет им средства питания. Их сердца уже преисполнены недовольства и негодования против тех людей, которые быстро, без всякого исследования, готовы трактовать их судьбу как предопределение провидения. Безнадежная нищета, в которой находится теперь наше тру-

долюбивое и искусное население в связи также с постоянными призывами к его трудолюбию, прямо, без всяких окольных путей, ведет к препрежению правами других людей и даже к осмеянию справедливости прорицания, искореняя из их среды принципы честности и добродетели. Все классы общества глубоко заинтересованы поэтому в исследовании причин всеобщей бедности. Это волнующая тема для современного поколения, перед которой ввиду ее большой важности должны, кажется, умолкнуть пререкания партийных политиков и стущеваться жадность корыстных и нетерпимых фанатиков.

Одна часть мыслителей приписывает всеобщую бедность действию естественных и неизменных законов, другая часть считает ее всецело результатом социальных установлений. Но последние могут оказывать какое-либо действие, хорошее или плохое, только тогда, когда они получают силу от нашего согласия, и потому на нас ложит обязанность различать между действиями этих обеих причин и не называть предопределением прорицания те бедствия, которые мы сами себе причиняем своим почитанием людских предписаний и своим подчинением тем, у кого всеобщее благополучие составляет лишь удобный предлог для их собственного честолюбия. Человеческое общество не есть, подобно полку драгун или хлопчатобумажной фабрике, орудие, произведенное и управляемое человеком. Если бы всеобщее благополучие не было желательно тому, кто создал мир и управляет им, то законодатели не могли бы воздействовать на это благополучие, если же оно желательно ему, то их вмешательство бесполезно. Ясно поэтому, что благоденствие народов или человечества в целом не находится в сфере досягаемости человеческой воли и не представляет собой цель, которую могут осуществить человеческие силы, так как сам неизвестны даже средства, которыми оно должно осуществляться, и ни одно домогательство не представляется в принципе столь чудовищно иллюзорным и столь несправедливым в своих последствиях, как то, которое претендует на регулирование не только современных условий общественной жизни, но и будущих ее условий. Современные экономисты, которые далеки от того, чтобы подражать мудрому поведению своего учителя, принимают участие в этих безумных происках, и все претендуют на то, чтобы быть законодателями. Они создали поэтому дурную славу этой науке, принимая сторону тех, кто называл себя орудиями прорицания и громогласно провозглашал доктрину, что бедность рабочего составляет одно из его предназначений. Они посеяли, таким образом, сомнение в благости творца природы и распространяли убеждение в его доброте и справедливости, которое необходимо для нашего спокойствия и которое, повидимому, подкрепляется всеми остальными явлениями вселенной. Я придерживаюсь иного взгляда, чем они, и я уверен в том, что в увеличении знания и расширении разделения труда, что в этих естественных и необходимых последствиях увеличения народонаселения мы всегда находим возмещение или даже больше, чем возмещение, действия убывающего плодородия почвы, которое, по утверждению экономистов государственных деятелей, с ростом народонаселения увеличи-

вает трудности, связанные с производством средств существования. На такого рода предположении государственные деятели базируют необходимость своего вмешательства, а экономисты описывают современное распределение богатства как естественное явление, хотя это распределение является во всех своих частях явным насилием над тем естественным законом, который доставляет богатство труду, и только одному труду, и хотя это распределение поддерживается только вооруженной силой и системой жестоких и кровавых законов. Я придерживаюсь другого взгляда, который, я думаю, подтверждается в условиях нашей страны. Никогда наше население не было столь многочисленным и никогда его производительные силы не были так велики, как в настоящее время. С тех пор как наша промышленность освободилась от помех, вызванных войной, начались жалобы, что мы обладаем слишком мощными производительными силами. Рынки у нас и за границей были переполнены продуктами. В Польше и других пунктах земного шара скнила пшеница, и земля оставалась там необработанной потому, что трудящиеся Польши не находили потребителей для своей продукции, тогда как у нас возможность производства тех товаров, на которые производители пшеницы охотно обменивали бы свою пшеницу, была так велика, что производство часто ограничивалось или даже совсем прекращалось, и те, в чьих руках находилось это производство, погибали из-за нужды в той пшенице, которая гнила за границей. Поэтому бедствия, которые испытывает наш народ, и нищета, на которую мы часто жалуемся, вызываются не законами природы, а только некоторыми социальными установлениями, которые или не дают рабочему возможности проявить свою производительную способность, или же лишают его ее плодов. Я не могу поэтому присоединиться к политики-экономам, охотно клевещущим на природу, повидимому, для того, чтобы заставить нас почитать установления, введенные человеком. Все аргументы, выставленные ими в оправдание своей точки зрения, повидимому, основываются на результатах, которые порождены некоторыми социальными установлениями, причем эти результаты они провозглашают естественными законами. Они коротко останавливаются на основных принципах и выводят заключения, будучи знакомы лишь с половиной тех условий, на полном знании которых только и может быть основано правильное суждение. Законы, регулирующие производство богатства, представляют собой некую часть мироздания, в котором мы в общем всегда открываем благость в плаче и гармонию в исполнении, и я поэтому для выражения своего убеждения охотно пользуюсь словами г. Стоарта, «что как в нравственном, так и в материальном мире, чем глубже проникают наши наблюдения и чем они продолжительнее, тем больше мы постигаем порядок и цель во вселенной». Я поэтому не сомневаюсь, что наука политической экономии, которая вселяет в умы людей сомнение, отчаяние и ужас, если знание ее носит несовершенный характер, будучи полностью познана, будет составлять основу, выражаясь словами самого великого нашего поэта, «для оправдания путей бога перед человеком».

ПРЕДМЕТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ

А

Азия — стр. 45, 51, 54, 64, 94, 112, 117, 142, 143, 160.
Америка — стр. 9, 48, 50, 51, 52, 54, 55, 58, 59, 60, 61, 64, 80, 81, 82, 85, 92, 98, 103, 106, 113, 118, 120, 140, 146, 147, 151, 152, 153, 154, 160, 163, 187, 192, 205, 207.
Англия — 4, 23, 48, 50, 54, 63, 65, 82, 87, 89, 94, 99, 113, 117, 120, 121, 126, 127, 128, 140, 141, 142, 144, 146, 151, 164, 167, 172, 174, 177, 178, 180, 181, 182, 185, 191.

Б

Богатство — Б. и меновая стоимость, стр. 46—47. О цели потребления богатства, стр. 47—48. Б. и земля, стр. 57. Своеобразие развития богатства у различных народов, стр. 48—53, 104. Б. и природные условия, стр. 53—56. Б. и труд, стр. 56, 57, 58, 61, 72, 116, 118, 126, 145, 168. Критика воззрения, объясняющего рост народного богатства влиянием форм правления, стр. 59—60. Средства существования и материальные орудия как богатство, стр. 64. Б. и цивилизация, стр. 64. Б. и рост населения, стр. 64. Естественные и общественные факторы, влияющие на производство и распределение богатства, стр. 65—70. Оценка Годским современных ему исследований о производстве, и распределении богатства, стр. 66. Б. и изучение законов материального мира, стр. 79—86. Б. и рост знаний, стр. 100. Б. и рост средств сношений, стр. 102. Б. и торговое законодательство, стр. 104. Б. и собственность, стр. 105. Б. и разделение труда, стр. 104, 105, 130. Б. и рабство, стр. 128—129. Б. и потреб-

ности населения, стр. 153. Богатство отдельных лиц и богатство народов, стр. 161. Б. и деньги, стр. 161, 169. Развитие народного богатства и различие между естественной и социальной ценой, стр. 184—185. Б. и накопление капитала, стр. 195, 200—201. Б. и рента, стр. 199. Б. и налоги, стр. 199.

В

Великобритания — стр. 3, 47, 49, 50, 52, 55, 59, 60, 88, 94, 98, 103, 105, 107, 128, 143, 145, 151, 166. *Вест-Индия* — стр. 63, 141, 160, 206.

Война — Домашнее рабство и система завоеваний как причина гибели древних империй, стр. 63. Война среди варварских племен, стр. 413.

Г

Голландия — стр. 45, 48, 51, 52, 54, 61, 84, 106, 125, 141, 153, 154, 189, 191.

Государственная власть. — Г. в. и рабочие объединения, стр. 4. Призыны правительства к народному единению, стр. 4. Г. в. и заработка плата английских рабочих, стр. 4. Г. в. и коалиции в целях войны, стр. 4. Г. в. и производство, стр. 68. Г. в. и стимулирование тех или иных видов труда, стр. 74. Г. в. и торговля, стр. 128, 133, 149, 150, 175, 192. Г. в. и разделение труда, стр. 130—131. Г. в. и бедность, стр. 131. Г. в. и налоги, стр. 128, 139. Г. в. и денежное обращение, стр. 157, 158, 161, 163, 164, 179, 180, 182. Г. в. и кредит, стр. 155, 156, 170, 171, 174—179.

Д

Деньги — Д. как орудие обмена, стр. 116, 157, 158, 159, 160, 173. Д. и различие периодов производства товаров, стр. 135, 158, 159. Количество денег, необходимое для обращения, стр. 161, 162, 163, 168, 169, 178, 182. Бумажные деньги, стр. 155, 165, 169, 170, 173, 174, 177, 178, 179, 180, 182, 189. Отношение политической экономии к проблеме денег, стр. 157—158. Д. и государственная власть, стр. 157, 158, 161, 163, 164, 179, 180, 182. Д. и разделение труда, стр. 158, 159, 169. Д. как мерило стоимости, стр. 161, 162. Денежный материал в разные периоды истории в разных странах, стр. 159—160. Металлические деньги, стр. 159, 160, 161, 162, 164, 165, 168, 173, 174. Д. и богатство, стр. 161. Снижение стоимости благородных металлов, стр. 163, 189, 190, 191. Чеканка монет, стр. 164, 165, 166, 168, 169, 182. Порча монет, стр. 166, 170. Свобода торговли слитками благородных металлов и монетами, стр. 167—168. Д. и богатство, стр. 169. Д. и обмен, стр. 169. Польза, приносимая деньгами, стр. 169. Выполнение коммерческими векселями и долговыми обязательствами функций денег, стр. 172—173. Торговые бумажные деньги как орудие обращения, стр. 174. Монета как номинальное мерило стоимости, стр. 178. Количество денег в обществе и выпуск банкнот, стр. 178—179. Стоимость товаров и стоимость денег, стр. 189—190. Естественная цена денег и товаров, стр. 194.

Е

Европа — стр. 22, 45, 49, 50, 54, 55, 60, 61, 80, 81, 82, 84, 85, 87, 89, 103, 105, 106, 117, 120, 126, 127, 128, 140, 147, 163, 167, 169, 180, 182.

З

Заработная плата — Критерий оплаты труда, стр. 3. Борьба рабочих объединений за повышение заработной платы, стр. 3, 4, 6, 30, 32, 34. Сравнение заработной платы английского рабочего с оп-

латой раба и крепостного, стр. 3. Ввоз рабочей силы из Ирландии и понижение заработной платы английских рабочих, стр. 4. З. п. и требования капитала, стр. 5, 6, 27. З. п. и прибыль, стр. 5, 32. Доля рабочего в произведении продукта, стр. 7. Оплата труда деньгами, стр. 10. Грабеж капиталом справедливого вознаграждения изобретателя, стр. 19—20. Вознаграждение различных видов труда, стр. 27—28, 29. Смешение заработной платы работодателей с прибылью капиталистов, стр. 29. З. п. и распространение образования среди рабочих, стр. 33. З. п. и налоги, стр. 65. З. п. и оборотный капитал, стр. 199—200. З. п. и основной капитал, стр. 199—200.

Знание — З. и принцип народонаселения, стр. 81, 96, 102, 118. Естественные законы, управляющие прогрессом знания, стр. 92, 93, 95, 96, 97, 101, 102. З. и разделение труда, стр. 93, 95. Изобретения, стр. 94, 98, 99, 100, 102, 109, 126. Экономисты о влиянии знания на производительную способность, стр. 77, 78, 103, 104. З. и производительная способность, стр. 78, 79, 80, 86, 97, 102, 103. З. и увеличение богатства, стр. 100. З. и рост средств сношений, стр. 102. З. и социальные установления, стр. 104, 105. З. и развитие цивилизации, стр. 104. З. и рабство, стр. 128. З. и развитие общества, стр. 184—185. Рост знаний среди земледельцев, стр. 192.

Земля — Меновая стоимость земли, стр. 47. З. и предмет политической экономии, стр. 54. З. как фактор производства, стр. 7. Критика возведения, что земля — источник богатства, стр. 55—56. Экстенсивная обработка земли и повышение цен, стр. 189.

И

Индия — стр. 54, 84, 87, 94, 144.

Ирландия — стр. 4, 5, 23, 32, 77, 80—82, 98, 119—121, 192.

Испания — стр. 54, 55, 65, 128, 141, 150, 154, 191, 205.

Италия — стр. 50, 51, 54, 94, 103, 126, 147, 175.

К

Капитал — К. и оплата труда, стр. 5, 6. Ложность теории, обосновы-

вающей притязаний капитала, стр. 6. Присвоение капиталом значительной доли произведенного продукта, стр. 7. Об удивительных свойствах капитала, стр. 7, 18, 20. К. как существующий труд, стр. 36. К. и производительная сила труда, стр. 14. Производительный капитал и производительный труд, стр. 17. Грабеж капиталом справедливого вознаграждения изобретателя, стр. 19—20. Роль капитала в эпоху основания городов, стр. 20—21. Утечка капитала из страны и положение рабочих, стр. 30—32. Критика теорий о преиспользовании стран путем ввоза в них капитала, стр. 32—33. Производительность капитала как искусство труда, стр. 36. К. и рабочее население, стр. 37. К. и производство, стр. 37, 196. К. и теории сбережения капитала, стр. 37. Накопление капитала и производство богатства, стр. 92, 195, 200, 201. Проблема распределения и теория капитала, стр. 196. Теория капитала и законы, регулирующие производство, стр. 196. К. и народное богатство, стр. 199, 201. К. и заработка плата, стр. 199. К. и доход, стр. 199. Критика теории производительности капитала, стр. 199, 201.

Капиталист — Отсутствие у капиталиста товарного запаса для рабочих, стр. 9—15. Владелец денег, стр. 10. К. и труд рабочего, стр. 10, 15. Апологетические представления политической экономии о роли капиталистов в развитии прогресса, стр. 23. К. как посредник между рабочими, стр. 22, 23. Генезис власти капиталиста над рабочим, стр. 22. Политическая экономия о сбережениях, производимых капиталистами, стр. 23, 24. Положение капиталистов в обществе, стр. 25. Двойственная природа предпринимателей, стр. 30, 33.

Классовая борьба — Классовая борьба между капиталом и трудом, стр. 3, 21, 30, 33, 34, 35, 36.

Кредит — Кредитование капиталистами друг друга, стр. 10. Вексельный курс и операции купца, стр. 149. К. и государственная власть, стр. 155, 156, 170, 171, 174, 175, 176, 178, 179. Банкнотное обращение, стр. 169, 170, 173, 174, 175, 178, 179. Долговые обязательства,

стр. 171, 173—176. Вексельное обращение, стр. 171, 173, 176, 179. Торговые бумажные деньги, стр. 173, 174, 179—180. Примеры правительственный банков, стр. 174—175. К. и банки, стр. 174, 175, 180, 182. К. и разделение труда, стр. 175. Лондонская расчетная палата, стр. 177. Банковские бумажные деньги, стр. 177. Прибыль банков, стр. 177. Об условиях предоставления кредита отдельным лицам, стр. 179—180. Вред, приносимый обществу как государственными, так и торговыми бумажными деньгами, стр. 181.

Крестьянство — Система угнетения ирландского крестьянства, стр. 5. Борьба крестьянства с феодалами, стр. 21. Тяжелое положение крестьян в Европе, стр. 81, 192.

Л

Лендлорд — Присвоение лендлордами продукта труда рабочих, стр. 63, 119. Зависимость рабочего от лендлорда как зависимость пиншеты и рабства, стр. 130.

М

Меновая стоимость — Меновая стоимость земли, стр. 47. М. с. и труд, стр. 47. М. с. и богатство, стр. 46—47. М. с. и производительность труда, стр. 192.

Н

Налоги — Н. как источник существования праздных классов, стр. 62, 65. Н. и распределение продуктов, стр. 65. Н. и производство, стр. 65. Н. и естественное вознаграждение за труд, стр. 65. Н. и производительный труд, стр. 75. Н. и государственная власть, стр. 128, 139. Н. и развитие промышленности, стр. 163. Н. и бумажные деньги, стр. 169. Н. и народное богатство, стр. 199.

Население — Н. и капитал, стр. 36. Рост населения в различных странах, стр. 48—49, 50. Н. и производство средств существования, стр. 51. Деградация древних империй, стр. 51. Н. и производительная способность общества, стр. 52, 103, 118—123. Рост населения у дикарей и в цивилизованном обществе, стр. 53. Н. и природные

условия, стр. 53—54. Н. и общественный прогресс, стр. 60—61. Н. как естественный фактор, воздействующий на производство и распределение богатства, стр. 66. Н. и производительный труд, стр. 75. Н. и рост знаний, стр. 81, 96, 102, 118. Н. и разделение труда, стр. 80, 117, 118, 121—122. Н. и потребление, стр. 80, 97. Н. и естественный закон необходимости трудиться, стр. 97. Н. и плодородие почвы, стр. 98. Н. и распределение продуктов труда, стр. 101. Н. и апологетика существующего строя, стр. 101. Н. и развитие цивилизации, стр. 102. Н. и бедность трудящихся классов, стр. 118—119. Экономисты о связи между ростом населения и производством средств существования, стр. 119. Н. и расширение рынков, стр. 124. Н. и торговля деньгами, стр. 175. Н. и принцип убывающего плодородия почвы, стр. 186. Н. и усовершенствование ремесел, стр. 186—187.

0

Обмен — Экономисты об обмене, стр. 112—114. О. и разделение труда, стр. 115, 162. Взаимный обмен между рабочими, стр. 116—117. О. и территориальное разделение труда, стр. 125, 126, 140, 141, 149, 152. Взаимный обмен различных продуктов и комбинированный труд, стр. 133. О. и внешняя торговля, стр. 145. О. и государственная власть, стр. 146, 149, 150. О. и деньги, стр. 162, 169.

Общество — Объединение как принцип, на основе которого образуются общества, стр. 4. Ложность теории, что капитал и его накопление — движущая сила человеческого прогресса, стр. 5, 6, 23, 32—83. Человек и природа, стр. 20. О. переменах в строем общества мирным путем, стр. 34. Труд как фактор прогрессивного развития человечества, стр. 37. Критика теории о зависимости народного процветания от завоеваний, стр. 49. Дикие и цивилизованные народы, стр. 53, 58, 103, 106, 113. Французские экономисты об общественном порядке, стр. 59. Взаимодействие законов, управляющих человеком и всеми-

кой, стр. 61—62, 63, 64. Цивилизация и богатство, стр. 64. Универсальный характер законов развития общества, стр. 64. Подчинение человека общим естественным законам, стр. 95. Последовательность фаз исторического процесса, стр. 96. О. и развитие ремесел в древнем мире и в средние века, стр. 103. Развитие цивилизации и рост населения, стр. 103, 104.

Оборотный капитал — О. к. и запас товаров, стр. 9—15. О. к. и сосуществующий труд, стр. 9, 15, 21, 22, 37. О. к. и производительная сила труда, стр. 22. О. к. и прибыль, стр. 22. О. к. и производительная деятельность страны, стр. 22. О. к. и потребление, стр. 22.

Основной капитал — Составные части основного капитала, стр. 15. О. к. и труд рабочего, стр. 15—22. О. к. и прибыль, стр. 16, 22, 28, 29, 36. О. к. как средство приобретения власти над трудом, стр. 16. Наличие основного капитала во всех периодах истории человечества, стр. 16. О. к. и необходимые условия для существования основного капитала, стр. 19—20. Критика апологетического взгляния на основной капитал, стр. 20. О. к. и производительная деятельность страны, стр. 21, 22. О. к. и процесс производства, стр. 21. Высокая эффективность основного капитала, стр. 21, 22, 28.

Относительная стоимость — Относительная стоимость товаров и затрата труда, стр. 162. Факторы, определяющие относительную стоимость металлических денег, стр. 163.

II

Плодородие почвы — Как понятие относительное, стр. 54—56. П. п. и производительность труда, стр. 56. П. п. и рост народонаселения, стр. 98. Об убывающем плодородии почвы, стр. 185—186.

Политическая экономия — Защита экономистами существующего общественного строя, стр. 7—8, 20. Апологетический взгляд буржуазной политической экономии на капиталистов как на орудие цивилизации и прогресса, стр. 28. О необходимости охраны собственности, стр. 27. Предмет политической экономии в трактовке эко-

номистов, стр. 45, 46, 71. Предмет политической экономии, стр. 47, 48, 53, 58, 60, 68. П. з. и государственная деятельность, стр. 68.

Потребление — П. и оборотный капитал, стр. 21. Распределение и потребление, стр. 47. Цель потребления богатства, стр. 47—48. Проблема потребления исключается из политической экономии, стр. 48. П. и производительная способность человека, стр. 61. П. и торговля, стр. 136, 138. Потребности и богатство, стр. 153. П. и колебание цен, стр. 194.

Прибыль — П. и заработка плата, стр. 5—6, 33. П. как доля капиталиста в продукте страны, стр. 5. Критика взгляда, что прибыль обусловлена сбережением основного капитала, стр. 16. П. и капитал, стр. 22. П. как результат власти капиталиста над рабочим, стр. 22. Понижение нормы прибыли, стр. 24—25. П. и прогресс общества, стр. 25. Тенденция к равновеликой норме прибыли, стр. 26. Смещение заработной платы работодателей с прибылью капиталистов, стр. 29. Притягивание работодателя на всю прибыль как на вознаграждение за свой труд, стр. 29. П. и рабочие коалиции, стр. 30. П. и труд рабочих, стр. 47, 62. П. и производительный труд, стр. 76. Компенсация средней прибылью издержек на потери производства и риск, стр. 86. Прибыль торговцев, стр. 133, 139, 153, 154.

Производительный труд — П. т. и производительный капитал, стр. 12. Определение производительного труда, стр. 74—76, 135, 145.

Производство — П. и капитал, стр. 21, 196, 199. П. и несправедливое присвоение продукта, стр. 63. Естественные и общественные факторы, влияющие на производство богатства, стр. 65—68. П. и государственная власть, стр. 65, 68. П. и налоги, стр. 65. Теория о производстве и распределении богатства, стр. 67. П. и труд, стр. 72. Земля как фактор производства, стр. 107. Естественные законы производства, стр. 65, 70, 77, 104, 152. П. и роль торговца, стр. 153. Теория капитала и законы, регулирующие производство, стр. 496.

R

Рабочий — Происхождение рабочих

от крепостных и рабов, стр. 3, 10. Р. и государственная власть, стр. 3, 4, 30—32. Р. как производитель всего богатства общества, стр. 6.

Отсутствие товарного запаса у рабочего, стр. 9—15. Право рабочего на полный продукт своего труда, стр. 27—30, 37, 195. Р. и капитал, стр. 23, 24, 32—33. Овладение искусством изобретения, стр. 32. Присвоение продукции рабочих и нищета рабочего класса, стр. 25, 30, 34, 130, 196. Распространение образования среди рабочих и понижение стоимости их труда, стр. 33. Рост классового самосознания рабочих, стр. 33—36. Р. и собственность, стр. 35. Р. и их потребление, стр. 47, 81. Р. и налоги, стр. 62. Угнетение рабовладельцем рабочих в Вест-Индии, стр. 63. Голодание рабочих как законченный принцип рабства, стр. 76. Тяжелое положение рабочих в Европе, стр. 81. Бедность ирландских рабочих, стр. 81—82. Критика взгляда, что нищета объясняется естественными условиями, стр. 82. Р. и разделение труда, стр. 111, 130—131. Взаимный обмен между рабочими, стр. 117. Р. и рост производительной способности, стр. 122. Р. и принцип населения, стр. 122, 123. Политическое положение земледельческого рабочего, стр. 127. Бедность и социальные установления, стр. 130, 131.

Рабство — Заработка плата английского рабочего и оплата раба, стр. 3. Рабство в Англии, стр. 3. Р. и собственность в современном обществе, стр. 35. Домашнее рабство в древних империях, стр. 63. Рабский труд в Вест-Индии, стр. 63. Присвоение земли и рабство земледельческого рабочего, стр. 128. Р. и разделение труда, стр. 128, 129. Р. и прогресс знаний, стр. 129. Р. и народное богатство, стр. 129.

Разделение труда — Р. т. и индивидуальный труд, стр. 27. Р. т. и общий труд, стр. 27. Р. т. и народонаселение, стр. 80, 117, 118, 121, 122. Р. т. и прогресс знаний, стр. 93. Р. т. на стадии дикости, стр. 93, 106. Р. т. и изобретения, стр. 94, 109, 110, 123. Р. т. и производительная способность, стр. 94, 110, 130, 131. Разделение труда в ев-

ропейских странах, стр. 94. Р. т. и богатство, стр. 104, 105, 106, 130. Р. т. как характерная черта цивилизованного общества, стр. 106. Определение понятия разделение труда, стр. 107. Р. т. и физический труд, стр. 110. Р. т. и умственный труд, стр. 110. Р. т. и положение рабочего класса, стр. 111, 130—131. Источник и границы разделения труда, стр. 111, 115, 123, 124. Р. т. и социальные установления, стр. 111, 112, 131. Универсальный характер разделения труда, стр. 111, 112. Р. т. и семья, стр. 114. Р. т. и обмен, стр. 115, 163. Р. т. и наличие паразитических классов, стр. 116—118. Р. т. и способы связи, стр. 118. Р. т. и рынок, стр. 124. Р. т. в земледелии, стр. 124, 125, 126, 192. Р. т. между отдельными лицами, стр. 125 и 134. Территориальное разделение труда, стр. 113—129, 133, 134, 135, 140—145, 148. Р. т. и свобода, стр. 129. Р. т. и государственная власть, стр. 130. Экономисты о факторах, вызывающих разделение труда, стр. 130, 131. Р. т. и торговля, 125, 132, 134, 140, 153, 156. Р. т. и комбинированный труд, стр. 133. Р. т. и различие периодов производства товаров, стр. 136, 158, 159. Р. т. и издержки производства товаров, стр. 146. Р. т. и деньги, стр. 158, 169. Р. т. и развитие общества, стр. 185. Р. т. и естественная цена, стр. 186.

Распределение — Борьба рабочих объединений за долю продукта страны, стр. 30. Доля капиталиста и лендлорда в производимом продукте страны, стр. 7, 19, 20, 22. Доля рабочего в продукте страны, стр. 7, 27, 28. Р. и торговля, стр. 47, 139. Р. и труд, стр. 57, 62. Р. у дикарей и у цивилизованных народов, стр. 58. Естественные и общественные факторы, определяющие распределение продуктов труда, стр. 59, 65—69, 70. Несправедливое присвоение продукта труда и процесс производства, стр. 63. Р. и налоги, стр. 65. Р. и государственная власть, стр. 65. Оценка исследований о производстве и распределении богатства, стр. 66. Р. и принцип народонаселения, стр. 101, 121. Р. и капитал, стр. 196.

Рента — Определение ренты, стр. 6—7, 26. Присвоение получателями ренты продукта труда рабочих, стр. 24, 130. Р. и производительный труд, стр. 75. Р. и народное богатство, стр. 199.

Рынок — Понятие «размер рынка», стр. 115—116. Иллюстрация, разъясняющая сущность понятия рынок, стр. 116. Рынок на продукты промышленности, стр. 117, 118, 146. Р. и наличие паразитических классов, стр. 117. Р. и рост населения, стр. 124.

С

Соединенные Штаты Америки — стр. 45, 48, 49, 51, 55, 59, 61, 65, 87, 107, 110, 117, 151, 192, 208.

Собственность — Рабство как основа права собственности в современном обществе, стр. 35. С. у рабочих, стр. 35. С. и принципы справедливости, стр. 35. С. и труд, стр. 57. С. и народное богатство, стр. 104—105. С. и притязания рабочего на полный продукт труда, стр. 195—196. С. и производство богатства, стр. 196.

Средства сношения — С. с. и рост знаний, стр. 102. С. с. и разделение труда, стр. 120. Транспортная промышленность, стр. 135.

Стоимость — Неравновеликая стоимость товаров и изобретение денег, стр. 158, 159. Стоимость благородных металлов, стр. 163, 189 и 190. Воздействие неурожая на стоимость хлеба, стр. 163. Изменение стоимости суконных изделий в результате повышения производительности труда, стр. 163. Стоимость товаров и стоимость денег, стр. 189.

Т

Товар — Изобретение денег и различие периодов производства товаров, стр. 135, 158. Разделение труда и различие периодов производства товаров, стр. 135, 158, 159. Издержки производства товара и разделение труда, стр. 146. Неравновеликая стоимость товаров и изобретение денег, стр. 158, 159. Воздействие правительства на пропорции обмениваемых товаров, стр. 152. Т. как продукт труда, стр. 162. Стоимость товаров и стоимость денег, стр. 189, 190. Есто-

ственная цена денег и товаров, стр. 194.

Городская — Т. как распределение товаров, стр. 47. Торговое законодательство, стр. 65, 104. Т. и рост состояний в Англии, стр. 117. Свобода торговли в Англии, стр. 128. Отмена ограничений во внутренней торговле Франции, стр. 128. Т. и государственная власть, стр. 128, 133, 149, 150, 175, 192. Т. и разделение труда, стр. 129, 132, 133. Т. и политическая экономия, стр. 133, 149. Оптовая торговля стр. 133, 140, 153. Розничная торговля, стр. 133, 135, 137—140. Прибыль купца, стр. 133, 153. Внешняя торговля, стр. 133, 134, 144, 145, 149, 152. Внутренняя торговля, стр. 133, 134. Т. и транспортная промышленность, стр. 135. О пользе торговли для человечества, стр. 147, 148. Факторы, регулирующие деятельность купца, стр. 149, 150. Естественный характер происхождения торговли, стр. 149, 154. Т. и вексельный курс, стр. 149. Вопрос о свободе торговли, стр. 151—152. Т. и богатство, стр. 153. Т. и колебание цен, стр. 153—156. Т. и рост населения, стр. 154. Т. и равномерное распределение средств существования, стр. 155. Т. и налоговое обложение, стр. 155. Т. и колебание стоимости бумажных денег, стр. 155.

Труд — Уровень производительности труда в Англии, стр. 3. Искусственный труд рабочего как результат накопления знаний, стр. 12. Производительная сила труда и сосуществующий труд, стр. 14—15. Производительная сила труда и накопление оборотного капитала, стр. 14—15. Т. и реальная цена товара, стр. 24. Труд общий и труд индивидуальный, стр. 27—28. Причины, обуславливающие уровень производительной силы труда, стр. 28. Одинаковая ценность всех видов труда, стр. 28—29. Искусственный труд и производительные силы страны, стр. 30. Критика взгляда, что рабочие объединения приводят к удалению искусного труда из страны, стр. 31, 32. Искусственный труд и производительный капитал, стр. 36. Труд как фактор прогрессивного развития человечества, стр. 37. Производитель-

ность труда у дикарей и у цивилизованных народов, стр. 53, 58, 103, 106. Производительная сила труда и предмет политической экономии, стр. 53. Производительность труда и плодородие почвы, стр. 56. Силы и способности человека как предмет изучения политической экономии, стр. 56. Т. и право собственности, стр. 56. Т. и богатство, стр. 56, 61, 62. Естественные и общественные факторы, влияющие на производительную силу труда, стр. 59. Труд как закон человеческого бытия, стр. 97, 102, 103. Труд умственный и физический, стр. 72, 75, 76, 100, 101, 109. Естественный закон роста производительной способности, стр. 76. Влияние знаний на производительную способность, стр. 81, 83, 94, 97. Производительная способность и разделение труда, стр. 94, 110, 130, 131. Естественный закон необходимости трудиться и прогресс знаний, стр. 97. Искусственный труд и изобретения, стр. 100, 101. Т. и государственная власть, стр. 103—104. Рост производительной способности и тяжелое положение рабочего класса, стр. 118—119. Комбинированный труд и разделение труда, стр. 133—134. Комбинированный труд и взаимный обмен различными продуктами, стр. 133—134. Искусственный труд и взаимный обмен продуктами различных стран, стр. 149. Т. как единственное мерило стоимости, стр. 168. Т. как покупательное средство, стр. 184. Свобода труда и естественные издержки предметов необходимости, стр. 193—194. Рост производительности труда в производстве предметов необходимости, стр. 193—194.

Ф

Феодализм — Феодализм в Англии, стр. 20—21. Борьба крестьянства с феодалами, стр. 20—21. Капиталисты в эпоху феодализма, стр. 20—21.

Франция — стр. 32, 49, 71, 94, 99, 101, 126, 128, 141, 144, 147, 150, 166, 167, 180, 185, 191, 192, 205.

Х

Хлебные законы. — Вред, приносимый обществу хлебными законами,

стр. 24—25. Х. з. и положение рабочего класса, стр. 25. Х. з. и производство и распределение в Англии, стр. 65. Х. з. и хлебные цены, стр. 191.

Ц

Цена — Реальная цена товара и затрата труда, стр. 24. Воздействие естественных условий на цены предметов необходимости, стр. 67. Падение цены на чай, стр. 85. Снижение реальной цены товаров, стр. 85—86. Цена как индекс труда, стр. 84. Денежная цена и компенсация издержек, связанных с риском, стр. 85. Ц. и рост населения, стр. 97. Ц. и рост знаний, стр. 146. Ц. и внешняя торговля, стр. 146. Ц. и затрата труда, стр. 146, 194. Ц. и операции купца, стр. 149, 153, 155. Колебание цен в Англии XVII века, стр. 154. Неурожай и хлебные цены, стр. 162. Ц. и торговля, стр. 154, 155. Ц. и свободный выпуск банкнот, стр. 177. Ц. и количество денег, находящихся в обращении, стр. 177. Ц. и выпуск бумажных денег, стр. 179. Резкое колебание цен в Европе, стр. 182. Понятие «денежная цена», стр. 184. Естественная или необходимая цена,

стр. 184, 192—193. Социальная цена, стр. 189, 192, 193. Цены на продукты животноводства, стр. 186—187. Хлебные цены в Англии 1-й четверти XIX века, стр. 186. Ц. и экстенсивная обработка земли, стр. 187—188. Таблица средних денежных цен на пшеницу, стр. 190. Критика воззрения о неизбежном возрастании хлебных цен, стр. 191—192. Рост хлебных цен после 1792 г., стр. 191. Естественная тенденция и понижению цен на пшеницу, стр. 191—192. Сравнение цен на промышленные и земледельческие продукты, стр. 192. Цена на промышленные продукты не носит монопольного характера, стр. 192. Монопольный характер хлебных цен, стр. 192. Номинальная цена и соотношение спроса и предложения, стр. 193, 194. Снижение цен на хлопчатобумажные изделия, стр. 193. Денежная цена и естественная цена, стр. 193. Естественные издержки на предметы необходимости и свобода труда, стр. 193. Ц. как индекс потребностей общества, стр. 194. Ц. и потребление, стр. 194. Естественная цена денег и товаров, стр. 194.

УКАЗАТЕЛЬ ГЛАВНЕЙШИХ ИМЕН

- Александр Великий, стр. 94
Аркрайт, Ричард, стр. (Arkwright Richard, sir), стр. 19, 88, 403.
- Бергманн, Торберн Олаф (Bergmann), стр. 99
Бертоле (Claude Lois Berthollet), стр. 99
Блэк, Иосиф (Black), стр. 99
Борджиа (Borgia), стр. 100
Бурбони, стр. 152, 166
Бурджес, Генри (Burgess Henry), стр. 173
Бэкон, Фрэнсис (Bacon, Francis), стр. 99
Бюффон, Жорж Луи Леклер (Buffon), стр. 83
- Вильгельм Завоеватель, стр. 164
Гаргревс, Ричард, стр. 88, 89
Гарнье, Жермен, граф (Garnier, Germain, comte), 74, 160
Геккиссон, стр. 4, 182, 183
Гиббон, Эдуард (Gibbon), стр. 51
Гомер, стр. 160
Гумбольдт, Александр — Фридрих — Генрих фон (Humboldt Friedrich, Heinrich, Alexander von), стр. 55.
- Декарт, Рене (Descartes, René), стр. 70.
Диодор Сицилийский, стр. 87.
Елизавета, стр. 120, 121.
Кавендиш (Kavendish Henry), стр. 99.
Канаар (Canard, Nicolas), стр. 57
Каннинг, Джордж (Canning), стр. 115, 181, 182, 183
Карл II, стр. 101
Колумб, Христофор (Columbus, Christopher), стр. 99
Кромвель, Оливер (Cromwell, Oliver), стр. 100, 101
Лавуазье, Антуан Лорон (Lavoisier, Antoine Louront), стр. 99
Ленгдаун, стр. 4
Люттер, Мартин (Martin Luther), стр. 99
- Мак-Куллох, Джон Рамзей (Mac Culloch, John Ramsay), стр. 6, 7, 8, 45, 46, 56, 61, 77, 103, 107, 109, 118, 160, 166, 180, 198.
Мальтус, Томас Роберт (Malthus, Thomas Robert), стр. 42, 45, 443, 422, 186, 190.
Милль, Джемс (Mill, James), стр. 8, 13, 36, 138, 197, 198.
Наполеон I, стр. 100.
Ньютона, Исаак (Newton), стр. 99
Оуэн, Роберт (Owen, Robert), стр. 139
Прайс, Ричард (Price, Richard), стр. 24
Пристлей, Джозеф (Priestley), стр. 89, 99
Птоломей, Клавдий, стр. 70
Равенстон, Перси (Percy Ravenston), стр. 91
Ралей (Raleigh Walter), стр. 80, 82
Рикардо, Давид (Ricardo, David), стр. 6, 25, 26, 184, 185, 186, 191.
Свифт, Джонатан, стр. 120
Смит, Адам (Smith, Adam), стр. 9, 25, 28, 45, 48, 50, 52, 56, 59, 69, 71, 77, 78, 92, 93, 95, 97, 107, 109, 110, 112, 113, 114, 117, 124, 128, 135, 157, 159, 166, 180, 184, 185, 186, 187, 189, 190, 197.
Стюарт, Дугалд (Dugald Stuart), стр. 59.
Сей, Жан Батист (Say, Jean Baptiste), стр. 66, 77, 78, 79, 95, 160
Тук, Томас (Tooke, Thomas), стр. 185, 190
Турго, Анн Роберт Жак (Turgot, Anne Robert Jaques), стр. 161.
Уотт, Джемс (Watt, James), стр. 19, 21, 89, 91, 98, 99, 100, 102, 103.
Шторх, Генрих (Storch, Heinrich) стр. 78, 83, 114, 117, 124, 128, 129, 130, 160, 166, 168, 169, 170, 180, 181, 197.
Юнг, Артур (Young, Arthur), стр. 82
Юм, Давид (Hume, David), стр. 147

ОГЛАВЛЕНИЕ

	Стр.
Д. И. Розенберг, Социально-экономические возварения Годсона	III
ЗАЩИТА ТРУДА ПРОТИВ ПРИТЯЗАНИЙ КАПИТАЛА ИЛИ НЕПРОИЗВОДИТЕЛЬНОСТЬ КАПИТАЛА, ДОКАЗАННАЯ СОВРЕМЕННЫМИ ОБЪЕДИНЕНИЯМИ	
Примечание	2
Защита труда против притязаний капитала	3
ПОПУЛЯРНАЯ ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭКОНОМИЯ	
Предисловие	41
Введение	
Предмет и задачи политической экономии	
Разнообразие взглядов о полызе этой науки. — Обоснование ее определения. — Определение г. Мак-Куллоха. — Потребление исключается из политической экономии. — Д-р Смит ограничил эту науку производством и распределением. — Явления, рассматриваемые этой наукой, иллюстрируются ссылками на Соединенные Штаты Америки, Новую Голландию, европейский континент и древние империи Азии, а также сведениями о производительной способности дикарей и цивилизованного человека. — Земля и все другие физические условия, не присущие самому человеку, исключаются из этой науки. — Эта наука ограничивается рассмотрением труда, который производит все богатство; она охватывает все естественные и общественные условия, которые влияют на производство и распределение богатства, открывая первые и исследуя последние. — Д-р Смит только исследует, но не предписывает социальных установлений	45—71
Книга I	
ЕСТЕСТВЕННЫЕ УСЛОВИЯ, ОБАЗЫВАЮЩИЕ ВЛИЯНИЯ НА ПРОИЗВОДИТЕЛЬНУЮ СИЛУ ТРУДА	
Глава I	
Умственный и физический труд. Производительный труд	
Два вида труда: труд изучения законов материального мира и труд, направленный на применение средств, добытых этим изучением. — Иллюстрации к обоим видам труда. — Оба вида труда одинаково полезны. — Производителен всякий труд, который доставляет средства существования рабочему. — Противоположные мнения и практика	72—76
Глава II	
Влияние наблюдения и знания	
Экономисты по отмечали до самого последнего времени влияния знания. — Мионио г. Сэя. — Знание необходимо для человеческого существования. — Влияние знания в земледелии. — Пример	

оставления земли под паром и под травяными культурами. — Картофель. — Его воздействие на народонаселение, в особенности в Ирландии. — Источник улучшений в области земледелия. — Пшеница и другие зерновые злаки, не встречающиеся в диком состоянии. — Рост средств существования благодаря открытиям Бьюнельса в области консервирования селедок. — Увеличение производительных сил путем развития мореплавания, иллюстрированное на примере цены на чай. — Значение роста наших знаний в области магнетизма. — Экономические выгоды безопасной лампы. — Паровые машины. — Хлопчатобумажное производство. — Газовое освещение. — Есякое усовершенствование зависит от наблюдения. . . . . 77—96

Глава III

Естественные законы, управляющие прогрессом знания в обществе

Политико-экономы не занимались исследованием естественных законов, управляющих прогрессом знания. — Они не зависят исключительно от разделения труда, которому предшествуют изобретения и открытия. — Этот факт иллюстрируется Индостаном и другими странами. — Прогресс знания зависит от общих естественных законов. — Единоеобразие в прогрессе цивилизации. — Влияние необходимости, вызываемой ростом населения. — Иллюстрации из области земледелия. — Индивидуальный гений как результат общего прогресса. — Иллюстрация на примере жизни г. Уатта. — Физическая ловкость должна быть соединена с наблюдением. — Естественный и необходимый рост знания в связи с ростом населения. — Влияние форм правления на рост знаний . . . . . 91—105

Глава IV

Влияние разделения труда

Рост разделения труда — характерная особенность цивилизованного человечества. — Связь с производительной способностью в Англии, России и Соединенных Штатах. — Объяснение преимуществ разделения труда. — Сравнение производства гвоздей ручным способом и при помощи машин. — Дальнейшее разделение труда между существующими профессиями. — Все выгоды от разделения труда естественно принадлежат рабочим. — Оно имеет место при всякой форме политической организации и должно поэтому вытекать из какого-то естественного принципа. . . . . 106—112

Глава V

Причины, вызывающие и ограничивающие разделение труда

Разделение труда между полами. — Различие возрастом, талантами и склонностей. — Разделение труда возникает из различий в организации общества. — Дальнейшее разделение труда, вызываемое этой причиной по мере развития общества. — Оно не возникает из обмена. — Необходимость обмена. — Границы разделения труда. — Емкость рынка тождественна с численностью рабочих. — Разделение труда растет вместе с размножением человечества. — Д-р Смит придерживается аналогичного же мнения. — Это положение иллюстрируется Англией, Россией и Америкой усовершенствованными средствами сообщения. — Современное положение рабочего не может служить доказательством, что вместе с ростом населения его производительная способность

не возрастает. — Ирландия — очевидное исключение. — Все причины ее бедности сводятся к плохому управлению. — Изложенное вдоль доктрина не противоречит принципам г. Мальтуза ... 113—122

Глава VI

Территориальное разделение труда. Границы разделения труда, обусловленные природой занятий

Границы разделения труда, обусловленные природой различных занятий. — Они постоянно расширяются благодаря изобретениям и открытиям. — Границы разделения труда в земледелии зависят от территориального разделения труда. — Объяснение территориального разделения труда и иллюстрации. — Территориальное разделение труда возникает из естественных условий. — Обмен необходим для широкого развития территориального разделения труда. — Он не находится ни в какой связи с политическим делением мира. — Влияние земледелия на ограничение территориального разделения труда. — Разделение труда не является причиной бедности и вырождения рабочих. — Влияние социальных установлений на разделение труда. . . . . 123—131

Глава VII

Торговля

Торговля как вид занятий, подобный земледелию и промышленности. — Она не входит в состав политической экономии. — Дяды, разъясняющие пользу, которую приносят оптовые и розничные торговцы. — Внутренняя торговля как результат разделения труда между лицами, внешняя торговля как результат территориального разделения труда. — Естественные условия, обуславливающие возникновение розничной торговли. — Различия в природе товаров и во времени их производства. — Выгоды современного способа оплаты розничных торговцев. — Естественные условия, обуславливающие возникновение оптовой торговли. — Территориальное разделение труда необходимо или только выгодно. — Примеры. — Иллюстрации полезности торговли. — Она увеличивает количество профессий и способствует цивилизации. — Она является частью естественной системы производства и становится независимой от форм правления. — Ее выгоды не ограничиваются и не регулируются различиями политического характера. — Провинции Франции и Американских Штатов, которые некогда находились под властью нашей страны, в качестве примера. — Купцы необходимы для того, чтобы мы пользовались этими выгодами. — Принцип купли и продажи в целях барыша стремится предотвратить колебания в условиях жизни общества. — Торговцы как класс, отличный от спекулянтов и игроков . . . . . 132—150

Глава VIII

Деньги

Определение денег. — Естественные условия, приводящие к изобретению денег. — Различные предметы, применяемые в качестве денег. — Благородные металлы приняты теперь повсеместно. — Основания, по которым дается предпочтение благородным металлам. — Они являются естественными или универсальными деньгами. — Разница между деньгами и богатством. — Обстоятельства, определяющие стоимость благородных металлов и количество денег, находящихся в обращении. — Прави-

тельства не могут изменять ни стоимости денег, ни их необходимого количества. — Происхождение чеканки монеты. — Она не изменяет естественного соотношения стоимостей благородных металлов. — Мошенничества, практиковавшиеся правительствами при посредстве чеканки. — Деньги до мельчайших деталей регулируются естественными условиями и поэтому не нуждаются в регулировании правительствами. — Происхождение государственных бумажных денег из золота, которое они приносят. — Происхождение торговых бумажных денег. — Долговые обязательства и векселя. — Большое количество долговых обязательств и векселей, находящихся в настоящее время в обращении. — Преимущества этого вида денег. — Естественные условия, которые приводят к возвышению банкиров. — Их долговые обязательства составляют лишь незначительную часть торговых бумажных денег. — Преимущества банкнот. — Вред, который они приносят, обусловлен вмешательством правительства. — Размеры выпусков банкнот провинциальными банкирами. — Естественные условия контролируют бумажные деньги. . 157—183

Глава IX

Цены

Различие между денежной и естественной ценой и между естественной и социальной ценой. — Устанавливается и рассматривается возврата, что естественная цена возрастает с развитием общества. — Д-р Смит не придерживался этого возврата. — Хлеб как обработанный товар. — Количество труда, необходимое для производства хлеба, не увеличивается с развитием общества. — Цена на пшеницу не поднималась с ростом нашего населения. — В густонаселенных странах эта цена ниже, чем в других странах. — Воздействие спроса и предложения на естественную и денежную цену. — Денежная цена регулирует потребление и указывает наиболее производительную отрасль производства... 184—194

Глава X

Результаты накопления капитала

Обеспечение собственности и накопление капитала, как говорят, оказывают воздействие на производство. — Основания для того, чтобы не признавать первое, и для того, чтобы признавать последнее. — Определения капитала. — Капитал — это часть народного богатства, употребляемого ради прибыли, которую она приносит своему владельцу. — Капитал рассматривается с точки зрения трех видов условий. — Если он произведен и употребляется теми же самыми лицами, то он содействует производству. — Если он произведен одной группой рабочих и употребляется другой, которая присваивает себе весь продукт, то он содействует производству. — Если владельцы капитала не рабочие, то он препятствует производству. — Последнее явление присуще современному состоянию общества. — Различие между орудиями и заработной платой. — Обыденное словоупотребление — одна из причин господствующего заблуждения по поводу капитала. — Рассматривается вопрос, существовал бы какой-либо мотив для увеличения богатства, если бы не было процента на капитал. — Заключение. — Влияние политической экономии на наше благополучие. — Значение ее изучения. — Иллюстрация всеобщей бедности. — Бедность обыкновенно приписывается действию законов природы, но здесь она рассматривается как следствие социальных установлений. . 195—208
 Заключение . . . . . 209—215
 Указатель . . . . . 216—224